

СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Выпуск XXIX

ISSN 2411-1503

Министерство науки и высшего образования РФ
Алтайский государственный университет

СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Сборник научных статей

Выпуск XXIX

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

ISSN 2411-1503

УДК 902(571.150)(08)
ББК 63.48(2Рос-4Алт)я431
С689

Главный редактор:
А.А. Тишкин

Редакционная коллегия:
*В.В. Горбунов, С.П. Грушин, К.Ю. Кирюшин,
Д.В. Папин, Н.Н. Серегин, Т.С. Паршикова,
В.П. Семibrатов, Т.В. Тишкина, Я.В. Фролов*

С689 **Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края** [Текст] : сборник научных статей / гл. ред. А.А. Тишкин; Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2023. — Вып. XXIX. — 364 с.

Издание содержит статьи, подготовленные на основе материалов докладов XXIX Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Сохранение и изучение культурного наследия Алтая». Рассматриваются различные вопросы, связанные с проблемами изучения и сохранения памятников археологии, истории, архитектуры и этнографии, а также с использованием объектов наследия в музейной деятельности и в сфере культурного туризма.

УДК 902(571.150)(08)
ББК 63.48(2Рос-4Алт)я431

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ФИКСАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ, ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ, АРХИТЕКТУРЫ И ЭТНОГРАФИИ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>Бекетов А.В.</i> Новые объекты на археологической карте Баевского района	7
<i>Герасимов Ю.В., Загородникова Д.П., Здор М.Ю., Корусенко М.А., Павлов Д.Н.</i> ГИС «Сибирские оборонительные линии» как форма презентации объектов культурного наследия: опыт создания и перспективы развития	12
<i>Головченко Н.Н., Телегин А.Н.</i> Определение границ объектов археологического наследия в Усть-Калманском, Локтевском и Шипуновском районах Алтайского края: организация работ	22
<i>Дреер О.А., Целищева М.А.</i> Чугунный барельеф с изображением Акинфия Демидова из Алтайского краеведческого музея: экспонат с двухвековой историей	25
<i>Калашиников Д.С., Чекрыжова О.И.</i> Перстень с псевдогеральдической печаткой из собрания барнаульского музея «Город»	34
<i>Миляев Г.А., Белусов Р.В., Запрудский С.С., Леонов А.С., Рябцева К.Д.</i> Работы сектора археологии Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края в 2022 году (Россия)	38
<i>Пашкова А.Н.</i> Наследие Народного художника России Михаила Яковлевича Будкеева: 100 лет со дня рождения	42
<i>Пилипенко С.А., Головченко Н.Н.</i> Чугунные надгробия XVIII – 1-й половины XIX в. из музейных собраний Алтайского края и Новосибирской области (к вопросу о музеефикации надгробий и пополнении сведений о русской палеографии)	47
<i>Разволяев Д.О., Илюшин А.М.</i> Новые материалы по археологии Горной Шории	55
<i>Тадина Н.А., Ябыштаев С.С.</i> О проблеме сохранения нематериального культурного наследия в Республике Алтай	60
<i>Тихонов С.С.</i> Материалы об алтайских рудниках и культурное наследие русских Алтая	65
<i>Тишкина К.А.</i> Траурная неделя в Алтайской губернии по случаю смерти В.И. Ленина (1924 г.)	71
<i>Федорук А.С.</i> Новые памятники степной Кулунды	78
<i>Целищева М.А.</i> Две усадьбы барнаульского купца Г.В. Грязнова в Барнауле на ул. Бийской: история и современное использование	86
<i>Целищева М.А.</i> Новая находка архивных документов ставит под сомнение название и возраст памятника архитектуры в Барнауле	95

РАЗДЕЛ 2. РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Борисов В.А., Илюшин А.М., Сулейменов М.Г.</i> Каменные песты и зернотерки на комплексе археологических памятников Торопово-7 в Кузнецком Присалаирье	103
<i>Бородовский А.П.</i> Культурный комплекс, связанный с обрядом «тайылга» на нижней Катунь	109
<i>Бояринцева К.Е.</i> Раннесредневековые серьги в коллекции Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ	115
<i>Горбунов В.В.</i> Начальный этап освоения степей населением Лесостепного Алтая	119
<i>Дашковский П.К.</i> Результаты радиоуглеродного датирования кургана афанасьевской культуры №4 из могильника Инской дол	128
<i>Здор М.Ю., Павлов Д.Н.</i> Коллекция предметов, полученных при аварийно-спасательных раскопках грунтового могильника «Бывшее кладбище Бутырского форштадта Омской крепости» в г. Омске в 2018–2019 гг.	133
<i>Кардаш О.В., Шмидт А.В.</i> «Дар Харону»: использование персидских монет в погребальной практике могильника Священная Кедровая Роща	141
<i>Кобзев В.Л., Кунгуров А.Л.</i> Археологический микрорайон Малая Речка: поселение Калинино-I	147
<i>Ковалевский С.А.</i> Использование мотива «тройной зигзаг» в орнаментации ирменской посуды	152
<i>Кунгуров А.Л.</i> Комплекс археологических памятников на р. Машинке (Змеиногорский район Алтайского края)	159
<i>Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф.</i> Исследование многослойных разнокультурных комплексов Верхнего Причумышья: памятники в урочище Куюк (Широкий Лог-I-II, Куюк-III-V, Октябрьский-I)	168
<i>Леонова Н.В., Пилипенко С.А.</i> Краткие результаты исследования погребений монгольского времени из кургана №8 могильника Песчаный-I в Ростовской области РФ	173
<i>Марсадолов Л.С., Савко И.А.</i> Об одном сосуде андроновской культуры из Красного Яра в Предгорьях Алтая (форма, технология и семантика)	181
<i>Онников А.В.</i> Каменные изделия из археологических памятников юго-западных районов Алтайского края: петрографические наблюдения	190
<i>Пилипенко С.А., Ломейко П.В., Скарбовенко В.А.</i> Случайная находка бронзового навершия булавы золотоордынского периода в Самарской области	198
<i>Рудомётов П.Л., Кирюшин К.Ю., Тишкин А.А.</i> Поселение елуинской археологической культуры в пойме Оби у с. Киприно (Алтайский край)	205

<i>Серегин Н.Н., Демин М.А., Радовский С.С.</i> Восточная группа объектов раннескифского времени комплекса Карбан-I (Северный Алтай)	211
<i>Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С.</i> Редкие категории предметного комплекса из объектов жужанского времени некрополя Чобурак-I (Северный Алтай)	218
<i>Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Радовский С.С.</i> Погребение позднескифского времени из Северного Алтая	226
<i>Тишкин А.А.</i> Рентгенофлюоресцентный анализ случайных находок с территории Павловского и Новоогорьевского района Алтайского края	233
<i>Тишкин А.А., Бондаренко С.Ю.</i> «Оленные» камни, использованные тюрками: новый взгляд на сохранившиеся изображения (по материалам Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН)	239
<i>Тишкин А.А., Киреев С.М.</i> Рентгенофлюоресцентный анализ металлических изделий для конского снаряжения из памятников бийкенской культуры (фонды Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина)	247
<i>Цэнд Д.</i> Раскопки курганов монгольского времени у горы Яшил в 2022 году (Северная Монголия)	254
<i>Эрдэнэпурэв П.</i> «Оленный» камень в Краеведческом музее Улзийт сомона Архангайского аймака (Монголия)	259

РАЗДЕЛ 3. МУЗЕИ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА. К 200-ЛЕТИЮ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

<i>Абрамова Ю.А., Емельянов Д.В.</i> Опыт реализации внемузейных проектов Алтайского государственного краеведческого музея (на примере выставки «Алтайский край. Взгляд сквозь время»)	263
<i>Айтқұл Х.А., Митько О.А., Умиткалиев У.У.</i> Казахстан в эпоху бронзы: история формирования археологической коллекции Центрального государственного музея Республики Казахстан	270
<i>Алексеева В.Е.</i> Формирование антропологических коллекций из памятников сродкинской культуры Лесостепного Алтая в Алтайском государственном университете	277
<i>Головеева С.В.</i> Коллекция почтовых марок в собрании Алтайского государственного краеведческого музея	282
<i>Калинина Н.В.</i> Элементы интерактивности в культурно-образовательной деятельности Историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское»	289
<i>Кучина Е.В.</i> Личные архивные фонды сотрудников АГКМ	296

<i>Лихачева О.С.</i> Вотивные бронзовые клевцы из фондов Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки	305
<i>Пашкова А.Н.</i> Коллекции археологических находок в АГКМ из раскопок В.А. Могильникова памятников пазырыкской культуры	311
<i>Радовская Е.А.</i> Археологическое собрание Алтайского государственного краеведческого музея: основные результаты научно-фондовой работы за 2018–2022 гг.	316
<i>Росляков С.Г., Шуклина Ю.К.</i> От лопаты до Айпада. Коллекция бронзового литья с культового места у с. Верх-Сузун (опыт музейной презентации)	324
<i>Савченко П.В.</i> Эволюция темы «Сибирская ссылка В.И. Ленина» в экспозиционно-выставочной деятельности музея-заповедника «Шушенское»	328
<i>Тишкин Ал.Ал.</i> Пазырыкские щиты в музеях Алтая	335
<i>Тишкина Т.В., Тишкина К.А.</i> Выставки в Барнауле, посвященные 100-летию со времени образования Союза Советских Социалистических Республик	342
<i>Филиппова О.Г.</i> Археология в краеведческом музее: современные подходы к презентации наследия Алтая	350
<i>Шорина Д.Е., Мантурова А.С.</i> Рекреационно-образовательный потенциал деятельности частных музеев г. Барнаула	356
Список сокращений	362

РАЗДЕЛ 1. ФИКСАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ, ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ, АРХИТЕКТУРЫ И ЭТНОГРАФИИ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Научная статья / Article

УДК: 902.26(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.01

НОВЫЕ ОБЪЕКТЫ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ БАЕВСКОГО РАЙОНА

Александр Васильевич Бекетов

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье содержатся результаты археологической разведки, проведенной степным отрядом Алтайского государственного педагогического университета под руководством автора статьи с 1 июля по 30 августа 2020 г. В ходе разведочных работ на территории Баевского района Алтайского края были выявлены три курганные группы, не обнаруженные предыдущими археологическими разведками. Были проведены визуальная оценка выявленных памятников, измерение и описание их метрических данных, описание объектов по данным GPS-координатора. Было проведено также обследование выявленных памятников с точки зрения гидрографии и рельефа местности. Выявленные памятники получили название Башлыки-1, Ситниково-3, Рыбные Борки-2.

Ключевые слова: археология, разведка, курган, курганные группы, степь, лесостепь, Алтайский край, Баевский район

Для цитирования: Бекетов А.В. Новые объекты на археологической карте Баевского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 7–12. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.01

NEW OBJECTS ON THE ARCHAEOLOGICAL MAP OF THE BAYEVSKY DISTRICT

Alexandr V. Beketov

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. This article presents the results of archaeological reconnaissance, conducted by the steppe detachment of Altai State Pedagogical University led by the author of the article, from July 1 to August 30, 2020. During the reconnaissance work on the territory of the Bayevsky district of the Altai Territory, three barrow- groups were identified that had not been discovered by the previous archaeological reconnaissance. A visual assessment of the identified sites, measurement and description of their metric data, description of the objects according to the GPS-coordinator were carried out. A survey of the identified sites was also conducted from the point of view of hydrography and landscape of the surveyed area. The identified sites were named Bashlyki-1, Sitnikovo-3, Rybnye Borki-2.

Keywords: archaeology, reconnaissance, barrow, barrow group, steppe, forest-steppe, Altai Territory, Bayevsky district

С 1 июля по 30 августа 2022 г. Степным отрядом АлтГПУ под руководством автора была проведена археологическая разведка в окрестностях с. Ситниково Баевского района Алтайского края, целью которой являлось выявление новых курганных групп.

В ходе полевой работы широко применялся метод опроса местного населения. Опрашиваемый Василий Иванович Бекетов, работник местного фермерского хозяйства, получив от нас данные о внешних характеристиках курганных групп, сообщил о том, что в окрестностях с. Ситниково находятся три объекта, по внешним характеристикам напоминающих курганные группы. Полученная информация о местоположении предположительных курганных групп была проверена с помощью реестров археологических памятников Баевского района и статей по теме археологических исследований в Баевском районе (Телегин, 2018; Кирюшин, Удодов, Шамшин, 1990, с. 100). Данная проверка позволила определить, что на территории Баевского района находятся 25 официальных памятников археологии: 18 курганных групп, одиночный курган и шесть поселений (Брусник, 2010, с. 90). Было определено, что описание предполагаемых курганных групп не совпадает с описанием ни одной из обследованных предыдущими археологическими разведками курганных групп. Маршрут экспедиции спланирован не был. Выезд на памятники осуществлялся точно.

Объект 1. Визуальный осмотр первого объекта позволил подтвердить наличие в 7 км к северо-западу от с. Ситниково курганной группы, состоящей из четырех курганов, расположенных цепью северо-восток — юго-запад на территории пашни (рис. 1).

Курган №1. Самый юго-западный в группе. Географические координаты по GPS-координатору: N 53° 11' 14, E 80° 52' 54. Южная сторона насыпи подверглась распашке, остальная ее поверхность хорошо задернована, на ней отчетливо читается грабительская воронка в центре насыпи. Размер насыпи: диаметр около 21 м, высота около 0,7 м.

Курган №2. Расположен в 180 м к северо-востоку от кургана №1. Географические координаты по GPS-координатору: N 53° 11' 17, E 80° 53' 02. Южная сторона насыпи подверглась распашке, остальная ее поверхность хорошо задернована, на ней отчетливо читается грабительская воронка в центре насыпи. Размер насыпи: диаметр около 22 м, высота около 0,5 м.

Курган №3. Расположен в 45 м к северо-востоку от кургана №2. Географические координаты по GPS-координатору: N 53° 11' 18, E 80° 53' 04. Южная сторона насыпи подверглась распашке, остальная поверхность хорошо задернована, на ней отчетливо читаются две грабительские воронки, расположенные в 0,5 м от центра насыпи к востоку и западу. Размер насыпи: диаметр около 11 м, высота около 0,5 м.

Курган №4. Расположен в 50 м к северо-востоку от кургана №3. Географические координаты по GPS-координатору: N 53° 11' 19, E 80° 53'. Поверхность насыпи хорошо задернована, на ней отчетливо читается грабительская воронка в центре насыпи. Размер насыпи: диаметр около 30 м, высота около 0,6 м.

Нами также были исследованы данные дистанционного зондирования земли по снимку со спутника от 9 октября 2009 г., что позволило выявить наличие шести распаханных курганных насыпей к западу и двух распаханных курганных насыпей к северу от ранее обнаруженной курганной группы. Насыпи курганов полностью распаханы, вскрыты их глиняные линзы.

Данная курганная группа получила название Башлыки-1 в честь урочища Башлыки, в 1 км к востоку от которого она находилась. Учитывая внешние характеристики данного памятника, его можно предположительно отнести к раннему железному веку или бронзовому веку.

Объект 2. Визуальный осмотр второго объекта позволил подтвердить наличие в 7 км к северо-северо-западу от с. Ситниково курганной группы, состоящей из четырех курганов, расположенных цепью север-юг на территории пашни (рис. 2).

Курган №1. Самый северный курган в группе. Географические координаты по GPS-координатору: N 53.232729, E 80.963198. Поверхность земляной насыпи хорошо задернована, она подвергается опашке. Размеры насыпи: диаметр около 16 м, высоту определить не удалось.

Курган №2. Расположен в 112 м к югу от кургана №1. Географические координаты по GPS-координатору: N 53.231713, E 80.963498. Земляная поверхность насыпи распахана. Измерить размеры курганной насыпи не удалось.

Курган №3. Расположен в 78 м к югу от кургана №2. Географические координаты по GPS-координатору: N 53.231019, E 80.963553. Земляная поверхность насыпи распахана. Измерить размеры курганной насыпи не удалось.

Курган №4. Расположен в 55 м к юго-юго-востоку от кургана №3. Географические координаты по GPS-координатору: N 53.230845, E 80.964305. Земляная поверхность насыпи распахана. Измерить размеры курганной насыпи не удалось.

При визуальном осмотре местности был выявлен только курган №1. Курганы № 2–4 были обнаружены в результате обследования данной местности с помощью космоснимка от 9 октября 2009 г. Памятник получил название Ситниково-3. Учитывая его внешние характеристики, его можно предположительно отнести к раннему железному веку или бронзовому веку.

Объект 3. Визуальный осмотр объекта позволил подтвердить, что на расстоянии 13,5 км к северо-западу от села Ситниково находится не описанная ранее курганная группа из трех курганов, расположенных цепью север-восток — юго-запад на территории пашни (рис. 3).

Курган №1. Самый западный в группе. Географические координаты по GPS-координатору: N 53.165931, E 80.744810. Поверхность насыпи хорошо задернована, подвергается опашке. Размеры: диаметр около 20 м.

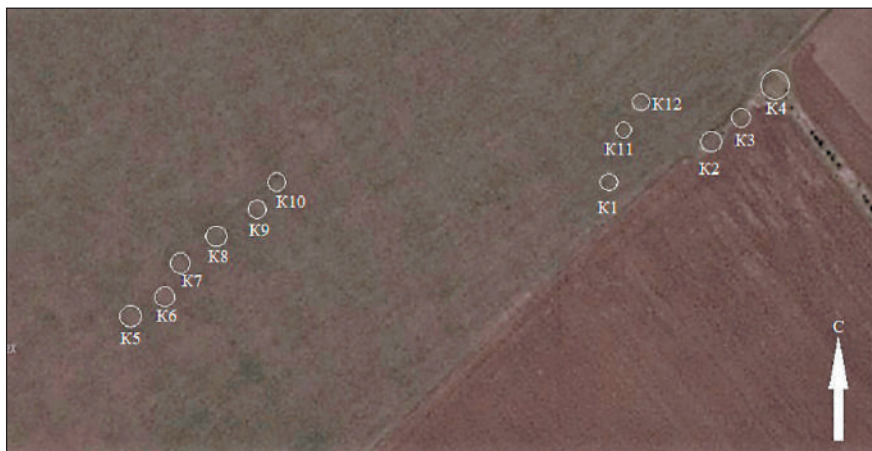

Рис. 1. План курганной группы Башлыки-1
Fig. 1. The plan of the Bashlyki-1 barrow group

Рис. 2. План курганной группы Ситниково-3
Fig. 2. The plan of the Sitnicovo-3 barrow group

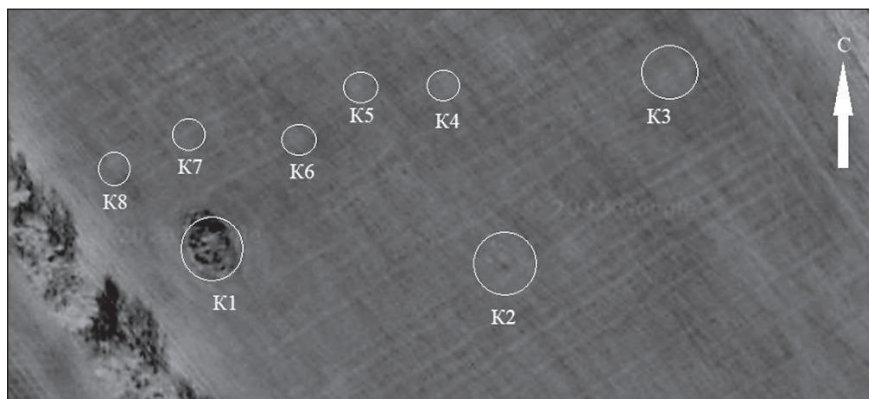

Рис. 3. План курганной группы Рыбные Борки-2
 Fig. 3. The plan of the Rybnye Borki-2 barrow group

Курган №2. Расположен в 122 м к востоку от кургана №1. Географические координаты по GPS-координатору: N 53.165852, E 80.746625. Земляная поверхность насыпи полностью распахана. Определить размеры насыпи не удалось.

Курган №3. Расположен в 100 м к востоку от кургана №2. Географические координаты по GPS-координатору: N 53.166571, E 80.747650. Земляная поверхность насыпи полностью распахана. Определить размеры насыпи не удалось.

Курган №4. Расположен в 95 м к западу от кургана №3. Географические координаты по GPS-координатору: N 53.166550, E 80.746289. Земляная поверхность насыпи полностью распахана. Определить размеры насыпи не удалось.

Курган №5. Расположен в 35 м к западу от кургана №4. Географические координаты по GPS-координатору: N 53.166559, E 80.745769. Земляная поверхность насыпи полностью распахана. Определить размеры насыпи не удалось.

Курган №6. Расположен в 32 м к западу от кургана №5. Географические координаты по GPS-координатору: N 53.166352, E 80.745370. Земляная поверхность насыпи полностью распахана. Определить размеры насыпи не удалось.

Курган №7. Расположен в 47 м к западу от кургана №6. Географические координаты по GPS-координатору: N 53.166315, E 80.744614. Земляная поверхность насыпи полностью распахана. Определить размеры насыпи не удалось.

Курган №8. Расположен в 26 м к западу от кургана №7. Географические координаты по GPS-координатору: N 53.166247, E 80.744249. Земляная поверхность насыпи полностью распахана. Определить размеры насыпи не удалось.

При визуальном осмотре местности удалось обнаружить лишь курган №1. Курганы 4–8 были обнаружены при обследовании данной местности с помощью космоснимка от 9 октября 2009 г. Учитывая внешние характеристики данного памятника, его можно предположительно отнести к раннему железному веку или бронзовому веку.

Этот памятник получил название Рыбные Борки-2.

При попытке связать расположение курганных групп с данными гидрографии района было выявлено, что цепи курганных групп Башлыки-1 и Рыбные Борки-2 имеют ориентацию северо-восток — юго-запад, параллельную бассейну реки Кулунды, протекающей севернее описываемых курганов, а также параллельную линии водораздела между бассейном реки Кулунды и озеро-болотным комплексом, включающим в себя озеро Мостовое, Чернаково, Лотошное, Ситниково и др. Курганная группа Ситниково-3, в отличие от двух других, расположена цепью в направлении север-юг, на основании чего можно выдвинуть предположение об инокультурном происхождении данной курганной группы относительно курганных групп Башлыки-1 и Рыбные Борки-2.

Список источников

Брусник Н.Д. Неизвестные страницы истории / под ред. Г.Е. Сычевой. Барнаул, 2010. 117 с.

Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С., Шамшин А.Б. Баевский район: памятники археологии // Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая. Барнаул, 1990. С. 100–105.

Телегин А.Н. К археологической карте Баевского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2018. Вып. XXIV. С. 34–36.

Информация об авторе / Information about the Author

Александр Васильевич Бекетов, Алтайский государственный педагогический университет, институт истории, социальных коммуникаций и права, студент; 656055, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; sasha.beketov.2004@bk.ru

Alexandr V. Beketov, Altai State Pedagogical University, Institute of History, Social Communications and Law, student; 656055, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61; sasha.beketov.2004@bk.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903(571.1/.5)

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.02

ГИС «СИБИРСКИЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ ЛИНИИ» КАК ФОРМА ПРЕЗЕНТАЦИИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ОПЫТ СОЗДАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Юрий Викторович Герасимов, Дарья Петровна Загородникова, Максим Юрьевич Здор, Михаил Андреевич Корусенко, Дмитрий Николаевич Павлов
Омский научный центр СО РАН, Омск, Россия

Резюме. В статье представлена созданная авторами историко-просветительская геоинформационная система «Сибирские оборонительные линии». В основу разработки легли результаты архивных, библиографических и натуральных исследований. На первом этапе объектом исследований стала Тарская дистанция Новой Ишимской линии,

расположенная в современных границах Омской области. В публикации лаконично охарактеризованы основные этапы и результаты изучения пограничных линий Сибири. Показаны основные предпосылки и краткая история строительства укреплений на границе Российской империи и мира степных кочевников. Описаны структура, содержание и основной функционал созданной ГИС, намечены перспективы ее развития.

Ключевые слова: Сибирские оборонительные линии, изучение, сохранение, Новая Ишимская линия, Омское Прииртышье, геоинформационная система, создание, развитие

Благодарности: работа выполнена по государственному заданию Омского научного центра СО РАН (проект №121022000112-2).

Для цитирования: Герасимов Ю.В., Загородникова Д.П., Здор М.Ю., Корусенко М.А., Павлов Д.Н. ГИС «Сибирские оборонительные линии» как форма презентации объектов культурного наследия: опыт создания и перспективы развития // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 12–21. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.02

GIS “SIBERIAN DEFENSIVE LINES” AS A FORM OF PRESENTATION OF CULTURAL HERITAGE SITES: EXPERIENCE OF CREATION AND DEVELOPMENT PROSPECTS

**Yuri V. Gerasimov, Daria P. Zagorodnikova, Maksim Yu. Zdor,
Michael A. Korusenko, Dmitry N. Pavlov**
Omsk Scientific Center SB RAS, Omsk, Russia

Abstract. The article presents historical and educational geoinformation system “Siberian Defensive Lines” created by the authors. The development was based on the archival, bibliographic and field research results. At the first stage, the Tara distance of the New Ishim Line, located within the modern borders of the Omsk region, became the object of research. The publication concisely describes the main stages and results of studying the boundary lines of Siberia. The main prerequisites and a brief history of the construction of fortifications on the border of the Russian Empire and the world of steppe nomads are shown. The structure, content and basic functionality of the created GIS are described, prospects for its development are indicated.

Keywords: Siberian defensive lines, study, preservation, New Ishimskaya line, Omsk-Irtysh region, geoinformation system, creation, development

Acknowledgments: the work was carried out according to the state task of the Omsk Scientific Center SB RAS (project No. 121022000112-2).

For citation: Gerasimov Yu.V., Zagorodnikova D.P., Zdor M.Yu., Korusenko M.A., Pavlov D.N. GIS “Siberian Defensive Lines” as a Form of Presentation of Cultural Heritage Sites: Experience of Creation and Development Prospects // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 12–21. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.02

В 2021 г. сотрудниками комплексной научно-производственной лаборатории изучения социокультурных процессов в древности и современности Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского и лаборатории историко-культурных экспертиз Омского научного центра СО РАН при поддержке фонда «История Отечества» реализован тематический исто-

рико-просветительский онлайн-проект по созданию геоинформационной системы (ГИС) «Сибирские оборонительные линии». Электронный ресурс посвящен истории и сохранению таких объектов историко-культурного наследия, как руины укреплений Тоболо-Ишимской (Ново-Ишимской) оборонительной линии XVIII в. (Герасимов, Дегтярев, Корусенко, 2021).

Проект направлен на популяризацию истории возникновения и развития системы охраны южных границ Российской империи в Западной Сибири как важного этапа в развитии региона. Именно с этим сюжетом исторически связаны такие события, как возникновение Сибирского линейного казачьего войска, превращение Омска из рядового пограничного укрепления в крупный военно-административный, культурный и экономический центр Западной Сибири. Устройство сплошной линии охраны южной границы от Урала до Саян не только обеспечило военную безопасность сибирских территорий Российской империи, но и позволило вовлечь в орбиту влияния России обширные пространства центральноазиатских степей, надолго обеспечив прочные геополитические позиции страны в регионе. Работы над проектом включали архивные и библиографические изыскания (Дегтярев, 2021), археологические полевые работы по оценке современного состояния укреплений Тарской дистанции Ново-Ишимской линии укреплений (Корусенко, Загородникова, Герасимов, 2021).

В ходе полевых работ были обследованы восемь объектов, в числе которых остатки двух крепостей и шести редутов (крепости — Николаевская, Покровская, редуты — Лосев, Волчий, Курганный, Дубровный, Степной 1, Степной 2). При помощи GNSS оборудования получены точные географические координаты местоположения объектов в системе WGS-84 и местной системе координат, произведена фотофиксация современного состояния укреплений, инструментальная съемка, получены кадры аэрофотосъемки (рис. 1), на основании которых выполнены ортофотопланы, детально передающие структуру укреплений (рис. 2), детали современного состояния указанных объектов записаны на видео. На основе полученных данных были разработаны проекты границ объектов культурного наследия в соответствии с действующей нормативно-правовой базой.

Начало изучения истории формирования пограничных линий следует связывать с деятельностью Н.В. Горбаня (1953), который на основе сведений архивных источников описал хронологию планирования и строительства укреплений, количество и состав сооружений, привел данные об освоении территории. Поиск и изучение остатков укрепленных сооружений линии начал директор Омского областного краеведческого музея А.Ф. Палашенков (1987, с. 124–125) в 1958 г., определив местоположение части крепостей, форпостов и редутов. В 1971–1972 гг. к исследованиям присоединился доктор географических наук Д.Н. Фиалков (1972), возглавлявший геодезическую экспедицию в районы расположения редутов и крепостей Тарской дистанции Ново-Ишимской линии. Впервые выполнена аэрофотосъемка обнаруженных остатков укреплений, глазомерная съемка, шурфовка элементов фор-

Рис. 1. Аэрофотоснимок Покровской крепости
Fig. 1. Aerial photograph of the Pokrovskaya Fortress

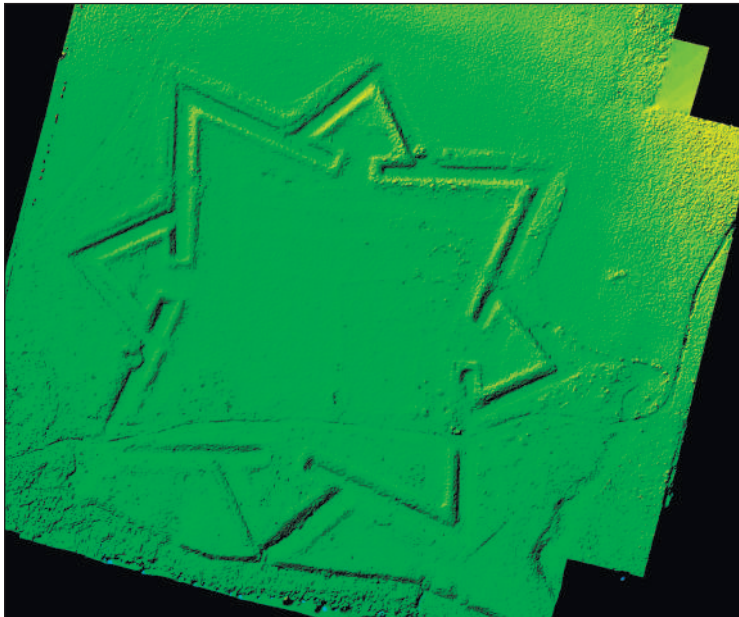

Рис. 2. Ортофотоплан Покровской крепости
Fig. 2. Orthophotoplan of the Pokrovskaya Fortress

тификации (Альбом Пресно-Горьковской линии...). В 1999 г. сотрудниками Омского государственного историко-краеведческого музея под руководством А.В. Матвеева начаты археологические исследования остатков укреплений (Матвеев, Трофимов, 2000; Матвеев, Свиридовский, 2000; Матвеев, 2001; 2002а, б). В 2006 г. им выполнены раскопки редута Степного (по последнему обозначению — Степного-1), до настоящего времени остающиеся единственным исследованием такого рода. С начала 2000-х гг. изучение Сибирских укрепленных линий на основе архивных источников активно проводят Д.С. Шемелина (2010) и С.Р. Муратова (2007), итогом чего, помимо значительного обогащения библиографии проблемы, стали защиты диссертаций по соответствующим темам.

Включение Сибири в состав Русского государства в конце XVI в. не только обеспечило казну новым источником ценного ресурса — пушнины, но и породило множество новых проблем, одной из которых стала оборона границ. Если безопасность северной и восточной обеспечивалась водами Северного Ледовитого и Тихого океанов, то южная — на протяжении всего XVII в. подвергалась нападениям степняков-кочевников: джунгар, киргизов, «белых калмыков». Кочевники практически ежегодно совершали набеги на приграничные русские деревни и города, на улусы ясачных людей, грабили и убивали местных жителей. Разграничение территорий с Китаем было зафиксировано Буринским трактатом 1727 г., определившим линию границы от Саян до Амура, линия же соприкосновения с кочевниками, населявшими степи Южной Сибири (современные Казахстан и степной Алтай), продолжала оставаться источником напряжения. Разделение территории примерно соответствовало границам природных ландшафтов — тайги и лесостепи, но официальной линии границы не существовало, кочевники заходили далеко на север, к тайге, русские казаки и крестьяне добывали соль в степных соленых озерах. Возникновение Джунгарского ханства в середине XVII в. усилило напряжение на границе, что актуализировало разработку и реализацию мероприятий по обеспечению ее защиты.

Формирование пограничных укрепленных линий на юге Западной Сибири прошло несколько этапов. В 1715 г. по указу Петра I была организована экспедиция под руководством И.Д. Бухгольца с целью геологической разведки месторождений золота на реке Яркенд. Экспедиция вышла из Тобольска вверх по Иртышу, который джунгары считали границей с Россией. В задачи экспедиции входило устройство крепостей на маршруте, которые должны были обеспечить транспортную безопасность пути, но первая же крепость, заложенная Бухгольцем близ Ямышевского озера, традиционного места добычи соли русскими, была осаждена джунгарами и после осады скрыта строителями (Шемелина, 2015, с. 143). Отряд вернулся на север, к устью Оми, где была заложена новая крепость — Омская, которой в недалеком будущем предстоит стать центром системы укрепленных линий, обеспечивающих безопасность границ Российской империи от Зауралья до Саян. Уже в конце 1716 г. была восстановлена Ямышевская крепость, а в 1720 г. цепь укреплений по Иртышу замкнула

Усть-Каменная. В начале 1740-х гг. была сформирована Ишимская пограничная линия, которая проходила дугой по северному краю Ишимской степи. Протяженность и недостаточное количество укреплений стали основанием для разработки проекта спрямления Старо-Ишимской линии укреплений вдоль Камышловских горько-соленых озер до Омской крепости. Новая военно-оборонительная линия была короче прежней почти в половину, границы от старой Ишимской линии сдвигались на 50–200 верст к югу (Горбань, 1953, с. 211).

Новая линия делилась на три участка — Тобольскую, Ишимскую и Тарскую дистанции, последняя из которых располагалась на территории современной Омской области. Крайний западный редут ее получил наименование Первый Тарский, или Первотаровский, далее на восток располагались редут Лосев, крепость Николаевская, редуты Горький, Волчий, крепость Покровская, редуты Пустоозерный, Курганский, Дубровный, Степной, Мельнишный, Иртышный, замыкалась линия на Омскую крепость. Эта линия получила официальное название Новой Ишимской, но также она была известна как Пресногорьковская, или Горькая линия. На начальном этапе функционирования линии для несения службы ежегодно командировались партии сибирских городовых, донских и яицких казаков, а в 1808 г. вышло «Положение о Сибирском линейном казачьем войске», которое определило формирование нового института военно-служилого сословия, сыгравшего заметную роль в политическом, культурном и экономическом развитии Сибири и Центральной Азии. К концу XVIII в. линия утратила военное значение, но продолжала играть роль важного политического, социального и экономического фактора. Под защиту линии откочевывали казахские роды, при крепостях, а позже и в казачьих станицах появляются центры торговли со степняками, в Омске в 1813 г. создается Войсковое казачье училище, среди выпускников которого — известные исследователи, писатели, общественные и политические деятели. Упразднена Тоболо-Иртышская линия как военная структура в 1834 г., большинство оставшихся редутов и крепостей превратились в казачьи станицы (По дозволению...).

ГИС (геоинформационная система, см. <https://klis.omsu.ru/geo-objects/fortress>) реализована в виде интерактивной электронной карты, на которой условными обозначениями нанесены места расположения укреплений Новой Ишимской линии. Интерактивные символы на карте открывают доступ к разделам базы данных «Исторические сведения», «Современное состояние», «Видеоматериалы». В разделе «Исторические сведения» приведены сканированные копии исторических планов, документов, отражающих строительство и функционирование укреплений, а также результаты предыдущих обследований при их наличии. В разделе «Современное состояние» можно ознакомиться с результатами обследования памятника в 2021 г. Здесь приведено подробное описание изученных укреплений, современное состояние показано на фотографиях и аэрофотоснимках, показаны топо- и ортофотопланы редутов и крепостей (рис. 3). По ссылке «Видеоматериалы» можно перейти на цикл видеолекций, посвященных истории Новой Ишимской линии, а также ознакомиться с видеообзорами сохранившихся сооружений.

Крепость Николаевская 2-я

Современное состояние

Западная крепость Тарской дистанции Новошимской укреплённой линии расположена в Москаленском районе Омской области, на южной окраине д. Николаевка, на юго-восточном берегу озера Николаевское. Вальс северного фаса крепости проходит улица Западная, к западному фасу северо-западного бастиона примыкает домохозяйство адресом ул. Западная, 1. У юго-восточного бастиона проходит автомобильная дорога, ведущая из д. Николаевка на трассу Омск – Челябинск, территория к югу и к западу занята действующей пашней. Крепость относится к типу четырёхугольных с пятиугольными бастионами по углам, ориентирована по оси север-северо-запад – юго-юго-восток. Наиболее полно сохранилась фортификация юго-восточного фаса. Протяжённость куртины здесь составляет 34 м (±40 сажен), ширина вала – 10, 11 метров по основанию и до 5,5 м по вершине, высота – до 1,2 м над площадью крепости. К югу от центра вала зафиксирована округлая в плане современная кана диаметром до 5 м и глубиной до 0,4 м, засыпанная с пологими откосами и ровными дном. Засыпанный ров куртины достигает ширины 20 м, глубина его не менее 2 м, дно заболочено, поросло тростником, осокой – кустарником. С наружной стороны сохранился glacis шириной до 5 м. Куртина прикрыта равлином с длиной фронта до 33 м (±40 сажен), оконтуренный мелководьем, до 0,7 м ревом, ширина которого достигает 3 м и glacis шириной до 10 м и высотой до 0,5 м. Вал северо-восточной куртины частично поврежден прудом, который жители д. Николаевка организовали во реу фаса. Протяжённость вала достигает 73 м (±35,5 сажен), ширина не превышает 5 м, внешняя сторона крутая, обрывистая, высота – до 0,9 м над площадью крепости. Размеры рева составляют 13х70 м, первоначальный контур нарушен прудом. Внешний пояс укреплений полностью уничтожен домохозяйством, которое находится к востоку от крепости. Вал северо-западной куртины в восточной части полностью уничтожен, частично, на протяжении 19 м, сохранился в западной. Судя по расстоянию между уцелевшими фланками северо-восточного и северо-западного бастионов, его длина составляла 73, 79 м (±35, 37 сажен). Ров куртины так же поврежден, частично засыпан, заболочен. Юго-западная куртина пострадала меньше – вал сохранился на всей протяженности (79, 81 м, 37, 38 сажен), лишь с севера его переживает овраг (до 2 м шириной) паркет, севальный, вероятно, с дачностью холма современной усадьбы, расположенной в западной части крепости. Ров имеет размеры 73х15 м, глубину – до 1,5 м, засорирован, дно плоское, сухое, поросло тропинкой. Вальс рева читается остиям glacis шириной до 12 м, частично, в северной части, разрушенного в результате хозяйственной деятельности. Все бастионы симметричные, с короткими, до 17 м (±8 сажен) фланками и длинными, до 42 м (±20 сажен) фасом. Фасовый угол юго-западного бастиона нарушен пешеходной тропкой, юго-восточный бастион сохранился хорошо, при сооружении водохранилища во реу восточной куртины частично повреждена внешняя стена северного фланка. Северо-восточный бастион лишь разрушен, визуально фиксируются остатки восточного фаса, фасовый угол уничтожен проселочной автодорогой – подъездом к усадьбе, контур фиксируется лишь инструментальной или аэрофотосъемкой. Северо-западный бастион, заросший бурьяном и клемен, сохраняет внешний контур, но внутренняя поверхность потеряла окантовку в результате хозяйственной деятельности. Бастионные ревы уже куртины, их ширина колеблется в пределах 4, 3 м, глубина не превышает 1,7 м, стены покосные, дно ровное, ров западного фаса северо-западного бастиона уничтожен усадьбой по адресу ул. Западная, 1. Glacis сохранился только у юго-западного бастиона, и частично, у южного фаса юго-восточного. В западной части крепости сохранился фундамент жилого дома и развалины хозяйственной постройки усадьбы, посады вли, заросли клена и тополя. Через фасовый угол северо-восточного бастиона до восточной границы бывшей усадьбы проходит колея проселочной дороги – очевидно, подъезд к дому. Других повреждений не отмечено.

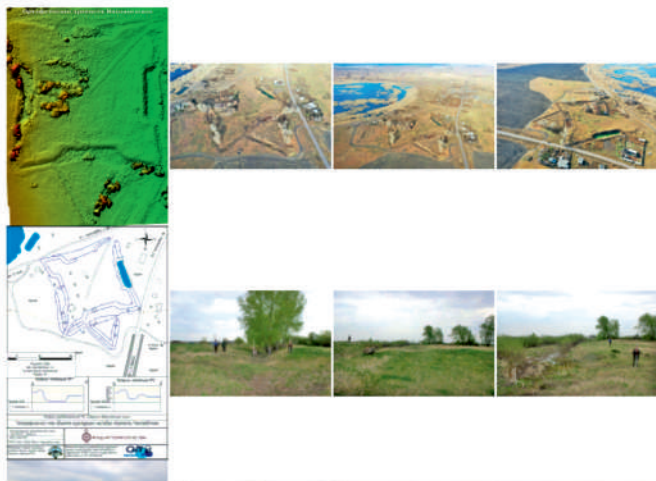

Рис. 3. Страница раздела «Современное состояние»

ГИС «Сибирские оборонительные линии»

Fig. 3. Page of the section “Current status” GIS “Siberian Defensive Lines”

Созданная геоинформационная система, отражающая историю и современное состояние укреплений Тарской дистанции Новой Ишимской линии, составляет первый этап исследований. Развитие проекта планируется в нескольких направлениях. Прежде всего созданную базу данных следует наполнить информацией об укреплениях Тобольской дистанции, расположенных

на территории современной Курганской области Российской Федерации, и Ишимской, локализуемой в границах Северо-Казахстанской области Республики Казахстан. Реализация этих пунктов позволит завершить раздел, посвященный одной из систем пограничных укреплений Сибирских линий. Дальнейшее развитие ГИС в этом направлении следует связывать с изучением Старой Ишимской, Иртышской и Кузнецко-Колывановской линий.

Еще одно направление развития — повышение образовательного, просветительского и рекреационного потенциала проекта, для чего планируется расширить тематику видеолекций, добавить разделы фото- и видеопанорам, видеоуроков по программе школьного курса исторического краеведения, проведение экскурсий непосредственно на укреплениях. В этом же ключе перспективной представляется разработка концепции виртуального музея «Сибирские укрепленные линии XVIII века» с экспозицией реальных предметов и цифровых реконструкций. Реализация указанного модуля предполагает участие в проекте музеев и общественных организаций историко-краеведческой направленности Западной Сибири, Зауралья и Республики Казахстан, что позволяет вывести проект на уровень международного.

Третье направление развития связано с совершенствованием программного обеспечения разработанной ГИС. Кроме дальнейшего совершенствования интерфейса и навигации по сайту планируется разработка системы учета посещения сайта и создание модуля обратной связи, что в перспективе позволит сделать систему интерактивной, с учетом развития современных средств коммуникации. Кроме этого, планируется создание версии для слабовидящих в соответствии с ГОСТ, подключение дополнительных картографических ресурсов для удобства пользователей, создание виртуальных экскурсий, медиапрезентаций, управляемых пользователем или с заданным алгоритмом, электронных брошюр с возможностью скачивания и самостоятельной печати (мультиформатные или кроссплатформенные) по конкретным укреплениям, размещение табличек с QR-кодом на конкретных укреплениях и создание дополнительного модуля для обработки таких запросов, создание иноязычной версии ресурса (казахский, английский).

Планируется разработка кроссплатформенной мобильной версии сайта, которая станет хорошим подспорьем для организаторов просветительских и образовательных туров-экскурсий на объекты культурного наследия. Для этого планируется дополнительная проработка ряда характеристик системы:

- способов отображения (горизонтальная, вертикальная, перестраиваемая ориентации, поддержка кроссбраузерности);
- способов создания (нативное приложение, фреймворк, конструктор);
- доработка интерфейса, верстка и программирование;
- организация сбора статистики (базовые метрики, сегментация категорий пользователей, отслеживание запусков приложения, отслеживание выполнения пользователями значимых действий).

Полученные материалы позволяют не только поставить проблему поиска пока не обнаруженных укреплений, но и развивать ГИС дополнительным

наполнением уже созданных модулей и интеграцией новых. Поэтому авторы связывают перспективы исследований как с расширением географии и архивными изысканиями, так и с дальнейшим совершенствованием программно-аппаратной базы.

Список источников

Альбом Пресно-Горьковской линии военных укреплений XVIII в. (составлен кафедрой геодезии СибАДИ) // Омское отделение охраны памятников культуры. Омск. БГ/БД. С. 30.

Герасимов Ю.В., Дегтярев К.А., Корусенко М.А. Исследование укреплений Тарской дистанции Ново-Ишимской (Пресногорьковской) линии: историография проблемы // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах — важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии. Омск, 2021. Ч. 1. С. 331–337.

Горбань Н.В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири // Вопросы географии. М., 1953. Сб. 31. С. 206–227.

Дегтярев К.А. Материалы А.Ф. Палашенкова по Ново-Ишимской (Пресногорьковской) оборонительной линии в материалах Государственного архива Омской области // VI Ядринцевские чтения. Омск, 2021. С. 291–296.

Корусенко М.А., Загородникова Д.П., Герасимов Ю.В. Тарская дистанция Ново-Ишимской линии укреплений: современное состояние и проблемы охраны объектов культурного наследия // VI Ядринцевские чтения. Омск, 2021. С. 398–402.

Матвеев А.В. Научная инвентаризация русских оборонительных сооружений XVIII в. на территории Омской области // Археологические открытия 1999 года. М., 2001. С. 266–268.

Матвеев А.В. Исследования Ишимской и Ново-Ишимской (Горькой) укрепленных линий XVIII века на территории современной Омской области // Исторический ежегодник. Омск, 2002а. С. 58–68.

Матвеев А.В. Редут Дубровский Новой (Ново-Ишимской) линии XVIII в // Архивные чтения памяти Н.В. Горбаня. Омск, 2002б. С. 204–208.

Матвеев А.В., Свиридовский О.А. Ново-Ишимская (Горькая) линия военных укреплений XVIII в.: (источники, история изучения, результаты последних исследований) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2000. №8. С. 75–93.

Матвеев А.В., Трофимов Ю.В. Исследования Горькой линии военных укреплений XVIII века: историография вопроса, новые проблемы, решения // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2000. С. 77–83.

Муратова С.Р. Сибирские укрепленные линии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2007. 25 с.

Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омской области // Источники по истории Западной Сибири (история и археология). Омск, 1987. С. 116–125.

По дозволению некоторых редутов казачьим жителям перенести на другие вновь избранные места по неудобству некоторых прежних свое жительство // ГИА-ОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. №420. 30 с.

Фиалков Д.Н. Горькая линия военных укреплений на территории современной Омской области XVII–XVIII вв. // Записки по краеведению Омской области. Омск, 1972. С. 52–61.

Шемелина Д.С. Формирование планировочной структуры укреплений Сибирских оборонительных линий XVIII в.: автореф. дис. ... канд. архитектуры. М., 2010. 24 с.

Шемелина Д.С. Омская крепость в контексте европейской теории фортификации // Третьи Ядринцевские чтения. Омск, 2015. С. 143–145.

Информация об авторах / Information about the Authors

Юрий Викторович Герасимов, Омский научный центр СО РАН, сектор методов исследования проблем развития регионов, ведущий инженер; 644024, Россия, г. Омск, пр-т Карла Маркса, 15; кандидат исторических наук; <http://orcid.org/0000-0002-5066-576X>, ngajapti@yandex.ru

Yuri V. Gerasimov, Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Sector of Methods in Researching Problems of the Development of Regions, Lead Engineer; 644024, Russia, Omsk, Karl Marx Ave. 15; phd in history; <http://orcid.org/0000-0002-5066-576X>, ngajapti@yandex.ru

Дарья Петровна Загородникова, Омский научный центр СО РАН, сектор методов исследования проблем развития регионов, ведущий инженер; 644024, Россия, г. Омск, пр-т Карла Маркса, 15, магистр; <https://orcid.org/0000-0003-1748-8535>, Darja2007@mail.ru

Daria P. Zagorodnikova, Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Sector of Methods in Researching Problems of the Development of Regions, Lead Engineer; 644024, Russia, Omsk, Marx avenu, 15; master; <https://orcid.org/0000-0002-2676-9841>, Darja2007@mail.ru

Максим Юрьевич Здор, Омский научный центр СО РАН, сектор методов исследования проблем развития регионов, ведущий инженер; 644024, Россия, г. Омск, пр-т Карла Маркса, 15; магистр; <https://orcid.org/0000-0002-1842-101X>, m-zdor@yandex.ru

Maksim Yu. Zdor, Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Sector of Methods in Researching Problems of the Development of Regions, Lead Engineer; 644024, Russia, Omsk, Marx avenu, 15; master; <https://orcid.org/0000-0002-1842-101X>, m-zdor@yandex.ru

Михаил Андреевич Корусенко, Омский научный центр СО РАН, сектор методов исследования проблем развития регионов, старший научный сотрудник; 644024, Россия, г. Омск, пр-т Карла Маркса, 15; кандидат исторических наук; <https://orcid.org/0000-0001-7004-1287>, otto.link@gmail.com

Michael A. Korusenko, Omsk Scientific Center SB RAS, Sector of Methods in Researching Problems of the Development of Regions, Research Fellow; 644024, Russia, Omsk, Karl Marx Ave. 15; PhD in history; <https://orcid.org/0000-0001-7004-1287>, otto.link@gmail.com

Дмитрий Николаевич Павлов, Омский научный центр СО РАН, сектор методов исследования проблем развития регионов, ведущий инженер; 644024, Россия, г. Омск, пр-т Карла Маркса, 15; магистр; <https://orcid.org/0000-0002-2676-9841>, nvp-omsk@mail.ru

Dmitry N. Pavlov, Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Sector of Methods in Researching Problems of the Development of Regions, Lead Engineer; 644024, Russia, Omsk, Marx avenu, 15; master; <https://orcid.org/0000-0002-2676-9841>, nvp-omsk@mail.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГРАНИЦ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В УСТЬ-КАЛМАНСКОМ, ЛОКТЕВСКОМ И ШИПУНОВСКОМ РАЙОНАХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ: ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТ

Николай Николаевич Головченко, Андрей Николаевич Телегин
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Резюме. Статья посвящена обобщению опыта работ Степного отряда археологической экспедиции Алтайского государственного педагогического университета по определению границ объектов археологического наследия. Представлены новые статистические сведения об исследованиях 2020–2022 гг., проведенных на территории Усть-Калманского, Локтевского и Шипуновского районов. Отмечен верный подход Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края, включившего в список объектов, подлежащих определению границ в 2022 г. на территории Шипуновского района, наибольший за три года работ процент курганов, подверженных разрушению. Вместе с тем существенным и неучтенным моментом в организации указанных работ явился выбор времени и сроков их осуществления.

Ключевые слова: определение границ, объекты археологического наследия, курганы
Для цитирования: Головченко Н.Н., Телегин А.Н. Определение границ объектов археологического наследия в Усть-Калманском, Локтевском и Шипуновском районах Алтайского края: организация работ // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 22–25. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.03

DEFINING THE BOUNDARIES OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE SITES IN UST'-KALMANSKY, LOKTEVSKY AND SHIPUNOVSKY DISTRICTS OF THE ALTAI TERRITORY: ORGANIZATION OF WORK

Nikolai N. Golovchenko, Andrei N. Telegin
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article is devoted to the generalization of the experience of the Steppe detachment of the archaeological expedition of Altai State Pedagogical University to determine the boundaries of objects of archaeological heritage. New statistical data on the 2020–2022 studies conducted on the territory of Ust'-Kalmansky, Loktevsky and Shipunovsky districts are presented. The authors stress the correct approach of the Department of State Protection of Cultural Heritage objects of the Altai Territory, which included in the list of objects to be delimited in 2022, on the territory of Shipunovsky district, the largest in three years percentage of mounds subject to destruction. At the same time, a significant and unaccounted issue in the organization of these works was the choice of time and terms of their implementation.

Keywords: delineation of boundaries, objects of archaeological heritage, mounds
For citation: Golovchenko N.N., Telegin A.N. Defining the Boundaries of Archaeological Heritage Sites in Ust'-Kalmansky, Loktevsky and Shipunovsky Districts of the Altai Territory: Organization of Work // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 22–25. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.03

В 2020, 2021 и 2022 гг. Степной отряд археологической экспедиции Алтайского государственного педагогического университета осуществлял полевые исследования с целью определения границ объектов археологического наследия (курганных некрополей) Алтайского края. В 2020 г. эти работы проводились на территории Усть-Калманского, в 2021 г. — Локтевского, в 2022 г. — Шипуновского района (Телегин, Головченко, 2021; 2022; Головченко, Телегин, 2022).

Трехлетний опыт работ позволяет подвести некоторые итоги, в том числе и по организации их проведения Управлением государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края (заказчика).

В первую очередь стоит обратить внимание на выбор заказчиком объектов археологического наследия, с точки зрения их сохранности.

Так, если в 2020 г. из 46 курганов Усть-Калманского района, фигурирующих в задании заказчика, к категории разрушаемых относилось 36 объектов (78,3%), то в 2021 г. из 244 курганов Локтевского района таковых насчитывалось всего 93 объекта (38,1%), а в 2022 г. из 101 кургана Шипуновского района — 87 (86,1%) (табл. 1). Таким образом, в 2022 г. в подготовленном заказчиком списке объектов археологического наследия Шипуновского района, границы которых надлежало установить, значился наибольший за три года работ процент курганов, подверженных разрушению. Хочется верить, что в следующий раз доля таких объектов в подготовленном заказчиком задании станет еще больше.

**Корреляция показателей сохранности курганных захоронений
Усть-Калманского, Локтевского и Шипуновского районов
Correlation of indicators of preservation of burial mounds
of the Ust'-Kalmansky, Loktevsky and Shipunovsky districts Altai Region**

Ррайон работ	Курганные группы (кол-во)	Курганы (кол-во)	Курганы на целине (кол-во / %)	Курганы разрушаемые (кол-во / %)	Курганы опуханые (кол-во / %)	Курганы распуханные (кол-во / %)
Усть-Калманский	39	46	10/21,7%	36/78,3%	29/63%	7/15,2%
Локтевский	70	244	151/61,9%	93/38,1%	78/32%	15/6,1%
Шипуновский	48	101	14/13,9%	87/86,1%	40/39,6%	47/46,5%

Вторым важным моментом в организации указанных работ являются сроки их осуществления.

В 2022 г. тендер на осуществление работ по определению границ объектов археологического наследия Шипуновского района был объявлен заказчиком неожиданно поздно — только в июне, контракт с исполнителем (ООО «Землеустройство линейных объектов») был заключен 18 июля, а контракт с подрядчиком (Алтайский государственный педагогический университет) соответственно еще позже — 25 июля.

В техническом задании к контракту значилось, что первый этап выполнения работ должен быть осуществлен уже к 16 сентября. А поскольку для осуществления натурных исследований подрядчику необходимо было получить открытый лист, что также требовало времени (как минимум месяц), становится понятно, что полевые работы пришлось выполнять в очень неудобные сроки — во второй половине августа. Основное препятствие для разведочных работ в это время года — пресловутая «зеленка», представленная как различными дикоросами на целинных территориях, так и культурными насаждениями на возделываемых полях. В нашем случае наибольшие проблемы доставляли посадки подсолнечника, заросли которого, порой достигающие более чем двухметровой высоты, существенно затрудняли поиск и обследование объектов археологического наследия (рис.). В меньшей степени это касалось объектов культурного наследия, поиск которых по предоставленным заказчиком GPS-координатам осуществлялся достаточно просто, а вот предусмотренное контрактом выявление в некрополях неизвестных курганов в указанных условиях не представлялось возможным. Для того чтобы все-таки выполнить эту часть обязательств, в октябре после уборки урожая нами было сделано повторное натурное обследование нескольких объектов, в ходе которого удалось выявить 12 ранее неизвестных курганов.

Курганная группа Горьковское, курган №1
Gor'kovskoye mounds group, mound №1

Хочется верить, что грядущие тендеры на осуществление работ по определению границ объектов археологического наследия будут проведены Управлением государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края в более подходящее для полевых исследований время.

Список источников

Головченко Н.Н., Телегин А.Н. Состояние курганных захоронений в Усть-Калманском, Локтевском и Шипуновском районах Алтайского края (итоги мониторинга) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). Вып. 17. Барнаул, 2022. С. 84–88.

Телегин А.Н., Головченко Н.Н. Состояние курганных могильников в Усть-Калманском и Локтевском районах Алтайского края (итоги мониторинга) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). Вып. 16. Барнаул, 2021. С. 159–162.

Телегин А.Н., Головченко Н.Н. Работы по определению границ объектов археологического наследия в Усть-Калманском и Локтевском районах Алтайского края: итоги, размышления, предложения // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVIII. 2022. С. 130–133.

Информация об авторах / Information about the Authors

Андрей Николаевич Телегин, Алтайский государственный педагогический университет, УНИЛ «Историческое краеведение», кафедра отечественной истории, старший преподаватель; 656037, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55; varvar100@yandex.ru

Andrei N. Telegin, Altai State Pedagogical University, UNIL “Historical Local Lore”, Department of National History, Senior Lecturer; 656037, Barnaul, Molodezhnaia ave. 55; varvar100@yandex.ru

Николай Николаевич Головченко, Алтайский государственный педагогический университет, УНИЛ «Историческое краеведение», старший научный сотрудник; 656037, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55; кандидат исторических наук; <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>, nikolai.golowchenko@yandex.ru

Nikolay N. Golovchenko, Altai State Pedagogical University, UNIL “Historical Local Lore”, Senior Researcher; 656037, Barnaul, Molodezhnaia ave. 55; Candidate of Historical Sciences; <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>, nikolai.golowchenko@yandex.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 069.51:73.027.2

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.04

ЧУГУННЫЙ БАРЕЛЬЕФ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ АКИНФИЯ ДЕМИДОВА ИЗ АЛТАЙСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ: ЭКСПОНАТ С ДВУХВЕКОВОЙ ИСТОРИЕЙ

Ольга Александровна Дреер¹, Марина Александровна Целищева²

¹Средняя общеобразовательная школа №2, Горняк, Россия

²Алтайская региональная краеведческая общественная организация
«Наследие Алтая», Барнаул, Россия

Резюме. Чугунный барельеф родоначальника горного дела на Алтае Акинфия Никитича Демидова является экспонатом Алтайского государственного краеведче-

ского музея. В ходе проведенного исследования авторы статьи выяснили, что оригиналом чугунного барельефа А.Н. Демидова является мраморный барельеф работы выдающегося русского скульптора Ф.И. Шубина, основой для которого послужил портрет А.Н. Демидова кисти Г.-Х. Гроота. В Нижнетагильском музее-заповеднике находится бронзовый барельеф, отлитый с мраморного оригинала, выполненный крепостным скульптором Т.С. Сизовым. На основе архивных документов установлено, что чугунный барельеф был изготовлен в Нижнем Тагиле из одной формы с бронзовым барельефом и доставлен в 1819 г. П.К. Фроловым в Барнаул. Бытующая во многих литературных источниках версия о том, что чугунный барельеф изготовлен на Гурьевском заводе, ошибочна, а версия о том, что барельеф был установлен на памятнике 100-летию горного производства на Алтае, не находит подтверждения.

Ключевые слова: А.Н. Демидов, музей, барельеф, портретные и скульптурные изображения А. Демидова, памятник 100-летию горного производства на Алтае

Для цитирования: Дреер О.А., Целищева М.А. Чугунный барельеф с изображением Акинфия Демидова из Алтайского краеведческого музея: экспонат с двухвековой историей // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 25–33. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.04

CAST-IRON BAS-RELIEF WITH THE IMAGE OF AKINFY DEMIDOV FROM THE ALTAI STATE MUSEUM OF LOCAL LORE: AN EXHIBIT WITH TWO CENTURIES OF HISTORY

Olga A. Dreer¹ Marina A. Tselishcheva²

¹Secondary School No. 2, Gornyyak, Russia

*²Altai Regional Local History Non-Government Organization «Altai Heritage»,
Barnaul, Russia*

Abstract. The cast-iron bas-relief of the mining founder in Altai, Akinfiy Nikitich Demidov, is an exhibit of Altai State Museum of Local Lore. During the study, the authors found that the original cast-iron bas-relief of A.N. Demidov is a marble bas-relief made by the outstanding Russian sculptor F.I. Shubin. The basis for the bas-relief was a portrait of A.N. Demidov by Georg Christoph Grooth. In the Nizhny Tagil Museum-Preserve “Gornozavodskoy Ural” (Metallurgical Ural), there is a bronze bas-relief cast from the marble original made by the serf sculptor T.S. Sizov. Archives showed that the cast-iron bas-relief was made in Nizhny Tagil from the same form as a bronze bas-relief. P.K. Frolov delivered it into Barnaul in 1819. The theory that the cast-iron bas-relief was made at the Guryevsky plant is erroneous. The version that said the bas-relief was installed on the monument to the 100th anniversary of mining in Altai did not confirm.

Keywords: A.N. Demidov, museum, bas-relief, portrait and sculptural images of A. Demidov, the monument to the 100th anniversary of mining in Altai

For citation: Dreer O.A., Tselishcheva M.A. Cast-iron Bas-Relief with the Image of Akinfiy Demidov from the Altai State Museum of Local Lore: an Exhibit with Two Centuries of History // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 25–33. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.04

Известный российский горнопромышленник XVIII в. Акинфий Никитич Демидов жителями Алтайского края воспринимается как родоначальник горного дела и основатель г. Барнаула. Хотя сам уральский заводчик никог-

да на Алтае не был, здесь его хорошо знают и чтут, бережно сохраняя образ в памяти поколений. Вклад А.Н. Демидова в развитие нашего региона оказался настолько значимым, что два десятилетия истории Алтайского края (с 1726 по 1747 г.) называют «демидовским периодом». В 1833 г. Г.И. Спасский на основе актовых материалов и делопроизводства составил «Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова», где отметил, что «...Акинфий Никитич Демидов был один из тех отличных мужей, которые трудолюбием, деятельностью и благоразумием приобретают себе и потомкам своим знаменитое имя» (Спасский, 2012, с. 1).

На территории Алтайского края О.А. Дреер со своими учениками удалось выявить 12 культурно-исторических и социальных объектов, в которых увековечено имя А.Н. Демидова. Это исчезнувшая к настоящему времени деревня Демидовская и Демидовский тракт. В Барнауле находятся: Демидовская площадь, Демидовский столп, Демидовский фонд, чугунный барельеф и гравюра Акинфия Демидова, современные объекты — ТЦ «Демидовский» и ресторан «Демидовский». В г. Змеиногорске расположен Музей истории развития горного производства имени Акинфия Демидова и улица Демидова. В с. Бобровка Первомайского района есть улица Демидова. Первым человеком, проявившем инициативу в сохранении памяти Акинфия Никитича Демидова на Алтае, можно считать начальника Кольвано-Воскресенских горных заводов Петра Козьмича Фролова. Именно ему принадлежит идея создания в Барнауле площади, получившей впоследствии название Демидовской. В 1818 г. он внес на рассмотрение Горного Совета вопрос о создании в Барнауле площади, предназначенной для сооружения обелиска в честь 100-летия горного производства на Алтае (ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2985. Л. 4). Демидовская площадь (впоследствии несколько раз меняла название: Конюшенная, 1 Мая, Пионерская, Революции) застраивалась с 1819 по 1852 г.

В данной статье пойдет речь о чугунном барельефе с портретным изображением Акинфия Демидова. Несмотря на двухвековую историю существования, сведений о нем оказалось немного. История его изготовления неизвестна, о его появлении и дальнейшем нахождении в XIX в. в г. Барнауле существуют противоречивые мнения архитекторов, историков, краеведов. В настоящее время чугунный барельеф А. Демидова, основателя Кольвано-Воскресенских металлургических заводов, является экспонатом Алтайского государственного краеведческого музея. Заместитель директора по учету и хранению фондов Ю.А. Абрамова предоставила следующую информацию: чугунный барельеф А. Демидова, инвентаризационный номер ОФ 234. Характеристики. Тип: образительный. Техника: художественное литье, чугун. Описание: чугунный, массивный барельеф овальной формы с профильным портретным изображением и надписью по овалу «Действительной статской советникъ Акинфи Никитичъ Демидовъ». Размеры: высота 98 см, ширина 82 см (рис. 1).

Бывший директор музея О.В. Падалкина отмечает, что в каталогах музейного собрания 1836 г. этот экспонат не просматривается. А в архивных документах — «Описях имущества», «Списках» музея 80–90-х гг. XIX в. зна-

чится: «Чугунный бюст г. Демидова» (1887), «Портрет чугунный барельефный г. Демидова (1891), «Чугунный барельеф Демидова» (1893), «барельеф Демидова, чугунный (1898) (Падалкина, 2003, с. 98). Можно добавить, что в Алтайском государственном краеведческом музее экспонируется и гравюра с чугунного барельефа, автор которой — алтайский художник Юрий Кабанов. В изученной литературе мы не нашли ответа на вопрос об истории создания барельефа. По мнению нескольких алтайских исследователей, таких как С.И. Гуляев, С.Н. Баландин, Т.М. Степанская и др., барельеф А.Н. Демидова был изготовлен на Гурьевском железоделательном заводе и укреплен (приставлен) на обелиске, отсюда связь названия площади и названия памятника «Демидовский столп», по их мнению, очевидна. Т.М. Степанская в своей книге отметила, что чугунный овальный барельеф с портретным изображением Демидова был отлит на Гурьевском заводе, а позднее, по аналогии с уральскими обелисками, он был укреплен на постаменте в Барнауле (Степанская, 2006, с. 40). Архитектор М.Ю. Юдин приводит несколько мнений по данному вопросу: «Одни утверждают, что барельеф был помещен на монументе 100-летия Колывано-Воскресенских заводов, другие высказывают предположение, что барельеф помещался в интерьере здания канцелярии Алтайских горнозаводских предприятий». Сам архитектор склонялся к первому мнению, приводя в пример высказывание С.И. Гуляева в своем очерке о Колывано-Воскресенских заводах, где обелиск именуется «Памятник Демидову», население г. Барнаула называет его «Демидовским столпом», и даже площадь, на которой стоит обелиск, называется Демидовской (РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 1165. Л. 269). Есть, однако, точка зрения, что чугунный овальный барельеф А.Н. Демидова никогда не находился на обелиске. Такого мнения придерживаются исследователи А.П. Уманский, В.Б. Бородаев, М.А. Целищева. Они ссылаются на то, что никаких архивных документов, подтверждающих, что барельеф был на памятнике, до настоящего времени не обнаружено и что на всех известных фотографиях обелиска XIX — начала XX в. он также отсутствует (Целищева, 2023, с. 102). А.П. Уманский по данной теме сообщил, что на двух сторонах постамента в нишах были установлены мемориальные доски с текстами юбилейного содержания... Кроме мемориальных досок на обелиске решили укрепить чугунный медальон с барельефом Демидова и текстом. Медальон был отлит на Гурьевском железоделательном заводе. Был ли он установлен на обелиске — не известно (Уманский, 1959, с. 138). Архитектор А.П. Долнаков с соавторами в книге «Памятники архитектуры Барнаула» опубликовал только фото чугунного барельефа с профилем А.Н. Демидова, но при описании памятника нигде не упоминает, что барельеф был установлен на обелиске (Долнаков и др., 1982, с. 59–61). Историк Л.С. Рафиенко приводит такую версию, что в 1819 г. П.К. Фролов был послан министром финансов Д.А. Гурьевым провести ревизию Уральских казенных заводов. Во время этой поездки в Нижнем Тагиле он купил для своей коллекции чугунный барельеф А.Н. Демидова и привез его в Барнаул. После открытия в 1823 г. Барнаульского музея он передал барельеф музею (Рафиенко, 2006, с. 254–255). Говоря о том,

что барельеф привезен из Нижнего Тагила, она ссылается на письмо П.К. Фролова к Г.И. Спасскому. Подтверждающего документа, что барельеф был в личной коллекции П.К. Фролова, а затем передан в музей, не предоставляет. Из Красноярского архива нами получена копия письма П.К. Фролова, в котором он пишет, что посылает «портрет Демидова, срисованный с чугунного барельефа, привезенного мною из Тагильского его наследников завода» (ГАКК. Ф. 605. Оп. 1. Д. 342. Л. 18). Опираясь на данный источник, можно утверждать, что барельеф изготовлен в Нижнем Тагиле, а версия исследователей о его изготовлении на Гурьевском заводе ошибочна. В ходе исследования мы обнаружили, что в Нижнетагильском музее-заповеднике «Горнозаводской Урал» хранится близкий по изображению барельеф А. Демидова, выполненный в бронзе (рис. 2).

Сравнивая фотоизображения бронзового и чугунного барельефов, можно заметить, что внешнее сходство очевидно, отличается только материал изготовления. Наше предположение — данные изделия отлиты из одной формы. Еще одним косвенным доказательством этого факта может также служить написание на обоих барельефах имени Акинфи, без последней буквы «й». Хотя в рукописных архивных документах XVIII в. слово «Акинфий» пишется с буквой «й» (ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 6488. Л. 1).

Ответ на запрос в Нижнетагильский музей подтвердил наши гипотезы. Директор музея Э.Р. Меркушева сообщила, что в экспозиции Нижнетагильского музея-заповедника находится на хранении овальный бронзовый барельефный портрет А.Н. Демидова с надписью «Действительной статской советник Акинфий Никитич Демидов» (ТМ-581), поступил в Нижнетагильский музей в 1930 г. из Окружного финансового отдела в числе вещей, изъятых из закрытой Выйско-Никольской церкви, служившей фамильной усыпальницей династии Демидовых. Как было установлено московским историком П.А. Дружининым, барельефный портрет Акинфия Демидова был выполнен в конце 1770-х гг. на Нижнетагильском заводе Н.А. Демидова крепостным скульптором, формовщиком и литейщиком Тимофеем Степановичем Сизовым (Яруниным). Барельеф являлся бронзовым отливом с «присланного из Москвы оригинала» работы выдающегося русского скульптора Федота Ивановича Шубина — «барельефа из белого мрамора», который был изваян в 1775 г. по заказу Никиты Акинфиевича Демидова. Размеры бронзового барельефа из коллекции Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал»: высота – 98 см, ширина – 82 см. Нижнетагильский историк искусствовед О.Н. Силонова отмечает, что в марте 1778 г. в Тагильский завод прислан мраморный бюст покойного А.Н. Демидова. По приказу его сына Н.А. Демидова следовало «сделать порядочной, хотя деревянный пьедестал», «выкрася всходственно краской подлицо и поставить оной в пристойном месте в конторе, в судейской коморе, где от повреждения безопасность». Тимофею Сизову дается особо ответственное задание. С бюста А.Н. Демидова «в такую пропорцию и во всем сходстве» он должен был «нафурмовать, потом и вылить из зеленой меди» копию портрета. Затем следовало отлить медный пьедестал, «а чтоб не мог тускнеть вместо золочения припустить

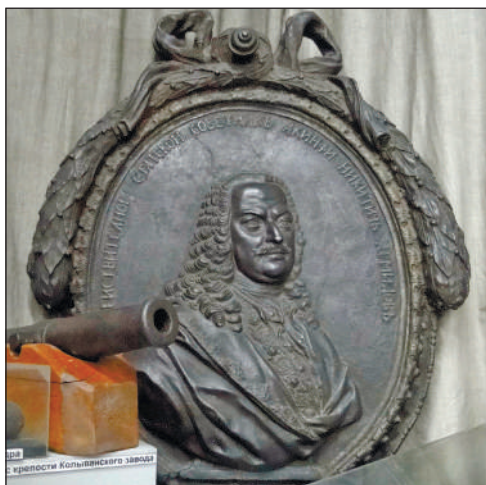

Рис. 1. Чугунный барельеф А.Н. Демидова, 1-я половина XIX в., хранящийся в Алтайском государственном краеведческом музее
Fig. 1. The cast-iron bas-relief of A.N. Demidov, 1st half of the 19th century, stored in the Altai State Museum of Local Lore

Рис. 2. Барельеф А.Н. Демидова, 2-я половина XVIII в., бронза, позолота, хранящийся в Нижнетагильском музее-заповеднике «Горнозаводской Урал»
Fig. 2. The bas-relief of A.N. Demidov, the 2nd half of the 18th century, bronze, gilt, stored in Nizhny Tagil Museum-Preserve "Gornozavodskoy Ural"

наподобие фернези». Никита Акинфиевич Демидов планировал поставить бюст отца в господском доме или, что «всего пристойнее в церкви в таком месте, чтоб зрителям быть на виду» (Силонова, 2007).

Интересна история создания оригинала для отливки бронзового и чугуночного барельефов, т.е. мраморного барельефа, изготовленного скульптором Ф.И. Шубиным. Московский историк-искусствовед П.А. Дружинин по архивным документам Демидовых, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА. Ф. 1267), доказал, что единственным скульптурным изображением Акинфия Демидова являлся мраморный барельеф работы скульптора Ф.И. Шубина (Дружинин, 1999, с. 318–327). Во время написания своей работы он еще не знал о существовании бронзовой и чугунной копий мраморного барельефа, что подтвердил в личной переписке. П.А. Дружинин считает, что иконографической основой для мраморного барельефа работы Ф.И. Шубина послужил прижизненный портрет Акинфия Никитича Демидова кисти Георга-Кристофа Гроота, написанный в 1744 г. (рис. 3).

Рис. 3. Портрет А.Н. Демидова кисти Г.-Х. Гроота, холст, масло. 1741–1745 гг.
Fig. 3. Portrait of A.N. Demidov made by Georg Christoph Groot, canvas, oil. 1741–1745

Он экспонируется ныне в Нижнетагильском историко-краеведческом музее — структурном подразделении Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал». Сравнивая полученное нами портретное изображение Акинфия Демидова работы Г.-К. Гроота из коллекции Нижнетагильского музея-заповедника и барельефные бронзовое и чугунное изображения, отметим внешнее сходство, но различие в одежде. На портрете А.Н. Демидов изображен в модной, нарядной одежде, в богатом камзоле с пуговицами из драгоценных камней, на рубашке кружевные жабо и манжеты, на голове парик, а на барельефах — в роскошном домашнем халате. Авторы данной статьи предполагают, что Ф.И. Шубин при работе над барельефом внес свои коррективы в изображение одежды, возможно, связанные с технологией работы с мрамором. Н.А. Демидов заказал Шубину два мраморных бюста — свой и жены, а также барельеф своего отца А.Н. Демидова. Для этой работы был привезен белый мрамор из Карары, из Италии, который отличался особым качеством и белизной. По поручению Никиты Акинфиевича скульптору в Санкт-Петербурге в доме на стрелке Васильевского острова выделили небольшое помещение под мастерскую для работы над бюстами и комнату для проживания. В переписке Н.А. Демидова с домовой конторой в 1775 г. есть следующая запись: «Господину Шубину за подрядные три штуки из мрамора – 2 наших бюста и третьей барелиев по окончании оных заплатить шестьсот рублей. Никита Демидов». В 1777 г. два бюста и барельеф оказались вместе в Москве в «Слободском» доме Демидовых, где барельеф Акинфия Демидова указан в описи имущества 1801 г.: «барелиев из белого мрамора изображающей действительного статского советника Акинфия Никитича Демидова в овальных резных золоченых рамах работы Шубина». Далее он упоминается в 1830 г. в описи имущества М.Н. Дурново (младшая дочь статского советника Никиты Акинфиевича Демидова). Там же упоминается его терракотовый оригинал, который при перевозке был разбит — «рощибен». Следы же мраморного барельефа затерялись совсем (Дружинин, 1999, с. 318–328). Последнее упоминание о барельефе мы находим в 1844 г. в доме Демидовых в г. Санкт-Петербурге в описи движимого и недвижимого имущества, оставшегося после смерти действительного статского советника Павла Николаевича Демидова (ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 333. Л. 50).

Подводя итоги, авторы статьи приходят к выводу, что в ходе исследования получены новые факты, связанные с чугунным барельефом А.Н. Демидова, экспонатом Алтайского государственного краеведческого музея: его оригиналом является мраморный барельеф работы выдающегося русского скульптора Ф.И. Шубина, иконографической основой для которого послужил прижизненный портрет Акинфия Никитича Демидова кисти Георга-Кристофа Гроота, хотя отмечены некоторые различия в одежде. В Нижнетагильском музее хранится барельефный портрет Акинфия Демидова, выполненный крепостным скульптором, формовщиком и литейщиком Тимофеем Степановичем Сизовым (Яруниным), который является

бронзовым отливом с мраморного оригинала. На основе архивных документов установлено, что чугунный барельеф изготовлен в Нижнем Тагиле из одной формы с бронзовым барельефом и доставлен в 1819 г. П.К. Фроловым в Барнаул. Бытующая во многих литературных источниках версия о том, что чугунный барельеф изготовлен на Гурьевском заводе, ошибочна, а версия о том, что барельеф был установлен на памятнике 100-летию горного производства на Алтае, не находит подтверждения. С конца 1880-х гг. и по настоящее время барельеф А.Н. Демидова является экспонатом Алтайского краеведческого музея.

Список источников

Долнаков А.П., Долнакова Е.А., Зотеева Л.А., Степанская Т.М. Памятники архитектуры Барнаула. Барнаул, 1982. 160 с.

Дружинин П. Шубин в работе над портретами Демидовых // Памятники культуры. М., 1999. С. 318–328.

Падалкина О.В. Демидовы и Алтай, история и современность в музейном собрании и экспозиции // Альманах Международного Демидовского Фонда. Вып. 3. М., 2003. 144 с.

Рафиенко Л.С. Проблемы истории управления и культуры Сибири XVIII–XIX вв.: избранное. Новосибирск, 2006. 299 с.

Силонова О.Н. Крепостные художники Демидовых. Училище живописи. Художники XVIII–XIX века: из истории подготовки специалистов художественных и художественно-ремесленных профессий Демидовыми. Екатеринбург, 2007. 414 с.

Спасский Г.И. Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова. М., 2012. 116 с.

Степанская Т.М. Архитектура Алтая XVIII–XX вв. Барнаул, 2006. 300 с.

Уманский А.П. Памятники культуры Алтая. Барнаул, 1959. 251 с.

Целищева М.А. История одного исследования: установление барельефа Акинфия Демидова на обелиске в честь 100-летия горного дела на Алтае // Гуляевские чтения. Вып. 6. Барнаул, 2023. С. 100–103.

Информация об авторах / Information about the Authors

Ольга Александровна Дреер, средняя общеобразовательная школа №2, учитель; 658423, Россия, Алтайский край, г. Горняк, ул. Больничная, 18; <https://orcid.org/0000-0001-6616-8656>, odreer@mail.ru

Olga A. Dreer, Secondary School No. 2, Teacher; 658423, Russia, Altai Krai, Gornyak, Hospital st., 18; <https://orcid.org/0000-0001-6616-8656>, odreer@mail.ru

Марина Александровна Целищева, Алтайская региональная краеведческая общественная организация «Наследие Алтая», историк; 656037, Россия, г. Барнаул, ул. 80 Гв. дивизии, 14; <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>, c.marina64@mail.ru

Marina A. Tselishcheva, Altai Regional Local History Non-Government Organization “Altai Heritage”, Historian; 656037, Russia, Barnaul, 80 Gvardeiskoj divizii str., 14; <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>, c.marina64@mail.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

ПЕРСТЕНЬ С ПСЕВДОГЕРАЛЬДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТКОЙ ИЗ СОБРАНИЯ БАРНАУЛЬСКОГО МУЗЕЯ «ГОРОД»

Дмитрий Сергеевич Калашников¹, Оксана Ивановна Чекрыжова²

¹Музей «Город», Барнаул, Россия

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В собрании барнаульского музея «Город» хранится небольшая подборка перстней-печаток с различными изображениями на рабочей площадке. Наибольший интерес вызвал перстень с изображением геральдического герба. В статье приводится описание перстня и анализ изображения на нем. Первоначально воспринятый как личная печать представителя определенного дворянского рода, перстень оказался образцом так называемой «псевдогеральдики» (термин возник в среде дактилофилистов) — простонародного увлечения изготовлением перстней и колец, украшенных изображением геральдических фигур, но не имеющих отношения ни к геральдике, ни к конкретному родовому гербу. Набор геральдических элементов, декорирующих перстень, не сочетается в единую геральдическую композицию и не может являться гербом. Изготовление таких изделий, было распространенным явлением, начало которого относится к XVIII в. и получило в России достаточно широкое распространение.

Ключевые слова: перстень с псевдогеральдической печатью, XVIII–XIX вв., геральдика, псевдогеральдика, музей «Город»

Благодарности: авторы выражают благодарность дирекции музея «Город» за возможность знакомства с коллекцией.

Для цитирования: Калашников Д.С., Чекрыжова О.И. Перстень с псевдогеральдической печатью из собрания барнаульского музея «Город» // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 34–38. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.05

PSEUDO-HERALDIC RING FROM THE COLLECTION OF THE BARNAUL MUSEUM “GOROD”

Dmitry S. Kalashnikov, Oksana I. Chekryzhova

¹Museum “Gorod”, Barnaul, Russia

²Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. In the collection of the Barnaul museum “Gorod” there is a small selection of rings with various images on the work site. The ring with the image of the heraldic coat of arms aroused the greatest interest. This article provides a description of the actual ring and the analysis of the image on it. Initially perceived as the personal seal of a representative of a certain noble family, the ring, as it turned out as a result of his research, turned out to be a sample of the so-called “pseudo-heraldry” (the term originated among dactylophilists) — a popular hobby for making rings and rings decorated with the image of heraldic figures, but having nothing to do with either heraldry or a specific generic coat of arms. The manufacture of pseudo-heraldic products, the beginning of which dates back to the XVIII century, has become quite widespread in Russia.

Keywords: pseudo-heraldic ring, 18–19th centuries, heraldry, pseudo-heraldry, Museum “Gorod”

Acknowledgements: The authors express gratitude to the directorate of the museum “Gorod” for the opportunity to get acquainted with the collection.

For citations: Kalashnikov D.S., Chekryzhova O.I. Pseudo-Heraldic Ring from the Collection of the Barnaul Museum “Gorod” // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 34–38. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.05

В собрании барнаульского музея «Город» есть несколько перстней с печатками, датируемых предположительно XIX в. Наибольший интерес представляет один из них, с геральдическим изображением на площадке (рис. 1).

Перстень изготовлен из металла белого цвета. Некогда позолоченная поверхность (следы позолоты просматриваются при большом увеличении) потемнела и местами имеет почти черный цвет. Масса 9,4 г. Максимальный внешний диаметр кольца — 24 мм. Внутренний диаметр — 20 мм. Площадка овальной формы 17×15 мм.

Внутренняя поверхность кольца гладкая, со следами грубой опилки. На внешней стороне просматривается практически стертый рельефный растительный орнамент. Внешний край площадки оформлен зубчатым фальшивым рантом — соединительным элементом для крепления каста (оправы камня в перстне) к собственно кольцу.

На самой площадке печати расположено вдавленное изображение, первоначально оцененное в качестве геральдического дворянского герба.

В центре геральдической композиции расположен круглый византийский щит, ограниченный по окружности точечным орнаментом. Поверхность щита гладкая, следов деления поля и изображений на нем не просматривается.

Над гербовым щитом расположено изображение дворянской короны с тремя листовидными зубцами и двумя жемчужинами между ними (рис. 2–3).

Изображение такой короны, скопированное с рыцарских и дворянских корон Западной Европы, использовалось и дворянскими родами России (Арсеньев, 1908а, с. 233).

Позади всего герба помещена гербовая мантия, или сень, имеющая вид широкой занавеси, образуя вокруг герба своеобразный шатер. В верхней части, в центре и по углам, мантия «подхвачена» шнурами (?). Корона достоинства, как и предписано требованиями геральдики, увенчивает мантию по центру (Арсеньев, 1908б, с. 243).

Таким образом, гербовое изображение на площадке печати выполнено с соблюдением требований геральдики, однако нет определенных доказательств принадлежности данного изделия к какому-то конкретному дворянскому роду.

Во-первых, присутствующее на гербе изображение мантии (сени) всегда было отличительным признаком верховной власти. В России изображение мантии, помимо гербов императорской фамилии, гербов княжеских фамилий высшего дворянства, могло использоваться в гербах некоторыми дворянскими фамилиями, происшедшими от удельных князей и сохранившими княжеские гербы с соответствующими атрибутами (Арсеньев, 1908б, с. 243).

Рис. 1. Перстень с псевдогеральдической печаткой
Fig. 1. A pseudo-heraldic ring

Рис. 4. Герб дворянского рода Еропкиных
Fig. 4. Coat of arms of the Eropkins noble family

Рис. 2. Дворянская корона в российской геральдике
Fig. 2. Noble crown in the Russian heraldry

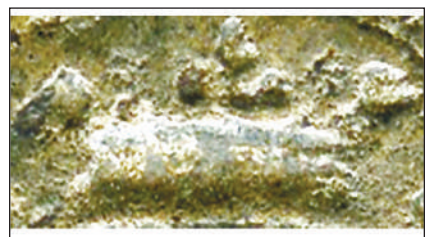

Рис. 3. Изображение геральдической короны на печатке
Fig. 3. The image of the heraldic crown on the ring

Рис. 5. Перстень с псевдогеральдической печаткой, найденный на территории Алтайского края
Fig. 5. A ring with a pseudo-heraldic seal found on the territory of the Altai Territory

В данном случае мантия никак не сочетается с простой дворянской короной. Для сравнения, родовой герб дворян Еропкиных, утративших княжеское достоинство, но происходящих от Ивана Остафьевича Яропки (Рюриковича), увенчан именно княжеской геральдической короной (рис. 4) (Герб дворянского рода Еропкиных. ЦГАМ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 657. Л. 23).

Во-вторых, на изделии нет ни пробирного, ни удостоверительного клейма, что вызывает сомнения в материале изготовления. Вероятнее всего, это не серебро, а бронза с содержанием предположительно олова не менее 33%, что и придает ей белый цвет. Масса его также не соответствует серебряному изделию сходных параметров.

Наконец, для перстня, принадлежавшего представителю дворянского рода, имеющему княжеское происхождение, он имеет слишком грубо обработанную внутреннюю поверхность, несущую следы опиловки и имеющую каверны, что говорит о литье не самого высокого качества.

Таким образом, в изображении, декорирующем площадку перстня, сочетаются различные геральдические элементы, объединение которых в одну композицию противоречит законам геральдики. Они не несут определенного смысла, а используются владельцами довольно вольно в декоративных и статусных целях. Все вышеизложенное указывает на то, что рассматриваемое изделие не имеет отношения к гербовым перстням-печаткам. Оно принадлежит к достаточно многочисленному и интересному явлению — псевдогеральдике. Этим термином, появившимся в среде дактилофилистов (коллекционеров перстней и колец), называют изображения, имеющие гербовую атрибутику, но не являющиеся гербами. Такие перстни под влиянием моды на геральдическую атрибутику довольно активно бытовали в различных слоях российского общества, не имеющих права на фамильные гербы. Чаще всего они выполнялись из недорогих материалов, но носили следы позолоты (Данилов, 2015, с. 105).

Такие псевдогеральдические изделия, имеющие достаточно широкое распространение, появляющиеся практически одновременно с российской геральдикой¹, судя по всему, изготавливались и бытовали на территории всей Российской Империи (Алиева, 2012, с. 102), в том числе и на Алтае, о чем говорят их находки, сделанные на территории края (рис. 5)².

Список источников

Алиева Т.А. Некоторые данные о деталях костюма и украшениях тоболяков в XVII–XIX вв. // *Ab Origine: Археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета*. Тюмень, 2012. С. 92–105. Вып. 4.

Арсеньев Ю.В. Геральдика. Лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907–1908 году. Лекция XVII. М., 1908а. 383 с., ил.

Арсеньев Ю.В. Геральдика. Лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907–1908 году. Лекция XVIII. М., 1908б. 383 с., ил.

¹ Шибаев Денис. Старинные перстни и кольца: слово в защиту псевдогеральдики // *Дзен*. URL: <https://dzen.ru/a/YAV-4JTcvU6mfTPt>

² Форум кладоискателей: <https://mdrussia.ru/topic/116374-pechatka-na-atribuciyu/>

Герб дворянского рода Еропкиных. ЦГАМ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 657. Л. 23.
Данилов П.С. Именной перстень-печатка с базарной площади Царевококшайска // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. №4(36). С. 103–105.

Информация об авторах / Information about the Authors

Дмитрий Сергеевич Калашников, Музей «Город», старший научный сотрудник; 656056, г. Барнаул, ул. Л. Толстого, 24, kds512@mail.ru

Dmitry S. Kalashnikov, Museum “Gorod”, Senior Researcher; 656056, Barnaul, L. Tolstogo str., 24, kds512@mail.ru

Оксана Ивановна Чекрыжова, Алтайский государственный университет, кафедра отечественной истории, доцент; 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61; кандидат исторических наук; niigi@yandex.ru

Oksana I. Chekryzhova, Altai State University, Department of National History, Associate Professor; 656049, Barnaul, Lenin av., 61; Candidate of Historical Sciences; niigi@yandex.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 069.614

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.06

РАБОТЫ СЕКТОРА АРХЕОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 2022 ГОДУ (Россия)

**Герберт Анатольевич Миляев, Роман Владимирович Белоусов,
Сергей Сергеевич Запрудский, Антон Сергеевич Леонов,
Ксения Дмитриевна Рябцева**

*Управление государственной охраны объектов культурного наследия
Алтайского края, Барнаул, Россия*

Резюме. В статье приводятся основные результаты работ созданного в 2019 г. Сектора археологии отдела государственного надзора Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края. Важнейшими направлениями деятельности Сектора археологии в рамках переданных федеральных полномочий являются: систематическое наблюдение в отношении объектов археологического наследия, выявление повреждений в результате незаконных и несогласованных археологических работ, а также проведение мероприятий по сохранению и защите памятников археологии. В результате этой деятельности проведен внешний визуальный осмотр и фотофиксация 460 объектов археологического наследия, на трех из которых установлены факты повреждения в результате незаконных и несанкционированных работ. В статье освещена деятельность сотрудников Сектора археологии в нормативно-правовой и практической сфере охраны объектов культурного наследия за 2022 год.

Ключевые слова: Сектор археологии, объекты культурного наследия, поселение, могильник, курган, культурный слой, керамический сосуд, археологические предметы

Для цитирования: Миляев Г.А., Белусов Р.В., Запрудский С.С., Леонов А.С., Рябцева К.Д. Работы сектора археологии Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края в 2022 году (Россия) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 38–42. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.06

THE WORK OF THE ARCHEOLOGY SECTOR OF THE DEPARTMENT OF STATE PROTECTION OF THE CULTURAL HERITAGE IN THE ALTAI REGION IN 2022 (Russia)

**Gerbert A. Milyaev, Roman V. Belousov, Serg S. Zaprudsky,
Aton S. Leonov, Ksenia D. Ryabtseva**

*The Department of State Protection of the Cultural Heritage in the Altai Region,
Barnaul, Russia*

Abstract. The article is devoted to the main results of the work of the Archaeology Sector of the Department of State Supervision in the Department of State Protection of the Cultural Heritage of the Altai Region, created in 2019. The most important areas of activity of the Archaeology Sector within the framework of the transferred federal powers are systematic observation of objects of archaeological heritage, identification of damage because of illegal and unauthorized archaeological work, as well as the implementation of measures for the preservation and protection of archaeological sites. As a result, an external visual inspection and photographic recording of 460 objects of the archaeological heritage were conducted. Also, several facts of damage to objects of archaeological heritage because of illegal archaeological and unauthorized have been established. The article highlights the work of the staff of the Archeology Sector in the legal and practical sphere of the protection of cultural heritage in 2022.

Keywords: sector of archeology, objects of cultural heritage, settlement, burial mound, cultural layer, ceramic vessel, archaeological items

For citations: Milyaev G.A., Belousov R.V., Zaprudsky S.S., Leonov A.S., Ryabtseva K.D. The Work of the Archeology Sector of the Department of State Protection of the Cultural Heritage in the Altai Region in 2022 (Russia) // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 38–42. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.06

В 2019 г. в соответствии с полномочиями по осуществлению федерального государственного надзора в области охраны объектов культурного наследия в Управлении государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края создан сектор археологии отдела государственного надзора управления (далее — Сектор). В рамках полномочий по осуществлению федерального государственного надзора в области охраны объектов культурного наследия (ФЗ №73, ст. 9.1, п. 1)¹ и в соответствии со своими компетенциями Сектор осуществляет весь спектр предусмотренных законом мероприятий в отношении объектов археологического наследия, их некоторые результаты представлены в настоящей статье.

¹ Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 №73-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/

Ежегодно осуществляется осмотр 20% объектов культурного наследия федерального значения. Благодаря увеличению субвенции четвертый год подряд выполняется установленный приказом Минкультуры России от 20 апреля 2016 г. № 876 показатель эффективности исполнения федеральных полномочий. Указанная работа позволяет своевременно выявлять факты повреждения объектов наследия и привлекать к ответственности виновных лиц. Так, в 2022 г. Сектором осуществлялись мероприятия по систематическому наблюдению в отношении 460 объектов археологического наследия (162 поселения, 139 курганных могильников, 74 одиночных кургана, 32 грунтовых могильника, 16 стоянок, 10 местонахождений, 24 городища, три ансамбля).

За четыре года работы осмотрено 1580 объектов археологического наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, которые расположены на территории 59 муниципальных образований края.

В ходе плановых мероприятий по мониторингу состояния памятников археологии в Шипуновском районе сотрудниками Сектора выявлен факт повреждения объектов археологического наследия. На археологических сооружениях (курганах) объектов археологического наследия «Защита, курганная группа», «Новый путь, курган» и «Эстония VIII, курганная группа» зафиксированы повреждения поверхности в виде выемок грунта. Материалы направлены в правоохранительные органы Шипуновского района для принятия процессуальных решений.

Управлением за счет средств краевого бюджета организованы работы по определению границ территорий 48 объектов археологического наследия, расположенных на территории Шипуновского района. В настоящее время границами территорий обеспечено 190 объектов археологического наследия, что составляет 8,4% от общего количества археологических объектов, зарегистрированных в едином государственном реестре объектов культурного наследия на территории Алтайского края (2263 объекта). В отношении 48 объектов археологического наследия утверждены охранные обязательства.

В 2022 г. Сектор осуществлял разработку проектов предметов охраны объектов археологического наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия. Для обоснования проектов предмета охраны привлекались материалы результатов историко-культурных (археологических) исследований, содержащихся в научных отчетах, материалах картографирования, результатах мониторинга данных об объектах археологического наследия, материалах мероприятий по наблюдению в отношении объектов археологического наследия, а также многочисленные публикации исследователей. На основании проделанной работы в 2022 г. утверждено 315 предметов охраны объектов археологического наследия для различных типов объектов: курганные и грунтовые могильники, поселения, городища, пещеры, стоянки и местонахождения. Данные правовые акты утверждены на основании подготовленной специалистами Сектора проектной документации. Всего за четыре года работы удалось обеспечить предметами охраны

1651 (73%) объект археологического наследия из 2263, зарегистрированных в едином государственном реестре объектов культурного наследия.

Ежегодно актуализируются сведения в отношении объектов археологического наследия, размещенные в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Сектором продолжена работа с Министерством цифрового развития и связи Алтайского края по формированию базы данных результатов дистанционного зондирования Земли техническими аппаратами (спутниками) Госкорпорации «Роскосмос». С 2021 г. формируется архив съемок с космических аппаратов «Роскосмоса» для мониторинга состояния объектов археологического наследия, обеспеченных границами территорий.

По инициативе Президента Российской Федерации 2022 г. объявлен Годом культурного наследия народов России. В Алтайском крае памятникам истории и культуры региона было посвящено более 70 праздничных мероприятий, фестивалей, выставок, просветительских проектов и конференций.

Сотрудники Сектора приняли участие в организации и проведении шести зональных семинаров-совещаний в городах Бийске и Славгороде, а также в Чарышском, Каменском, Заринском и Егорьевском районах. На мероприятиях обсуждались вопросы реализации государственной политики в сфере сохранения и охраны объектов культурного наследия, профилактики основных нарушений законодательства, а также актуальные проблемы изучения и использования памятников истории и культуры. На семинарах присутствовали заместители глав администраций городов и районов по социальным вопросам, руководители органов культуры муниципальных образований, а также руководители, курирующие имущественные и земельные вопросы муниципальных образований региона.

В рамках Года культурного наследия народов России сотрудники «Сектора» подготовили и провели три культурно-просветительских лекции для общественности по вопросам культурно-исторического наследия Алтайского края.

Одним из направлений деятельности «Сектора» являются мероприятия по включению объекта археологического наследия «Денисова пещера» в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Данный памятник представляет собой уникальную научную (археологическую) ценность и отвечает основным критериям для включения в список всемирного наследия.

Заявка на включение Денисовой пещеры в Предварительный список всемирного наследия ЮНЕСКО, подготовленная Управлением совместно с сотрудниками Института археологии и этнографии СО РАН, получила положительное заключение Центра всемирного наследия (г. Париж). Денисова пещера включена в Предварительный список всемирного наследия ЮНЕСКО от Российской Федерации 21 октября 2022 г.

Сектором планируется продолжить работу по основным направлениям деятельности в рамках полномочий по осуществлению федерального государственного надзора в области охраны объектов культурного наследия и в соответствии со своими компетенциями.

Информация об авторах / Information about the Authors

Герберт Анатольевич Миляев, Управление государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края, ведущий специалист; 656038, Россия, г. Барнаул, ул. Кирова 25а, gerbertmilyaev@yandex.com

Gerbert A. Milyaev, the Department of State Protection of the Cultural Heritage of the Altai Region, Leading specialist; 656038, Russia, Barnaul, Kirova str. 25a, gerbertmilyaev@yandex.com

Роман Владимирович Белоусов, Управление государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края, главный специалист; 656038, Россия, г. Барнаул, ул. Кирова 25а, rombelousov@yandex.ru

Roman V. Belousov, the Department of State Protection of the Cultural Heritage of the Altai Region, main specialist, 656038, Russia, Barnaul, Kirova str. 25a, rombelousov@yandex.ru

Сергей Сергеевич Запрудский, Управление государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края, ведущий специалист; 656038, Россия, г. Барнаул, ул. Кирова 25а; кандидат исторических наук; ssz14121980@mail.ru

Sergei S. Zaprudsky, the Department of State Protection of the Cultural Heritage of the Altai Region, Leading specialist; 656038, Russia, Barnaul, Kirova str. 25a; PhD in History; ssz14121980@mail.ru

Антон Сергеевич Леонов, Управление государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края, ведущий специалист; 656038, Россия, г. Барнаул, ул. Кирова, 25а, leonov0309@mail.ru

Anton S. Leonov, Department of State Protection of the Cultural Heritage in the Altai Region, Leading Specialist; 656038, Russia, Barnaul, Kirova str. 25a, leonov0309@mail.ru

Ксения Дмитриевна Рябцева, Управление государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края, заместитель начальника управления; 656038, Россия, г. Барнаул, ул. Кирова 25а, kseniya-ryabceva@mail.ru

Ksenia D. Ryabtseva, Department of State Protection of the Cultural Heritage of the Altai Region, Deputy Head of the Department; 656038, Russia, Barnaul, Kirova str. 25a, kseniya-ryabceva@mail.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 7.071.1(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.07

НАСЛЕДИЕ НАРОДНОГО ХУДОЖНИКА РФ МИХАИЛА ЯКОВЛЕВИЧА БУДКЕЕВА: 100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Алена Николаевна Пашкова

*Алтайский государственный университет,
Музей «Город», Барнаул, Россия*

Резюме. В настоящее время становится актуальным анализ деятельности художников, которые стояли у истоков формирования традиций живописи Алтайского края. Для этого важно исследовать творческое наследие предшественников. В статье представлены результаты совместной работы автора статьи, сотрудников выставоч-

ного зала музея «Город» и С.М. Будкеева по организации персональной выставки, посвященной 100-летию со дня рождения единственного в Алтайском крае народного художника РФ М.Я. Будкеева. Впервые публикуются материалы, полученные в ходе интервью об этюдном собрании Михаила Яковлевича, которое ранее не экспонировалось. На персональной выставке художника было представлено более 200 работ, которые отражают лишь малую часть его творческого наследия. Излюбленные темы народного художника РФ, его отношение к искусству, поиски себя и своего индивидуального стиля представлены по воспоминаниям его сына.

Ключевые слова: Алтайский край, М.Я. Будкеев, народный художник РФ, 100-летний юбилей, творческое наследие, Союз художников России

Благодарности: автор выражает благодарность доктору искусствоведения, профессору кафедры искусств АлтГУ Сергею Михайловичу Будкееву за уникальное интервью о творчестве и жизни его отца Михаила Яковлевича.

Для цитирования: Пашкова А.Н. Наследие народного художника России Михаила Яковлевича Будкеева: 100 лет со дня рождения // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 42–47. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.07

THE LEGACY OF THE PEOPLE'S ARTIST OF RUSSIA MIKHAIL YAKOVLEVICH BUDKEEV: 100 YEARS SINCE HIS BIRTH

Alena N. Pashkova

Altai State University, Museum "City", Barnaul, Russia

Abstract. Currently, it is becoming relevant to analyze the activities of the artists who stood at the origins of the formation of the traditions of painting in the Altai Krai. To do this, it is important to explore the creative legacy of predecessors. The article presents the results of the joint work of the author of the article, the employees of the exhibition hall of the "City" museum and S.M. Budkeev on the organization of a personal exhibition dedicated to the 100th anniversary of the birth of the only People's Artist of the Russian Federation in the Altai Krai, M.Ya. Budkeev. The article for the first time publishes the materials obtained during an interview about Mikhail Yakovlevich's sketch collection, which has not been exhibited before. More than 200 works were presented at the artist's personal exhibition, which reflect only a small part of his creative heritage. The favorite themes of the People's Artist of the Russian Federation, his attitude to art, the search for himself and his individual style, are presented according to the memoirs of his son.

Keywords: Altai Krai, M.Ya. Budkeev, People's Artist of the Russian Federation, 100th anniversary, creative heritage, Union of Artists of Russia

Acknowledgements: the author expresses gratitude to Sergey Mikhailovich Budkeev, Doctor of Art History, Professor of the Department of Arts of Altai State University, for a unique interview about the work and life of his father Mikhail Yakovlevich.

For citation: Pashkova A.N. The Legacy of the People's Artist of Russia Mikhail Yakovlevich Budkeev: 100 Years since His Birth // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 42–47. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.07

23 декабря 2022 г. исполнилось 100 лет со дня рождения народного художника РФ Михаила Яковлевича Будкеева.

Столетний юбилей — это уникальная дата в жизни и творчестве мастера архитектурных образов Барнаула и пейзажей Алтая, именно поэтому в день

рождения художника состоялось открытие его персональной выставки в выставочном зале музея «Город», организованной его сыном Сергеем Михайловичем, при поддержке Алтайской краевой организации Союза художников России.

История жизни Михаила Яковлевича — это история эпохи, в которой ярко переплетается быт крестьянской семьи, ломка привычных идеалов в советское время, Великая Отечественная война, куда он пошел добровольцем, ранение на Курской дуге и долгое восстановление в послевоенное время, начало творческого пути в Бийском драматическом театре художником-декоратором (рис. 1).

С 1949 г. Михаил Яковлевич Будкеев участвовал во многих региональных, всероссийских и зарубежных выставках: «Нивы Алтая» (Москва, 1983), «Выставка произведений художников Алтая» (Саппоро, Япония, 1984); «Алтай — горы дружбы» (Кобдо, Монголия, 1988); «Русская галерея» (Даллас, США, 1993); «Земля Алтайская» (Улан-Батор, Монголия, 2006); региональная выставка «Сибирь-Х» (Новосибирск, 2008); всероссийская выставка «Россия-ХI» (Москва, 2009), Первая Новосибирская межрегиональная художественная выставка «Красный проспект» (Новосибирск, 2011) и др. (Олейник, 2005, с. 103).

С 1954 г. Михаил Яковлевич жил и работал в Барнауле. Он принимал активное участие в общественной деятельности и жизни города. Являлся одним из основателей Алтайского отделения Союза художников РСФСР, многократно избирался в правление Алтайской организации Союза художников, а с 1971 по 1975 г. являлся председателем правления, был делегатом второго и третьего съездов Союза художников России, четвертого и пятого съездов Союза художников СССР. Художник награжден орденом Отечественной войны первой степени (1985); медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945); «За отвагу» (1965); «За освоение целинных земель» (1972); «За трудовую доблесть» (1973); «Ветеран труда» (1985); медалью имени Г.И. Гуркина (2001 г.) другими наградами (Олейник, 2005, с. 101).

Михаил Яковлевич Будкеев — единственный в Алтайском крае художник, удостоенный столь высокого и почетного звания: «Народный художник РФ». Автор статьи, работая над исследованием творческого наследия художника, взяла интервью у сына Сергея Михайловича, который предоставил материалы об этюдном собрании художника и его уникальном художественном восприятии окружающего мира, ранее не опубликованные.

На выставке было представлено самое большое число работ за всю историю одновременно — свыше двухсот. Впервые в экспозиции демонстрировались этюды, которые ранее не экспонировались. Это богатейшее этюдное наследие, уникальная коллекция, которая начинается с 1950-х гг. и продолжается на протяжении последующих десятилетий XX в. Наследие демонстрирует художника, его состоявшийся индивидуальный творческий стиль и профессионализм уже в 1950-е гг. Михаил Яковлевич всегда относился к себе критично и не упускал возможности поучиться у великих художников прошлого и современников по дневникам, книгам, в кругу единомышленников на творческих дачах и пленэрах (рис. 2).

Рис. 1. Гвардии лейтенант Михаил Будкеев во время боев на Курской дуге. 1943 г.
(фотография из личного архива художника)
Fig. 1. Guards Lieutenant Mikhail Budkeev during the battles on the Kursk Bulge. 1943
(photo from the artist's personal archive)

Рис. 2. Творческая дача. Байкал. 1960 г. (фотография из личного архива художника)
Fig. 2. Creative cottage. Baikal. 1960 (photo from the artist's personal archive)

Индивидуальный стиль художника сформировался довольно быстро, однако Михаил Яковлевич любил экспериментировать; отклонения в сторону декоративности, упрощенности, отсутствия полутонов и авангардистские тенденции наблюдались в 1960-е — начале 1970-х гг. в его работах. Это были временные тенденции, связанные с поисками чего-то нового, однако стабильный индивидуальный художественный стиль на протяжении всего творческого пути оставался неизменным. Недаром искусствоведы говорят, что Михаил Яковлевич Будкеев всегда узнаваем.

Пейзажи Горного Алтая, Байкал, Псков, Армения, Крым и другие этюдные наброски раннего периода творчества народного художника РФ в день юбилея экспонировались впервые по инициативе его сына Сергея Михайловича. Художник всегда был очень критичен к своему творчеству, стремился к созданию качественных работ в ущерб количеству. Именно поэтому в его полном собрании, которое насчитывает больше тысячи работ, практически нет слабых.

Михаил Яковлевич много путешествовал по Горному Алтаю и Монголии. Первозданная природа этих мест вдохновляла художника, зачастую в конце 40-х — начале 60-х гг. XX в. он был первопроходцем в самых дальних уголках Саяно-Алтайских гор. Работая с натуры, вспоминает его сын, он мог за 20 минут написать потрясающий этюд благодаря умению поймать то самое состояние окружающей природы. Пейзажи были любимой темой в творчестве Михаила Яковлевича.

Яркая страница творческой жизни народного художника связана с работой над городскими пейзажами Барнаула. Представленные в произведениях мастера образы отражают давно утраченные здания из исторического прошлого Барнаула и современный облик нашего города. Портретная живопись нашла свое отражение в создании серии работ, передающих особые типы, которые были интересны художнику с точки зрения выражения сущности человека и его эпохи. В коллекции представлено и большое число натюрмортов, написанных в разные периоды жизни.

Исследованием собрания художественного творчества Михаила Яковлевича Будкеева занимается автор статьи совместно с сыном художника, доктором искусствоведения, заслуженным деятелем искусств РФ Сергеем Михайловичем Будкеевым. В данный момент идет камеральная работа — атрибуция и систематизация всего творческого наследия художника, фотофиксация произведений, исследовательская работа по жанрам и временным периодам.

Михаил Яковлевич работал до последних дней своей жизни, он буквально умер с кистью в руках. В работе у художника всегда одновременно было несколько картин. Последней картиной, стоящей на мольберте, стала «Пора цветения» (2019 г.), на которой мастер изображал цветение маральника и альпийские луга Горного Алтая.

По воспоминаниям его сына, Михаил Яковлевич всегда утверждал, что работу закончить нельзя, ее можно лишь прекратить. И сам он не раз возвращался к прошлым произведениям, дорабатывал их на основе последующего жизненного опыта. Художник обладал великолепной зрительной памятью, многие работы в последние годы жизни он писал по памяти, совершенно

феноменально. Творчество художника многогранно и разнообразно, основано на лучших традициях русской реалистической школы. Работая в разных жанрах: тематического пейзажа, портрета и натюрморта, мастер четко отображал современный мир, созвучный его внутреннему миру.

В заключение хотелось бы отметить, что персональная выставка «Михаил Будкеев: 100 лет», организованная в выставочном зале музея «Город», имела огромный успех. В рамках художественной экспозиции автором статьи и научными сотрудниками выставочного зала музея «Город» был организован концерт классической органной музыки в исполнении Сергея Михайловича Будкеева и солистов Музыкального театра Алтайского края. Синтез художественного искусства и классической музыки позволил создать особую эстетическую атмосферу полной погруженности в удивительный мир творческих образов народного художника России Михаила Яковлевича Будкеева.

Список источников

Олейник В.С. Художники Алтайского края: библиографический словарь: в 2 т. Т. 1: А-Л. Барнаул, 2005. 453 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Алена Николаевна Пашкова, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант; Музей «Город», научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; <https://orcid.org/0000-0003-2208-5503>, Beskupin@yandex.ru

Alena N. Pashkova, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, postgraduate student; "City", Museum researcher; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61; <https://orcid.org/0000-0003-2208-5503>, Beskupin@yandex.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 069.51:929.55

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.08

ЧУГУННЫЕ НАДГРОБИЯ XVIII — 1-й ПОЛОВИНЫ XIX в. ИЗ МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ И НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ (к вопросу о музеефикации надгробий и пополнении сведений о русской палеографии)

Пилипенко Сергей Алексеевич¹, Головченко Николай Николаевич²

¹Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск, Россия

²Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Резюме. В научный оборот вводятся сведения об уникальных чугунных надгробиях XVIII–XIX вв. Дарьи Тимофеевны Сутуповой из собраний Историко-краеведческого музея Алтайского государственного педагогического университета и Ан-

дрия Михайловича Залесова из Кольванского краеведческого музея. Анализируются представленные на плитах эпитафии. Обращается внимание научного сообщества на недооценку надгробных памятников как значимых объектов русской археологии рубежа XVIII–XIX вв., а также на необходимость изучения русской палеографии по вещественным источникам. В ходе исследования авторы приходят к выводу о том, что надгробия являются признаком принадлежности к зажиточной части общества и ценным многоаспектным историческим источником.

Ключевые слова: чугунные надгробия, Нагорное кладбище, Барнаул, Кольвань, АлтГПУ

Благодарности: выражаем благодарность сотрудникам Кольванского краеведческого музея и Е.Л. Пилипенко за предоставление информации и уникальных фотоматериалов из своих фондов.

Для цитирования: Пилипенко С.А., Головченко Н.Н. Чугунные надгробия XVIII — 1-й половины XIX в. из музейных собраний Алтайского края и Новосибирской области (к вопросу о музеефикации надгробий и пополнении сведений о русской палеографии) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 47–55. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.08

CAST-IRON TOMBSTONES OF THE 18th — THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURIES FROM THE MUSEUM COLLECTIONS OF THE ALTAI TERRITORY AND THE NOVOSIBIRSK REGION (on the Questions of the Museumification of Tombstones and the Replenishment of the Russian Paleography)

Sergey A. Pilipenko¹, Nikolai N. Golovchenko²

¹*Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia*

²*Altai State Pedagogical University, Russia*

Abstract. Information about unique cast-iron tombstones of the 18th—19th centuries is introduced into scientific circulation. Daria Timofeevna Sutupova from the collections of the Museum of Local Lore of Altai State Pedagogical University and Andrey Mikhailovich Zalesov from the Kolyvan Museum of Local Lore. The epitaphs presented on the plates have been analyzed. The attention of the scientific community is drawn to the underestimation of tombstones as significant objects of Russian archaeology at the turn of the 18th–19th centuries, as well as to the need to study Russian paleography from material sources. In the course of the study, the authors come to the conclusion that tombstones are a sign of the well-to-do part of society and a valuable multidimensional historical source.

Keywords: cast-iron tombstones, Nagorny cemetery, Barnaul, Kolyvan, AltGPU

Acknowledgements: we express our gratitude to the staff of the Kolyvan Museum of Local Lore and Pilipenko E.L. for providing information and unique photographic materials from their funds.

For citations: Pilipenko S.A., Golovchenko N.N. Cast-Iron Tombstones of the 18th — the First Half of the 19th Centuries from the Museum Collections of the Altai Territory and the Novosibirsk Region (on the Questions of the Museumification of Tombstones and the Replenishment of the Russian Paleography) // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 47–55. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.08

За последние несколько веков в ходе борьбы с «пережитками старого режима», урбанизацией городов и в результате банального равнодушного

отношения к своему прошлому были уничтожены сотни кладбищ и памятников с эпитафиями, снесены или перестроены старые строения, утилизированы надписи с дореволюционной графикой.

Настоящее время также характеризуется игнорированием проблем сохранения объектов исторического наследия начала XVIII — XIX в. К сожалению, это утверждение равно применимо к кладбищам и надгробным памятникам (Пилипенко, Снегурова, 2008, с. 12–15; Пилипенко, 2013, с. 153–156; 2018, с. 30–34; Головченко, 2019, с. 50–52).

Актуальной задачей, стоящей перед археологическим сообществом, является выявление, сохранение и музеефикация надгробных памятников XVIII–XIX вв. В данной работе рассматриваются два самых ранних музеефицированных надгробья, происходящие с территории бывшей Томской губернии Российской империи: из Кольвани (Новосибирская область) и г. Барнаула (Алтайский край). Цель предлагаемого исследования — введение в научный оборот и систематизация сведений о чугунных надгробиях XVIII–XIX вв., а также расширение фактологической базы дореволюционной русской эпитафики юга Западной Сибири.

Первое анализируемое нами надгробье происходит из г. Барнаула (вероятно, с территории Нагорного кладбища). Оно было доставлено в Историко-краеведческий музей Барнаульского государственного педагогического института (ныне Алтайского государственного педагогического университета) на рубеже 1980–1990-х гг. (ИКМ АлтГПУ. ОФ 205 11.04.1997).

Нагорное кладбище г. Барнаула представляет собой богатый разнообразными находками 2-й половины XVIII — начала XX в. памятник культурного наследия, изучающийся специалистами уже не первый год. Одно из последних исследований о нем посвящено склепу XIX в. (Калашников, Ситников, 2020, с. 263). Однако установить, точно ли рассматриваемое надгробье выявлено именно там, нам не удалось.

Плита из музея Алтайского государственного педагогического университета сохранилась на 1/4 своей длины (рис. 1.-1). Фрагмент высотой 50–64 см, шириной 65 см и толщиной 1 см. Плита обломана на 1/4 сверху и на 2/4 своей длины снизу. Верхний, нижний и правый края плиты имеют неровные края. Левый край плиты сохранил рельефный бортик обрамления. Внешняя сторона плиты имеет дефекты литья. Каждый заказ на изготовление надгробной плиты был уникальным и всегда отрабатывался в единственном экземпляре. Скорее всего, надпись создавалась по восковой модели в зеркальном порядке. Потом модель отпечатывалась, возможно, на специально подготовленном участке двора литейного цеха. Литье производилось в одностороннюю форму большого размера.

На поверхности фрагмента надгробной чугунной плиты имеется эпитафия, от которой сохранилось пять строчек. Несмотря на повреждение правой стороны плиты, текст сохранился полностью. Он набран литерой и выполнен в старой, дореформенной орфографии, отражающей палеографические особенности шрифта конца XVIII в. Надпись сохранилась не полностью, но

с начала ее содержания. Она гласит: «На семъ мѣстѣ погребена Порудчика Федора Сутупова жена Дарья Тимофѣевна, родившаяся 1744...». Нижняя часть плиты с окончанием надписи утрачена. Отдельные слова в строчках начинаются с заглавной буквы.

Второе чугунное надгробие происходит из собрания Колыванского краеведческого музея (ККМ. ОФ КП 2809). Плита поступила от жителя деревни Чаус Виталия Федоровича Орлова в 1979 г. В легенде к предмету сотрудниками музея записано следующее: «Федор Александрович Орлов, отец, привез плиту еще до войны из церковной ограды Чаусской церкви. Спустя много лет при встрече на открытии музея разговор коснулся плиты. И тогда Виталий Федорович указал, где она сейчас находится в селе Чаус. С помощью сотрудников музея плита была привезена в музей в 1979 году».

Плита сохранилась полностью (рис. 1.-2), ее размеры: длина 137 см, ширина в верхней части 70 см, в нижней — 63 см. Плита четырехугольной формы, расширяющаяся кверху. На капитуле изображена фигура в форме солнца, внутрь которой помещен треугольник с надписью «Богъ». В нижней части плиты изображены фигуры людей (возможно, ангелов).

На плите сохранилась полная эпитафия в 11 строчек: «На сѣмъ мѣстѣ погребенъ Штаб-лекаръ Андрей Михайлович Залесовъ, который родился въ Ноябрь 1771, скончался въ Июль 1812 года, служил при Колыванских заводахъ 27 лет» (Из музейных собраний..., 2009, с. 61).

Изыскание о людях, погребенных под этими надгробными плитами, необходимо начать с характеристики их социального положения, определяемого упомянутыми титулами и званиями.

Согласно правилам о соотношении титулов и обращений, закрепленных в «Табели о рангах» Петра I (1722 г.), в Российской империи вводилось деление дворянского и служилого сословия на классы и чины. «Табель о рангах» просуществовала с различными изменениями и уточнениями до 1917 г., пока ее не отменил Декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», подписанный 23 (10 по старому стилю) ноября 1917 года председателем ЦИК Яковом Свердловым и председателем Совнаркома Владимиром Лениным¹.

Чин поручика в русской армии к концу XVIII в. относился к 12 рангу, сухопутных войск и кавалерии. В пехоте он соответствовал званию лейтенанта или губернскому секретарю гражданской службы, с обращением «Ваше благородие», дававшим право на личное дворянство.

Поручик Федор Сутупов мог быть дворянином — офицером одного из конных полков, возможно, драгунского, расквартированных в самом г. Барнауле или где-то на территории Алтайского округа Томской губернии.

Звание «поручик» на рубеже XVIII — 1-й половины XIX в. в соответствии с принятыми тогда нормами правописания писалось через букву «Д», как мы и видим на надгробии Д.Т. Сутуповой (рис. 1.-1).

¹ Как русская армия лишилась чинов и званий // История. РФ. URL: <https://histrf.ru/read/articles/kak-russkaia-armiia-lishilas-chinov-i-zvanii>

Чин штаб-лекаря в российской армии XVIII — 1-й половины XIX в. представлял собой военное звание старшего (полкового) врача. Медицинская часть устроена была так, что при каждой дивизии находились доктор и штаб-лекарь; при полку — полковой лекарь; в каждой роте — ротный лекарь или цирюльник.

Воинским уставом Петра I были введены названия «штаб-лекарь» и «подлекарь». Штаб-лекари назначались в дивизии и полки, звание это считалось высоким, давалось лицам с высшим медицинским образованием лишь после «продолжительной и беспорочной службы»; число штаб-лекарей было очень ограниченным. Согласно указу 1728 г. штаб-лекарь получал ранг капитан-поручика, лекарь — подпоручика. В 1744 г. аналогичные ранги были присвоены лекарям флота. Подлекарем называли лиц с незаконченным медицинским образованием, прошедших несколько лет практической выучки. Употреблявшийся реже термин «врач», равнозначный термину «лекарь» в царствование Павла I, в 1800 г. был исключен из официального обихода.

Чин штаб-лекаря соответствовал званию капитан-поручика, 10 ранга «Табели о рангах», относился к сухопутным войскам, к пехоте и был равен должности коллежского секретаря гражданской или статской службы, с обращением «Ваше благородие», дававшим право на личное дворянство.

Таким образом, социальный статус людей, которым предназначались рассматриваемые нами чутунные надгробия, был практически равным.

Это предположение можно подкрепить биографией самого Андрея Михайловича Залесова (1771–1812), полученной, вероятно, из фондов Барнаульского или Томского областных архивов в результате научной деятельности наших уважаемых коллег из Кольванского краеведческого музея, которую они нам любезно и предоставили. Это уникальный случай, когда можно ознакомиться с основными вехами жизни погребенного.

А.М. Залесов родился в 1771 г. В 1784 г. был определен для учебы в Колывано-Воскресенскую госпитальную школу при Барнаульском центральном госпитале. Еще будучи учеником школы, увлекался изучением местных трав.

Медицинское управление России в 1790 г. направило на Алтай научную экспедицию во главе с ботаником и ученым аптекарем Иоганом Сиверсом, в составе которой А.М. Залесов проработал с 1790 по 1795 г. Им был собран ценный материал по лекарственным растениям, составлен труд «Описание растений Российского государства», изданный академиком П.С. Палласом.

В 1796 г. А.М. Залесов получил звание подлекаря. В 1801 г. он блестяще выдержал экзамен на звание лекаря (врача) в Петербургской медико-хирургической академии, назначен на работу в Барнаульский центральный госпиталь. В 1804 г. А.М. Залесов уже работал лекарем в Барнауле, где организовал самостоятельную экспедицию по изучению флоры Алтая, составил подробнейший гербарий и в 1805 г. представил его в Российскую академию наук, за что и получил звание штаб-лекаря (1809 г.). Составленные им гербарии хранятся в Ботаническом институте РАН и в Санкт-Петербургской военно-медицинской академии. Именем А.М. Залесова названы несколько

представителей флоры Алтая. Был похоронен в г. Колывани в ограде церкви Богоявления Господня.

Точное место его захоронения неизвестно. Связь могилы с плитой утрачена. Возможно, оно было известно в довоенный период, когда чугунная плита была вывезена Ф.А. Орловым. Захоронения в ограде церкви, как правило, достаивались только священнослужители и граждане, имевшие значительные заслуги перед обществом, общиной населенного пункта и государством. Например, в Петропавловской крепости Санкт-Петербурга в ограде Петропавловского собора — усыпальнице императоров России достаивались чести погребаться коменданты крепости.

Анализируемые нами надгробия принадлежали женщине и мужчине. На надгробии Дарьи Тимофеевны (рис. 1.-1) отмечено, что она жена поручика. Таким образом, положение и звание ее мужа наделяло ее определенным социальным статусом и даже посмертной пенсией в случае его смерти. В нашем случае покойная именуется женой, т.е. мы можем предполагать, что супруг на момент ее кончины был еще жив.

Аспект фиксации на эпитафиях социального положения женщин в российском обществе еще не получил должного рассмотрения в трудах исследователей. По нашему мнению, это весьма перспективная проблематика в рамках истории повседневности и гендерной истории.

В 2000 г. в Москве один из авторов при посещении Новодевичьего монастыря недалеко от надгробного памятника прославленного генерала-гусара Дениса Давыдова (1784–1839) видел надгробье с эпитафией, адресованной «некой жене полковника...» с трогательными словами: «Там встретимся». При подготовке данной работы нами был найден акт «Государственной историко-культурной экспертизы проектной документации по сохранению выявленного объекта культурного наследия „Некрополь Новодевичьего монастыря XVII в. — 1920-е гг.“: Надгробие Пащенко Льва Корнеевича (1782–1834), Пащенко Александры Андреевны (1808–1886), 1834 г., 1886 г». «О реставрации надгробия героя Отечественной войны 1812 г. генерал-майора Пащенко Л.К. и его супруги Александры Андреевны». В акте приводится текст эпитафии, в которой о супруге генерала сообщается: «Вдова Генераль-Майора / Александра Андреевна / Пащенко / Род. 17 марта 1808 г. † 10 апреля 1886» (Государственная историко-культурная экспертиза..., с. 8).

Положение женщин фиксировалось в официальных документах и справочных пособиях. Например, в издании «Вся Москва за 1899 год» при указании персональных женских адресов можно встретить сокращение «вд.», т.е. вдова, а далее должность покойного супруга. Таким образом, указание семейного статуса на надгробиях может дать дополнительную информацию о том или ином человеке, будь то мужчина или женщина.

Традиция упоминать статус жены военного или гражданского чина Российской империи после 1917 г. сохранялась в эмигрантской среде. В качестве примера приведем надгробие жены полковника Логвинова, Ольги И. с русского кладбища в г. Белграде (Югославия) (рис. 2).

Рис. 1. Чугунные надгробия: 1 — Д.Т. Сутуповой (фото Н.Н. Головченко);
2 — А.М. Залесова (фото С.А. Пилипенко)

Fig. 1. Cast-Iron tombstones: 1 — D.T. Sutupova (photo by N.N. Golovchenko);
2 — A.M. Zalesova (photo by S.A. Pilipenko)

Рис. 2. Надгробие жены полковника Ольги И. Логиновой (1896–1933)
(фото из фотоархива Е.Л. Пилипенко)

Fig. 2. The tombstone of the colonel's wife Olga I. Loginova (1896–1933)
(photo from the photo archive of E.L. Pilipenko)

Если исходить из написания литер на плите Д.Т. Сутуповой (рис. 1.-1), то они ближе к графике 2-й половины — конца XVIII в. Плита, к сожалению, утратила свои верхнюю 1/4 и нижние 2/4 части, и мы не можем судить об ее орнаментальном убранстве. На сохранившемся экстерьере надгробия А.М. Залесова мы видим в верхней части характерное для масонства начертание пирамиды, окруженной сиянием, и в нижней части — амуров или ангелов, характерных для периода правления Павла I и начала правления Александра I (рис. 1.-2). Следует отметить полное сходство в орфографии обеих надписей, что свидетельствует о полном форсированности русского языка рубежа XVIII–XIX вв.

Данное наблюдение, а также совпадение структур надписей и их закрепление за статусом владельцев позволяет осуществить примерную реконструкцию утраченной части текста с плиты Д.Т. Сутуповой. Вероятно, она могла быть такой: «На семъ мѣстѣ погребена Порудчика Федора Сутупова жена Дарья Тимофѣевна, родившаяся 1744, скончалась в (?) месяц (?) 17/8... году...»

Если сравнить эту эпитафию с надписями на надгробиях рубежа XIX–XX вв., можно заметить полное изменение в стандартной надгробной формулировке. Например, почти каждая надпись с каменных и чугунных надгробий Старого Бердска (Село Бердск), которые ныне подняты со дна Обского водохранилища и хранятся на подворье одного из храмов г. Бердска Новосибирской области, начинается словами «Аминь...». Например: «Аминь Гаврил Михайлов Аминь — Умер третьего числа февраля 1848 года 4 (?) лет от Рожд... 1860 года (?)». Материалы о надписях из г. Бердска были получены в ходе учебно-краеведческой поездки студентов-активистов этноархеологического клуба «Кыпчак» г. Новосибирска под руководством С.А. Пилипенко.

Подводя итог, отметим, что вопрос о месте производства рассмотренных нами плит остается открытым. Скорее всего, им мог быть один из Колывано-Воскресенских заводов, специализирующийся на чугунном литье. О том что плиты, возможно, отливались в одном месте или по одной технологии, свидетельствует схожая отделка их кантов (рис. 1). Подобная продукция была востребована до рубежа XIX–XX вв. На одной из двух чугунных плит, хранящихся в Бердской епархии, сохранился знак качества, который, к сожалению, плохо читается. Помимо надгробных плит отливались также памятные доски по частным заказам, о чем свидетельствует чугунная доска из фондов Карасукского районного музея. Чугунные плиты изготавливались для строений архитекторов Томской губернии, но это особая тема для будущих исследований (Свиридова, 2022, с. 159–161).

Список источников

Головченко Н.Н. Локализация старых кладбищ с. Повалиха (Первомайский район) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXV. Барнаул, 2019. С. 50–52.

Государственная историко-культурная экспертиза проектной документации по сохранению выявленного объекта культурного наследия «Некрополь Новодевичьего монастыря XVII в. — 1920-е гг.»: Надгробие Пащенко Льва Корнеевича (1782–1834), Пащенко Александры Андреевны (1808–1886), 1834 г., 1886. М., 2021. 52 с.

Из музейных собраний Новосибирской области: каталог. Новосибирск, 2009. 158 с.
Калашников Д.С., Ситников С.М. Определение имени владельца нагрудного знака выпускника горного института из захоронения нагорного кладбища г. Барнаула // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVI. Барнаул, 2020. С. 263–268.

Пилипенко С.А. Эпиграфическое наследие дореволюционного Ново-Николаевска // Глобальные процессы в региональном измерении: опыт истории и современность. Новосибирск, 2013. Т. 1. С. 153–156.

Пилипенко С.А. Польское каменное надгробие рубежа XIX–XX вв. с берегов оз. Байкал (из собрания «Частного музея минералов В. Жигалова») // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIV. Барнаул, 2018. С. 30–34.

Пилипенко С.А., Снегурова О.К. Надгробия первой четверти XX в. из Ново-Николаевска // III Емельяновские чтения: миграционные процессы и межэтнические взаимодействия в Урало-Сибирском регионе. Курган, 2008. С. 12–15.

Свиридова Т. Новые истории Старого Бердска. Статский советник // Сибирские огни. 2022. №3. С. 159–161.

Информация об авторах/ Information about the Authors

Сергей Алексеевич Пилипенко, Новосибирский государственный университет экономики и управления, кафедра философии и гуманитарных наук, преподаватель; 630007, Россия, г. Новосибирск, а/я №211; <https://orcid.org/0000-0001-7963-9891>, Pilipenkosergej@mail.ru

Sergey A. Pilipenko, Novosibirsk State University of Economics and Management, Department of Philosophy and Humanities, Lecturer; 630007, Russia, Novosibirsk, a/z No. 211; <https://orcid.org/0000-0001-7963-9891>, Pilipenkosergej@mail.ru

Николай Николаевич Головченко, Алтайский государственный педагогический университет, УНИЛ «Историческое краеведение», старший научный сотрудник; 656037, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55; кандидат исторических наук; <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>, nikolai.golowchenko@yandex.ru

Nikolay N. Golovchenko, Altai State Pedagogical University, UNIL “Historical Local Lore”, Senior Researcher; 656037, Russia, Barnaul, Molodezhnaia ave. 55; Candidate of Historical Sciences; <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>, nikolai.golowchenko@yandex.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 902(571.17)

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.09

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ГОРНОЙ ШОРИИ

Дмитрий Олегович Разволяев¹, Андрей Михайлович Илюшин²

¹*Дом детского творчества, Калтан, Россия*

²*Кузбасский государственный технический университет им Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия*

Резюме. В статье публикуется и исследуется археологическая коллекция из семи фрагментов керамической посуды, найденная в 2022 г. в пещере Криминальная, которая расположена на территории Горной Шории в верхнем течении р. Мрассу.

Археологические предметы были найдены одним скоплением с костями животных и остатками кострища близ входа в пещеру и, вероятно, составляют единый культурно-хронологический комплекс находок жизнедеятельности человека. Фрагменты керамической посуды, из которых четыре были орнаментированы и два являлись венчиками, вероятно, принадлежали трем сосудам. По результатам сравнения описанных элементов и мотивов орнаментации фрагментов коллекции керамической посуды был сделан предварительный вывод о том, что эти находки можно отнести к кругу постандроновских культур перехода от развитой к поздней бронзе.

Ключевые слова: Горная Шория, река Мрассу, пещера Криминальная, коллекция керамической посуды, эпоха бронзы

Для цитирования: Разволяев Д.О., Илюшин А.М. Новые материалы по археологии Горной Шории // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 55–60. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.09

NEW MATERIALS ON ARCHAEOLOGY OF MOUNTAIN SHORIA

Dmitry O. Razvolyaev¹, Andrey M. Ilyushin²

¹House of Children's Creativity, Kaltan, Russia

²T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

Abstract. The article publishes and examines an archaeological collection of seven fragments of ceramic dishes, found in 2022 in the Kriminalnaya cave, which is located on the territory of Gornaya Shoria in the upper reaches of the Mrassu river. Archaeological objects were found in one cluster with animal bones and the remains of a fire pit near the entrance to the cave and probably make up a single cultural and chronological complex of finds of human life. Fragments of ceramic utensils, of which four were ornamented and two were corollas, probably belonged to three vessels. According to the results of comparing the described elements and motifs of ornamentation of fragments of the collection of ceramic dishes, a preliminary conclusion was made that these finds can be attributed to the circle of post-Andronian cultures of the transition from developed to late bronze.

Keywords: Mountain Shoria, Mrassu river, Criminal cave, collection of ceramic utensils, Bronze Age

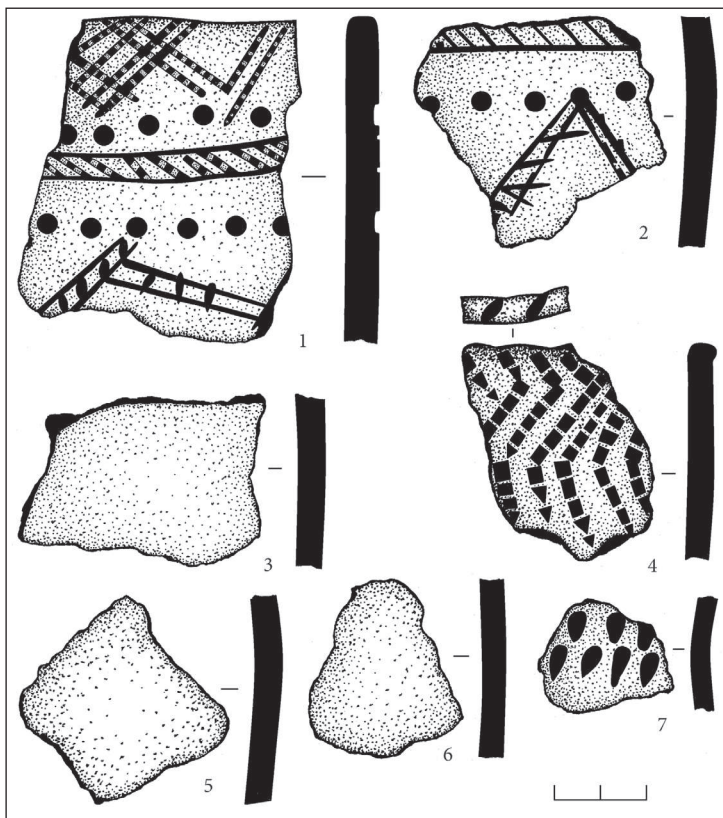
For citation: Razvolyaev D.O., Ilyushin A.M. New Materials on Archaeology of Mountain Shoria // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 55–60. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.09

Горная Шория — это горно-таежный регион, расположенный в южной части Кемеровской области на стыке Северо-Восточного Алтая, Кузнецкого Алатау и гор Салаирского кряжа. Регион условно может быть отнесен к горной системе Алтая. Название региона связано с обобщающим этнонимом «шорцы» — коренного населения, исторически проживающего на этой территории. Современный рельеф горной Шории был образован за счет тектонических движений, имеющих место и в настоящее время, а также большого количества текущих вод. По горной Шории протекают две крупные горные реки: Мрассу и Кондома, в чьих долинах надпойменные четко выраженные террасы появляются лишь в их среднем течении. В верхнем течении эти реки протекают в основном по известнякам. Последние под воздействием воды

и ветра образуют многочисленные разнообразны гроты и пещеры. Особенно много пещер, гротов, воронок и колодцев в верхнем течении р. Мрассу на территории Шорского национального природного парка.

Вопрос об археологических находках в пещерах Горной Шории ранее уже освещался в научной литературе. Первым сведения об археологических находках в пещерах Горной Шории в 1930-х гг. собрал иркутский археолог П.П. Хороших. Исследователь в письме от 15 июня 1957 г. прокопьевскому археологу М.Г. Елькину описал местонахождение ряда пещер на территории Кузбасса, в том числе в Горной Шории. По данным П.П. Хороших (2007, с. 176–180, рис. 1) в отдельных пещерах (Шорская и Тельбесская) были обнаружены железные изделия и кости погребенных людей. Первая реальная попытка археологического изучения пещер Горной Шории состоялась в 2016 г. Была проведена совместная археологическая экспедиция музея-заповедника «Кузнецкая крепость» (г. Новокузнецк) с музеем этнографии и природы Горной Шории (г. Таштагол) под руководством Ю.В. Ширина. Маршрут экспедиции проходил по территории Шорского национального природного парка. Основанием для проведения экспедиции послужили археологические находки в пещерах Осиновая, Малиновая, Спальный грот и Надежда Горной Шории, которые были собраны туристами и переданы на хранение в Музей этнографии и природы горной Шории (г. Таштагол) Кемеровской области — Кузбасс. Участники экспедиции визуально исследовали эти пещеры и заложили в них небольшие раскопы. Полученные материалы позволили высказать гипотезу о том, что пещеры верховий р. Мрассу использовались преимущественно в периоды охотничьих промыслов в древности и Средневековье (Ширин, 2017, с. 174).

В июле 2022 г. МБУ ДО «Дом детского творчества» г. Калтана и Кузнецкий отдел (местного) РГО провели совместную экспедицию по верхнему течению р. Мрассу на территории Горной Шории по маршруту пос. Мрассу — пос. Усть-Кабырза. Цель экспедиции заключалась в поисках костей животных эпохи плейстоцена и иных палеонтологических остатков с фиксацией в случае обнаружения предметов материальной культуры в пещере Малиновая и других по пути следования. В ходе экспедиции в пещере Криминальная близ входа при расчистке площадки от камней и листвы были зафиксированы следы кострища и собрана коллекция фрагментов керамической посуды (рис.-1-7) и костей животных. Пещера Криминальная расположена на правом берегу р. Мрассу в 0,6 км ниже русла р. Колзас (координаты по десятичной системе WGS-84 52.58142N 88.74933E). Высота расположения пещеры над водной гладью реки составляет около 50 м. Пещера представляет собой горизонтальную галерею длиной 21 м, вытянутую с запада на восток, уходящую вглубь скального массива. Средняя ширина и высота пещеры составляют 2,2 м и 2,3 м. Она имеет два входа в западной части, выводящие в два разных кулуара, которые разделены между собой скальной грядой. Возле одного из входов имеется небольшая горизонтальная площадка. Пол пещеры глинистый. На входе он покрыт сухой травой, опавшей листвой деревьев и многочисленными известняковыми плитами разного размера, отслоившимися от стен и потолка.

Пещера Криминальная. Подъемные сборы 2022 г.:
 1-7 — фрагменты керамической посуды
 Criminal cave. Lifting collecting 2022:
 1-7 — fragments of ceramic ware

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы ввести в широкий научный оборот новые археологические материалы и расширить круг источников по древней истории Горной Шории. Основными методами исследования являются описание, типологическая классификация и сравнительно-исторический анализ.

Коллекция фрагментов посуды, найденная в пещере Криминальная в 2022 г., представлена семью фрагментами минимум от трех керамических сосудов, которые были найдены единым скоплением близ очага на одном уровне горизонта. Последние обстоятельства позволяют предполагать, что коллекция фрагментов керамической посуды представляет собой единый культурно-хронологический комплекс находок. Наличие двух венчиков сосудов и четырех

фрагментов керамической посуды, украшенных орнаментом, позволяет систематизировать обнаруженные археологические источники и провести сравнительный анализ новых материалов по пещерной археологии Горной Шории.

Два венчика из коллекции (рис.-1, 4) по профилю имеют прямую форму и плоские края по их форме, но на одном из них фиксируется миниатюрный карниз с внешней стороны. По способу нанесения орнамента на посуде (рис.-1, 2, 4, 7) можно выделить два типа — штампованные (тычковые, накольчатые) и резные. При этом можно отметить, что резные линии выполнены мелкозубчатой гребенкой, оттиски которой фиксируются на дне отдельных резных линий. В коллекции керамической посуды по элементам орнамента можно выделить четыре типа: округлые ямки, узкие резные желобки, скобообразные насечки, оттиски мелкой и крупнозернистой гребенки, ямки каплевидной формы. Элементы по мотивам располагаются горизонтально, зигзагообразно и елочкой.

В целом коллекция воспринимается как результат культурно-исторического развития Западной Сибири и Кузнецкой котловины в эпоху бронзы, для которой была характерна гребенчато-ямочная традиция в орнаментации керамической посуды. Однако эпоха бронзы в археологии Горной Шории изучена очень слабо, можно лишь предполагать, что она имела один вектор развития с названными выше регионами. Если это так, то найденная в 2022 г. в пещере Криминальная коллекция археологических предметов может быть отнесена к концу I тыс. до н.э. и соотнесена с кругом так называемых постандроновских культур перехода от развитой к поздней бронзе (Ковтун, 2022, с. 5–41; и др.). На это указывают фиксируемые в коллекции керамической посуды (рис.-1–7) элементы и мотивы орнамента, которые есть в андроновских (федоровских) материалах на территории Кузнецкой котловины (Бобров, Михайлов, 1989; Зах, 1997, с. 39–56; Илюшин, Борисов, 2013, с. 143–168; и др.), но при этом отсутствуют традиционные для этой культуры каннелюры в зоне плечика и шейки. В то же время на отдельных фрагментах сосудов из коллекции фиксируются зигзагообразные и наклонные резные линии, а также плотные горизонтальные ряды ямок (рис.-1, 2), которые не характерны для федоровской культуры. Эти наблюдения позволяют предварительно датировать коллекцию находок фрагментов керамической посуды в пещере Криминальная в 2022 г. переходным временем от развитой к поздней бронзе. Вопрос о культурной принадлежности этих материалов остается открытым. Новые материалы косвенно подтверждают ранее высказанную гипотезу о том, что пещеры верховий р. Мрассу могли использоваться в древности и Средневековье сезонно в периоды охотничьих промыслов (Ширин, 2017, с. 174), так как пещера Криминальная малоприспособлена для стационарного проживания в круглогодичном цикле жизнедеятельности человека.

Список источников

- Бобров В.В., Михайлов Ю.И. Памятники андроновской культуры Обь-Чулымского междуречья. Рукопись депонированная в ИНИОН, №38518. Кемерово, 1989. 198 с.
- Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск, 1997. 129 с.

Илюшин А.М., Борисов В.А.. Курганы развитой бронзы в долине реки Ур. Кемерово, 2013. 304 с.

Ковтун И.В. Эпоха перехода от развитой к поздней бронзе в Нижнем Притомье // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2022. Вып. 15. С. 5–41.

Хороших П.П. Пещеры горной Шории и Салаира // Кузнецкая старина. Вып. 9. Новокузнецк, 2007. С. 176–181.

Ширин Ю.В. Опыт археологического исследования пещер Горной Шории // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIII. Барнаул, 2017. С. 169–175.

Информация об авторах / Information about the Authors

Дмитрий Олегович Разволяев, Дом детского творчества Калтанского городского округа, педагог дополнительного образования; 652740, Россия, Кемеровская область, г. Калтан, ул. Комсомольская, 57а, drazwol@yandex.ru

Dmitry O. Razvolyaev, House of Children's Creativity of the Kaltan City District, Teacher of Additional Education; 652740, Russia, Kemerovo region, Kaltan, st. Komsomolskaya, 57a, drazwol@yandex.ru

Андрей Михайлович Илюшин, Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, директор гуманитарного научного центра; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28; доктор исторических наук, старший научный сотрудник; <https://orcid.org/0000-0001-9937-646X>, ilushin1963@mail.ru

Andrei M. Ilyushin, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Director of the Humanitarian Scientific Center; 650000, Russia, Kemerovo, st. Spring, 28; Doctor of Historical Sciences, Senior Research Associate; <https://orcid.org/0000-0001-9937-646X>, ilushin1963@mail.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 069(571.151)

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.10

О ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ

Надежда Алексеевна Тадина, Судур Степанович Ябыштаев

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

Резюме. Собранные сведения и документы позволяют осветить изучаемую проблему как имеющую две стороны проявления — этнокультурную и нормативно-правовую. В сфере нематериального культурного наследия законодательство Республики Алтай приобрело прогрессивный опыт. Этому способствовал период этнокультурного возрождения традиции почитания сакрального ландшафта, вошедшего в государственный реестр объектов нематериального культурного наследия региона. На примере постсоветского праздника Чага Байрам показано, как спорные вопросы о времени встречи Алтайского Нового года в зимний период были решены на уровне

регионального законодательства, причем с учетом символики чёта и новолуния, являющейся ключевой в традиционной культуре алтайцев.

Ключевые слова: республика, нематериальное культурное наследие, обычай, праздник, символика

Для цитирования: Тадина Н.А., Ябыштаев С.С. О проблеме сохранения нематериального культурного наследия в Республике Алтай // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 60–65. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.10

THE PROBLEM OF PRESERVING THE INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE IN THE ALTAI REPUBLIC

Nadezhda A. Tadina, Sudur S. Yabyshtaev

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia

Abstract. The information and documents collected make it possible to highlight the problem under study as the one having two aspects of manifestation — ethno-cultural and regulatory. In the field of intangible cultural heritage, the Republic of Altai legislation has gained some progressive experience. This was facilitated by the ethno-cultural period when the tradition of the sacred landscape veneration was revived and was included in the regional state register of the intangible cultural heritage objects. With the post-Soviet holiday Chaga Bayram as an example, it is shown how controversial issues about the time to see in the Altai New Year in the winter period were resolved at the level of regional legislation, moreover, it took into account the symbolism of even numbers and the new moon, which is key point in the traditional culture of the Altaians.

Keywords: republic, intangible cultural heritage, custom, holiday, symbols

For citation: Tadina N.A., Yabyshtaev S.S. The Problem of Preserving the Intangible Cultural Heritage in the Altai Republic // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 60–65. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.10

Под термином «нематериальное культурное наследие» принято понимать устные традиции и формы выражения, включая язык как носитель нематериального культурного наследия, исполнительские искусства, обычаи, обряды, народные праздники, знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами, являющиеся культурными ценностями проживающих народов. Проблема сохранения нематериального культурного наследия относится к одной из главных задач развития российского общества. Неслучайно создаются государственные и региональные концепции и стратегии, помогающие наметить ориентиры и выделить приоритеты этнокультурной политики. В сохранении нематериального культурного наследия законодательство Республики Алтай приобрело прогрессивный опыт (Курьянова, 2015, с. 114, 116). Так, был принят закон, регулирующий сферу нематериального культурного наследия, не имеющий федерального аналога. Республика Алтай одной из первых в стране приняла в 2008 г. закон «О регулировании отношений в области развития нематериального культурного наследия Республики Алтай»¹.

¹ О регулировании отношений в области развития нематериального культурного наследия Республики Алтай: Закон Республики Алтай от 05.12.2008 №120-ПЗ URL: <https://docs.cntd.ru/document/819079142>

В 1990-х гг. были возрождены обряды, сохранившиеся в памяти старших поколений. Периодически творимый в межсезонье с наступлением лета, а затем зимы обряд восхваления божества Алтая. При свадебных поездках, когда сопровождают новобрачных, а также когда везут новорожденного и вообще когда человек впервые едет через перевал, сам или старший из сопровождающих совершает обряд поклонения духам перевала. Обычно в такую поездку берут ритуальные ленты из нестираной белой ткани, а на перевале или у источника их повязывают, испрашивая благополучия у божества Алтая. К обрядам почитания сакрального ландшафта относится и обряд поклонения духам священных источников, расположенных у дороги (Тадина, 2013).

На некоторых перевалах находятся обрядовые артефакты — каменные насыпи или валуны. Одна из насыпей, называемая «*обо таиш*», известна на Чуйском тракте на территории Кош-Агачского р-на: в нее воткнуты тальники с повязанными белыми жертвенными лентами. Другая насыпь — «*көдүрөө таиш*» на перевале Чакыр у с. Беш-Озёк Шебалинского р-на связана с легендой о богатыре, поднимавшем валуны. Сегодня у некоторых сел Онгудайского р-на можно увидеть сооруженные для молений божеству Алтаю жертвенники-«*тагыл*» из камня-плитняка. Иные обряды утрачены и сохранились в народной памяти, к примеру, связанные с камнем «*јада таиш*» для вызывания или прекращения дождя. Описанные священные места и артефакты внесены в государственный реестр объектов нематериального наследия¹.

Принятый реестр включает всестороннее описание объектов нематериального культурного наследия алтайцев, регион их распространения на территории Республики Алтай и оценку их современного состояния. Ежегодно с наступлением праздника Нового года в СМИ широко распространяется название года по животному — год мыши или год барса, при этом обычно говорят «по китайскому календарю». В исторической энциклопедии 12-летний циклический календарь назван «тюрко-монгольским летосчислением». Местный алтайский календарь основан на тюрко-монгольском летосчислении 12-летнего животного цикла, возрожден и популяризован благодаря распространению настенного календаря, публикуемого для соблюдения периодичности алтайских обрядов, в которых следует учитывать период новолуния. Поэтому алтайский лунно-солнечный календарь оказался в числе объектов нематериального наследия региона.

Поскольку праздники входят в состав нематериального культурного наследия, предлагается рассмотреть этнокультурное значение общереспубликанского праздника Чага Байрам (Праздник Нового года). Название праздника является тюркским вариантом монгольского названия Нового года «*Цаган сар*» (Белый месяц). «*Чага Байрам*» дословно означает «праздник чага» или «белый праздник» («*чага*» — от монгольского «белый, священный»). Данный

¹ Об утверждении государственного реестра объектов нематериального культурного наследия Республики Алтай: Постановление Правительства Республики Алтай от 12.07.2019 №187 (с изм. на 20.01.2022) // Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/422451614>

праздник родился в постсоветский период, когда возрождалась этническая культура и проведение «своих» праздников стало одним из основных этнических маркеров народов Республики Алтай: Чага Байрам у алтайцев, титугьного этноса республики, Масленица — у русских, этнического большинства, а Наурыз — у казахов, крупной диаспоры региона.

Праздник Чага Байрам был создан «сверху» правительством Республики Алтай в 1997 г. По одной версии его предложили чуйские теленгиты Кош-Агачского р-на, знавшие этот праздник от буддистских соседей — монголов и тувинцев. По другой версии Чага Байрам был принят в память о вхождении алтайцев в состав Джунгарии (XVII — середина XVIII в.) — государства западных монголов. Данный праздник знаменует приход Нового года в феврале и по времени проведения является чужим, ведь зимой невозможно творить ритуал испрашивания благополучия у божества Алтая, которое, как вся природа, в этот период «спит». Алтайцы предлагают альтернативный праздник *Јылгайак*, традиционно отмечаемый ранней весной, когда «просыпается земля и обращения к Алтаю слышимы».

Спорные вопросы в среде алтайцев относительно праздника Чага Байрам были решены на уровне нормативно-правового законодательства. В начале февраля 2013 г. Госсобрание Республики Алтай внесло поправки в закон «О праздничных и памятных днях, юбилейных датах в Республике Алтай». С этого времени Чага-Байрам является нерабочим праздничным днем в Республике Алтай, а день его празднования не фиксированный, а «плавающий». День проведения постсоветских праздников, таких как Чага Байрам и Эл Ойын, назначается с учетом символики традиционной культуры алтайцев, что закреплено в указанном законе. Эти праздники не имеют фиксированной даты, она ежегодно вычисляется по лунно-солнечному календарю на четвертый, шестой или восьмой день новолуния. В этом проявляется соблюдение алтайской символики чёта и новолуния на уровне регионального законодательства.

Чага Байрам проводится в г. Горно-Алтайске, административном центре республики, поселках и районных центрах, где большинство населения алтайцы. Без участия в мероприятии старших по возрасту и социальному положению, обычно избранных зайсанов, традиционная подлинная культура алтайцев немыслима (Ябыштаев, 2019, с. 140). Соблюдается правило ритуальной чистоты — в ритуалах участвуют лишь те мужчины, в чьих семьях не было похорон в течение года. Старшие мужчины, одетые в нарядные алтайские костюмы, ранним утром совершают ритуал почитания Алтая и испрашивания благополучия. В г. Горно-Алтайске этот ритуал проходит у подножия горы Туу-кайа, как наиболее почитаемой в окрестностях вершины. На ее восточном склоне группа старейшин, обязательно в четном составе, повязывают на березу белые ритуальные ленты (парное число каждый), кропят молоком на четыре стороны и разжигают огонь, совершая обряд поклонения Алтаю. В огонь кладут «угощение» природе Алтая, принесенные с собой сыр, лепешки, масло, *талкан* — мелко дробленный обжаренный ячмень. Ритуальными действиями выражается чувство уважения

и благодарности духам Алтая, что проходит в приватной обстановке — без СМИ, сопровождающих и прочих лиц.

После обряда благословения на городской площади в 10 часов утра начинается массовое празднование. Программа включает устоявшийся в 1960–1970-х гг. советский ритуал открытия. Это парад участников, приветственные речи, приветствие гостей, и главное — театрализованное представление на фольклорную тему, исполнение песен, отрывок героического эпоса. Проводятся спортивные игры, конкурсы зимней национальной одежды и женских наконных украшений, народные игры и забавы, а вечером организуется концерт. В первые годы проведения Чага Байрам — 1990-е гг., одним из основных элементов праздника была раздача традиционных угощений алтайской кухни. Обычно для праздника готовят мясной суп «кӧчӧ» из конины или баранины и ячменной крупы. В последние годы это мероприятие приобрело коммерческое содержание. Завершение праздника проходит в границах официального ритуала: объявляются победители, происходит их награждение, произносятся благодарственные и напутственные слова. Все это стало частью традиции, некоей организационной рамкой, в установлении которой главную функцию принимают на себя представители правительства и администрации организатора.

Таким образом, жизненность новых традиций, таких как созданный праздник Алтайского Нового года, названный «Чага Байрам», зависит не только от усилий власти и общественного совета зайсанов, но и от готовности общества принять их смысл. Участие во всенародном празднике Чага байрам осознается алтайцами как выражение самоидентификации, приобщение к своей этнической культуре. Следует отметить, что, несмотря на то что Чага Байрам введен в качестве праздника «сверху», он постепенно включается в этническую культуру алтайцев благодаря соблюдению традиционных символов, потому что современная праздничная культура невозможна без «изобретения праздников», обеспечивающих легитимность власти на фоне объединяющих народов.

Список источников

Курьянова Т.С. Сохранение нематериального культурного наследия: опыт национальных республик Южной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2015. №391. С. 113–117.

Тадина Н.А. Символика и этические ценности алтайцев в практиках возрожденного бурханизма // Вестник Томского государственного университета. 2013. №4(24). С. 97–100.

Ябыштаев Т.С. Пути возрожденного зайсаната в Республике Алтай // Вестник Томского государственного университета. 2019. №440. С. 139–145.

Информация об авторах / Information about the Authors

Надежда Алексеевна Тадина, Горно-Алтайский государственный университет, кафедра истории и археологии, доцент; 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1; кандидат исторических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0003-1363-8735>, ntadina@yandex.ru

Nadezhda A. Tadina, Gorno-Altai State University, Department of History and Archeology, Associate Professor; 649000, Gorno-Altai, st. Lenkina, 1; Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0003-1363-8735>, ntadina@yandex.ru

Судур Степанович Ябыштаев, Горно-Алтайский государственный университет, студент историко-филологического факультета; 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1; yabyshtaev.sudur@mail.ru

Sudur S. Yabyshtaev, Gorno-Altai State University, Student of the Faculty of History and Philology; 649000, Gorno-Altai, st. Lenkina, 1; yabyshtaev.sudur@mail.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 069(571.15):725.4

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.11

МАТЕРИАЛЫ ОБ АЛТАЙСКИХ РУДНИКАХ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКИХ АЛТАЯ

Сергей Семенович Тихонов

Институт археологии и этнографии СО РАН, Омск, Россия

Резюме. Рассмотрены материалы по горному делу, хранящиеся в архиве М.П. Грязнова в Омском государственном университете, собранные ученым из разных источников до 1950 года. Это краткие описания рудников, их месторасположения, количества добытого металла, их содержания в породе, рисунки орудий труда древних горняков. На основании имеющихся данных высказаны предположения о существовании периодов наиболее активной добычи полезных ископаемых, существовании системы «промышленных» поселений русских горняков: поселение существует, пока работает рудник. После его выработки поселение прекращает свое существование.

Ключевые слова: архивные материалы, добыча металлов, чудские копи, система расположения рудников

Для цитирования: Тихонов С.С. Материалы об алтайских рудниках и культурное наследие русских Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 65–71. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.11

MATERIALS ABOUT THE ALTAI MINES AND THE CULTURAL HERITAGE OF THE RUSSIANS OF ALTAI

Sergei S. Tikhonov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Omsk, Russia

Abstract. The materials on mining, stored in the archive of M.P. Gryaznov at Omsk State University, was collected by the scientist from various sources before 1950. These are brief descriptions of the mines, their location, the amount of metal extracted, their content in the rock, drawings of the tools of labor of ancient miners. Based on the available data, assumptions were made about the existence of periods of the most active mining, the

existence of a system of “industrial” settlements of Russian miners, which exists while the mine is operating. After its development, the settlement ceases to exist.

Keywords: archival materials, metal mining, Chudsky Mines, mine location system

For citation: Tikhonov S.S. Materials about the Altai Mines and the Cultural Heritage of the Russians of Altai // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 65–71. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.11

Источник. В фонде III (М.П. Грязнова) архива Музея археологии и этнографии ОмГУ хранится дело 5, содержащее материалы об алтайских рудниках, которые были открыты и разрабатывались русскими с 1727 по 1873 г. (рис. 1). Возможно, это конспект книги геолога Б.М. Митропольского и краеведа М.К. Паренаго «Полиметаллические месторождения Алтая и Салаира» (1931), дополненный сведениями М.Ф. Розена, бывшего в 1942–1952 гг. геологом Змеиногорского рудоуправления (Россыпные месторождения..., 1950; Розен, 1952, с. 327–330), а также рисунками из публикаций Э.И. Эйхвальда (1857, с. 267–320).

Надо полагать, что в деле целенаправленно собраны сведения из разных источников о местах расположения рудников (привязка к горе/ручью/реке/населенному пункту/соседнему прииску и т.д.), дате их открытия русскими, годах разработки, содержании в руде меди, золота, серебра, свинца, олова и в некоторых случаях — объеме добытого металла, характере пустой породы (охристый кварц, малахит, азурит, охра и т.п.), признаках, по которым был найден рудник, и характере проведенных русскими работ (шахта, штольня, разрезы, траншеи и прочее). Судя по пометам на листах М.П. Грязнов перестал собирать материалы по этой теме в начале 1950-х гг.

Очевидно, что места древних производств являются археологическим наследием (согласно ст. 3 ФЗ №73 и дополнениям к ст. 3 в ФЗ №245). Вполне вероятно и то, что подобные места, особенно на удаленных и труднодоступных территориях, охраняются не слишком рьяно, что не мешает исследовать как их, так и некоторые аспекты культуры русских Алтая.

Цель исследования — рассмотреть возможность выделения и изучения блоков информации из архива М.П. Грязнова по алтайским рудникам.

Обсуждение. На поверхности лежит следующий факт: имеется два значительно разнесенных по времени хронологических пласта. Первый — это «чуждое время», которое трудно датировать и от которого остались следы производств в виде ям и отвалов и в некоторых случаях — инструменты древних горняков (рис. 2). Иногда встречаются предметы из органики, которые позволяют говорить об особенностях транспортировки руды к месту ее складирования и рассмотреть применяемые при этом узлы (Кирюшин, Кунгуров, Тишкин, 2002, с. 21–38). Именно остатки древних производств и орудия являются источниками по горнорудному делу в древности и Средневековье.

В XVIII–XIX вв. добычу металлов вели русские. Начало этому положил Акинфий Демидов, основавший Кольванский завод в 1726 г. и Змеиногорский рудник в 1737 г. Вероятно, с этим обстоятельством связана датировка некоторых рудников: «при Демидове», так как в 1745 г. его наследников лишили имущества, а заводами и рудниками стал управлять Кабинет Ее Императорского Величества.

490 Локтевский рудник. "Открыт при Семидоле
 по руде кварцовой, содержащей из кварца и пиритовых
 и пачосов, занимающих площадь площадью в 347
дунгов - 47 м и длинами дунгов - 26 м.
 По этим работам начал работы Семидол... Иван
ручные работы в 1767-1836 г. Жила из пачосов
камен с железками пачоса. Ширине ее до 32 м
Пачосы руды содержат средством, халькопирит
кол, пачоса, пирит и железками, кварцовой
 - кальцитом, кварцитом, кварцитом и пачоса
том. Начало когда длина дунгов на глуб. 36 м.
пачоса, когда длина дунгов.

Золото	0.0001	0.00005	} %%
Серебро	0.0026	0.0013	
Свинец	3.0	2.5	
Медь	9.0	5.0	
Цинк	1.1	5.5	

На прав. стороне всех, в 3.5 км на ЮВ от с.
Локтево.

497 Макаровский рудник №1. "Открыт в 1744 г.
 по рудной кварцовой. Навидимому не разрабатывался."
Содержит кальцитом пачоса с железками, кварцовой
 и малахитом. Серебро - 0.013% ; медь 15%.

На лев. стороне руды Овчинья Водонос, Водоносная,
лев. сторона в р. Волга Волгу, прав. сторона Урванка,
 от Водоносной руды пачоса на ЮВ в 8.5 км.

(см.)

498 Макаровский рудник №2. "Открыт в 1744 г.
 по рудной кварцовой. Навидимому не разрабатывался." Жила
содержит с железками и малахитом. "Руда содержит
серебро - 0.0195% и медь."
 В 324 м от Макаровского руды пачоса №1, вад на
на лев. стороне руды Овчинья Водонос.

705. Мальцевский-Верхний рудник. "Открыт в
 1743 г. по рудной кварцовой. Навидимому не разраба-
тывался. Впоследствии не работался." "Руда содержит
медь."
 На прав. стороне в Шемонаихи, прав. сторона
 в р. Уфа, в 20 км Мальцевского руды пачоса.
 (при устье р. Шемонаихи.)

Рис. 1. Образец листа из архива М.П. Грязнова с описанием рудников
 Fig. 1. A sample sheet from the archive of M.P. Gryaznov with a description of the mines

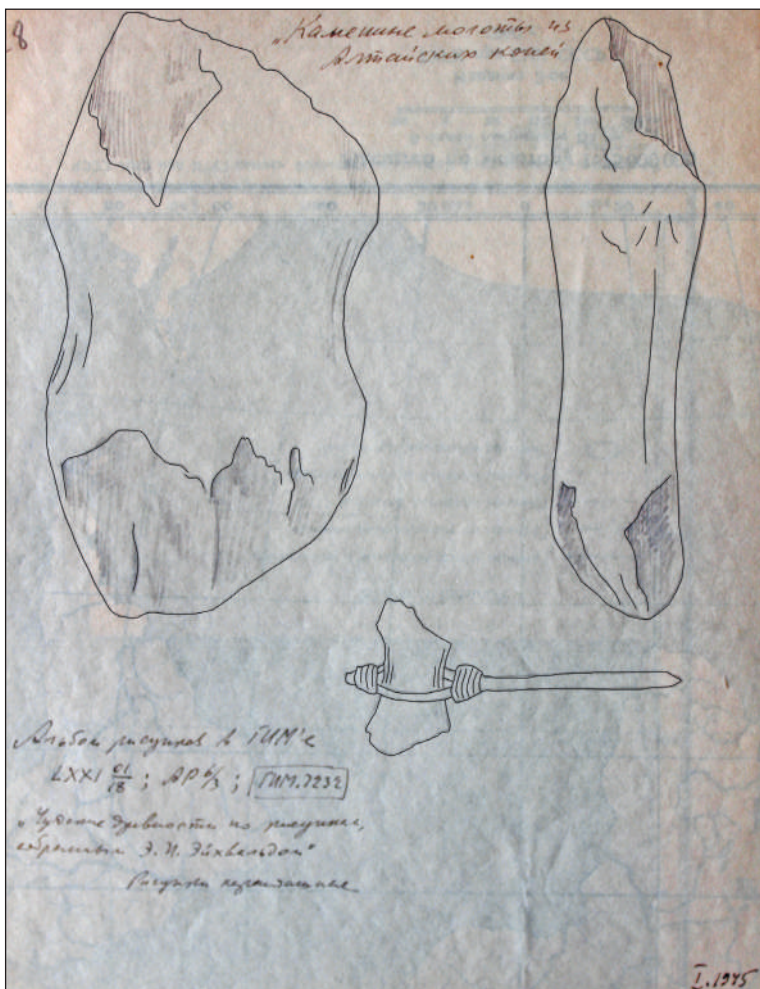

Рис. 3. Описание Змеиногорского рудника
 Fig. 3. Description of the Zmeinogorsk mine

Часть из описанных М.П. Грязновым рудников работало с перерывами. Полагаю, что это было связано с желанием/нежеланием горных рабочих и администрации рудников работать в плохих условиях. Как пример приведу Лукасский завод (ныне Минусинский район Красноярского края) на реке Лукасе (Лугавке) в 10 км выше ее впадения в Енисей. «Постройку завода Гмелин назвал „бичом для населения“, т.к. для этого стогнялось крестьянство за 800 верст, при этом работавшие были предоставлены самоснабжению в глухой

тайге... Закрыт в 1749 г. под предлогом истощения руд... Паллас объяснил ... закрытие стремлением горных чиновников уйти из глухой местности, для чего они дали ложные сведения об истощении основного Майнинского месторождения» (Сибирская советская энциклопедия, 1932, с. 248). Начисто был выработан только Змеиногорский рудник (рис. 3).

Материалы о выработках и орудиях труда хорошо дополняют письменные сведения о количестве добытого металла, организации труда, питании горняков, их заработках и т.д.

Изучение системы расположения рудников дополняет сведения и о закономерностях освоения территорий русскими. Существуют земли, наиболее благоприятные для проживания, и именно там формируется сеть городов, крепостей, деревень. Ее окружают земли хозяйственного назначения, включающие в себя места ведения промыслов, сенокосы, лесосеки, пасеки, пастбища, пашни, которые могут находиться на значительном расстоянии от места проживания (Тихонов, 2009, с. 23–25; 2012, с. 291–293).

Но существуют еще и земли, осваиваемые сезонно, как, например, на зимней охоте. Вероятно, к этой категории земель относятся и территории, где ведутся горные работы. Это было отмечено на правом берегу Томи в верховьях рек Кия и Кожух (верхние притоки Чулыма на западных склонах Кузнецкого Алатау) при изучении этнографо-археологических комплексов Среднего Притомья (Тихонов, 2011, с. 409–413; 2013, с. 133–136). В этих местах в середине XIX в. были разрешены добыча и поиск золота всем желающим. В 1-й половине — середине XX в. здесь существовало несколько десятков приисков. В настоящее время все они закрыты в связи с нерентабельностью добычи, а жители разъехались.

Заключение. Архивные материалы могут содержать сведения, позволяющие существенно дополнять археологические материалы по темам, связанным прежде всего с поздней археологией и этноархеологией, а в ряде случаев и с археологией более ранних эпох. Например, данными о кладе кельтов бронзового века близ Батурино (Кожевниковский район Томской области) (Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III. Д. 16. Л. 106–126). Методологическим основанием для подобных сопоставлений может быть теорема о неполноте, адаптированная для гуманитарных наук (Тихонов, 2010, с. 37–43).

Список источников

- Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III. Д. 5. Алтай. Общ. 1. Л. 1–34.
Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III. Д. 16. Обь новосибирская. Л. 106–126.
Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Коллекция древних орудий горно-рудного дела на Алтае // Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. Томск, 2002. Т. 1. С. 21–38.
Митропольский Б.М., Паренаго М.К. Полиметаллические месторождения Алтая и Салаира. Новосибирск, 1931. 430 с.
Розен М.Ф. Некоторые новые данные о древних горных работах на Змеиногорском руднике Алтая // Советская археология. Вып. XVI. М.; Л., 1952. С. 327–330.
Россыпные месторождения золота Западного Алтая Сборник материалов по геологии золота и платины. Вып. I(II). МВД СССР — Главспеццветмет. 1950.

Сибирская советская энциклопедия. Т. 3: Л–Н. М., 1932. 432 с.

Тихонов С.С. Система расселения этноса как фактор адаптации к природно-географическим условиям // Человек и Север. Антропология, археология и экология. Т. 1. Тюмень, 2009. С. 23–25.

Тихонов С.С. Теорема о неполноте как одно из методологических оснований археолого-этнографических исследований // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. 1. Казань, 2010. С. 37–43.

Тихонов С.С. О возможности изучения этнографо-археологических комплексов русских в среднем течении реки Томи // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск, 2011. С. 409–413.

Тихонов С.С. Контактные зоны и промысловые территории населения Нижнего Прииртышья (на примере материалов Г.Ф. Миллера 1740 года) // Человек и Север. Антропология, археология и экология. Тюмень, 2012. С. 291–293.

Тихонов С.С. Этнографо-археологические комплексы русских Притомя и возможности их изучения // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2013. №3(97). С. 133–136.

Эйхвальд Э.И. О чудских копиях // Записки императорского археологического общества. Т. IX. Вып. 2. СПб., 1857. С. 267–320.

Информация об авторе/Information about the Author

Сергей Семенович Тихонов, Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, старший научный сотрудник; 644024, Россия, г. Омск, пр. К. Маркса 15/1; кандидат исторических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0001-6909-0727>, semchi957@gmail.com

Sergey S. Tikhonov, Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museum Studies, Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, Senior Researcher; 644024, Russia, Omsk, pr. K. Marx 15/1; Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0001-6909-0727>, semchi957@gmail.com

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 94(571.150).84

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.12

ТРАУРНАЯ НЕДЕЛЯ В АЛТАЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО СЛУЧАЮ СМЕРТИ В.И. ЛЕНИНА (1924 г.)

Ксения Алексеевна Тишкина

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Резюме. Статья посвящена рассмотрению мероприятий в Алтайской губернии в 1924 г., связанных с увековечением памяти В.И. Ленина. Скоропостижная смерть Председателя СНК вызвала большой резонанс в обществе. С 23 по 27 января 1924 г. в СССР объявлялась траурная неделя. В эти дни во всех населенных пунктах проходили траурные мероприятия. Большое внимание в эти дни уделялось увековечению памяти вождя революции. Именем Ленина назывались культурные и образователь-

ные учреждения в населенных пунктах губернии. Гражданами активно обсуждались вопросы установки памятников. Смерть В.И. Ленина воспринималась как большая и невосполнимая потеря для государства. Эти факторы способствовали развитию новой формы агитационной работы, формировавшейся вокруг созданного образа В.И. Ленина как одного из идеологов социалистического строительства.

Ключевые слова: В.И. Ленин, СССР, Алтайская губерния, траур, коммеморация
Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках реализации проекта №22-78-00160.

Для цитирований: Тишкина К.А. Траурная неделя в Алтайской губернии по случаю смерти В.И. Ленина (1924 г.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 71–78. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.12

MOURNING WEEK IN THE ALTAI PROVINCE ON THE OCCASION OF THE DEATH OF V.I. LENIN (1924)

Ksenia A. Tishkina

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the consideration of events in the Altai province in 1924 related to the perpetuation of the memory of V.I. Lenin. The sudden death of the Chairman of the Council of People's Commissars of the Soviet Union caused a great resonance in the society. From January 23 to January 27, 1924, a mourning week was declared in the USSR. On these days in all populated areas mourning activities were held. Great attention was paid these days to perpetuating the memory of the leader of the revolution. Cultural and educational institutions in the settlements of the province were named after Lenin. Citizens actively discussed the establishment of monuments. Death of V.I. Lenin was perceived as a great and irreparable loss for the state. These factors contributed to the development of a new form of agitation work, which was formed around the image of V.I. Lenin as one of the ideologists of socialist construction.

Keywords: V.I. Lenin, USSR, Altai province, mourning, commemoration

Acknowledgements: the study was carried out with the financial support of Russian Science Foundation within the project No. 22-78-00160.

For citations: Tishkina K.A. Mourning Week in the Altai Province on the Occasion of the Death of V.I. Lenin (1924) // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 71–78. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.12

Информирование населения о ходе болезни Председателя СНК СССР В.И. Ленина началось с публикаций в периодической печати в марте 1923 г. (Брянцев, 2022, с. 244). 19 октября 1923 г. он совместно с Н.К. Крупской и М.И. Ульяновой посетил Всероссийскую сельскохозяйственную и кустарно-промышленную выставку в Москве, а вечером там же принял участие в митинге. Однако, несмотря на просьбы собравшихся, В.И. Ленин отказался от выступления, ссылаясь на здоровье, а вечером вернулся в Горки. После 19 октября 1923 г. в столицу Председатель СНК СССР не приезжал (Зарезина, 1970, с. 376). Несмотря на сообщения об ухудшения состояния здоровья В.И. Ленина, его смерть 21 января 1924 г. оказалась неожиданной и вызвала большой общественный резонанс. Ранним утром 22 января 1924 г. была

сформирована Комиссия ЦИК СССР по организации похорон под председательством Ф.Э. Держинского, которая приняла решение о сохранении и размещении тела вождя в склепе на Красной площади (Сорокин, 2017, с. 127). Первоначально датой похорон было объявлено 24 января 1924 г.

Телеграммы с сообщением о смерти В.И. Ленина были экстренно разосланы по губернским исполкомам. Причиной смерти Председателя СНК СССР указывался паралич дыхательного центра. Местные ячейки РКП(б) организовывали общие собрания по обсуждению сложившегося положения. Так, в с. Мамонтово одноименной волости 22 января 1924 г. в 2 часа ночи состоялось заседание, на котором присутствовали члены местного парткома, женотдела, губернского земельного управления и т.д. Как отмечалось в протоколе заседания, смерть В.И. Ленина стала для присутствовавших «...сильным ударом <...> и вызвала <...> больше злобы к врагам революции» (ГААК. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 185. Л. 6). На собрании было принято решение об оповещении населения о смерти В.И. Ленина через работников сельсоветов и формировании комиссии, отвечавшей за траурные мероприятия. Помимо этого, члены собрания постановили прекратить 23 января 1924 г. все работы в с. Мамонтово и в населенных пунктах волости.

По всей стране объявлялось начало траурной недели, которая должна была продлиться до 27 января 1924 г. В эти дни запрещались организация и устройство различного рода увеселительных мероприятий, продажа спиртных напитков и проведение занятий в учебных заведениях (ГААК. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 58. Л. 57).

В первый день траура¹ в населенных пунктах Алтайской губернии прошли собрания, посвященные памяти В.И. Ленина. Так, ранним утром 23 января 1924 г. в с. Архангельское состоялось заседание «Комиссии по проведению дня чествования смерти вождя пролетариата тов. Ленина по Архангельской волости», на котором был озвучен план мероприятия на день. В 13 ч. на площади возле здания волисполкома прошло собрание членов РКП(б), служащих и жителей села. К этому времени был подготовлен черный траурный флаг с надписью «В память вождю пролетариата В.И. Ленину» (ГААК. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 58. Л. 47). С площади процессия с пением революционных песен направилась к зданию сельисполкома. Из-за холодной погоды траурное заседание прошло в помещении сельисполкома. Посетившие мероприятие прослушали доклад о жизни и деятельности В.И. Ленина, затем был исполнен траурный марш.

В с. Фунтики одноименной волости заседание членов местной ячейки РКП(б) началось с зачитывания телеграммы о смерти Председателя СНК СССР. Присутствовавшие на собрании члены и кандидаты РКП(б) выразили глубокое сочувствие, связанное с траурным событием, высказали желание продолжить путь, намеченный В.И. Лениным, и сплотиться «... еще крепче в одно целое и неразрывное ядро <...> компартии...» (ГААК. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 185. Л. 56). В конце заседания было принято решение подготовить траурное знамя с портретом вождя.

¹ В документах встречается наименование 23 января 1924 г. как день почтения смерти В.И. Ленина.

В с. Шадрино Барнаульской волости вечер памяти прошел в народном доме. На нем прозвучали доклады о жизни и деятельности В.И. Ленина. Секретарь волпарткома П. Савосин, лично знавший вождя, поделился своими воспоминаниями. Присутствовавшим на вечере жителям села предлагалось «... еще крепче сплотить свои ряды и довести до конца начатое дело В.И. Ленина». Мероприятие закончилось исполнением одной из любимых песен вождя — «Смело, товарищи, в ногу» (Участник, 1925, с. 3).

В с. Казанцево Мамонтовской волости 23 января 1924 г. на здании сельисполкома было размещено черное знамя. Члены Крестьянского комитета общественной взаимопомощи и сотрудники сельсовета с черными знаменами и под звуки похоронного марша вышли из здания местной избы-читальни и торжественным шествием направились в сторону сельисполкома, где их ожидали жители села. Под черным знаменем выступили ученики местной школы. После торжественного исполнения песни «Вы жертвою пали в борьбе роковой» было сделано официальное сообщение о смерти В.И. Ленина (ГААК. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 185. Л. 22).

Начало траурной недели в некоторых селах губернии стало поводом для проведения мероприятий по увековечению памяти погибших за советскую власть. Так, в с. Ребриха одноименной волости 23 января 1924 г. на общенародном собрании обсуждался вопрос о возведении памятника «павшим борцам за свободу» и «... в память кончины Владимира Ильича Ленина» (ГААК. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 185. Л. 35). Однако для установки монумента недоставало средств. В связи с этим было принято решение объявить сбор добровольных пожертвований, а разработку проекта возложить на работников сельсовета (ГААК. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 185. Л. 35об.).

Траурные мероприятия продолжились и в следующие дни. 24 января 1924 г. в рубцовском железнодорожном клубе состоялось общегородское собрание представителей ячеек РКП(б) и РКСМ, делегатов женотдела, рабочих железной дороги, а также жителей города, пожелавших почтить память В.И. Ленина. Помещение клуба было украшено траурными флагами и знаменами с лозунгами, духовой оркестр играл похоронный марш. Мероприятие началось с краткого сообщения о смерти В.И. Ленина, а затем были представлены доклады о «тернистом пути» вождя, международном и внутреннем положении страны. На следующий день, 25 января, в Народном доме состоялся митинг, посвященный памяти В.И. Ленина (Траурные дни в Рубцовске, 1924, с. 4).

В телеграмме из Москвы, отправленной 25 января 1924 г. от имени Ф.Э. Дзержинского, сообщалось о том, что погребение пройдет 27 января в 16 ч. по московскому времени. В это время в населенных пунктах страны должен был быть произведен одновременный салют. На фабриках и заводах его заменяли гудком в течение трех минут. После установки гроба с телом В.И. Ленина в мавзолее объявлялось всесоюзное пятиминутное траурное молчание, по возможности приостанавливалась работа предприятий и движение транспорта. Члены ВКП(б) должны были в обязательном порядке иметь траурные нашивки на левой руке.

26 января 1924 г. в газете «Красный Алтай» был опубликован подробный план траурных мероприятий в Барнауле. 27 января весь состав воинских частей и служащие учреждений, фабрик и заводов города собирались в 12 ч. дня с красными и черными флагами на Соборной площади — месте начала демонстрации. Во главе траурного шествия находились представители горсовета, губисполкома, губкома и губпрофсовета, за ними — военнослужащие, члены РКСМ и железнодорожного профсоюза. Замыкали шествие представители от 19 организаций города. Траурная демонстрация от Соборной площади по Социалистическому переулку проследовала до Сузунской улицы, а оттуда по Красноармейскому проспекту до братских могил лиц, погибших в борьбе за советскую власть. Здесь состоялся траурный митинг, затем процессия двинулась по Московскому проспекту до улицы Пушкина, после вышла на Красноармейский проспект и прошла до Полковой улицы, а по ней до Социалистического переулка (План манифестации..., 1924, с. 4).

В населенных пунктах Алтайской губернии членами местных ячеек РКП(б) и работниками сельсоветов предлагалось также организовать траурные процессии под черными флагами. Рекомендовалось использовать следующие лозунги: «Кумир рабочих и крестьян всех стран Ленин скончался», «Умер Владимир Ильич, но идея его не умрет», «Мы крестьяне клянемся намеченный Владимиром Ильичем путь прожить до конца», «Вождь РКП скончался — больше сплоченности — тверже дисциплина», «Мертвые в мире почилы — дело настало живым»¹. В с. Сельверстово одноименной волости на нескольких сельских площадях в день похорон прошли митинги. Каждое учреждение населенного пункта подготовило траурные флаги. Во время установления гроба с телом В.И. Ленина в мавзолей прошел салют, а на мельницах села были даны «...похоронные гудки до 8 минут». В с. Шадрино Барнаульской волости под знамена траурной процессии собрались местные жители. Рядом с братскими могилами борцов за советскую власть прошел митинг. Затем в указанный час знамена были склонены, даны залпы салюта. В память о В.И. Ленине собравшиеся исполнили песню «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Вечером в местном народном доме прошел показ тематической инсценировки, посвященной вождю, которая произвела большое впечатление на зрителей. Некоторые из них отмечали: «Да, паря, — славный был мужик — умный. За нашего брата стоял» (Участник, 1924, с. 3).

Вечером 27 января 1924 г. в с. Мамонтово одноименной волости состоялось общее собрание представителей от организаций волости и жителей села (всего присутствовало около 600 чел.). На мероприятии прозвучали речи представителей местных органов власти, а также вдохновенное выступление жителя с. Мамонтово Александрова, которое он завершил словами: «Мир праху твоему, дорогой Владимир Ильич! Да здравствует мировая пролетарская революция» (ГААК. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 185. Л. 9об.).

В с. Алейск одноименной волости 27 января 1924 г. основные мероприятия сосредоточились в народном доме «Коллектив». Само здание и внутрен-

¹ Строчка из стихотворения И.С. Никитина «Медленно движется время» (1857).

ние помещения были траурно украшены. В центре сцены рядом с лозунгом «Физическая смерть Ильича не есть смерть его дела»¹ разместили портрет В.И. Ленина с траурной символикой и портреты вождей пролетариата (ГААК. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 185. Л. 76). На зданиях в селе были развешены черные и красные флаги. Комсомольцы провели митинги школьников.

В Павловской волости в день похорон были организованы объединенные мероприятия для жителей близрасположенных населенных пунктов. Активное участие в них приняли представители местных коммун. Активисты коммуны «Мы победим» были делегированы в Барнаул для участия в проходивших там траурных мероприятиях. Как отмечалось в «Докладе о проведении похорон умершего драгоценнейшего вождя пролетарской революции Ульянова-Ленина», смерть Председателя СНК СССР «...потрясла своим горем 80%» жителей волости (ГААК. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 185. Л. 107). Верующие граждане с. Павловское обратились в местный храм с просьбой проведения панихиды в честь В.И. Ленина, а церковный хор принял участие в похоронной процессии и исполнил «Похоронный марш», «Замучен тяжелой неволей»² и «Интернационал». Однако из-за ошибочно указанной даты в информации о траурном дне в с. Гоньба все мероприятия прошли 26 января 1924 г.

В конце траурной недели на волостных и сельских собраниях активно обсуждался вопрос об увековечении памяти В.И. Ленина и открытии памятников. 25 января 1924 г. на объединенном заседании ответственных работников второй Барнаульской и Дудинской волостей и второго Барнаульского волпарткома был поднят вопрос о сборе добровольных пожертвований «на предмет сооружения памятника» В.И. Ленину, все полученные средства планировалось отправить в Москву (ГААК. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 185. Л. 58). К концу этого дня по подписному листу поступило 18 руб. 50 коп. и больше 12 пуд. пшеницы. Кроме этого, обсуждалась возможность установки памятника на территории второй Барнаульской и Дудинской волостей. Для решения этого вопроса была создана специальная комиссия. Средства на возведение памятника планировалось получить за счет добровольных пожертвований, отчислений от спектаклей и т.д. Установка монумента предполагалась к 1 мая 1924 г. на площади в с. Сидоровка второй Барнаульской волости. Для распространения информации среди населения планировалось на собраниях и митингах 27 января 1924 г. уведомлять присутствовавших о приеме пожертвований.

В с. Коробейниково Зеркальной волости 26 января 1924 г. состоялась закладка памятника В.И. Ленину. 27 января 1924 г. прошла совместная с жителями с. Нижне-Озерье траурная манифестация. После митинга в с. Нижне-Озерье часть народа с пением похоронного марша направилась в с. Коробейниково уже на общеволостной митинг на площади возле народного дома. После этого состоялось торжественное открытие памятника В.И. Ленину. Всего в мероприятии приняло участие 2000 чел. (Алексинцев, 1924, с. 2).

¹ Лозунг взят из обращения ЦК РКП(б) «К партии. Ко всем трудящимся».

² «Замучен тяжелой неволей» — одна из любимых песен В.И. Ленина. По желанию Н.К. Крупской песня исполнялась во время похорон.

Установку памятника «безвременно умершему Вождю Революции» планировали и жители с. Павловского одноименной волости. Для этой цели была сформирована специальная комиссия. Сбор пожертвований на строительство составил 68 руб. 50 коп. золотом и несколько пудов хлеба. Установка памятника в селе планировалась к дню рождения В.И. Ленина (И-ский, 1924, с. 3).

Увековечение памяти В.И. Ленина осуществлялось присуждением имени вождя различным учреждениям, а также проведением топонимических преобразований. Так, активистами с. Ручьево Кольванской волости была принята резолюция об открытии клуба «Имени В.И. Ленина», а также об использовании в селе наименования ул. Ленина, ул. Пролетарская, ул. Советская, ул. Маркса и ул. Революционная (ГААК. Ф. П-81. Оп. 1. Д. 14. Л. 2об). На общем собрании 28 января 1924 г. членов культурно-просветительного общества в с. Повалиха Белоярской волости обсуждался вопрос открытия при мельнице №1 библиотеки и избы-читальни имени В.И. Ленина. В протоколе собрания зафиксировано: «Желая увековечить память нашего вождя и не на словах, а на деле последовать его учению и указаниям. Мы рабочие, служащие, крестьяне, учительство и медресотники, <...>, единогласно постановили открыть Избу-читальню в честь имени ИЛЬИЧА, памятуя, что со светочем знамени в тесном союзе рабочего, крестьянина и красноармейца мы доведем начатое дело до конца» (ГААК. Ф. П-81. Оп. 1. Д. 14. Л. 97об). По решению рабочих Бобровского затона строящегося зданию клуба было присвоено имя В.И. Ленина (Затонец, 1924, с. 3). Массовое присуждение имени В.И. Ленина школам связано с днями памяти вождя, проходившими 5–7 марта 1924 г. Так, например, с 6 марта 1924 г. одно из учебных заведений с. Ребриха стало именоваться I Ребрихинская имени Владимира Ильича Ленина школа (ГААК. Ф. П-81. Оп. 1. Д. 14. Л. 126).

Смерть В.И. Ленина стала поводом для активизации агитационной работы по привлечению населения в ряды ВКП(б), так называемая реализация «ленинского призыва», который в первую очередь распространялся на рабочих (Морозова, 2013, с. 174). Кроме этого, молодежь страны приглашали пополнить ряды местных комсомольских организаций. Реализация плана «ленинского призыва» продлилась до праздничных торжеств по случаю семилетней даты Октябрьской революции (Кромер, 2015, с. 184). К годовщине со дня смерти В.И. Ленина ставилась задача освоения «ленинизма» на 100% (П.З., 1924, с. 5).

Траурные события 1924 г. воспринимались жителями СССР как трагедия, глубокое потрясение и огромная потеря не только для граждан страны, но и для всего мира. В 1925 г. 21 января в СССР было объявлено выходным днем. С 1926 г. по 1951 г. день памяти В.И. Ленина и день расстрела рабочих 9 января 1905 г. объединялся в единый выходной день — 22 января.

Список источников

Алексинцев П. С. Коробейниково // Красный Алтай. 1924. №34. С. 2.

Брянцев М.В. «А хороший человек был Ленин, кто-то теперь?». Реакция населения на смерть В.И. Ленина // Вестник архивиста. 2022. №1. С. 242–256. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-1-242-256

ГААК. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 185.

- ГААК. Ф. П-81. Оп. 1. Д. 14.
ГААК.Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 58.
Зарезина К.Ф. Ленин в Москве и Подмоскowie. М., 1970. 468 с.
Затонец. Клуб имени Ильича // Красный Алтай. 1924. №27. С. 3.
И-ский. С. Павловское // Красный Алтай. 1924. №28. С. 3.
Кромер Л.В. Ленинский призыв молодежи в комсомол Сибири (январь — ноябрь 1924 г.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2015. С. 178–186.
Морозова Т.И. Деятельность партийного руководства Сибири по политической адаптации коммунистов ленинского призыва (1924–1925 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 4. Новосибирск, 2013. С. 173–199.
П.З. Под знаменем Ленинизма // Красный Алтай. 1924. №28. С. 5.
План манифестации по городу Барнаулу в день похорон великого вождя мировой революции и Председателя Совета Народных Комиссаров Владимира Ильича Ульянова-Ленина // Красный Алтай. 1924. №21. С. 4.
Сорокин А. «Сейчас его никто не должен убирать, он должен быть среди нас»: письма советских граждан в газеты с просьбой не предавать тело Ленина земле. 22–25 января 1924 г. // Родина. 2017. №10. С. 126–133.
Траурные дни в Рубцовске // Красная степь. 1924. №8. С. 4.
Участник С. Печальная весть // Красный Алтай. 1924. №25. С. 3.

Информация об авторах / Information About the Authors

Ксения Алексеевна Тишкина, Сибирский федеральный университет, отдел развития научной деятельности, научный сотрудник; 660041, Россия, Красноярск, пр. Свободный, 79/10, корпус №10, ауд. Р2-03; кандидат исторических наук; <https://orcid.org/0000-0002-2342-0548>, ksetishkina@mail.ru

Ksenia A. Tishkina, Siberian Federal University, Department of Scientific Activity Development, Researcher; 660041, Russia, Krasnoyarsk, 79/10 Svobodny Ave., building 10, aud. P2-03; Ph.D. in History; <https://orcid.org/0000-0002-2342-0548>, ksetishkina@mail.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 902(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.13

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ СТЕПНОЙ КУЛУНДЫ

Александр Сергеевич Федорук

Институт археологии и этнографии СО РАН, Барнаул, Россия

Резюме. В статье публикуется информация о трех ранее не известных памятниках археологии, выявленных автором в ходе поездок по автомобильной трассе А-321 Барнаул — Павловск — граница с Республикой Казахстан. Объекты «Родино-1, курганная группа» и «Каюшка-2, курганная группа» обнаружены на территории Родинского района Алтайского края, а памятник «Сидоровка-1, курганная группа» — в Романовском районе края. По результатам визуального осмотра и анализа кос-

моснимков территории дается описание указанных объектов, предлагается их возможная датировка. В заключение автором отмечается, что все выявленные курганные могильники уже сильно пострадали от антропогенной деятельности (распашки) и в перспективе существует угроза их полной утраты.

Ключевые слова: археология, Алтайский край, Кулундинская степь, курганные могильники, ранний железный век, Средневековье, охрана

Благодарности: исследование выполнено по проекту «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

Для цитирования: Федорук А.С. Новые памятники степной Кулунды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 78–86. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.13

NEW SITES OF THE KULUNDA STEPPE

Alexander S. Fedoruk

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Barnaul, Russia

Abstract. The article publishes information about three previously unknown sites of archaeology, identified by the author during his trips along the highway A-321 Barnaul-Pavlovsk-border with the Republic of Kazakhstan. The objects “Rodino-1, barrow group” and “Kayaushka-2, barrow group” were found on the territory of the Rodinsky district of the Altai Territory, and the “Sidorovka-1, barrow group Site” in the Romanovsky district of the region. Based on the results of visual inspection and analysis of satellite images of the territory, a description of these objects is given, and their possible dating is proposed. In conclusion, the author notes that all the identified burial mounds have already suffered greatly from anthropogenic activity (plowing) and, in the future, there is a threat of their complete loss.

Keywords: archaeology, Altai Territory, Kulunda steppe, burial mounds, early Iron Age, Middle Ages, security

Acknowledgments: the study was carried out under the project “Integrated Studies of the Ancient Cultures of Siberia and Adjacent Territories: Chronology, Technologies, Adaptation and Cultural Relations” (FWZG-2022-0006).

For citation: Fedoruk A.S. New Sites of the Kulunda Steppe // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 78–86. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.13

В сентябре 2020 г. одна из важнейших автомобильных дорог Алтайского края — трасса, ведущая из Барнаула через Павловск к границе с Республикой Казахстан, была переведена в федеральную собственность. Дороге был присвоен номер А-321, и она стала третьей, наиболее протяженной из федеральных трасс региона. Это позволило уже в 2021 г. начать здесь достаточно масштабные работы по ее ремонту и обновлению. Автодорога давно нуждалась в повышенном внимании, поскольку является артерией, связывающей жителей степной части края с краевым центром, а также востребована туристами, позволяя добраться к соленым озерам степной Кулунды. Таким образом, начавшиеся изменения, несомненно, носят позитивный характер.

Однако, на взгляд автора, обострился вопрос сохранения памятников археологии, находящихся в непосредственной близости от указанной трассы. В силу различных обстоятельств целенаправленного и полномасштабного обследования археологами территории, занятой современной дорогой, и прилегающих к ней участков ранее не производилось. А значит, и сейчас существует вероятность повреждения или уничтожения не известных до настоящего момента древних памятников. Тем более что район Кулундинской степи, хоть никогда и не был избалован вниманием со стороны археологов, но давно перестал быть «белым пятном» на археологической карте Западной Сибири. В составленных и опубликованных ранее перечнях памятников для отдельных административных районов насчитываются десятки, а в отдельных случаях и сотни объектов (Иванов, 2000; Кирюшин, Шамшин, 2000; Шамшин, 1999; 2002; 2007; Брусник, 2005; Ситников, 2012). В Кулунде на сегодняшний день выявлены комплексы практически всех исторических эпох: палеолита (Кунгуров, Удодов, 1990; Гельмель, Кунгуров, 2007), мезолита (Федорук и др., 2013; Иванов, 2016; Кунгуров, 2019), неолита (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Кунгуров, 2019), энеолита (Кирюшин, 2019), различных этапов эпохи бронзы (Удодов, 1994; Уманский, 1999; Бородовский, Софейков, Колонцов, 2002; Папин, Федорук, 2005; Иванов, 2016; Федорук А.С., Редников, Федорук О.А., 2017; Федорук А.С., 2019; Федорук О.А., 2019), раннего железного века (Изоткин, 1993; Уманский, 1993; Гельмель, 2007; 2009; Мельников, Яшин, 2008; Иванов, 2016; Фролов, Тишкин, 2019) и Средневековья (Уманский, 1993; Могильников, 1999; Горбунов, Гельмель, 2007; Иванов, 2016; Горбунов, 2017; 2019; Тишкин, 2019; Гришин, Марченко, 2022). И ежегодно продолжают выявляться новые памятники, в том числе в окрестностях современной трассы А-321 (Федорук, 2004; 2021; Федорук, Редников, 2009; 2015; Федорук и др., 2013; Мамадаков, Кунгуров, Константинов, 2021). В настоящей работе представлен ряд новых объектов, обнаруженных автором в ходе поездок в западные районы края осенью 2021 — весной 2022 г.

Родино-1, курганный комплекс (рис. 1). Расположена в 3,2 км к западу–северо-западу от райцентра Родинского района с. Родино, в 2,5 км к северо-западу от сельского кладбища, в 3,4 км к западу–юго-западу от пересечения трассы А-321 с автодорогой Р-372 (с. Родино — с. Благовещенка). На момент осмотра в мае 2022 г. визуально зафиксировано две насыпи, расположенных на сельскохозяйственном поле. Курган №1 — диаметр насыпи около 24 м, высота в центральной части до 0,4 м. Полностью распахивается. Координаты центральной точки насыпи N 52°30'53,62"; E 80°08'39,89". Курган №2 находится в 60 м к юго–юго-западу от кургана №1. Диаметр насыпи около 20 м, высота до 0,2 м. Также распахивается вся поверхность насыпи. Координаты центральной точки насыпи N 52°30'56,03"; E 80°08'40,54". При изучении космоснимков местности (SAS.Планета), на снимках Google отмечается вытянутая по линии ССВ–ЮЮЗ цепочка из трех светлых пятен, два из которых четко соответствуют локализации обнаруженных курганов. Третье пятно расположено в 110 м к северу–северо-востоку от кургана №2, на краю сосед-

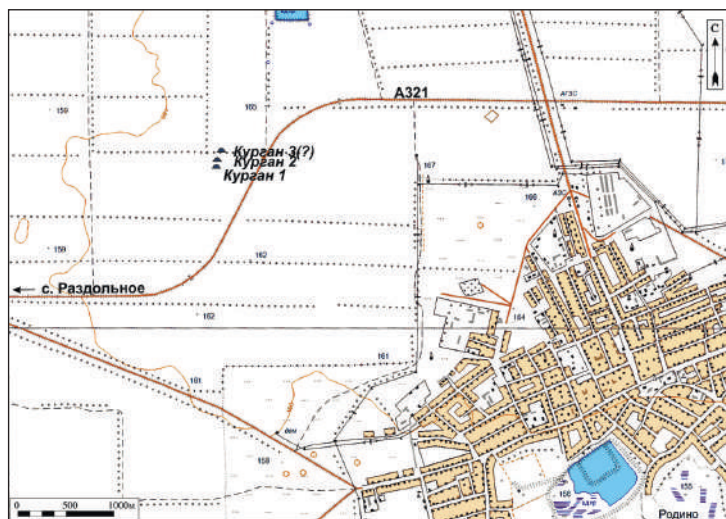

Рис. 1. Месторасположение курганной группы
у с. Родино Родинского района Алтайского края
Fig. 1. The location of the barrow group near the village Rodino,
Rodinsky District, Altai Territory

него поля у лесополосы. Возможно, это еще один, полностью распаханый к настоящему времени и потому визуально не фиксируемый курган (№3).

Каяушка-2, курганная группа (рис. 2). Расположена в 3,1 км к северо-востоку от с. Каяушка Родинского района, в 0,995 км к востоку–северо-востоку от моста через р. Кучук, в 1,34 км к северо-востоку от дамбы водохранилища на р. Кучук. Визуально фиксируется две насыпи. Курган №1 расположен в разрыве лесопосадки. Диаметр насыпи около 26 м, высота до 1,0 м. Поверхность поросла травой. В центральной части прослеживаются следы грабительской воронки. Северный и южный края насыпи опахиваются. Координаты центральной точки насыпи N 52°31'37,54"; E 80°30'01,25". Курган №2 находится в 50 м к югу–юго-востоку от кургана №1, на сельскохозяйственном поле. Диаметр насыпи около 34 м, высота в центральной части до 0,8 м. Насыпь полностью распахивается. Координаты центральной точки насыпи N 52°31'34,97"; E 80°30'02,01". На различных космоснимках участка (Bing, Google, ESRI, Here) слабо прослеживается вытянутая по линии ССЗ–ЮЮВ цепочка, состоящая из не менее трех пятен, два из которых соответствуют обнаруженным насыпям. Третье пятно находится в 100 м к югу от кургана №2. Возможно, это также третий курган группы, полностью распаханый к настоящему моменту.

Сидоровка-1, курганная группа (рис. 3). Находится в 3,8 км к востоку от с. Сидоровка Романовского района, в 4,34 км к востоку–юго-востоку от моста через р. Сидоровка, на участке, с запада примыкающем к территории ранее существовавшей поливной станции. Визуально фиксируется две

насыпи, расположенные на распахиваемом поле. Курган №1 — диаметр насыпи около 16 м, высота до 0,2 м. Полностью распахивается. Координаты центральной точки насыпи N 52°33'17,56"; E 80°50'00,19". В центре насыпи присутствовала свежая ямка-«закопушка», в которой обнаружился триангуляционный пункт. Вероятно, ямка оставлена искателями металла, поскольку в окрестностях насыпей таких ямок достаточно много. Курган №2 находится в 45 м к северо-востоку от кургана №1. Диаметр насыпи около 20 м, высота в центральной части до 0,15 м. Полностью распахивается. Координаты центральной точки насыпи N 52°33'19,41"; E 80°50'01,72". При позднейшем анализе различных космоснимков местности (Google, Here, Bing, ESRI) была четко прослежена цепочка из не менее трех пятен (вытянута по линии ССВ-ЮЮЗ), два из которых четко соотносятся с выявленными курганами. Третье пятно (курган №3?) находится в 47 м к северу-северо-востоку от кургана №2.

Степень повреждений на выявленных памятниках (нарушенный характер насыпей, отсутствие следов ровиков) в настоящее время не позволяет без проведения дополнительных исследований четко датировать выявленные объекты. Предварительно их возможно отнести к периоду раннего железного века, возможно, Средневековья.

Все обнаруженные курганные группы находятся на достаточно заметных участках водоразделов, имеют в своем составе курганы достаточно крупных размеров, а значит, ранее, до начала интенсивной распашки территории Кулунды и появления защитных лесополос, были хорошо видны на большом расстоянии. В настоящее же время, благодаря антропогенному фактору, объекты уже слабо заметны на местности. Как показывают результаты осмотра участков, изучения космоснимков, видимо, отдельные курганы полностью нивелированы распашкой. Очевидно, если ситуация не изменится, в скором времени мы не увидим еще фиксируемых ныне курганов, а значит, существенно возрастет риск их уничтожения в ходе хозяйственной деятельности. В итоге часть культурного наследия страны будет безвозвратно утрачена.

Дополнительное беспокойство вызывает близость обнаруженных памятников к федеральной автодороге (находятся на расстоянии от 130 до 330 м), работы по ремонту которой могут потребовать новых земельных участков, на которых, вполне вероятно, могут располагаться как не известные на сегодняшний день памятники археологии, так и объекты, известные по архивным и опубликованным данным, но в силу различных причин не включенные в официальные списки (Перечень объектов археологического наследия на территории Алтайского края, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Алтайского края). Поскольку в последние десятилетия прекратилась практика сплошных археологических обследований значительных территорий, единственным официальным выходом, на взгляд автора, является проведение государственной

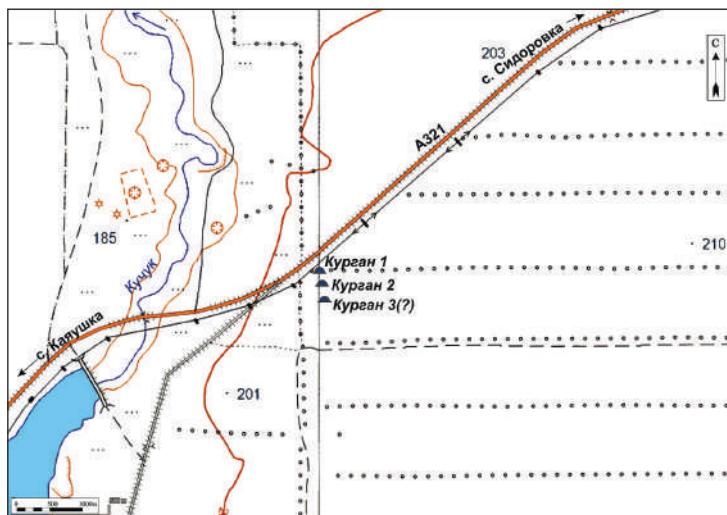

Рис. 2. Месторасположение курганной группы
у с. Каяушка Родинского района Алтайского края
Fig. 2. The location of the barrow group near the village of Kayushka,
Rodinsky District, Altai Territory

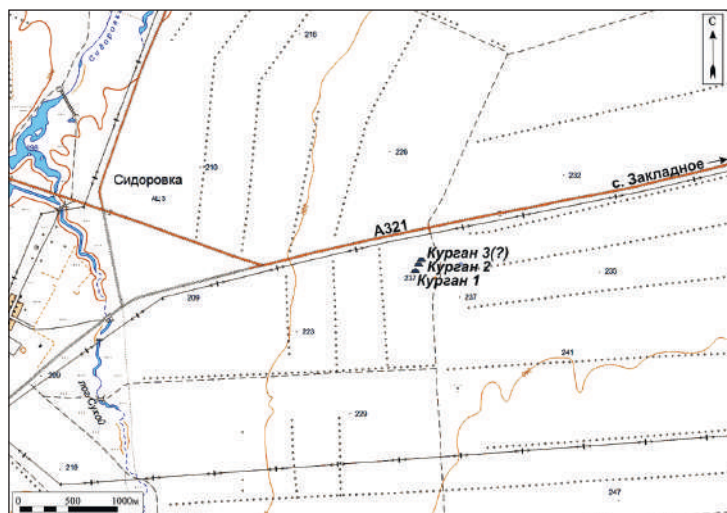

Рис. 3. Месторасположение курганной группы
у с. Сидоровка Романовского района Алтайского края
Fig. 3. The location of the mound group at the village of Sidorovka,
Romanovsky District, Altai Territory

историко-культурной экспертизы всех участков, планируемых под хозяйственное освоение, в отношении которых ранее не проводилось исследование (за исключением участков с явными разрушениями, полностью исключающими возможность сохранения культурного слоя). Однако при этом на сегодняшний день в регионе сложилась ситуация, при которой органы региональной власти и профессиональные археологи, делая одно дело, недостаточно соотносят друг с другом результаты собственной работы. Проблема, в частности, вызвана отсутствием доступной как для археологов, так и для сотрудников Алтайохранкультуры единой и оперативно пополняющейся свежими данными базы памятников археологии, как официально известных, так и «архивных». Необходимо возрождение ранее проводившейся НПЦ «Наследие» работы по учету памятников, отраженных только в архивных и опубликованных источниках.

Список источников

- Бороодовский А.П., Софейков О.В., Колонцов С.В. Материалы эпохи поздней бронзы из Северной Кулунды (Карасукский район Новосибирской области) // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 14–16.
- Брусник Н.Д. Археологические памятники района: история исследования, их состояние // Баевский район. История. События. Люди. Барнаул, 2005. С. 17–29.
- Гельмель Ю.И. Новые материалы из Славгородского района // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае археология, этнография, устная история. 2006 г. Вып. 3. Барнаул, 2007. С. 44–47.
- Гельмель Ю.И. Погребение раннего железного века из Славгородского района // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2007 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 4. Барнаул, 2009. С. 24–27.
- Гельмель Ю.И., Кунгуров А.Л. Палеолитическое местонахождение на Бурлинском озере // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае археология, этнография, устная история. 2006 г. Вып. 3. Барнаул, 2007. С. 16–21.
- Горбунов В.В. История поступления археологических коллекций эпохи средневековья с территории Алтая в собрание Алтайского государственного краеведческого музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2017. Вып. XXIII. С. 227–235.
- Горбунов В.В. Сросткинская культура // История Алтая: в 3 т. Т. I: Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул, 2019. С. 333–345.
- Горбунов В.В., Гельмель Ю.И. Руническая надпись из погребения сросткинской культуры в Кулундинской степи // Теория и практика археологических исследований. Вып. 3. Барнаул, 2007. С. 69–77.
- Гришин А.Е., Марченко Ж.В. Первые объекты типа «курган с „усами“» в Кулундинской степи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVIII. Новосибирск, 2022. С. 479–486.
- Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово). Барнаул, 2000. 160 с.
- Иванов Г.Е. Алтайская деревня на перекрестках истории: летопись Мамонтовского района. Барнаул, 2016. 516 с.: ил.
- Изоткин С.Л. Аварийные памятники в верховьях Кулунды // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. 1. Барнаул, 1993. С. 115–119.

Кирюшин К.Ю. Энеолит Кулундинской степи // История Алтая: в 3 т. Т. I: Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул, 2019. С. 107–113.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Кунгуров А.Л. Неолит (ранний, развитый, поздний, финальный) // История Алтая: в 3 т. Т. I: Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул, 2019. С. 52–95.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Древнее прошлое Завьяловского района // Завьяловский район. История, события, люди. Барнаул, 2000. С. 22–35.

Кунгуров А.Л. Мезолит (ранний, развитый, поздний, финальный) // История Алтая: в 3 т. Т. I: Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул, 2019. С. 30–51.

Кунгуров А.Л., Удодов В.С. Находки каменного века в Кулунде // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Вып. 1. Барнаул, 1990. С. 55–63.

Мамадаков Ю.Т., Кунгуров А.Л., Константинов Н.А. Новые археологические памятники в степной зоне Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2020–2021 гг. Вып. 16. Барнаул, 2021. С. 101–112.

Мельников Б.В., Яшин В.Б. По следам яровской берегини. Яровое; Омск, 2008. 144 с.

Могильников В.А. Курганы с сырцовыми выкладками на юге Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 2. Тюмень, 1999. С. 64–68.

Папин Д.В., Федорук А.С. Памятники эпохи поздней бронзы степной Кулунды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2005. Вып. XIV. С. 147–151.

Ситников С.М. Свод памятников археологии Хабаровского района // Хабаровский район. Страницы истории. Барнаул, 2012. С. 17–44.

Тишкин А.А. Кармацкая культура // История Алтая: в 3 т. Т. I: Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул, 2019. С. 366–374.

Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1994. 21 с.

Уманский А.П. Курганы железного века в Родинском районе // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 202–219.

Уманский А.П. Раскопки в Нижней Суетке в 1964 году // Краеведческие записки. Вып. 3. Барнаул, 1999. С. 83–99.

Федорук А.С. Памятник Инбекши 1 // Интеграция археологических и этнографических исследований. Алматы; Омск, 2004. С. 286–287.

Федорук А.С. Саргаринско-алексеевская культура и бурлинский тип памятников // История Алтая: в 3 т. Т. I: Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул, 2019. С. 174–183.

Федорук А.С. К археологической карте Кулундинского и Романовского районов Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2021. Вып. XXVII. С. 112–116.

Федорук А.С., Папин Д.В., Редников А.А., Федорук О.А. К археологической карте Кулунды // Вопросы археологии и истории юга Западной Сибири. Барнаул, 2013. С. 185–192.

Федорук А.С., Редников А.А. Результаты археологического обследования Баевского района Алтайского края в 2008 году // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XVII. Барнаул, 2009. С. 336–341.

Федорук А.С., Редников А.А. К археологической карте Локтевского и Табунского районов Алтайского края // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история). Вып. 10. Барнаул, 2015. С. 99–102.

Федорук А.С., Редников А.А., Федорук О.А. Новые данные к археологической карте с. Ребриха // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2016 году (археология, этнография, устная история). Вып. 12. Омск, 2017. С. 64–66.

Федорук О.А. Андроновская культура // История Алтая: в 3 т. Т. I: Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул, 2019. С. 149–157.

Фролов Я.В., Тишкин А.А. Каменская культура // История Алтая: в 3 т. Т. I: Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул, 2019. С. 255–272.

Шамшин А.Б. Земля Михайловская: веки древней истории // Михайловский район: очерки истории и культуры. Барнаул, 1999. С. 22–28.

Шамшин А.Б. Из древнего прошлого Ключевского района // Ключевский район: история и современность. Барнаул, 2002. С. 34–40.

Шамшин А.Б. Древности Кулунды // Кулундинский район: страницы и истории и современность. Т. 1. Барнаул, 2007. С. 24–31.

Информация об авторе / Information about the Author

Александр Сергеевич Федорук, Барнаульская лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; кандидат исторических наук; <https://orcid.org/0000-0002-9825-1822>, fedorukas@mail.ru

Alexander S. Fedoruk, Barnaul Laboratory of Archaeology and Ethnography of Southern Siberia of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Researcher; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave., 61; Candidate of Historical Sciences; <https://orcid.org/0000-0002-9825-1822>, fedorukas@mail.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 94(571.150-25):728.83

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.14

ДВЕ УСАДЬБЫ БАРНАУЛЬСКОГО КУПЦА Г.В. ГРЯЗНОВА В БАРНАУЛЕ НА УЛ. БИЙСКОЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Марина Александровна Целищева

*Алтайская региональная краеведческая общественная
организация «Наследие Алтая», Барнаул, Россия*

Резюме. На основе впервые привлекаемых архивных материалов из Государственного архива Алтайского края автор в данной статье рассматривает историю и современное использование объектов культурного наследия на двух бывших усадьбах барнаульского 2 гильдии купца Г.В. Грязнова и его наследников по ул. Бийской, который имел крупчатую мельницу в с. Павловском на р. Касмале, там же принимал заказы на размол пшеницы и ржи на раструсной мельнице, торговал хлебом и мукой по всей Сибири, чаем и сахаром в Барнауле, держал собственное пароходство для перевозки зерна. Являлся гласным городской Думы, выполнял обязанности члена училищной и врачебной комиссии, входил в состав Попечительского совета барнаульской женской гимназии.

Ключевые слова: купеческая усадьба, Алтайский центральный кредитный союз, амбулатория, роддом, поликлиника, магазин, памятник архитектуры, объект культурного наследия

Для цитирования: Целищева М.А. Две усадьбы барнаульского купца Г.В. Грязнова в Барнауле на ул. Бийской: история и современное использование // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 86–94. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.14

TWO ESTATES OF BARNAUL MERCHANT G.V. GRYAZNOV IN BARNAUL ON BIYSKAYA STREET: HISTORY AND MODERN USE

Marina A. Tselishcheva

*Altai Regional Local History Non-Government Organization “Altai Heritage”,
Barnaul, Russia*

Abstract. On the ground of the newly attracted documents from the State Archive of the Altai Krai, the author considers the history and current use of cultural heritage objects on two former estates of the Barnaul 2nd guild of the merchant G.V. Gryaznov and his heirs on the Biyskaya Street. G.V. Gryaznov had a wheat-grinding mill in Pavlovsky village on the Kasmale river. There he also took orders for grinding wheat and rye, sold bread and flour throughout Siberia, tea and sugar in Barnaul, and kept his own shipping company for transporting grain. He was a voting member of the City Duma, served as the school and medical commission member, and was a member of the Board of Trustees of the Barnaul women’s gymnasium.

Keywords: merchant estate, Altai central credit union, ambulance, clinic, shop, an architectural monument, cultural heritage object

For citation: Tselishcheva M.A. Two Estates of Barnaul Merchant G.V. Gryaznov in Barnaul on Biyskaya Street: History and Modern Use // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 86–94. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.14

Барнаульский 2 гильдии купец Гаврил Васильевич Грязнов (1852–1909) торговал крупчаткой и хлебными продуктами в Барнауле, в Томске на базаре, в Бийске на площади. Производил оптовую покупку и продажу разного хлеба в зернах и крупах, перевозил товар на своих баржах (Сибирский торгово-промышленный..., 1898, с. 46, 212, Сибирский торгово-промышленный..., 1900, с. 176). Участвовал в общественной жизни города, являлся гласным городской Думы, выполнял обязанности члена училищной и врачебной комиссии, входил в состав Попечительского совета барнаульской женской гимназии (Скубневский, Старцев, Гончаров, 1996, с. 48, 49). После его смерти, с 1910 г. все имущество перешло к наследникам купца, которые имели мукомольную мельницу, вели торговлю мучными товарами, осуществляли скупку хлеба.

Улица Бийская была основана более 200 лет назад. Как и многие другие ранние барнаульские улицы, она получила свое название от населенного пункта, направление к которому задавала. Поскольку она указывала на Бийскую крепость, то появилось название Бийская. Центральная часть улицы считалась довольно престижным районом, в котором находилось много купеческих особняков и доходных домов, на этой улице находились дома купцов братьев Ворсиных, купца Грязнова, торговый дом «Бр. Ворсины и Олюнина», дом коллежского секретаря Е.Д. Лури, священников, врачей, фотографа Борисова и других. В ноябре 1920 г. на заседании коллегии Губкомотдела

(протокол №2956 от 24.11.1920) был рассмотрен вопрос о переименовании улиц в г. Барнауле (ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 83; Ф.Р. 212. Оп. 1. Д. 39. Л. 1). Так, Бийская улица получила новое имя ул. Никитинской в честь воронежского поэта XIX в. Ивана Саввича Никитина. На улице Бийской барнаульский купец Г.В. Грязнов до революции имел две усадьбы, современный их адрес: г. Барнаул, ул. Никитина, 113 и 134.

Объект культурного наследия регионального значения «Склады торговые», начало XX в., Алтайский край, г. Барнаул, ул. Никитина, 113

Двухэтажное здание из красного кирпича лицевой кладки, сложное в плане, расположено в исторической части города Барнаула, главным северо-западным фасадом обращено на улицу Никитина. Первоначально усадьба по ул. Бийской, 113–115 принадлежала барнаульскому купцу Гаврилу Васильевичу Грязнову, на ней находилось два одноэтажных деревянных дома. В 1917 г. два дома по ул. Бийской, 113–115 по купчей от 2 октября 1917 г., утвержденной ст. нотариусом Барнаульского окружного суда, были приобретены у наследников Г.В. Грязнова Алтайским центральным кредитным союзом (ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 188, Л. 74об., 93об.). Можно предположить, что после приобретения этих двух домов Союз перестроил помещения под свои нужды, так как на момент национализации в 1920 г. на усадьбе по адресу: ул. Бийская, 113–115 уже находилось следующее имущество: каменная кладовая, пять амбаров, две конюшни, баня, навес, караулка. Национализировали по причине ликвидации учреждения (ГААК. Ф.Р. 10. Оп. 2. Д. 8. Л. 39об.).

В дальнейшем помещения занимали различные организации. Так, в 1922 г. из составленного списка учреждений г. Барнаула мы можем узнать, что складские помещения в это время занимали две организации — Губпродукт и Губторг (склад №7) (ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 338. Л. 73об.). Постановлением губернского экономического Совета (ГубЭКОСО) от 20 октября 1923 г. помещения были переданы в ведение Губернского Союза (Губсоюза) (ГААК. Ф.Р. 16. Оп. 2. Д. 154. Л. 61). Но в 1924 г. арендаторы поменялись. 14 февраля 1924 г. был составлен акт, по которому Заготконтора сдала, а Алтайгубсельпромсоюз принял домовладение по ул. Бийской (ул. Никитинской), 113 — склады, конюшни, навес и столярную мастерскую. Далее шло перечисление необходимых работ: в одноэтажном с подвалом, обшитом тесом помещении требовалось произвести штукатурку стен, настил полов, покраску полов и дверей (ГААК. Ф.Р. 16. Оп. 2. Д. 154. Л. 57, 58).

В дальнейшем помещения передали Военторгу под торговую базу. До 1956 г. организация называлась Военторг РККА (Рабоче-крестьянская Красная армия), позже здание находилось на балансе Главного управления Министерства обороны СССР по Алтайскому краю. В 1967 г. торговая база стала расширяться, на усадьбе пристроили одноэтажные помещения под литерами А3, А4, А5, а также котельную, мастерскую (склад) и гараж под литерами Б, Б1, Б2, Б3. Также на территории усадьбы находятся сарай под литерами Г и Г1 (деревянные строения), и Г2, Г3, Г4 — кирпичные строения (Технический па-

спорт..., 2001). В 1994 г. здание поставили на государственную охрану. На момент постановки на гос. учет оно находилось на балансе Военторга.

В 2012 г. приказом Управления Алтайского края по культуре и архивному делу от 26 июля 2012 г. №363 были утверждены предмет охраны, границы территории и правовой режим земельного участка в границах территории объекта культурного наследия (ОКН). Приказом Министерства культуры РФ от 16 ноября 2012 г. №1398 объект был зарегистрирован в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации с присвоением ему реестрового номера 221210002980005.

В 2014 г. собственником здания была капитально отремонтирована крыша и стропила на всем здании. В 2019 г. ООО «Землеустройство линейных объектов» были проведены предварительные работы для разработки проекта границ территории объекта культурного наследия. Автор участвовала в работе данного коллектива. Приказом Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края (Алтайохранкультура) от 8 ноября 2019 г. №343 были утверждены границы территории и режим использования территории ОКН. Приказом управления Алтайохранкультуры от 11 декабря 2020 г. №1459 были утверждены зоны охраны ОКН, режим использования земель и требования к градостроительным регламентам в границах территории данных зон. Приказом управления Алтайохранкультуры от 26 февраля 2021 г. №107 было утверждено охранное обязательство.

В 2021 г., обследовав помещения, специалисты управления Алтайохранкультуры рекомендовали разместить на фасаде информационную надпись (обозначение) об объекте культурного наследия, разработать проектную документацию на ремонт объекта культурного наследия, а также провести противоаварийные мероприятия: восстановить кирпичную кладку под оконным проемом первого этажа левого фланга главного фасада здания. Выполнить ремонт объекта культурного наследия в соответствии с разработанной документацией.

Здание неоднократно приспособлялось и перестраивалось, в первоначальном виде сохранился только главный фасад, который состоит из двух частей. В настоящее время первоначальный объем объекта изменен: к северо-западному и северо-восточному фасадам здания пристроены современные объемы, часть проемов заложена, пробиты новые проемы. Сегодня помещения арендует девять организаций, в том числе оптово-розничный магазин и др. За время своего существования здание несколько раз меняло адреса: сначала находилось на ул. Бийской (ул. Никитинской), 113–115, позже по адресу: ул. Никитина, 113.

Здание, расположенное по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, ул. Никитина, 113 является объектом культурного наследия регионального значения «Склады торговые», начало XX в., согласно Постановлению Алтайского краевого Законодательного Собрания от 28 декабря 1994 г. №169. Является примером постройки хозяйственного назначения начала XX в. с элементами кирпичного декора по главному фасаду (рис. 1).

*Объект культурного наследия регионального значения «Дом жилой»,
начало XX в. Алтайский край, г. Барнаул, ул. Никитина, 134*

Двухэтажное полукаменное здание расположено в исторической части города, в ряду непрерывной застройки, главным фасадом обращено на красную линию улицы Никитина. Было построено в начале XX в., изначально предназначалось под жилье. В дальнейшем было использовано под медицинское учреждение.

Первоначально усадьба по ул. Бийской, 118–120 принадлежала барнаульскому купцу Грязнову Гаврилу Васильевичу, на ней находилось два дома — двухэтажный полукаменный дом по левой меже и двухэтажный деревянный (ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 413. Л. 28). После смерти купца дома на усадьбе перешли к его наследникам. Из оценочной ведомости на недвижимое имущество по г. Барнаулу на 1917–1919 гг. мы можем узнать, что два дома по ул. Бийской, 118–120 принадлежали Грязновым Софье Александровне и Парасковье Степановне (оклад 438). В 1917 г. их дома были оценены в 1243 руб., а в 1918 г. — в 1429 руб., налог со строений в первом случае составил 124,3 руб., а в 1918 г. — 428,7 руб. (ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 146. Л. 224об., 225).

В составленных в 1918 г. списках владельцев недвижимых имуществ в г. Барнауле указано, что Грязновы С.А. и П.С. владели следующим имуществом по ул. Бийской, 118–120: полукаменный двухэтажный дом, деревянный флигель, амбар для хлеба, конюшня, баня, дом двухэтажный. Оценка имущества составила 16 075 руб., облагаемая доходность — 1243 руб. (ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 188. Л. 107об.; Ф. 51. Оп. 2. Д. 358. Л. 45об.). В 1920 г. дома на усадьбе наследников купца Грязнова были национализированы. Так, по ул. Бийской, 118 у С.А. и П.С. Грязновых проходило следующее имущество — дом двухэтажный, амбар, конюшня, дровяник, скотник, баня, ледник, уборная. По ул. Бийской, 120 — дом двухэтажный, ледник, уборная (ГААК. Ф.Р. 10. Оп. 2. Д. 8. Л. 26об.).

Из составленного акта №81 от 1920 г. по обследованию городских строений в отношении пожарной безопасности (2 уч.), рассмотренного на заседании комиссии Алтгубкоммунотдела, следовало, что дома по ул. Бийской, №118 и 120, ранее принадлежащие Грязновым, были следующие: дом №118 — полукаменный двухэтажный, за домом службы и баня, навес, ледник, а дом №120 — двухэтажный деревянный. Печи в домах находились в удовлетворительном состоянии, но некоторые из печей нуждались в частичном ремонте, в полукаменном доме в крыше имелся дефект. Печь в бане также нуждалась в ремонте. Приставленных лестниц на крышу на момент осмотра домов не было. Внутренний ход на чердак имелся. В итоге необходимо было устранить указанные дефекты печей, сделать на крышу приставную лестницу. Пристройку к службам около полукаменного дома, как занимающую четырехсажженный разрыв, сломать. Лестница в полукаменном доме была построена из дерева, а должна была быть из негорючего материала (согласно строительному Уставу) (ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 413. Л. 28, 28об.).

С 1920 г. двухэтажное полукаменное здание по ул. Бийской (ул. Никитинской), 118 находилось в муниципальной собственности, использовалось под медицинское учреждение, квартиру и магазин. Так, по информации из составленно-

Рис. 1. Объект культурного наследия регионального значения «Склады торговые», начало XX в., по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, ул. Никитина, 113.

Вид на главный фасад с севера. Фото 2021 г.

Fig. 1. The object of the cultural heritage of regional significance, “Trading warehouses”, early 20th century at the address: Altai Krai, Barnaul, Nikitina st., 113.

A view of the main facade from the north. Photo 2021

Рис. 2. Объект культурного наследия регионального значения «Дом жилой», начало XX в., по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, ул. Никитина, 134.

Вид с юга на главный фасад. Фото автора 2022 г.

Fig. 2. The object of the cultural heritage of regional significance, “Residential House,” early 20th century at the address: Altai Krai, Barnaul, Nikitina st., 134.

View from the south to the main facade. Photo by the author of 2022

го сводного листа всех советских учреждений за 1921 г. следовало, что в доме по ул. Никитинской, 118 находилась амбулатория №5 Губздрава, а в доме №120 верх занимала канцелярия коммерческого ревизионного 1-го участка Томской железной дороги Алтайской линии, а внизу находилось правление Губернского отдела Всероссийского профсоюза работников лечебно-санитарного отдела (Всемирно-сантруд) (ГААК. Ф.Р. 12. Оп. 2. Д. 202. Л. 97, 103; Ф.Р. 10. Оп. 5. Д. 9. Л. 98). В сведениях об учреждениях и организациях, кому Коммуноотдел отпускал воду в 1921 г., проходит и амбулатория по ул. Никитинской, 118, которой отпускали 40 ведер в неделю (ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 74. Л. 244). В составленных списках учреждений Барнаула, занимаемых жилой площадью в 1922 г., указано, что по ул. Никитинской, 118 (кв. 67) находится городская амбулатория №5, которая занимала пять комнат, работало 25 чел., и зуболечебный кабинет, который располагался в трех комнатах (ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 338. Л. 29, 73об.). Часть помещений в доме занимала квартира. Так, в акте обследования хозяйства Алтайского Губздрава от 3 октября 1923 г. отмечено, что в здании по ул. Никитинской, 118 находится квартира, в которой проживал (за счет амбулатории №5) бухгалтер хозяйственного отдела Губздрава Ходос. В доме было отопление и освещение (ГААК. Ф. 12. Оп. 2. Д. 520. Л. 40).

Из справочника по г. Барнаулу за 1924 г. следует, что в доме по ул. Бийской (ул. Никитинская), 118 работала амбулатория №5 — заведующая амбулаторией врач Л.М. Цветкова и находился зубной кабинет — заведующая кабинетом врач А.Л. Сереброва. Здесь же, в справочнике был указан медицинский персонал. Так, по ул. Бийской, 118 находился врач К.А. Носов (возможно, проживал) (Вся Сибирь..., 1924, с. 255–256). В составленном ревизионном акте Алтайского губернского отдела труда от 9 мая 1925 г. было отмечено, что в здании находилась амбулатория №5 Алтайгубздрава, в которой работало 13 чел., в том числе семь женщин, работали в две смены, врач В.В. Вингродский. Как замечание было записано, что отсутствовали книги ревизионная и несчастных случаев, не было кодекса Закона о труде. В итоге предписали срочно приобрести вышеперечисленные книги, выписать Известия НКТ и кодекс Закона о труде (ГААК. Ф.Р. 17. Оп. 1. Д. 211. Л. 19, 19об.).

В конце 1920-х гг. нумерация домов изменилась. В составленных списках зданий и сооружений барнаульского Горкомхоза на 1 октября 1928 г. по ул. Никитинской, 126 значится бывший дом Грязнова (ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 174. Л. 93). Из списка неплательщиков за электроэнергию и воду, составленных на 1 июня 1928 г., мы можем узнать, что по ул. Никитинской находилась амбулатория детской профилактики и амбулатория крестьянская (ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 178. Л. 22об., 23об.). Данное здание по ул. Никитинской было отмечено на карте г. Барнаула за 1932 г. (ГААК. Ф.Р. 490. Оп. 5. Д. 5. Л. 1–2). Также оно отмечено на плане г. Барнаула, конец 1940-х — начало 1950-х гг. В этот период нумерация домов опять изменилась. В 1978 г. был составлен план капитальных работ в лечебно-профилактических учреждениях Центрального района, где под №4 проходит роддом №3 по ул. Никитина, 134 (ГААК. Ф.Р. 960. Оп. 1. Д. 555. Л. 107). В 1993 г. решением МС БГСНД от 15 июня 1993 №163 право собственности на здание по ул. Никитина, 134 было определено за муниципалитетом.

В 1994 г. двухэтажное полукаменное здание было поставлено на государственную охрану. На момент постановки на гос. учет находилось на балансе ЖЭУ-2, использовалось под магазин и поликлинику. В 2003 г. ДФГУП «Барнаульский центр технической документации и учета объектов недвижимости» составило технический паспорт на здание, отметив, что в нем находилась женская консультация от роддома №3. Здание было в муниципальной собственности г. Барнаула, балансодержателем являлось МУЗ «Городская поликлиника №4». В 2007 г. специалисты НПЦ «Наследие», осмотрев здание, составили акт технического состояния. На момент осмотра в нем находился филиал №1 МУЗ «Городская поликлиника №4», который сдавал помещения в аренду ООО «Городская поликлиника». В 2010 г. специалисты НПЦ «Наследие» провели мониторинг объекта культурного наследия. При обследовании здания было выявлено следующее: отсутствовала гидроизоляция фундамента, наблюдалось поражение грибком. В мае 2011 г. сотрудники НПЦ «Наследие» вновь обследовали здание и составили акт технического состояния. На момент осмотра в здании располагалось муниципальное учреждение здравоохранения «Поликлиника №4». Приказом Управления Алтайского края по культуре и архивному делу от 12 декабря 2012 г. №647 были утверждены предмет охраны, границы территории и правовой режим земельного участка в границах территории объекта культурного наследия (ОКН). В 2013 г. специалисты НПЦ «Наследие» вновь провели мониторинг здания, было отмечено, что состояние неудовлетворительное, отстка по дворовым фасадам отсутствует, организованный водосток утрачен, наблюдалась деформация стен пристройки. Было рекомендовано плановое проведение ремонтно-реставрационных работ по фасадам с воссозданием утраченного декора, ремонт цокольной части. Приказом Управления Алтайского края по культуре и архивному делу от 22 августа 2016 г. №288 было утверждено охранное обязательство. В 2019 г. дом по адресу ул. Никитина, 134 был выставлен на торги, в объявлении было указано, что единым лотом выставляются дом, обозначенный как «здание женской консультации», общей площадью 265,3 м², и земельный участок размером 1033 м². Приказом управления Алтайохранкультуры от 8 ноября 2019 г. №346 были утверждены границы территории и режим использования территории ОКН. В феврале 2020 г. представителями Управления государственной охраны объектов культурного наследия Алтайского края был составлен акт технического состояния объекта культурного наследия, в котором указали, что деревянные декоративные элементы повреждены продольными трещинами, гнилью, сколами, окрасочный слой истерт практически полностью. Частично утрачены: накладная резьба лопаток, спуски подзоров карниза из пропиленной резьбы. Окрасочный слой кирпичных декоративных элементов был поврежден, наблюдалось его отслоение. Приказом управления Алтайохранкультуры от 27 ноября 2020 г. №1267 были установлены зоны охраны ОКН, режим использования земель и требования к градостроительным регламентам в границах территорий данных зон.

В 2021 г. был проведен электронный аукцион на выполнение работ по капитальному ремонту объекта культурного наследия регионального значе-

ния «Дом жилой» начала XX в., расположенного по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, ул. Никитина, 134. Заказчиком выступило КГБУЗ «Краевой центр общественного здоровья и медицинской профилактики». Протокол о признании электронного аукциона несостоявшимся был опубликован 9 июня 2021 г. В 2022 г. власти решили отремонтировать дом для лечения ковида. В августе центр Госзакупок Алтайского края провел поиски подрядчика на разработку научно-проектной документации для капитального ремонта этого здания. Согласно заданию, согласованному региональными Минздравом, Минстроем и управлением Алтайохранкультуры, после ремонта здесь планируется размещение краевого консультативного центра по амбулаторному лечению пациентов с подтвержденным диагнозом COVID-19. В 2022 г. автор принимала участие в работе коллектива по разработке проектной документации на данный объект.

За время своего существования здание несколько раз меняло адреса: сначала находилось на ул. Бийской (ул. Никитинской), 118, затем на ул. Никитинской, 126, позже по адресу: ул. Никитина, 134.

Здание, расположенное по адресу: г. Барнаул, ул. Никитина, 134, является объектом культурного наследия регионального значения «Дом жилой», начало XX в., согласно Постановлению Алтайского краевого Законодательного Собрания от 28 декабря 1994 г. №169. Является образцом городского деревянного жилого дома начала XX в. с эклектично использованными декоративными элементами. Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 21 февраля 2013 г. №188 объект был включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации с присвоением ему реестрового номера 221310006930005 (рис. 2).

Список источников

- Вся Сибирь: справочная и адресная книга на 1924 год. Л., 1924. С. 255–256.
Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1898 год. Томск, 1898. 288 с.
Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1900 год. Томск, 1900. 944 с.
Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая. 1861–1917 гг.: Энциклопедия. Барнаул, 1996. 112 с.
Технический паспорт на здание по адресу: г. Барнаул, ул. Никитина, 113, составленный ДФГУП «Барнаульский центр технической инвентаризации и учета объектов недвижимости» 06.08.2001.

Информация об авторе / Information about the Author

Марина Александровна Целищева, Алтайская региональная краеведческая общественная организация «Наследие Алтая», историк; 656037, Россия, г. Барнаул, ул. 80 Гв. дивизии, 14; <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>, c.marina64@mail.ru

Marina A. Tselishcheva, Altai Regional Local History Non-Government Organization “Altai Heritage”, Historian; 656037, Russia, Barnaul, ul. 80 Gvardeiskoj divizii, 14; <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>, c.marina64@mail.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

НОВАЯ НАХОДКА АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ СТАВИТ ПОД СОМНЕНИЕ НАЗВАНИЕ И ВОЗРАСТ ПАМЯТНИКА АРХИТЕКТУРЫ В БАРНАУЛЕ

Марина Александровна Целищева

*Алтайская региональная краеведческая общественная
организация «Наследие Алтай», Барнаул, Россия*

Резюме. На основе впервые привлекаемых архивных материалов из Государственного архива Алтайского края автор в данной статье рассматривает историю и современное использование объекта культурного наследия. Устоявшееся мнение ученых о первом собственнике и строителе здания на ул. Петропавловской в Барнауле — барнаульском 1 гильдии купце А.Г. Морозове в связи с обнаруженными в архиве документами и чертежами пришлось изменить. С 1900 г. собственником здания являлся барнаульский 1 гильдии купец М.И. Страхов, который проживал в Барнауле с 1885 г., занимался закупкой масла и хлеба. С 1908 по 1910 г. М.А. Страхов был избран городским головой. На карте г. Барнаула за 1907 г. указано, что в здании расположены магазины Морозова. По последнему собственнику и был назван объект культурного наследия и датировка здания указывается 1907 г., что не соответствует архивным документам.

Ключевые слова: особняк купеческий, электрическая станция, вальцевая (мукомольная) мельница с паровым двигателем, общественное здание, памятник архитектуры, объект культурного наследия

Для цитирования: Целищева М.А. Новая находка архивных документов ставит под сомнение название и возраст памятника архитектуры в Барнауле // Сохранение и изучение культурного наследия Алтай. 2023. Вып. XXIX. С. 95–102. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.15

NEW FIND OF ARCHIVAL DOCUMENTS QUESTIONS THE NAME AND AGE OF THE ARCHITECTURAL MONUMENT IN BARNAUL

Marina A. Tselishcheva

*Altai Regional Local History Non-Government Organization “Altai Heritage”,
Barnaul, Russia*

Abstract. On the ground of the newly attracted documents from the State Archive of the Altai Krai, the author considers the history and current use of the cultural heritage site. The well-established view about the first owner and constructor of the building on Petropavlovskaya Street in Barnaul — Barnaul 1st guild merchant A.G. Morozov, in connection with the documents and drawings discovered in the archive, had to be changed. Since 1900, the building owner was the Barnaul 1st guild merchant M.A. Strakhov, who lived in Barnaul since 1885 and was engaged in purchasing butter and bread. From 1908 to 1910, M.A. Strakhov was elected mayor. The map of Barnaul in 1907 indicates that Morozov's shops were located in the building. The last owner's name was used to name the object of cultural heritage, and the building was dated to 1907, which does not correspond to archival documents.

Keywords: merchant's mansion, electric station, roller mill with a steam engine, public building, an architectural monument, cultural heritage object

For citation: Tselishcheva M.A. New Find of Archival Documents Questions the Name and Age of the Architectural Monument in Barnaul // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 95–102. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.15

В июле 1900 г. барнаульский 1 гильдии купец Михаил Иванович Страхов обратился с прошением, адресованным в Томское губернское управление, разрешить ему установить в его здании по ул. Петропавловской в г. Барнауле паровой двигатель для вальцевой мельницы и для электрического освещения. На картах г. Барнаула за 1894 (ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 58) и 1899 г., где обозначены дома, в том числе купцов, данный дом не указан. К прошению прилагались: копия купчей на землю, чертежи и планы здания, копия определений барнаульской городской Думы №32 и №35, заявление М.И. Страхова о том, чтобы городская Управа выдала ему свое согласие на устройство электрической станции и вальцевой мельницы с паровым двигателем (ГААК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 159. Л. 1–8). В деле лишь перечисляется список документов, представленных в Томское губернское управление, в том числе купчей, но узнать, у кого Страхов приобрел данный земельный участок, без этого документа невозможно. Барнаульская городская Дума заявление М.И. Страхова, поданное в мае 1900 г., оставила без удовлетворения, ссылаясь на циркуляр Департамента торговли 1899 г. После этого купец М.И. Страхов обратился в Томское губернское управление, тем самым оспаривая постановление городской Думы. Строительное отделение Томского губернского управления, рассмотрев документы, разъяснило следующее: что шум, производимый паровым двигателем, при правильном устройстве и в отдельном каменном помещении, пристроенном к каменному строению, предназначенному для вальцевой мельницы, внутри двора, должен ограничиваться стенами пристройки. Точно так же и шум от вальцевой мельницы при правильной установке двигателя не может нарушать тишины и спокойствия города и соседних владельцев. В итоге 1-е отделение Томского губернского управления подготовило проект разрешения барнаульскому купцу М.И. Страхову установки в каменном помещении указанного на плане под литером Б парового котла для освещения и устройство в каменном здании под литером А вальцевой мельницы, при условии, чтобы отработанные воды от мельницы отводились достаточно глубоко в р. Барнаулку, а не спускались в общие городские канавы. Данный проект постановления и чертежи 1 августа 1900 г. (№4803) были направлены в Строительное отделение Томского губернского управления (ГААК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 159. Л. 3, 3об.). В протоколе от 3 августа 1900 г. (№106) было указано, что строительным отделением рассмотрен проект по приспособлению каменного здания Страхова под паровую мельницу и для установки парового котла. Проект существующего в г. Барнауле каменного двухэтажного дома и магазина, каменных пристроек и водонасосной башни на участке, принадлежащем барнаульскому купцу М.И. Страхову, приспособленных на предмет устрой-

ства в этом доме крупчатой паровой мельницы и установки парового двигателя, Строительное отделение Томского губернского управления, найдя планы в техническом-строительном отношении составленными удовлетворительно, постановило проект одобрить (ГААК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 159. Л. 7, 8) (рис. 1).

В это время М.И. Страхов начал строительство своей усадьбы в г. Барнауле по пер. Мостовому (с 1938 г. — ул. М. Горького), между улицами Го голя и Пушкина (Целищева, 2021, с. 258), которое занимало целый квартал. Возможно, не рассчитав свои финансы из-за новой постройки усадьбы, пришлось здание по ул. Петропавловской продать барнаульскому 1 гильдии купцу Андрею Григорьевичу Морозову. На карте г. Барнаула за 1907 г. дом уже обозначен как галантерейно-розничный и оптовый магазины Морозова по ул. Петропавловской (совр. ул. И.И. Ползунова).

Скорее всего, именно в это время купец А.Г. Морозов пристроил к зданию третий ризалит, выходящий торцом на пл. Соборную (ныне пл. Свободы), на котором выложил надпись «А.Г. Морозов». Композиция главного юго-восточного фасада здания, выходящего на красную линию улицы, практически симметрична. Возвышающиеся над общим объемом здания три массивных трапециевидных ризалита расположены по флангам и в центральной части фасада, завершены восьмигранными куполами. На первом этаже размещались магазины купца А.Г. Морозова — оптовый мануфактурный магазин, розничный бакалейно-галантерейный и посудный (ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. Л. 90). 12 декабря 1907 г. А.Г. Морозов сообщил в барнаульскую городскую Управу, что ввоз поступающих для его фирмы товаров в г. Барнауле достигает в течение года 150 000 пудов, а вывоз его уездными покупателями приблизительно равняется 100 000 пудам. С 1908 г. второй этаж снимало в аренду Барнаульское отделение Русско-Азиатского банка. В дальнейшем был основан Торговый дом «А.Г. Морозов с сыновьями», с основным капиталом 100,0 тыс. руб., который вел универсальную торговлю разнообразными товарами, от иголки до сельскохозяйственной техники, а также виноградными винами. В 1913 г. здание принадлежало Торговому дому «А.Г. Морозов и С-ья», который держал здесь оптовый мануфактурный магазин, розничный галантерейный и винно-бакалейный магазины (ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 20. Л. 166, 184). Позже внизу находились магазин «Сотрудник» и колбасная лавка.

2 мая 1917 г. в г. Барнауле произошел большой пожар, в котором пострадало много жилых и административных построек. Выгорело 52 квартала, 506 усадеб с 1000 на них строениями и треть всей жилой площади города. Сгорело большинство общественных и торговых помещений, электростанция, новая водопроводная станция, много частных домов, всего около 30 000 куб. саж. каменных и 700 куб. саж. деревянных зданий (Целищева, Слуцкий, 2013, с. 433). Здание по ул. Петропавловской, 38 также сильно пострадало во время пожара, это отображено на фотографиях того времени. Городская Управа составила списки построек г. Барнаула, сгоревших в пожаре, где под №84 указаны владельцы здания — Морозовы: Михаил, Харитон, Пимен и Никифор Андреевичи, окладный лист №2065 (ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 322. Л. 56). В 1920 г.

здание было национализировано. В составленных списках национализированных строений г. Барнаула под №274 указан владелец здания — Морозов Андрей Григорьевич, по ул. Петропавловской, 38 у него находился сгоревший двухэтажный каменный дом с надворными постройками (ГААК. Ф.Р. 10. Оп. 2. Д. 8. Л. 36об.).

В это время часть здания (возможно, во дворе усадьбы) была занята под воинский постой. Так, в январе 1920 г. магазин Морозова по Петропавловской улице был занят 2-м Барабинским Революционным полком (ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 112. Л. 23). Согласно приказу Инспектарм 5 №3 была организована Чрезвычайная жилищная комиссия. 6 января вступил в исполнение обязанностей председатель комиссии. В первом приказе было указано, что всем обращаться в канцелярию комиссии в доме Морозова, здание быв. Русско-Азиатского банка (ГААК. Ф.Р. 9. Оп. 1. Д. 11. Л. 27). Приказом по гарнизону г. Барнаула от 30 января 1920 г. №36 председателю Чрезвычайной жилищной комиссии предписывалось снять с учета помещения, занимаемые военными учреждениями, и помещения, находящиеся в ремонте, передав их на учет председателю Чрезвычайной строительной комиссии. Сведения о квартирах, занимаемых и предназначенных для расквартирования войсковых частей, к 28 января 1920 г. были следующие: магазин Морозова — ул. Толстого / Соборный пер. — 120 чел., два магазина Морозова по ул. Петропавловской — 300 чел. и 200 чел., конюшни у магазина Морозова по ул. Петропавловской (ГААК. Ф.Р. 9. Оп. 1. Д. 216. Л. 12). По сведениям о состоянии городских зданий, занятых воинскими частями и разными учреждениями, в 1920 г. значилось, что магазин Морозова по ул. Петропавловской занимала 2-я прифронтовая батарея, 796 куб. саж., 58,1 руб. годовая плата (ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 4. Л. 90). Из протокола комиссии Губревкома по распределению квартир для войск от 7 апреля 1920 г. следовало, что дом Морозова, ул. Л. Толстого, 38, и второе место, находящееся на ул. Петропавловской, со всеми кладовыми предоставлялось в распоряжение инженерной дистанции, так как вышеуказанное управление нуждалось в несгораемых кладовых и вообще в помещении (ГААК. Ф.Р. 9. Оп. 1. Д. 11. Л. 42). В этом же году в Жилищный отдел городского хозяйства Алтайского губернского революционного комитета от доверенного Морозова поступила информация по всем домам А.Г. Морозова в г. Барнауле, в том числе и зданию по ул. Петропавловской, где верхний этаж занимал Азиатский банк, а внизу — магазин «Сотрудник», колбасная лавка Гилькер и лавка железных товаров, сейчас свободная. Здесь же на ул. Петропавловской, 37 находился торговый дом «А.Г. Морозов и С-я», в котором внизу Казначейство занимало квартиру, находились мучная лавка (порожня), лавка для соли, свободная (ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 328. Л. 25). 29 апреля 1925 г. была составлена смета на восстановление горелого здания (быв. Морозова) по ул. Республика, 38 на сумму 103 662,49 руб. (ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 232. Л. 65).

В этом же году был выполнен проект плана реставрации здания по ул. Республики, 38 под Промбанк. В государственном архиве Алтайского края сохранилось дело со сметами, планами первого и второго этажей, чер-

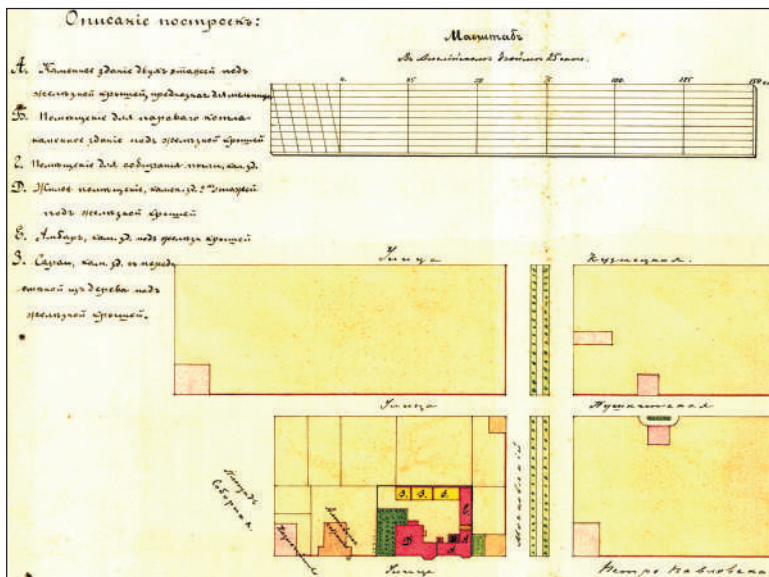

Рис. 1. Общий план здания барнаульского купца М.И. Стрехова на ул. Петропавловской в г. Барнауле, с пояснением по литерам. 1900 г.
 Fig. 1. The general plan of the Barnaul merchant M.A. Strakhov's building on Petropavlovskaya Street in Barnaul, with explanation by letters. 1900

Рис. 2. Объект культурного наследия регионального значения «Дом Морозова», начало XX в., по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, ул. Ползунова, 34а. Вид с юга. Фото автора 2022 г.
 Fig. 2. The object of the cultural heritage of regional significance, "House of Morozov", beginning of the 20th century at the address: Altai Krai, Barnaul, Polzunova st., 34 a. View from the south. Photo by the author of 2022

тежами фасадов, планы котельной, лестниц, перекрытий, генплан, а также составленные акты от 8 и 26 июля и от 27 октября 1925 г. (ГААК. Ф.Р. 29. Оп. 1. Д. 124). В 1925–1928 гг. в здании была проведена реставрация, с приспособлением его для Промышленного банка — были устроены железобетонная парадная лестница и перекрытие над центральным вестибюлем. В 1925 г. был разработан проект центрального парового отопления низкого давления в реставрируемом здании Промбанка по ул. Республики, 38. Так, из протокола №3 технического совещания при Управлении барнаульского окружного инженера от 14 ноября 1925 г. мы можем узнать, что проект центрального парового отопления низкого давления в реставрируемом здании Промбанка по ул. Республики, 38 на данном совещании утвердили (ГААК. Ф.Р. 529. Оп. 1. Д. 14. Л. 11).

На заседании особого совещания при Управлении окружного инженера от 3 февраля 1926 г. (протокол №2) было доложено, что Промбанк решил вопрос о достройке второй половины здания по ул. Республики, 38. Средства имелись, работы были на сумму от 40,0 до 50,0 тыс. руб. Проект и смета разрабатывались, лесной материал заготовлен, цементом и железом Промбанк обеспечен, кирпича потребно до 50 тыс. шт. — намерены закупить в ближайшее время, начать работы было предложено с 1 апреля, тех. надзор имелся (ГААК. Ф.Р. 529. Оп. 1. Д. 14. Л. 36, 36об.; Д. 12. Л. 3, 36, 62, 76). Из выписки протокола от 16 апреля 1926 г. №6 следовало, что Торгово-промышленный банк СССР, Барнаульское отделение (ул. Республики, 38) 14 апреля 1926 г. обратился к Окружному инженеру с просьбой заменить во 2-й половине (правое крыло) железобетонную лестницу на деревянную, учитывая, что в корпусе уже имелось две железобетонных лестницы с такими же перекрытиями. По мнению представителей Банка, это даст возможность сделать значительную экономию расхода. В итоге постановили разрешить черную лестницу сделать деревянной (ГААК. Ф.Р. 529. Оп. 1. Д. 14. Л. 75об., 76). В конце 1926 г. был разработан проект постройки служебных помещений на усадьбе Промбанка (ГААК. Ф.Р. 529. Оп. 1. Д. 109. Л. 34).

Сибирский краевой суд по г. Барнаулу в феврале 1926 г. постановил каменный двухэтажный корпус по ул. Республики, 38, занимаемый Промбанком (быв. Морозова), считать муниципализованным (ГААК. Ф.Р. 102. Оп. 1. Д. 155. Л. 2). Но уже в марте 1926 г. суд внес изменения в п. 7 своего решения — каменный двухэтажный корпус по ул. Республики, 38, как приобретенный Промбанком на правах собственности, из списка муниципализованных исключить (ГААК. Ф.Р. 102. Оп. 1. Д. 155. Л. 8). В этом же году по договору №684 Промбанк имел в здании 17 квартир (ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 2. Д. 14. Л. 86). В 1928 г. часть помещений в здании у Торгово-промышленного банка арендовал Госбанк. В феврале 1928 г. был составлен акт осмотра железобетонного перекрытия в здании. В итоге было отмечено, что деформации перекрытий не обнаружено (ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 84. Л. 86, 89).

В 1929 г. по данным барнаульского окружного статотдела в здании, кроме Госбанка, находилась организация Алтселькредмашсоюз, позднее объе-

динившаяся с Алтполеводсоюзом и Обществом взаимного кредита (ГААК. Ф.Р. 328. Оп. 1. Д. 92. Л. 28). В 1940-х гг. здание было передано в распоряжение Народного комиссариата государственной безопасности СССР (НКГБ). В 1946 г. на сессии барнаульского Горсовета был утвержден список каменных домов, подлежащих наружному архитектурному оформлению и благоустройству. Под №17 указан НКГБ — ул. Республики, 32, в перечне работ — окраска фасада (ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 123. Л. 27). В дальнейшем здание перешло в ведение местных Советов. В 1959 г. его поставили в план проведения капитального ремонта на этот год (ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 6. Д. 3. Л. 320).

Длительное время в советский период в здании располагались проектные институты. В 1975 г. исполком Барнаульского городского Совета депутатов трудящихся рассмотрел вопрос о разрешении производственному управлению сельского хозяйства строительства двухэтажной пристройки размером 36×12, взамен деревянной пристройки по ул. Ползунова, 34 (ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 7. Д. 434. Л. 152). В 1989 г. здание поставили на государственную охрану. На момент постановки на гос. учет в нем располагался Алтайский филиал института «Сибгипромолмясоагропром». В начале 1990-х гг. здание перешло в частную собственность. С 2002 г. проводился ремонт с частичной перепланировкой. В 2006 г. в здании находился институт «Алтайэнергосеть-проект», а на первом этаже — магазины.

В 2017 г. у здания появился новый собственник, который в этом же году заменил угольную котельную на газовую. В это же время был выполнен проект зон охраны объекта культурного наследия «Дом Морозова» по адресу: г. Барнаул, ул. Ползунова, 34а. Приказом управления Алтайохранкультуры от 7 сентября 2017 г. №94 утверждено охранное обязательство на объект культурного наследия (ОКН). В 2018 г. была полностью заменена кровля и отреставрирован фасад здания. В этом же году приказом управления Алтайохранкультуры от 6 сентября №98 утвержден предмет охраны ОКН. В 2019 г. была отреставрирована парадная лестница и внутренние помещения, на фасадах устроены водосливы. В настоящее время помещения сдаются в аренду под магазины и офисы. За время своего существования здание несколько раз меняло адреса: сначала находилось на ул. Петропавловской, 38, затем улицу переименовали в ул. Республики (дом №38), позже здание получило адрес: ул. И.И. Ползунова, 34, сейчас — ул. Ползунова, 34а. В 2022 г. в местных СМИ и на телевидении была освещена информация о находке архивных документов по данному зданию.

Здание является объектом культурного наследия регионального значения «Дом Морозова», нач. XX в., согласно Решению исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов от 24 марта 1989 г. №108. Представляет интерес как образец крупного общественного здания со службами начала XX в., в формах эклектики с элементами классицизма. Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 25 июля 2014 г. №1307 объект был включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации с присвоением ему реестрового номера 021410014300005 (рис. 2).

Список источников

Целищева М.А., Слуцкий М.А. Усадьба Платоновых (г. Барнаул, ул. Пушкина, 40) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2013. С. 429–437.

Целищева М.А. Усадьба купца Страхова в Барнауле: история и современное использование // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2021. С. 257–263.

Информация об авторе / Information about the Author

Марина Александровна Целищева, Алтайская региональная краеведческая общественная организация «Наследие Алтая», историк; 656037, Россия, г. Барнаул, ул. 80 Гв. дивизии, 14; <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>, [c.marina64@mail.ru](mailto:marina64@mail.ru)

Marina A. Tselishcheva, Altai Regional Local History Non-Government Organization “Altai Heritage”, Historian; 656037, Russia, Barnaul, ul. 80 Gvardeiskoj divizii, 14; <https://orcid.org/0000-0002-2208-2831>, [c.marina64@mail.ru](mailto:marina64@mail.ru)

Статья принята к публикации 03.04.2023.

The article approved after reviewing 03.04.2023.

РАЗДЕЛ 2. РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научная статья / Article

УДК: 902(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.16

КАМЕННЫЕ ПЕСТЫ И ЗЕРНОТЕРКИ НА КОМПЛЕКСЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ТОРОПОВО-7 В КУЗНЕЦКОМ ПРИСАЛАИРЬЕ

**Виктор Александрович Борисов, Андрей Михайлович Илюшин,
Марат Гарифуллович Сулейменов**

*Кузбасский государственный технический
университет имени Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия*

Резюме. В статье публикуется и исследуется археологическая коллекция каменных предметов, найденных при раскопках на комплексе археологических памятников Торопово-7 в долине р. Касьма на территории Кузнецкого Присалаирья. Исследуемые археологические предметы были найдены на разных раскопках, которые датированы двумя хронологическими периодами поздней бронзы и развитого Средневековья и соотносятся с кругом древностей ирменской и шандинской археологической культуры. Найденные каменные песты и зернотерки являются косвенными свидетельствами наличия земледелия у населения, соорудившего этот памятник. Найденные зернотерки относятся к типу «седловидных», которые использовались до появления жерновов. Исследуемая коллекция находок примитивных каменных зернотерок и пестов позволяет ставить вопрос о появлении земледелия в период поздней бронзы и сделать вывод о наличии земледелия у населения развитого Средневековья в долине среднего течения р. Касьма.

Ключевые слова: Кузнецкое Присалаирье, река Касьма, комплекс памятников Торопово-7, коллекция каменных изделий, поздняя бронза, развитое Средневековье

Для цитирования: Борисов В.А., Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Каменные песты и зернотерки на комплексе археологических памятников Торопово-7 в Кузнецком Присалаирье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 103–109. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.16

STONE PESTLES AND GRAIN GRINDERS AT THE TOROPOVO-7 ARCHAEOLOGICAL SITE COMPLEX IN THE KUZNETSK PRISALAIRYE

Victor A. Borisov, Andrey M. Ilyushin, Marat G. Suleimenov
T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

Abstract. The article publishes and examines the archaeological collection of stone objects found during excavations at the Toropovo-7 archaeological site complex in the Kasma River valley in the Kuznetsk Prizalairye. The archaeological objects under investigation have been found in different excavations, which are dated to two chronological periods of the Late Bronze and Developed Middle Ages and correlate with the circle of antiquities of the Irmens and Shandins archaeological culture. The stone pestles and grain grinders found are indirect evidence of

agriculture among the population who built this site. The grain grinders found are of the “saddle-shaped” type, which were used before the advent of millstones. The studied collection of finds of primitive stone grain grinders and pestles allows us to raise the question of the emergence of agriculture during the Late Bronze Age and conclude that the population of the developed Middle Ages has agriculture in the valley of the middle reaches of the river Kasma.

Keywords: Kuznetsk Prisalairye, Kasma river, Toropovo-7 complex of monuments, collection of stone products, late bronze, developed Middle Ages

For citation: Borisov V.A., Ilyushin A.M., Suleimenov M.G. Stone Pestles and Grain Grinders at the Toropovo-7 Archaeological Site Complex in the Kuznetsk Prisalairye // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 103–109. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.16

Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета (ККАЭЭ ГНЦ КузГТУ) с 2008 г. проводит полевые исследования на комплексе археологических памятников Торопово-7 в касьминском археологическом микрорайоне на территории Кузнецкого Присалаирья (Илюшин, 2015, с. 647–650; Илюшин, Борисов, 2017, с. 85–91; Илюшин, Бутьян, Борисов, 2012, с. 142–152; Илюшин, Сулейменов, Бутьян, 2009, с. 165–179; Илюшин, Борисов, Бутьян, 2014, с. 149–160; 2018, с. 422–423; Борисов, Бутьян, Илюшин, 2017, с. 436–438; и др.). За годы исследований было заложено 10 раскопов в местах аварийного состояния памятника и на его отдельных объектах. Результаты полевых и кабинетных исследований этого памятника частично уже были введены в широкий научный оборот с предварительной культурно-исторической характеристикой публикуемых источников (Борисов, Илюшин, 2017, с. 6–9; Борисов, Илюшин, Онищенко, 2019, с. 26–32; Илюшин, 2013, с. 137–142; 2013а, с. 127–136; 2014, с. 64–69; 2016, с. 124–129; Илюшин, Борисов, 2014, с. 100–105; 2016, с. 104–109; Илюшин, Борисов, Онищенко, 2015, с. 61–65; Илюшин, Онищенко, 2016, с. 55–65; 2016а, с. 245–250; 2016б, с. 101–108; 2016в, с. 72–74; Кутовая, Кузнецова, Илюшин, 2016, с. 257–261; Онищенко, Илюшин, 2017, с. 785–786; и др.). Это позволило отождествить материалы раскопок с двумя культурами и историческими периодами — ирменской археологической культурой поздней бронзы на переходе к раннему железному веку (IX–VII вв. до н.э.) и шандинской археологической культурой развитого Средневековья (XI–XIV вв.). Сейчас стоит вопрос о полной публикации материалов раскопок и их системном культурно-историческом анализе, в том числе по отдельным категориям находок. В настоящей работе исследуется коллекция каменных изделий, которые предварительно были интерпретированы как песты и зернотерки, найденные в процессе раскопок на Торопово-7 в разные годы (рис. 1.-1–5; 2.-1, 2). Цель работы состоит в публикации коллекции каменных изделий и исследовании вопроса о возможном использовании этих археологических предметов в повседневной и хозяйственной жизнедеятельности населения, соорудившего этот комплекс археологических памятников в долине среднего течения р. Касьмы. Основными методами исследования являются описание и сравнительно-исторический анализ публикуемых археологических источников.

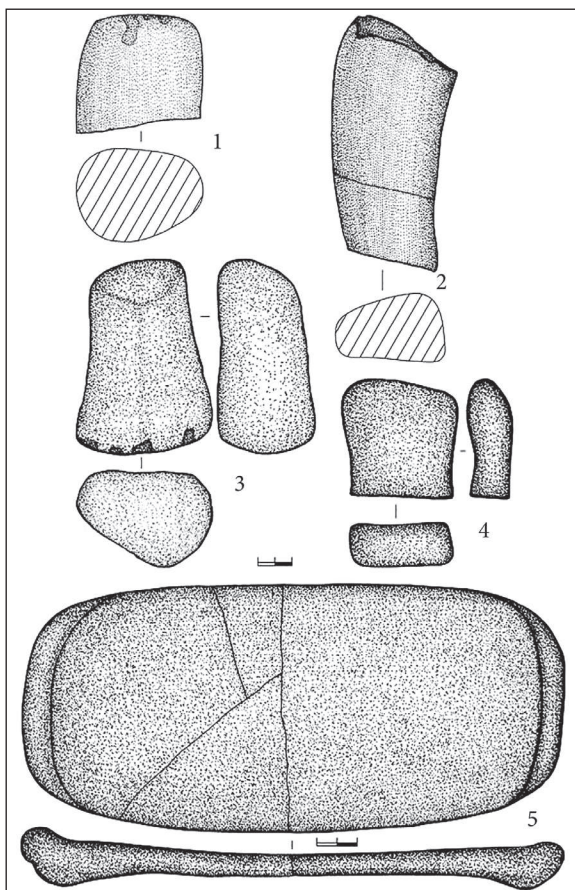

Рис. 1. Комплекс археологических памятников Торопово-7. Находки:
 1-4 — песты; 5 — зернотерка (1, 2 — раскоп 2; 3, 5 — раскоп 5; 4 — раскоп 6)
 Fig. 1. Toropovo-7 archaeological site complex. Finds: 1-4 — pestles; 5 — grain grinder
 (1, 2 — excavation 2; 3, 5 — excavation 5; 4 — excavation 6)

За годы работы на Торопово-7 была собрана коллекция каменных изделий, которые представлены фрагментами четырех пестов и трех зернотерок (рис. 1.-1-5; 2.-1, 2). Камень, использованный для изготовления этих предметов, — песчаник и алевролит. Четыре из семи находок (рис. 1.-1-3, 5) были найдены в смешанном культурном слое и три (рис. 1.-4; 2.-1, 2) — в закрытых археологических комплексах развитого Средневековья. Это значит, что гипотетически эти предметы могли появиться на памятнике в древности и однозначно они использовались в развитом Средневековье. В принципе появление зернотерок и пестов на позднем этапе развития ирменской культуры в Кузнецкой котлови-

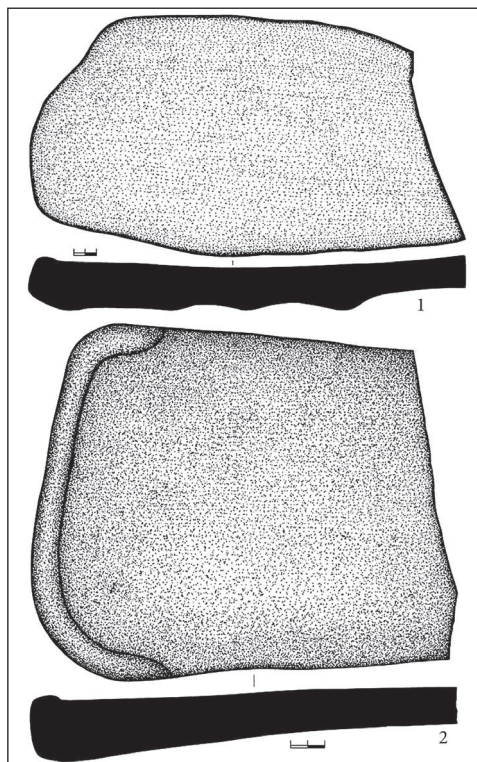

Рис. 2. Комплекс археологических памятников Торопово-7. Находки:
 1, 2 — зернотерки (1 — раскоп 10 жилище 2; 2 — раскоп 5 жилище 2)
 Fig. 2. Toropovo-7 archaeological site complex. Finds: 1, 2 — grain grinders
 (1 — excavation 10 of dwelling 2; 2 — excavation 5 of dwelling 2)

не вполне допустимо, так как в это время фиксируется увеличение количества археологических памятников, вероятно, в связи с увеличением населения и для его удовлетворения в пище происходит возрастание потребности в зерне. Аналогичную картину можно наблюдать в регионе и в развитом Средневековье.

Три найденные зернотерки (рис. 1.-5; 2.-1, 2) являются примитивными орудиями для растирания и измельчения растительных веществ с помощью каменных пестов, которые принято называть «седловидными». Они, как правило, в длину были больше ширины, а средняя часть истончалась, в результате чего возникал изогнутый профиль наподобие седла, где зерно растиралось на ее вогнутой поверхности. Такие изделия у народов Саяно-Алтая использовались с древности до появления жерновов. Найденные в средневековых жилищах зернотерки можно охарактеризовать как полифункциональные орудия труда. Фрагмент одной из них был найден в хозяйственной яме близ входа в жилище,

которая была заполнена колотыми трубчатыми костями животных. Вероятно, зернотерка и пест могли использоваться для раскола костей во время трапезы.

Находки примитивных каменных зернотерок и пестов позволяют ставить вопрос о появлении земледелия в период поздней бронзы и сделать вывод о наличии земледелия у населения развитого Средневековья в долине среднего течения р. Касьма. Здесь петляющее русло реки в весеннее половодье затопливало небольшие пойменные площадки, которые после схода «большой воды», вероятно, использовались для земледелия. Косвенно о возможности наличия пойменного земледелия свидетельствуют этнографические данные по коренным этносам Кузнецкой котловины, которые в развитом Средневековье уже проживали в этом регионе. Г.И. Георги (1799, с. 157) в конце XVIII в. писал о наличии примитивного земледелия у телеутов еще до прихода русских: «Сперва было землепашество их не очень знатное: почему и можно было пашни свои так, как огороды полоть и от негодной травы очищать». Н.П. Дыренкова и Л.П. Потапов (1929, с. 103–123) описывают предметы шорцев, которые свидетельствуют о наличии традиции примитивного земледелия у этого этноса. Аналогичные находки и выводы о наличии традиций земледелия известны в культуре кочевого населения Тувы в отдельных природно-экологических нишах (Монгуш Л.К., Монгуш Ш.Х., 2019, с. 186).

Таким образом, коллекция каменных изделий на Торопово-7 может свидетельствовать о наличии земледелия в поздней древности (гипотетически) и развитом Средневековье (утвердительно) у населения долины в среднем течении р. Касьма на территории Кузнецкого Присалаирья. Судя по этнографическим аналогиям, эта архаичная традиция земледелия и использования каменных орудий труда для подготовки растительных зерен в пищу сохранилась на территории Кузнецкой котловины у аборигенов до середины XVIII в.

Список источников

Борисов В.А., Илюшин А.М. К вопросу о датировке ирменского поселения на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2016 году: археология, этнография, устная история. Вып. 12. Омск, 2017. С. 6–9.

Борисов В.А., Бутьян В.А., Илюшин А.М. Исследования Кузнецкой экспедиции // Археологические открытия. 2017. Т. 2015. С. 436–438.

Борисов В.А., Илюшин А.М., Онищенко С.С. Новые материалы по раскопкам жилища на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2019. Вып. XXV. С. 26–32.

Георги Г.И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей. Часть вторая о народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских. СПб., 1799. 178 с.

Дыренкова Н.П., Потапов Л.П. Озуп и абыл — хозяйственные орудия шорцев Кузнецкой тайги (из области первобытной культуры турецких племен) // Культура и письменность Востока. Кн. III. Баку, 1929. С. 103–123.

Илюшин А.М. Касьминский археологический микрорайон и результаты раскопок на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2013. С. 137–142.

Илюшин А.М. Семейные святилища у восточных кыпчаков (по материалам исследований Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2011 году) // Казахстан и Россия: научное и культурное взаимодействие и сотрудничество. Астана; Омск, 2013а. С. 127–136.

Илюшин А.М. Исследование семейных культовых площадок восточных кыпчаков на Торопово-7 в Кузнецкой котловине // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2013 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 9. Павлодар, 2014. С. 64–69.

Илюшин А.М. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2010–2012 гг. // Археологические открытия 2010–2013 годов. М., 2015. С. 647–650.

Илюшин А.М. Культура кочевников Дешт-и-Кыпчак (по материалам раскопок на Торопово-7) // Казахи Евразии: история и культура. Омск ; Павлодар, 2016. С. 124–129.

Илюшин А.М., Борисов В.А. Средневековое жилище на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2014. Вып. XX. С. 100–105.

Илюшин А.М., Борисов В.А. Коллекция бронзовых изделий из раскопок на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2016. Вып. XXII. С. 104–109.

Илюшин А.М., Борисов В.А. Исследования на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2015 г.: археология. Вып. 11. Павлодар, 2017. Т. 2. С. 85–91.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А. Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2012 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2014. №1 (101). С. 149–160.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия. 2018. Т. 2016. С. 422–423.

Илюшин А.М. Борисов В.А., Онищенко С.С. Исследования средневековых жилищ на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 10. Барнаул, 2015. С. 61–65.

Илюшин А.М., Бутьян В.А., Борисов В.А. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2011 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2012. №2. С. 142–152.

Илюшин А.М., Онищенко С.С. О результатах исследования жилища кочевников развитого Средневековья Кузнецкой котловины // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. №1. С. 55–65.

Илюшин А.М., Онищенко С.С. Результаты исследования жилища кочевников развитого Средневековья в Кузнецкой котловине // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016а. №5. С. 245–250.

Илюшин А.М., Онищенко С.С. Кыпчакские обереги по результатам раскопок средневековых жилищ на Торопово-7 // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2016б. Вып. IX. С. 101–108.

Илюшин А.М., Онищенко С.С. Система жизнеобеспечения этнической группы восточных кыпчаков по материалам раскопок на Торопово-7 в долине р. Касьмы // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 5: в 2 ч. Ч. 2. Тюмень, 2016в. С. 72–74.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Бутьян В.А. Результаты полевых разведок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2009. №3. С. 165–179.

Кутюва А.С., Кузнецова Е.Е., Илюшин А.М. Исследование орнамента керамической посуды с культового места ирменской археологической культуры на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Россия молодая. Кемерово, 2016. С. 257–261.

Монгуш Л.К., Монгуш Ш.Х. Предметы земледелия у тувинцев как источник по изучению традиционного хозяйства // Ермолаевские чтения. Кызыл, 2019. С. 184–190.

Онищенко С.С., Илюшин А.М. Неординарные артефакты периода поздней бронзы — начала перехода к раннему железному веку на Торопово-7 в Кузнецкой котловине // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Барнаул, 2017. С. 785–786.

Информация об авторах / Information about the Authors

Виктор Александрович Борисов, Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, старший научный сотрудник гуманитарного научного центра; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28, кандидат исторических наук.

Viktor A. Borisov, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Senior Researcher at the Humanitarian Scientific Center; 650000, Russia, Kemerovo, st. Spring, 28, Candidate of Historical Sciences.

Андрей Михайлович Илюшин, Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, директор гуманитарного научного центра; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28; доктор исторических наук, старший научный сотрудник; <https://orcid.org/0000-0001-9937-646X>, ilushin1963@mail.ru

Andrei M. Ilyushin, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Director of the Humanitarian Scientific Center; 650000, Russia, Kemerovo, st. Spring, 28; Doctor of Historical Sciences, Senior Research Associate; <https://orcid.org/0000-0001-9937-646X>, ilushin1963@mail.ru

Марат Гарифуллович Сулейменов, Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, научный сотрудник гуманитарного научного центра; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28; <https://orcid.org/0000-0001-6038-8009>, marat_suleymenov@mail.ru

Marat G. Suleymenov, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Humanitarian Research Center, Researcher; 650000, Russia, Kemerovo, st. Spring, 28; <https://orcid.org/0000-0001-6038-8009>, marat_suleymenov@mail.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 902:392(571.151)

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.17

КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС, СВЯЗАННЫЙ С ОБРЯДОМ «ТАЙБЛГА» НА НИЖНЕЙ КАТУНИ

Андрей Павлович Бородовский

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Резюме: Статья посвящена характеристике комплекса конских костей (череп, шейных позвонков, пястных костей), погребенных в глубокой яме на правом берегу р. Катунь в с. Рыбалка Майминского района Республики Алтай. В разрушенном культурном слое вокруг ямы с конскими костями обнаружены различные предметы (монеты, украшения, детали конской упряжи) 2-й половины XIX в. Эти находки могли со-

путствовать такому захоронению костей животного, в формате ритуалов, совершенных у переправы, где были захоронены останки жертвенной лошади. Состав костей животного из этого комплекса имеет явные параллели с обрядом «тайылга», традиционным для коренного населения Алтая. По этнографическим данным такая практика была зафиксирована со 2-й половины XIX в. и вплоть до настоящего времени.

Ключевые слова: Горный Алтай, этноархеология, культовая практика, парциальное захоронение лошадей, тайылга, ритуальный комплекс

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке Госзадания НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0005.

Для цитирования: Бородовский А.П. Культурный комплекс, связанный с обрядом «тайылга» на нижней Катунь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 109–115. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.17

THE CULT COMPLEX ASSOCIATED WITH THE “TAYYLGA” RITE ON THE LOWER KATUN

Andrey P. Borodovskiy

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the characteristics of a complex of horse bones (skull, cervical vertebrae, metacarpal bones, buried in a deep pit on the right bank of the Katun River in the village of Rybalka of the Mayminsky district of the Altai Republic. In the destroyed cultural layer around the pit with horse bones, various objects (coins, jewelry, horse harness parts) of the second half of the 19th century were found. These finds could have accompanied such a burial of animal bones, in the format of rituals performed at the ferry, where the remains of the sacrificial horse were buried. The composition of animal bones from this complex has obvious parallels with the Tayylga ritual, traditional for the indigenous population of Altai. According to ethnographic data, this practice has been recorded since the second half of the XIX century and up to the present time.

Keywords: Gorny Altai, ethnoarchaeology, cult practice, partial burial of horses, tayylga, ritual complex

Acknowledgments: the work was carried out with the financial support of the State Task of Research and Development of IAET SB RAS FWZG-2022-0005.

For citation: Borodovskiy A.P. The Cult Complex Associated with the “Tayylga” Rite on the Lower Katun // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 109–115. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.17

В конце июля 2017 г. при сооружении траншеи для местной газотранспортной системы у края огорода по адресу: ул. Чуйская, 48 с. Рыбалка Майминского района Республики Алтай были обнаружены кости лошади и целый ряд предметов. Географические координаты этой находки (WGS84): N51.918404 E85.856370 (рис. 1). Осмотр и зачистка автором стенок этой траншеи позволил установить, что она была заложена в песчаном грунте на глубину до 2 м. Ширина траншеи составляла до 80 см. На глубине 1,5 м от современной поверхности экскаватором было обнажено компактное расположение костей лошади (рис. 2, 3). Кости лошади располагались в яме, вырытой в песчаном грунте на глубине до 1,5 м от современной поверхности. Заполнение ямы, судя по подчищенной стенке траншеи, было представлено чередующимися слоями черного гумуса

и мешанного светло-желтого песка, которые проседали вглубь ее заполнения. Это свидетельствовало об определенной последовательности заполнения ямы с костями, возможно, связанной с периодической паводковой деятельностью.

Рис. 1. Место расположения находки (Республика Алтай, Майминский район, с. Рыбалка)
 Fig. 1. Location of the find (Altai Republic, Mayminsky district, Fishing village)

На дне углубления череп лошади лежал на левом боку лицевой частью, ориентированной на юг (рис. 3.-2). К моменту осмотра нижняя челюсть находилась в анатомическом сочленении с верхней частью черепа, что свидетельствовало о целостности головы лошади при помещении ее в яму. Сверху лошадиного черепа располагались две кости длинных конечностей. Еще целый ряд костей, включая длинные конечности, был извлечен из траншеи и рассеян по отвалу. Среди них, кроме длинных конечностей, встречались тазовые кости, шейные позвонки и единичные ребра (переднего грудного отдела). Особое внимание привлекли два поясничных позвонка, сросшиеся друг с другом, очевидно, после серьезной травмы. Это свидетельствовало о том, что животное к моменту его заклания было уже нездорово. Тем не менее анатомически скелет лошади был неполным (весь позвоночник, и ребра отсутствовали), а сохранившиеся кости в стенке траншеи явно свидетельствовали об их искусственной укладке (череп внизу, длинные конечности на нем).

При осмотре отвала траншеи, напротив парциального захоронения лошади, было обнаружено несколько металлических предметов, среди них бронзовая многопестковая розетка с железным штифтом в центре (рис. 4.-9), две соединенных штифтом крестообразных бронзовых бляшки (рис. 4.-7)

Рис. 2. Конские кости в яме
Fig. 2. Horse bones in a pit

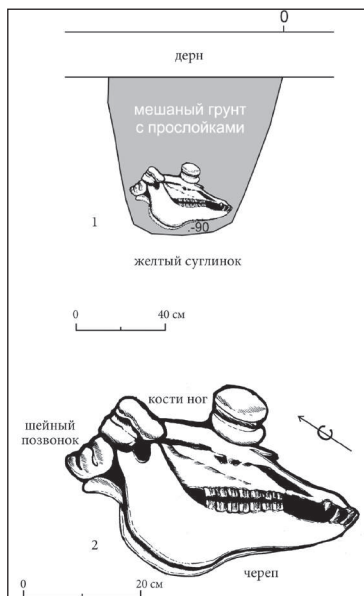

Рис. 3. Расположение конских костей в яме:
1 — зачистка стенки траншеи с конскими костями в яме;
2 — комплексность конских костей в яме
Fig. 3. The location of horse bones in the pit: 1 — cleaning the trench wall with horse bones in the pit; 2 — the complexity of horse bones in the pit

и, возможно, бронзовое орнаментированное основание для декоративной кисточки от конского убранства (рис. 4.-7). При общении с местным населением удалось выяснить, что после вскрытия участка с конскими костями в отвале недалеко от этого местонахождения было обнаружено монисто (монета с припаянным ушком для ношения), изготовленное из серебряной 25-копеечной монеты Российской Империи 1853 г. выпуска (рис. 4.-6). Были найдены также две медные бляхи с декоративной насечкой, одно бронзовое погнутое кольцо, серебряное кольцо с двумя клеймами на лицевой стороне и подвеска из цветного металла с четырьмя боковыми ушками (рис. 4.-2-5).

На основании этих данных парциальное захоронение лошади вполне можно атрибутировать как этнографический объект, относящийся ко 2-й половине XIX столетия. Нумизматический материал и стилистические особенности украшений не противоречат такой хронологии.

Об обряде жертвоприношения у алтайцев имеются упоминания в историко-этнографических трудах Г.Н. Потанина (Потанин, 1883; Потапов, 1991;

Рис. 4. Находки из разрушенного культурного слоя у ямы с конскими костями:

1 — подвеска, 2, 3 — кольца, 4, 5 — гравированные бляшки, 6 — монисто,

7 — пронизь, 8 — накладная бляха от конской упряжи и узды, 9 — розетка

Fig. 4. Finds from the destroyed cultural layer near the pit with horse bones:

1 — suspension, 2, 3 — rings, 4, 5 — engraved plaques, 6 — monist, 7 — piercing, 8 — patch plate from horse harness and bridle, 9 — socket

Дьяконова, 2001; Кравченко, 2011; Ойноткинова, 2016). О кровавых жертвоприношениях лошади у алтайцев в конце XIX в. Г.Н. Потанин писал: «Опишу здесь только *тайылга*, который мы видели 13-го мая 1860 г. на правом берегу Катуня» (Потанин, 1883). В 1927 г. свидетелем жертвоприношения лошади у алтайцев в долине Куюма был Л.П. Потапов (1991, с. 139, 144). По мнению Л.П. Потапова (1991, с. 144) алтайцы приносили в жертву лошадей и вывешивали их на шестах (*тайылга*), как делали это тюрки в далеком прошлом. Головой шкура была обращена на восход солнца. Это жертвоприношение мог совершать только «настоящий кам», так как обряд был связан с путешествием на небо, если камлали Ульгеню или его сыновьям, или в подземную зону, если камлали Эрлику, и наконец с путешествием по горам и хребтам, снежным вершинам и тайге, если камлали Йерсу, Алтаю и духам священных гор, тайги и вод (Потапов, 1991, с. 144, 145). Дополнительным источником по этому обряду являются акварели и графика алтайского художника Г. Чорос-Гуркина, выполненные им с натуры в начале XX в. (Гаманович, 2022). Судя по этим изображениям, шкура, снятая с жертвенной лошади с ногами и головой, выставлялась на шесте, под которым устанавливался навес из жердей на четырех высоких кольях. В настоящее время обряд «тайылга» эпизодически представлен на территории юга Горного Алтая РФ. В частности, в 2021 г. этнографом д.и.н. Бауло А.В. была зафиксирована такая ритуальная практика

в окрестностях с. Ортолык (Кош-Агачский район Республики Алтай). Шкура жертвенного животного с головой и ногами была наброшена на ветку тополя.

Однако нигде в этнографической литературе не упоминалось о дальнейших последствиях этого обряда, когда шкура животного с костями на шесте окончательно истлевала и теряла свою первоначальную целостность. Собственно говоря, речь уже идет об археологическом контексте обрядовой практики на примере *тайылга* (шкуры лошади с черепом и ногами после жертвоприношения). В свою очередь, выявленный на правом берегу горной долины нижней Катунь комплекс конских костей (череп, пястные и путовые кости и несколько шейных позвонков) в с. Рыбалка вполне может соответствовать такому варианту археологизации заключительной стадии этого обряда. Следует также отметить, что в середине прошлого века, по данным Е.М. Тошачковой, на седьмой день после поминок умершего шаман проводил обряд очищения жилища, чтобы изгнать злых духов. В тот же день юрту переносили на новое место. Тогда как на старом месте, где стояло жилище, около очага выкапывали яму, куда сливали жертвенную пищу и закрывали каменной плитой (Тошачкова, 1978, с. 148, 149; Потапов, 1991, с. 156). Следует подчеркнуть, что по другим этнографическим данным такой обряд очищения жилища в 60-х гг. XIX в. сопровождался установлением *тайылги*, которое производилось шаманом, приглашенным с Катунь (Потанин 1883, с. 398). Такие этнографические параллели ритуальной практики с парциальным захоронением конских костей вследствие ритуальной деятельности для горной долины нижней Катунь можно еще дополнить археологическими данными. Ритуально-погребальные комплексы с парциальными захоронениями костей лошади на этой территории известны еще в эпоху раннего железа (Барангол-4, Чултуков Лог-1) (Бородовский, Бородовская, 2013). В более позднее время захоронение головы и костей ног лошади, интерпретируемое как «шкура животного», достаточно широко представлено на территории Евразии в эпоху раннего Средневековья.

В целом выявленное парциальное захоронение лошади у с. Рыбалка вполне возможно интерпретировать как ритуально-культурный объект. Такой вывод можно сделать на основании целого комплекса причин. Во-первых, явно намеренное захоронение неполного скелета лошади (голова, шейный отдел позвоночника, кости ног), что достаточно близко к ритуальной практике тюркских народов, включая обряд «тайылга», при реализации которого на шесте выставлялась шкура животного с головой и ногами. Во-вторых, наличие этого конского захоронения в прибрежной части Катунь также может быть неслучайным, поскольку в ритуальной фольклорной традиции алтайцев упоминается принесение конских жертв р. Катунь. Такая практика была тесно связана с почитанием и задабриванием духа воды. В этой связи следует подчеркнуть, что на этом участке р. Катунь (у с. Рыбалка) традиционно существовала переправа, что также могло мотивировать принесение жертв. Наличие целого ряда украшений, извлеченных из отвала в непосредственной близости от парциального конского захоронения, также связано с ритуальной практикой при взаимоотношениях с духами воды. По традиционным представлениям алтайцев, при посещении во-

дных источников вплоть до настоящего времени принято снимать с себя украшения. В-третьих, набор конских костей в яме с. Рыбалка и ориентация черепа в южном направлении (на восход солнца на этом участке горной долины) совпадает с целым рядом признаков, характерных для обряда «тайылга».

Список источников

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины нижней Катуги в эпоху палеометалла. Новосибирск, 2013. 220 с.: ил.

Гаманович Г.Л. Использование репродукций произведений живописи и графики в передвижной выставке «Григорий Чорос-Гуркин. Сказание об Алтае» // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). Вып. 17. Барнаул, 2022. С. 308–316.

Дьяконова В.П. Алтайцы: Материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2001. 224 с.

Кравченко Г.Г. Г.Н. Потанин и Алтай: хроника и итоги пребывания. // Вестник Томского государственного университета. История, 2011. №2(14). С. 44–48.

Ойроткинова Н.Р. Культурно-семиотические коды календарной обрядности южных алтайцев // Сибирский филологический журнал. 2016. №4. С. 5–18.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-западной Монголии. Т. 4. СПб., 1883. 670 с.

Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. М., 1991. 320 с.

Тошчакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX — начало XX века). Новосибирск, 1978. 159 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Андрей Павлович Бородовский, Институт археологии и этнографии СО РАН, ведущий научный сотрудник; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева 17; доктор исторических наук, доцент; <https://orcid.org/orcid/0000-0002-6312-1024>, altaicenter2011@gmail.com

Andrey P. Borodovskiy, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Leading Researcher; 630090, Russia, Novosibirsk, Ak. Lavrentieva Ave. 17; Doctor of Historical Sciences, Associate Professor; <https://orcid.org/orcid/0000-0002-6312-1024>, altaicenter2011@gmail.com

Статья принята к публикации 03.04.2023.

The article approved after reviewing 03.04.2023.

Научная статья / Article

УДК: 069.015:671.121.4

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.18

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ СЕРЬГИ В КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ АЛТАЯ АлтГУ

Ксения Евгеньевна Бояринцева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье рассмотрены материалы коллекций раннего Средневековья Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. В ходе работы был установлен круг археологических памятников, в которых зафиксированы серьги. Время их бытования соотносится с одинцовской и сроскинкой культурами. Статья содержит инфор-

мацию о времени совершения находок. Место обнаружения серег отмечено в соответствии с погребениями. Приведены количественные сведения как по отдельным памятникам, так и общие. Выделены основные типы изделий. В качестве материала изготовления серег отмечается использование цветных металлов. Анализ материала коллекций позволит продолжить работу по формированию базы данных и более детального изучения рассматриваемых серег.

Ключевые слова: раннее Средневековье, музей, коллекции, украшения, серьги, одицовская культура, сrostкинская культура

Для цитирования: Бояринцева К.Е. Раннесредневековые серьги в коллекции Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 115–119. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.18

EARLY MEDIEVAL EARRINGS IN THE COLLECTION OF THE MUSEUM OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF ALTAI ALTSU

Xeniya E. Boyarintseva

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article examines the materials of the collections of the Early Middle Ages of the Museum of Archaeology and Ethnography of AltSU. In the course of the work, a circle of archaeological sites was established, in which earrings were documented. The time of their existence correlates with the Odintsovo and Srostkin cultures. The article contains information about the time of the findings. The location of the discovery of the earrings is marked in accordance with the burials. Quantitative information is given both on individual sites and in general. The main types of products are highlighted. The use of non-ferrous metals is noted as the material for making earrings. The analysis of the material of the collections will allow us to continue working on the formation of a database and a more detailed study of the earrings in question.

Key words: Early Middle Ages, museum, collections, jewelry, earrings, Odintsovo culture, Srostkino culture

For citation: Boyarintseva X.E. Early Medieval Earrings in the Collection of the Museum of Archaeology and Ethnography of Altai AltSU // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 115–119. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.18

Украшения часто выступают одним из основных элементов описания археологических культур. Их регулярные находки в предметных комплексах позволяют считать данные изделия важным археологическим источником. Достаточно широко украшения представлены в раннесредневековых памятниках, открытых в разные годы на территории юга Западной Сибири, и на сегодняшний день являются важной частью большинства музейных коллекций.

В рамках данной статьи нами рассмотрен такой вид украшений, как серьги. Являясь одним из наиболее популярных изделий, по месту ношения они относятся к головным, ушным, а использование серег отмечается как среди женщин, так и мужчин. В археологической литературе серьги раннего Средневековья и их классификация затрагивались Г.В. Кубареввым (2005), Н.В. Басовой (2010), В.В. Горбуновым, А.А. Тишкиным (2022).

Целью статьи является анализ коллекций Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ на предмет наличия раннесредневековых серег. Всего нами были использованы материалы 10 памятников: Рогозиха-1 (колл. №141), Екатериновка-3 (колл. №144), Иня-1 (колл. №145), Кучук-1 (колл. №151), Усть-Шамониha-1 (колл. №154), Троицкий Елбан-1 (колл. №160), Поповская дача (колл. №167), Прудской (колл. №169), Чинета-II (колл. №185), Сростки-1 (колл. №656, 669).

Археологические раскопки курганного могильника Рогозиха-1 (Павловский район, Алтайский край) были проведены совместной экспедицией Алтайского государственного университета (далее — АлтГУ) и Барнаульского педагогического института в 1985 г. При исследовании кургана №10, могилы-2 были найдены серьги в количестве 2 шт. Материалы отнесены к шадринцевскому этапу сросткинской культуры (2-я половина X — 1-я половина XI в.) (Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 57; Горбунов, Тишкин, 2022, с. 16).

К памятнику Екатериновка-3 (Славгородский район, Алтайский край), раскопки которого были произведены в 1990 г., относится одна серьга. Датирована грязновским этапом сросткинской культуры (2-я половина IX — 1-я половина X в.) (Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 56, 59).

При рассмотрении памятника Иня-1 (Шелаболихинский район, Алтайский край) нами использован материал раскопок 2000 г. Общее количество найденных серег составило 5 шт. По месту обнаружения они были отмечены в кургане №27, у могилы-3 — 1 шт., могилы-4 — 1 шт., в грабительском выбросе могилы-4 — 1 шт.; кургане №28, могиле-1 — 2 шт. Хронологически курганы памятника относятся к инскому этапу сросткинской культуры (2-я половина VIII — 1-я половина IX в.) (Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 55).

Памятник Кучук-1 (Шелаболихинский район, Алтайский край) был исследован археологической экспедицией АлтГУ в 1990 г. Там была найдена серьга в количестве 1 шт. Место расположения — курган №6, могила-1. Датировка соотносится с шадринцевским этапом сросткинской культуры (2-я половина X — 1-я половина XI в.) (Горбунов, Тишкин, 2022, с. 18).

Раскопки на археологическом памятнике Усть-Шамониha-I (Целинный район, Алтайский край) были проведены в 1990 г. Среди сопроводительного инвентаря отмечаются серьги — 2 шт. Хронологически погребение определяется грязновским этапом сросткинской культуры (2-я половина IX — 1-я половина X в.) (Кунгуров, Кунгурова, 2019, с. 12).

При рассмотрении материалов памятника Троицкий Елбан-1 (Калманский район, Алтайский край) были использованы материалы раскопок 1993 г. Число найденных серег — 3 шт. Они были обнаружены в могиле-1 — 1 шт., могиле-2 — 2 шт. Полученные материалы относятся к сошниковскому этапу одинцовской культуры (2-я половина IV — V в.) (Горбунов, 1993, с. 81–82).

Работы на одиночном кургане Поповская Дача (Алейский район, Алтайский край) проводились Алейской археологической экспедицией АлтГУ в 2001 г. Находки серег были сделаны в погребении могилы-1. Их количе-

ство составило 2 шт. Датировка находок соотнесена с шадринцевским этапом сrostкинской культуры (2-я половина X — 1-я половина XI в.) (Горбунов, Тишкин, 2022, с. 37–38).

Курганная группа Прудской (Калманский район, Алтайский край) была исследована Калманским археологическим отрядом АлтГУ в 2001 г. Серьги были обнаружены при раскопках кургана №2, могилы-2 — 1 шт., кургана №4, могилы-1 — 2 шт. В кургане №5, могиле были найдены подвески от серег — 2 шт. Согласно датировке, данные памятники относятся к шадринцевскому этапу сrostкинской культуры (2-я половина X — 1-я половина XI в.) (Горбунов, Тишкин, 2022, с. 40–45).

Материалы курганного могильника Чинета-II (Краснощековский район, Алтайский край) представлены раскопками Краснощековской археологической экспедиции АлтГУ 2004 г. В ходе работ серьги — 2 шт. были обнаружены в кургане №9, могиле. Курган относится к грязновскому этапу сrostкинской культуры (2-я половина IX — 1-я половина X в.) (Горбунов, Дашковский, Тишкин, 2005, с. 422).

Экспедиции на курганном могильнике Сrostки-I были проведены археологами АлтГУ в 2012–2014 и 2016 гг. при участии Казанского (Приволжского) федерального университета и Института истории им. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Серьги были найдены в ходе раскопок 2013 и 2014 гг. Общее количество — 5 шт. Из них: курган №8, могила-1 — 2 шт., курган 6, могила-2 — 2 шт., могила-3 — 1 шт. Памятник датирован грязновским этапом сrostкинской культуры (2-я половина IX — 1-я половина X в.) (Горбунов, Тишкин, 2014, с. 60; 2018, с. 75).

Опираясь на классификацию, приведенную в работе В.В. Горбунова и А.А. Тишкина (2022, с. 87–88), серьги можно разделить на следующие типы: округлые, овальные.

Тип 1. Округлые: Рогозиха-1, курган №10, могила-2 — 2 экз.; Иня-1, курган №27, у могилы-3 — 1 экз., грабительский выброс могилы-4 — 1 экз., курган №28, могила-1 — 2 экз.; Кучук-1, курган №6, могила-1 — 1 экз.; Усть-Шамониха-1, погребение — 2 экз.; Троицкий Елбан-1, могила-2 — 1 экз.; Поповская Дача, одиночный курган, могила-1 — 2 экз.; Прудской, курган №2, могила-2 — 1 экз., курган №4, могилы-1 — 2 экз.; Чинета-II, курган №9, могила — 2 экз.; Сrostки-I, курган №8, могила-1 — 2 экз., курган 16, могила-2 — 2 экз., могила-3 — 1 экз.

Тип 2. Овальные, с отроостком или подвеской: Екатериновка-3 — 1 экз.; Иня-1, курган №27, могила-4 — 1 экз.; Троицкий Елбан-1, могила-1 — 1 экз., могила-2 — 1 экз.; Прудской, курган №5, могила — 2 экз.

Таким образом, исходя из рассмотренных нами предметов, общее число серег составило 28 шт. Из них 16 изделий составляли 8 пар, остальные обнаружены по одному экземпляру. 22 экз. — округлого, 6 экз. — овального типов. Материалом изготовления всех серег служил цветной металл. Из них к одицовской культуре отнесены 3 экз., к сrostкинской — 25 экз. Автором будет продолжена работа с предметами с целью более детального изучения и формирования базы данных.

Список источников

- Басова Н.В. Серьги и височные подвески населения юга Западной Сибири (V–XVIII вв.): дис. ... канд. культурологии. Новосибирск, 2010. 260 с.
- Горбунов В.В. Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-I // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 80–90.
- Горбунов В.В., Дашковский П.К., Тишкин А.А. Исследование памятников средневековья на Алтае // Археологические открытия 2004 года. М., 2005. С. 420–423.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганный могильник Сростки-I: история изучения и современные исследования // Известия АлтГУ. 2014. №4 (84). С. 54–67.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Результаты изучения эпонимного памятника Сростки-I на Алтае: возвращение к истокам и новые материалы // Археология евразийских степей. 2018. №6. С. 73–80.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганы сросткинской культуры на Приобском плато. Барнаул, 2022. 320 с.: ил. (Археологические памятники Алтая. Вып. 6).
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая по материалам погребальных памятников. Новосибирск, 2005. 400 с.
- Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф. Исследования многослойных разнотипных комплексов Верхнего Причумышья: Усть-Шамониха-I // Теория и практика археологических исследований. 2019. Т. 25. №1. С. 7–15.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас: учебное пособие. Барнаул, 2011. 136 с.: ил.

Информация об авторе / Information about the Author

Ксения Евгеньевна Бояринцева, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; boyarinceva98@gmail.com

Xeniya E. Boyarintseva, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Postgraduate Student; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61; boyarinceva98@gmail.com

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 902(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.19

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ОСВОЕНИЯ СТРЕМЯН НАСЕЛЕНИЕМ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

Вадим Владимирович Горбунов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Анализируется серия из 10 стремян, обнаруженных в двух могильниках одиноцкой культуры и случайно найденных в лесостепных районах Алтая. Приводятся сведения о расположении стремян в погребальных объектах, их конструктивные особенности и параметры, а также графические изображения. В результате процедуры классификации стремяна разделены на две группы, два отдела и пять типов, дополнен-

ных шестью вариантами. Типологический анализ позволил очертить круг аналогий и определить датировку изучаемых предметов. Сделан вывод о появлении стремян у племен одицовской культуры под влиянием тюрок Горного Алтая на рубеже V/VI вв. Начальный этап освоения стремян местным населением может быть определен в рамках VI — 1-й половины VIII в. Для него характерно преобладание простых изделий и следование первоначальной тюркской традиции помещения в могилу одного стремени. Особенностью данного этапа является использование при изготовлении некоторых стремян органических материалов — рога, чего не наблюдается в тюркской культуре.

Ключевые слова: памятники VI–VIII вв. н.э., одицовская культура, снаряжение верхового коня, стремяна, классификация и типология

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Для цитирования: Горбунов В.В. Начальный этап освоения стремян населением Лесостепного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 119–127. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.19

THE INITIAL STAGE OF THE DEVELOPMENT OF STIRRUPS BY THE POPULATION OF FOREST-STEPPE ALTAI

Vadim V. Gorbunov

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article analyses a series of 10 stirrups found in two burial grounds of the Odintsovo culture and accidentally found in the forest-steppe regions of Altai. Information about the location of stirrups in burial objects, their design features and parameters, as well as graphic images is provided. As a result of the classification procedure, the stirrups are divided into two groups, two divisions and five types, supplemented by six variants. Typological analysis made it possible to outline a circle of analogies and determine the dating of the subjects studied. The conclusion is made about the appearance of stirrups among the tribes of the Odintsovo culture under the influence of the Turks of the Altai Mountains at the turn of the 5–6th century. The initial stage of the development of stirrups by the local population can be determined within the framework of the 6th — the 1st half of the 8th centuries. It is characterized by the predominance of simple products and the following of the original Turkic tradition of placing one stirrup in the grave. The peculiarity of this stage is the use of organic materials — horns — in the manufacture of some stirrups, which is not observed in the Turkic culture.

Keywords: monuments of the 6th — 8th centuries AD, Odintsovo culture, riding horse equipment, stirrups, classification and typology

Acknowledgments: the work was financially supported by the Russian Science Foundation (Project No. 22-18-00470 “The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy”).

For citation: Gorbunov V.V. The Initial Stage of the Development of Stirrups by the Population of the Forest-Steppe Altai // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Issue XXIX. С. 119–127. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.19

Стремяна являются самым поздним по времени изобретения элементом снаряжения верхового коня. Появившись в начале IV в. у кочевников сяньби (регион на границе Внутренней Монголии и Юго-Западной Маньчжурии), они

сначала использовались по одному, служа подножкой для посадки всадника в седло. Однако уже с середины IV в. начинают использовать парные стремена, что придало всаднику дополнительную устойчивость в седле и резко повысило эффективность применения им оружия, особенно копий, мечей и сабель (Комиссаров, Худяков, 2007, с. 265–266, табл. 1–3; Горбунов, 2015, с. 18–19, рис. 1.6). Важным представляется процесс дальнейшего распространения стремян и их освоения другими народами. Общее направление такого движения на восток до Японии и на запад до Европы и Передней Азии вполне очевидно, но в каждом конкретном регионе это происходило в разное время и при разных условиях. Задача настоящей работы — определить, когда и при каких обстоятельствах стремяна попали на территорию Лесостепного Алтая.

Стремена из обозначенного региона уже анализировались в специальной работе (Неверов, 1998), но ее классификация и типология были построены на материалах из памятников сросткинской культуры (2-я половина VIII — XII в.). На тот момент еще не были известны находки из более ранних закрытых комплексов. К настоящему времени стремяна обнаружены в нескольких погребениях 2-й половины VI — 1-й половины VIII в. единичной культуры Лесостепного Алтая, а также известна серия случайно найденных предметов, которые по своим типологическим особенностям либо синхронны, либо раньше изделий из могил. Это позволяет обозначить начальный этап освоения стремян местным населением.

Больше всего стремян найдено при раскопках могильника Горный-10 в северных предгорьях Алтая (Красногорский район Алтайского края). Однако пока опубликовано только четыре экземпляра из погребений по обряду одиночной ингумации. Одно стремя зафиксировано за головой умершего мужчины (Серегин, Степанова, 2020, с. 605, рис. 1.-2-4, 2.-1), второе стремя также найдено в мужской могиле, но в ногах погребенного (Серегин, Степанова, 2021а, с. 643, рис. 1.-1-2, 4.-1). Третье стремя происходит из разрушенного детского погребения (Серегин, Тишин, Степанова, 2021, с. 101, рис. 3, 4.-1) и четвертое стремя, также из детской могилы, находилось в ногах ребенка (Серегин, Степанова, 2021б, с. 336, рис. 1.-2, 2.-1). Еще два стремени найдены в погребениях по обряду ингумации с конем на могильнике Чумыш-Перекал в северной части Предсалаирской равнины (Залесовский район Алтайского края). Одно из них лежало между правым боком лошади и левой рукой мужчины, а другое — среди костей лошади (левый бок), располагавшейся справа от мужского скелета (Фрибус и др., 2018, с. 45, рис. 7; Фрибус, Грушин, 2021, с. 341–342, рис. 2.-1-3, 5.-1, 6.-1, 8.-3). Обращает на себя внимание факт нахождения во всех могилах только по одному стремени.

Эту серию дополняют случайно обнаруженные стремяна. Два из них найдены в результате археологических обследований в Алейской степи (северо-западные предгорья Алтая). Первое стремя было подобрано у полы кургана возле с. Локоть (Локтевский район Алтайского края), а второе оказалось в разведочном шурфе в с. Староалейское (Трегьяковский район Алтайского края). Оба изделия имеют относительно слабую коррозию и не могут быть связаны с погребальными

ми объектами (Шульга, Горбунов, 1998, с. 99, рис. 1.-2; Тишкин, Семибратов, Ситников, 2018, с. 138–139, рис. 2). Еще одно стремя найдено на Приобском плато возле с. Чернопятово (Павловский район Алтайского края), а другое — на Бийско-Чумышской возвышенности в окрестностях с. Новоперуново (Тальменский район Алтайского края). Они еще в меньшей степени коррозированы и также не связаны с погребальными комплексами (Горбунов, Кирюшин, 2014, с. 76, рис. 1; Серегин, Радовский, 2020, с. 146, рис. 2–3). Три из этих находок имеют различную степень деформации от воздействия сельхозтехники.

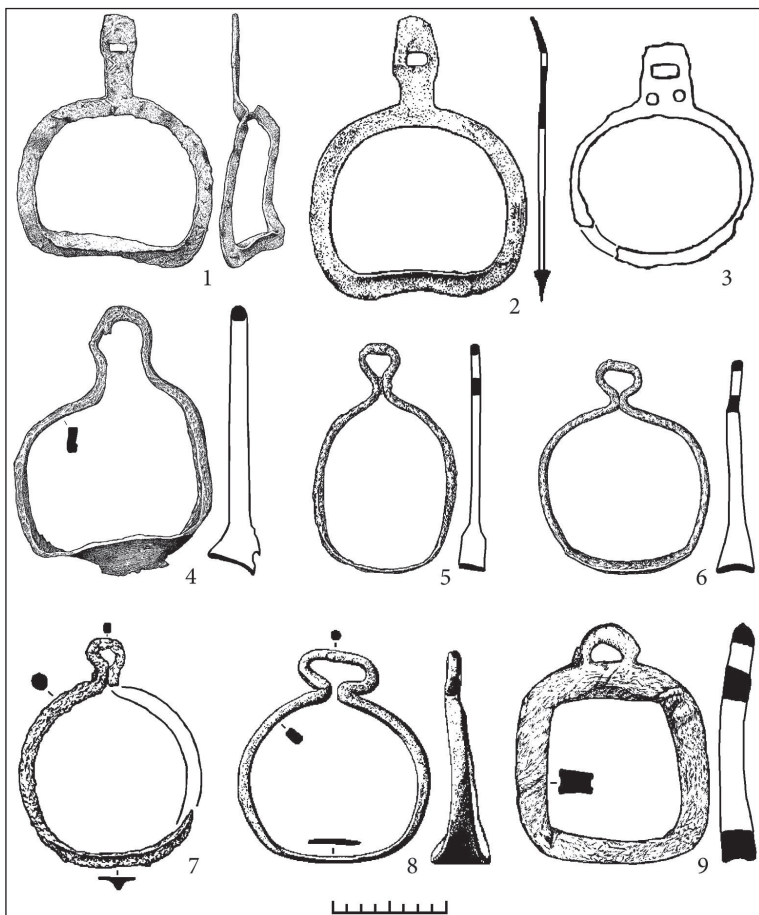
Таким образом, нами учтено шесть стремян из двух могильников и четыре случайные находки. Все они могут быть использованы для системного анализа. Имеющиеся у некоторых экземпляров повреждения почти не влияют на характеристики основных признаков изделий. Дужки стремян в поперечном сечении прямоугольные, круглые или овальные. Проем для ноги, образуемый внутренним контуром дужек и подножки, арочный или округлый, но у части экземпляров он искажен из-за поздних повреждений или при эксплуатации, а у одного экземпляра он ближе к трапеции из-за специфики материала. Более значимыми представляются такие признаки стремян, как материал изготовления (группа), общая конструкция ушка (отдел), детали его оформления (тип), оформление подножки (вариант). В результате получается следующая классификационная схема:

Группа 1. Железные. Стремя целиком отковано из железной заготовки.

Отдел 1. Пластинчатые. Ушко стремени изготовлено в виде пластины, вырубленной вместе с дужками из единой заготовки, либо пластина штамповалась отдельно и приваривалась к замкнутым дужкам.

Тип 1. Выделенно-пластинчатые, трапециевидные. Переход ушка в дужки оформлен шейкой. Выше нее абрис пластины напоминает трапецию с более широким основанием у шейки, ближе к которому пробита прорезь для ремня путлища. *Вариант а* — с выгнутой подножкой и нервюрой. Подножка стремени в продольной плоскости имеет небольшой изгиб, направленный вверх. В поперечном сечении она Т-образна, так как снабжена ребром жесткости или нервюрой, как бы продолжающей дужки под ней: Локоть — 1 экз., высота стремени 18 см, наибольшая ширина проема по дужкам 11,9 см, наибольшая поперечная ширина подножки 1,75 см, ширина отверстия под путлище 1,3 см (рис.-1); Староалейское — 1 экз., 20,4×12,6×1,1×1,4 (рис.-2). У обоих стремян на лицевой стороне сохранился выбитый орнамент, образующий на изделии из Локтя окантовочные линии и треугольные зигзаги, а на изделии из Староалейского — параллельные линии.

Тип 2. Невыделенно-пластинчатые, трапециевидные. Ушко примыкает к дужкам всем основанием, без перехода. Абрис пластины близок трапеции. Прорезь для путлища сделана по центру пластины, а в ее основании, на границе с дужками, дополнительно пробиты два круглых отверстия. *Вариант а* — с прогнутой плоской подножкой. Подножка стремени в продольной плоскости имеет прогиб вниз, а в поперечном сечении близка к прямоугольнику: Горный-10, могила №46 — 1 экз., 16×11,8×2×1,7 см (рис.-3).

Стреммена из погребальных памятников и случайных местонахождений Лесостепного Алтая: 1 — Локоть, по: (Шульга, Горбунов, 1998); 2 — Староалейское, по: (Тишкин, Семибратов, Ситников, 2018); 3 — Горный-10, мог. 46, по: (Серегин, Тишин, Степанова, 2021); 4 — Чернопятово, по: (Горбунов, Кирышин, 2014); 5 — Горный-10, мог. 48, по: (Серегин, Степанова, 2021б); 6 — Горный-10, мог. 24, по: (Серегин, Степанова, 2021а); 7 — Чумыш-Перекаг, мог. 28, по: (Фрибус и др., 2018); 8 — Новоперуново, по: (Серегин, Радовский, 2020); 9 — Горный-10, мог. 27, по: (Серегин, Степанова, 2020)

Stirrups from funerary sites and random locations of the Forest-Steppe Altai: 1 — Lokot, by: (Shulga, Gorbunov, 1998); 2 — Staroaleiskoe, by: (Tishkin, Semibratov, Sitnikov, 2018); 3 — Gorny-10, grave 46, by: (Seregin, Tishin, Stepanova, 2021); 4 — Chernopyatovo, by: (Gorbunov, Kiryushin, 2014); 5 — Gorny-10, grave 48, by: (Seregin, Stepanova, 2021b); 6 — Gorny-10, grave 24, by: (Seregin, Stepanova, 2021a); 7 — Chumysh-Perekat, grave 28, by: (Fribus et al., 2018); 8 — Novoperunovo, by: (Seregin, Radovsky, 2020); 9 — Gorny-10, grave 27, by: (Seregin, Stepanova, 2020)

Отдел 11. Петельчатые. Ушко стремени изготовлено в виде петли путем выгибания S-образно окончаний дужек и их сварки.

Тип 3. Вертикально-петельчатые, каплевидные. Петля ушка вытянута в вертикальном направлении, а ее абрис на ассоциативном уровне напоминает перевернутую каплю. *Вариант а* — с прогнутой плоской подножкой. В продольной плоскости подножка имеет небольшой прогиб, а в поперечном сечении — прямоугольная или С-видная: Чернопятово — 1 экз., 17×12,2×3,5×2,1 см (рис.-4); Горный-10, могила №48, 16,4×8,8×1,8×1,8 см (рис.-5); Горный-10, могила №24, 15,1×11×2,7×2,2 см (рис.-6). *Вариант б* — с прогнутой подножкой и нервюрой. В продольной плоскости подножка имеет слабый прогиб, а в поперечном сечении — Т-образная: Чумыш-Пережат, могила №28, 16,6×11×3×1,2 см (рис.-7). Условно к этому типу можно отнести и петельчатое стремя из могилы №25 памятника Чумыш-Пережат, сохранившееся хуже (Фрибус, Грушин, 2021, с. 344).

Тип 4. Горизонтально-петельчатые, овальные. Петля ушка вытянута по горизонтали и имеет абрис, близкий к овалу. *Вариант а* — с прогнутой плоской подножкой: Новоперуново — 1 экз., 15,1×12,2×3,6×4,1 см (рис.-8).

Группа 11. Роговые. Стремя вырезано из роговой заготовки.

Отдел 1. Пластинчатые.

Тип 5. Невыделенно-пластинчатые, сегментовидные. Абрис пластины ушка напоминает фигуру с прямым основанием, к которому примыкает дуга. Прорезь для путища сделана в основании пластины, на границе с дужками. *Вариант а* — с прогнутой кубической подножкой. Подножка стремени в продольной плоскости слабо прогнута, а ее поперечное сечение близко к квадрату: Горный-10, могила №27, 18,2×9,6×2,5×2,4 см (рис.-9).

Самые ранние стремена (IV–V вв.) делались из дерева, обтянутого кожей или обитого бронзовыми и железными пластинами. Стремена-подножки ковались целиком из металла. Начиная с середины V в. железо начинает абсолютно преобладать над другими материалами. Все первые стремена имели невыделенно-пластинчатое ушко (Комиссаров, Худяков, 2007, с. 258–263, табл. 1.-1–7, 12, 14–17, 23). Стремена с петельчатым ушком появляются ближе к концу V в. у тюрков и подчиненных им племен Саяно-Алтая (Могильников, 1994, с. 111, рис. 2.-1; Савинов, 1996, с. 20, рис. 1.-1–4). В дальнейшем петельчатые формы сосуществовали с пластинчатыми до начала II тыс. н.э. (Неверов, 1998, с. 147).

Развитие стремян с пластинчатым ушком шло от экземпляров с высокой сплошной пластиной к изделиям с укороченной пластиной, у которой начинает выделяться шейка. Стремена, аналогичные типу 1, есть в тюркских памятниках Горного Алтая 2-й половины V — 1-й половины VI в. и в других регионах Евразии, в третьей четверти VI в. охваченных тюркскими завоеваниями (Шульга, Горбунов, 1998, с. 101; Худяков, Филиппович, 2017, с. 107–109, рис. 4.-2; Серегин, Васютин, 2021, рис. 163–164, 170.-4, 171.-3). Наличие у них Т-образной узкой подножки, широких уплощенных дужек и орнамента также характерно для этого периода. В целом изделия типа 1 можно датировать 2-й половиной V — 3-й четвертью VI в. Время появления таких стре-

мян на Верхней Оби уточняют две находки из разных курганов на памятнике Крохалева-23. Оба изделия орнаментированы параллельными линиями, как у стремени из Староалейского, а у одного из них намечена трапециевидная пластина с шейкой (Троицкая, Новиков, 1998, с. 45, рис. 23.-13-14). Это последнее стремя было найдено вместе с ярусными наконечниками стрел южносибирской традиции (Новиков, 1988, рис. 1.-1-7, 2.-6), верхняя граница бытования которых не выходит за V в. (Неверов, Мамадаков, 1991, с. 132, рис. 1). На наш взгляд, подобное сочетание возможно только на рубеже V/VI вв. Об этом же говорит и отсутствие стремьян в памятниках сошниковско-го этапа (2-я половина IV — V в.) одинцовской культуры.

Стремьян, аналогичных типу 2, мало. Это изделия из тюркских памятников Курай-VI и Кырлык-2. У одного из них отсутствует верхняя часть пластины с отверстием для путлища, а у другого сломаны перемычки возле круглых отверстий (Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 26; Бородаев, Мамадаков, 1985, рис. 12.-2). Видимо, они заканчивают собой линию развития невыделенно-пластинчатых стремьян в рамках тюркской традиции и датируются 2-й половиной VI — VII в.

Изделия с петельчатым ушком, вытянутым по вертикали, как у типа 3, также находят ближайшие аналогии в тюркских памятниках Горного Алтая. Таковы стремьяна из Кызыл-Таша, Кудыргэ, Катанды-3, Тыткескенья-VI, Бирюзовой Катюни-9 и др. (Гаврилова, 1965, табл. XIX.-22, XXI.-11; Соенов, Эбель, 1996, рис. 1.-3; Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 117, рис. 2.-3, 7.-3, 5; Кирюшин Ю.Ф. и др., 1998, с. 166, рис. 5.-6-7; Кирюшин К.Ю. и др., 2013, с. 71, рис. 40.-22). Их датировку можно определить VI-VII вв.

Горизонтально-петельчатое стремя типа 4 типологически более позднее. Такие экземпляры характерны для тюркских памятников 2-й четверти VII — 1-й половины VIII в. (Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 118, рис. 8.-3, 11, 9.-13; Кирюшин Ю.Ф. и др., 1998, с. 175, рис. 3.-26; Кирюшин К.Ю. и др., 2013, с. 38, рис. 19.-2-3).

Стремьяна из рога эпизодически встречаются на разных территориях и в материалах разных культур, от раннего до развитого Средневековья (Серегин, Степанова, 2020, с. 608). Они весьма индивидуальны и слабо соотносятся с металлическими формами. Из ближайших находок можно указать стремя из могильника VIII-IX вв. Есаульская в Кузнецкой котловине (Кузнецов, 2005, с. 55, рис. 12.-1) и похожие на него стремьяна из погребений сросткинской культуры 2-й половины VIII — 1-й половины IX в. на могильнике Инья-1 в Лесостепном Алтае (неопубликованные материалы С.В. Неверова и автора). Однако стремя типа 5 из Горного-10 — более раннего времени. На это указывает прежде всего найденная вместе с ним железная гарнитура, характерная для тюркских поясов 2-й половины VII — 1-й половины VIII в. (Серегин, Степанова, 2020, с. 607, рис. 4.-5-14; Кирюшин К.Ю. и др., 2013, с. 38, рис. 19.-4-14).

Подводя итоги, следует отметить, что первоначальное знакомство населения Лесостепного Алтая со стремьянами могло произойти не ранее рубежа V/VI вв. Поскольку все типы железных стремьян находят соответствия среди материалов Горного Алтая, можно заключить, что их появление в северных лесостеп-

ных районах было результатом контактов с тюрками. Скорее всего, накануне и после создания Тюркского Каганата это были торгово-обменные отношения. На осинкинском этапе (VI — 1-я половина VII в.) одинцовской культуры применялись стремена типов 1, 2, 3, а на акутихинском этапе (2-я половина VII — 1-я половина VIII в.) — типов 4 и 5. В целом для этого периода характерно преобладание простых в изготовлении изделий с петельчатым ушком (тип 3, 4) и плоской подножкой (тип 2а, 3а, 4а). Для погребальной практики одинцовской культуры этого времени можно отметить следование первоначальной тюркской традиции помещения в могилу одного стремени. Наконец, местной особенностью является использование роговых стремян, чего не наблюдается у тюрков. Эта традиция сохраняется в последующее время у самодийских племен Кузнецкой котловины и у племен сrostкинской культуры Лесостепного Алтая.

Список источников

- Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т. Могильники Кырлык-1 и Кырлык-2 в орном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск, 1985. С. 51–88.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.
- Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница сяньби-муюнов // Война и оружие. Новые исследования и материалы. СПб., 2015. Ч. II. С. 3–20.
- Горбунов В.В., Кирюшин К.Ю. Случайные находки средневековых предметов в Павловском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XX. Барнаул, 2014. С. 76–80.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. Вып. XVI. М., 1941. С. 75–117.
- Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень-VI // Древности Алтая (Известия лаборатории археологии). Горно-Алтайск, 1998. №3. С. 165–175.
- Кирюшин К.Ю., Кирюшина Ю.В., Семibrатов В.П., Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В. Историко-культурное наследие «Бирюзовой Катуня» (опыт интеграции в сферу туризма). Барнаул, 2013. 222 с.
- Комиссаров С.А., Худяков Ю.С. Еще раз о происхождении стремян: сяньбийский фактор // «История и культура Улуса Джучи: Ежегодник. 2006. Казань, 2007. С. 246–266.
- Кузнецов Н.А. Есаульская курганная группа // Кузнецкая старина. Вып. 7. Новокузнецк, 2005. С. 46–76.
- Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Известия лаборатории археологии. №2. Горно-Алтайск, 1997. С. 115–129.
- Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 94–116.
- Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII–XII вв. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 130–151.
- Неверов С.В., Мамадаков Ю.Т. Проблемы типологии и хронологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С. 121–135.
- Новиков А.В. Новый памятник верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье // Источники и историография: археология и история. Омск, 1988. С. 47–54.

Савинов Д.Г. К проблеме происхождения металлических стремей в Центральной Азии и Южной Сибири // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул, 1996. С. 16–20.

Серегин Н.Н., Васютин С.А. Раннетюркские археологические комплексы Центрального и Восточного Алтая (по материалам исследований А.С. Васютина). Барнаул, 2021. 296 с.

Серегин Н.Н., Радовский С.С. Случайная находка раннесредневекового стремени в Тальменском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2020. Вып. XXVI. С. 145–149.

Серегин Н.Н., Степанова Н.Ф. Роговое стремя из некрополя эпохи Тюркских каганатов Горный-10 (Северный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVI. Новосибирск, 2020. С. 603–610.

Серегин Н.Н., Степанова Н.Ф. Раннесредневековое одиночное погребение с конским снаряжением из Северного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVII. Новосибирск, 2021а. С. 642–649.

Серегин Н.Н., Степанова Н.Ф. «Элитное» детское погребение эпохи Тюркских каганатов из Северного Алтая // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2021б. №5. Закон природы и прихоти Средневековья. С. 335–344.

Серегин Н.Н., Тишин В.В., Степанова Н.Ф. Эфталитская монета из раннесредневекового комплекса Горный-10 (Северный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49, №4. С. 100–108.

Соенов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Археология и этнография. 1996. №3. С. 115–118.

Тишкин А.А., Семибратов В.П., Ситников С.М. Вторая находка раннего железного стремени из Алейской степи (северо-западные предгорья Алтая) // Теория и практика археологических исследований. 2018. №2 (22). С. 138–145.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998. 152 с.

Фрибус А.В., Грушин С.П. Всадники эпохи Тюркских каганатов на Северном Алтае (по материалам могильника Чумыш-Пережат) // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии. СПб., 2021. Сер. «Труды ИИМК РАН». Т. LVII. С. 339–354.

Фрибус А.В., Грушин С.П., Сайберт В.О., Трусова Е.В. Проблемы хронологии древних и средневековых комплексов могильника Чумыш-Пережат в Западном Присалаирье // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2018. С. 42–47.

Худяков Ю.С., Филиппович Ю.А. Средневековый панцирь из Южной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, №1. С. 104–111.

Шульга П.И., Горбунов В.В. Стремя раннего типа из Алейской степи // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 99–101.

Информация об авторе / Information about the Author

Вадим Владимирович Горбунов, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; доктор исторических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-4772-6373>, vadingorbunov67@mail.ru

Vadim V. Gorbunov, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave., 61; Doctor of History, Docent; <https://orcid.org/0000-0002-4772-6373>, vadingorbunov67@mail.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

РЕЗУЛЬТАТЫ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ КУРГАНА АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ №4 ИЗ МОГИЛЬНИКА ИНСКОЙ ДОЛ

Петр Константинович Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье представлены результаты радиоуглеродного датирования кургана №4 могильника Инской дол, расположенного в Краснощековском районе Алтайского края. Радиоуглеродное датирование осуществлялось в Аналитическом центре изотопных исследований Института мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения РАН (г. Томск). Калибровка радиоуглеродного возраста в календарный возраст произведена с помощью программы CALIB REV -8.2. В результате были получены следующие даты: по 1δ (68%) -3632–3099 BC; по 2δ (95%) -3937–2876 BC. Полученные даты для кургана №4 могильника Инской дол в целом соотносятся с результатами датирования других памятников афанасьевской культуры. В целом на основании результатов археологического и радиоуглеродного датирования курган №4 отнесен к началу III тыс. до н.э.

Ключевые слова: афанасьевская культура, радиоуглеродный анализ, Алтай, курган

Для цитирования: Дашковский П.К. Результаты радиоуглеродного датирования кургана афанасьевской культуры №4 из могильника Инской дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 128–133. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.20

RESULTS OF RADIOCARBON DATING OF THE AFANASIEVSKAYA CULTURE MOUND NO.4 FROM THE INSKOY DOL BURIAL GROUND

Petr K. Dashkovskiy

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article presents the results of radiocarbon dating of mound No. 4 of the Inskoy Dol burial ground located in the Krasnoshchekovsky district of the Altai Territory. Radiocarbon dating was carried out at the Analytical Center for Isotope Research of the Institute for Monitoring Climatic and Ecological Systems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk). Calibration of radiocarbon age to calendar age was performed using the CALIB REV -8.2 program. As a result, the following dates were obtained: according to 1δ (68%) -3632–3099 BC. by 2δ (95%) -3937–2876 BC. The dates obtained for burial mound No. 4 of the Inskoy Dol burial ground generally correlate with the results of dating other sites of the Afanasevo culture. In general, on the basis of the results of archaeological and radiocarbon dating, mound No. 4 is attributed to the beginning of the 3rd millennium BC.

Keywords: Afanasyev culture, radiocarbon analysis, Altai, mound

For citation: Dashkovskiy P.K. Results of Radiocarbon Dating of the Afanasyevskaya Culture Mound No. 4 from the Inskoy Dol Burial Ground // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 128–133. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.20

Памятники эпохи энеолита — раннего бронзового века Южной Сибири в последние годы все больше привлекают внимание исследователей (Ларин, 2005; Афанасьевский сборник, 2010; 2012; Кирюшин и др., 2010; Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014; Дашковский, 2019; Дашковский, Степанова, 2018; и др.). Во многом это связано с закономерным процессом накопления источниковой базы и возможностью современной археологии проводить комплексное, в т.ч. с применением методов естественных наук, изучение артефактов. Среди древних культур Хакасии, Алтая и прилегающих районов Западной Монголии особое значение придается изучению памятников афанасьевской культуры, в том числе результатам археологического и радиоуглеродного датирования объектов. В этой связи особую актуальность имеет получение новых результатов радиоуглеродного анализа курганов эпохи энеолита из горных районов Алтая, которые дают дополнительные основания для культурно-хронологических интерпретаций. Данная публикация посвящена результатам радиоуглеродного датирования кургана №4 из могильника Инской дол, относящегося к афанасьевской культуре.

Курганный могильник Инской дол был выявлен автором в 2010 г. в процессе изучения разновременных археологических памятников в пределах Чинетинского археологического микрорайона, расположенного в Краснощековском районе Алтайского края (Дашковский, 2013). Обнаружение памятника связано с целенаправленным обследованием южной части долины, в северной и центральной части которой ранее были выявлены и в значительной степени исследованы некрополи Чинета-II и Ханкаринский дол (Дашковский, 2023). Курганный могильник Инской дол расположен на второй надпойменной террасе в 2 км к юго-востоку-востоку от с. Чинета (Краснощековский район Алтайского края) на левом берегу р. Иня в южной части долины. В 0,8 км к северу от могильника Инской дол протекает р. Ханхара. В 0,7 км к юго-востоку от памятника находится фундамент от здания пионерского лагеря у края берега р. Иня. Курганы в пределах некрополя сосредоточены в трех местах. В частности, 17 курганов, относящихся к эпохе энеолита и скифо-сакскому периоду, находились в восточной части некрополя по обе стороны оврага, а также на небольшом елбане. Еще один объект скифо-сакского времени выявлен и исследован в 400 м к западу от предыдущей группы.

Результаты археологического изучения кургана №4 на могильнике Инской дол опубликованы (Дашковский, Степанова, 2018), поэтому ограничимся краткой характеристикой зафиксированных особенностей погребального обряда. Курган №4 обнаружен в южной части могильника. Диаметр каменной насыпи объекта с севера на юг — 9,75 м, а с запада на восток — 9,5 м. Насыпь сооружения сложена в 1–4 слоя из камней и достигала высоты 0,6 м. При этом кладка насыпи была очень плотной. После разбора каменной насыпи выявлена каменная кольцевая выкладка — крепиды из более крупных камней. Диаметр кольцевой выкладки 9,6 м, ширина 0,75–1 м. При разборе бровки в нижней ее части обнаружен орнаментированный фрагмент стенки керамического сосуда. После снятия бровки в центральной части кургана выявлена могила, которая имела размеры 1,8×1,23×0,91 м. Погребение оказалось сильно разрушенным, поэтому не пред-

ставляется возможным точно установить положение и ориентацию относительно сторон горизонта умершего человека. Основная масса костей скелета человека, в том числе фрагменты черепной коробки, зафиксирована у западной стенки могилы. Возможно, умерший был ориентирован головой на запад. Часть костей скелета обнаружена в центральной и северо-восточной части могилы. Фрагменты керамики обнаружены во всех частях могилы, что связано с разрушением погребения. В результате реставрации удалось восстановить фрагмент сосуда, который имел яйцевидную форму, без орнамента. Диаметр и высота его венчика 11 и 1,8 см соответственно, диаметр тулова до 14 см. Он не орнаментирован, но заглажен твердым предметом. Стенка сосуда из насыпи этого кургана украшена оттисками, аналогичными отпечаткам веревочки. Технико-технологический анализ керамики, проведенный по методике А.А. Бобринского, показал, что сосуд из кургана №4, так же как и из другого кургана афанасьевской культуры №5 того же могильника, изготовлен из ожелезненного среднепластичного глиноподобного сырья из разных источников, характерных для горной местности. В него введены шамот и органические добавки (Дашковский, Степанова, 2018). Шамот иногда добавляли при изготовлении афанасьевской керамики, однако его применение относится к угасающим традициям (Степанова, 2015).

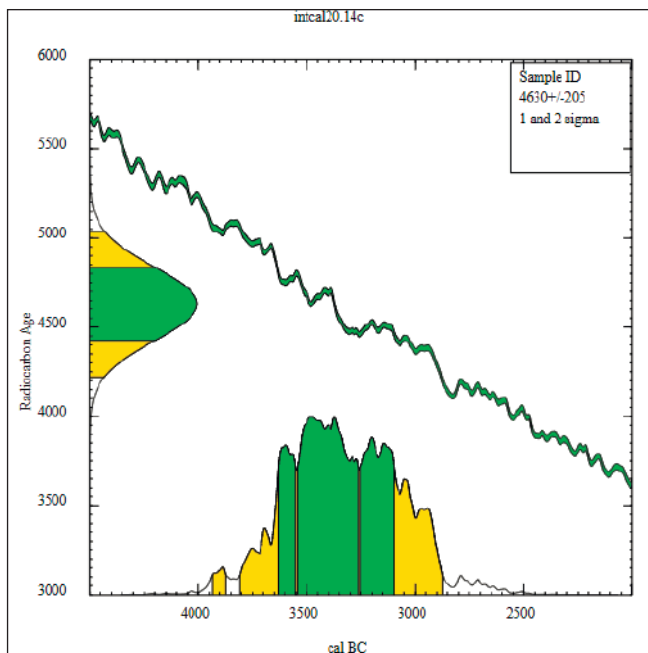
Сосуды без орнамента, но со следами заглаживания, как из кургана №4, известны в погребальных и поселенческих афанасьевских комплексах (Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, рис. 4.-4; 37.-1; 52.-11; 53.-14; и др.). Орнаментированный фрагмент стенки второго керамического сосуда также имеет аналогии в керамике афанасьевской культуры (Степанова, 2010а, б; Ларин, 2005; и др.).

Теперь обратимся к результатам радиоуглеродного анализа образца кости лошади из кургана №4 могильника Инской дол. Радиоуглеродное датирование осуществлялось в Аналитическом центре изотопных исследований Института мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения РАН (ИМКЭС СО РАН, г. Томск). Радиоуглеродный анализ проведен жидкостно-сцинтилляционным методом с помощью спектрометра-радиометра Quantulus. Полученные результаты представлены в таблице.

**Результаты радиоуглеродного анализа образца
из кургана №4 могильника Инской дол
The results of radiocarbon analysis of a sample
from mound No. 4 of the Inskoy Dol burial ground**

Лабораторный номер	Описание образца	Место отбора	Радиоуглеродный возраст (BP). Даты отсчитываются от 1950 г.	Календарный возраст (cal BC/AD)
ИМКЭС-14С2192	Кости человека	Курганный могильник Инской дол, могила №1, курган №4	4630±205	По 18 (68%) 3632–3099BC По 28 (95%) 3937–2876BC Средн. вероятн. значение -3349BC

Калибровка радиоуглеродного возраста в календарный возраст произведена с помощью программы CALIB REV -8.2 старшим научным сотрудником ИМКЭС СО РАН к.т.н. Г.В. Симоновой.

Интервалы калиброванного календарного возраста
Calibrated calendar age intervals

Несмотря на в определенной степени широкий диапазон дат, полученные данные существенно дополняют наши исследования по афанасьевской культуре. Следует отметить, что это вторая дата, которая получена радиоуглеродным методом для курганов эпохи энеолита могильника Инской дол. Ранее была получена радиоуглеродная дата для кургана №9 указанного памятника, который также относится к афанасьевской культуре (Дашковский, Степанова, 2018). В частности, было установлено, что время создания кургана №9 на могильнике Инской дол — 4255 ± 35 тыс. л.н. (UBA-26406). Определения были сделаны в лаборатории Центра $^{14}\text{CHRONO}$ по исследованию климата, окружающей среды и хронологии Королевского университета Белфаста, а калибровка даты была произведена А.В. Поляковым в Институте истории материальной культуры РАН в программе OxCal 4.2.4 с использованием калибровочной кривой Int Cal13. В результате получено, что курган №9 с вероятностью 95,4% был сооружен в период от 2922 до 2704 гг. до н.э. Результаты радиоуглеродного датирования для кургана №4, как и ранее для

объекта №9 некрополя Инской дол, в целом укладываются в хронологическое определение афанасьевской культуры (Поляков, 2010; Поляков, Святко, Степанова, 2017; Степанова, 2009; и др.).

Таким образом, полученные результаты радиоуглеродного анализа кургана №4 могильника Инской дол дали дополнительные основания для отнесения кургана к афанасьевской культуре и датирования его концом IV — началом III тыс. до н.э. Дальнейшее проведение радиоуглеродного датирования курганов афанасьевской культуры из могильника Инской дол позволит существенно дополнить материалы по хронологии памятников эпохи палеометалла Южной Сибири эпохи энеолита.

Список источников

Афанасьевский сборник: сборник научных статей / отв. ред. Н.Ф. Степанская, А.В. Поляков. Вып. I. Барнаул, 2010. 293 с.

Афанасьевский сборник 2: сборник научных статей / отв. ред. Н.Ф. Степанова, А.В. Поляков. Вып. II. Барнаул, 2012. 226 с.

Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул, 2014. 380 с.

Дашковский П.К. Археологическая разведка в Северо-Западном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы конференции. Вып. XVIII–XIX. Барнаул, 2013. С. 128–133.

Дашковский П.К. Курган эпохи палеометалла из могильника Ханкаринский дол (Горный Алтай) // Народы и религии Евразии. 2019. №3 (20). С. 19–33.

Дашковский П.К. Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: краткий путеводитель. Барнаул, 2023. 72 с. (Этнокультурные и религиоведческие исследования в Евразии. Вып. 6).

Дашковский П.К., Степанова Н.Ф. Инской дол — памятник эпохи ранней бронзы в Западном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. №1. С. 41–50.

Киришин Ю.Ф., Грушин С.П., Семибратов В.П., Тюрина Е.А. Афанасьевские погребальные комплексы средней Катунь (результаты исследований Катунской археологической экспедиции в зоне строительства и затопления Алтайской ГЭС в 2006–2007 гг.). Барнаул, 2010. 80 с.

Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдьяр-1. Барнаул, 2005. 208 с.

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 158–171.

Поляков А.В., Святко С.В., Степанова Н.Ф. Новые данные по радиоуглеродной хронологии памятников афанасьевской культуры Алтая // Труды V Всероссийского археологического съезда. Барнаул, 2017. Т. I. С. 62–66.

Степанова Н.Ф. Проблемы абсолютной и относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009. С. 154–159.

Степанова Н.Ф. Афанасьевская культура Горного Алтая и Енисей: погребальный обряд и керамика (сходство и различие) // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010а. С. 177–187.

Степанова Н.Ф. Особенности орнаментальных композиций афанасьевской керамики из погребальных комплексов Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2010б. Т. XVI. С. 307–311.

Степанова Н.Ф. Роль керамики в изучении афанасьевской культуры // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. М., 2015. С. 269–277.

Информация об авторе / Information about the Author

Петр Константинович Дашковский, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий кафедрой; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; доктор исторических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>, dashkovskiy@fpn.asu.ru

Petr K. Dashkovskiy, Altai State University, Department of Regional Studies of Russia of National and State-Confessional Relations, Head of the Department; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61; Doctor of Historical Sciences, Professor; <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>, dashkovskiy@fpn.asu.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 902.3:903.5(571.13)

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.21

КОЛЛЕКЦИЯ ПРЕДМЕТОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРИ АВАРИЙНО-СПАСАТЕЛЬНЫХ РАСКОПКАХ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА «БЫВШЕЕ КЛАДБИЩЕ БУТЫРСКОГО ФОРШТАДТА ОМСКОЙ КРЕПОСТИ» В Г. ОМСКЕ В 2018–2019 гг.

Максим Юрьевич Здор, Дмитрий Николаевич Павлов

Омский научный центр СО РАН, Омск, Россия

Резюме. В мае 2018 г. при обследовании земельного участка под строительство жилого дома, расположенного в Центральном административном округе г. Омска, сотрудниками ЛИКЭ ОНЦ СО РАН был обнаружен культурный слой, относящийся к кладбищу Бутырского форштадта г. Омска. В 2018 и 2019 гг. были проведены аварийно-спасательные раскопки. Данная статья посвящена результатам исследования коллекции крестов-тельников, собранных при проведении работ, а также прочих предметов, полученных при раскопках. Среди прочих предметов особый интерес представляет сохранившийся в погребении военный мундир, разбор и исследование которого идет в настоящий момент. Статья представляет интерес для исследователей городских кладбищ XIX в., а также для исследователей русского медного литья.

Ключевые слова: Омск, археология, кресты-тельники, городские кладбища, Новое время

Благодарности: работа выполнена по государственному заданию Омского научного центра СО РАН (проект №121022000112-2).

Для цитирования: Здор М.Ю., Павлов Д.Н. Коллекция предметов, полученных при аварийно-спасательных раскопках грунтового могильника «Бывшее кладбище Бутырского форштадта Омской крепости» в г. Омске в 2018–2019 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 133–141. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.21

**COLLECTION OF ITEMS, RECEIVED DURING EMERGENCY
RESCUE EXCAVATIONS OF THE BURIAL GROUND
“THE FORMER CEMETERY OF THE BUTYRSKY FORSTADT
OF THE OMSK FORTRESS” IN OMSK IN 2018–2019**

Maksim Yu. Zdor, Dmitry N. Pavlov
Omsk Scientific Center SB RAS, Omsk, Russia

Abstract. In May 2018, when examining a land plot for the construction of a residential building located in the Central Administrative District of Omsk, the employees of the LHKE ONC SB RAS discovered a cultural layer belonging to the cemetery of Butyrsky Forstadt in Omsk. In 2018 and 2019, emergency rescue excavations were carried out. This article is devoted to the results of the study of the collection of cross pendants during the work, as well as other objects obtained during excavations. Among other items, a military uniform preserved in the burial is of particular interest, the analysis and study of which is currently under way. The article is of interest to researchers of urban cemeteries of the 19th century, as well as to researchers of Russian copper casting.

Keywords: Omsk, archaeology, crosses, city cemeteries, Modern times

Acknowledgments: the work was carried out according to the state task of the Omsk Scientific Center SB RAS (project No. 121022000112-2).

For citation: Zdor M.Yu., Pavlov D.N. Collection of Items, Received during Emergency Rescue Excavations of the Burial Ground “The Former Cemetery of the Butyrsky Forstadt of the Omsk Fortress” in Omsk in 2018–2019 // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 133–141. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.21

Кладбище Бутырского форштадта занимало территорию в квадрате современных улиц Гусарова, Чернышевского, Рабиновича и Центрального переулка. Территория под него была выделена и начала осваиваться на рубеже XVIII и XIX в. В середине XIX в. кладбище было закрыто, и к концу столетия его территория стала пустырем. В начале XX в. территория кладбища начала застраиваться: возведена Богородице-братская церковь, организована рекреационная территория. В начале Великой Отечественной войны территория была отдана под размещение корпусов эвакуированного завода им. Г.Н. Козицкого (сейчас ОАО «ОПЗ им. Козицкого») (Омский некрополь..., 2005, с. 31). В начале XXI в. участки территории завода начали распродаваться, в частности весной 2018 г. часть территории завода была выкуплена под строительство жилого дома (Корусенко и др., 2021, с. 47–53).

В мае 2018 г. при обследовании земельного участка, расположенного на улице Чернышевского в ЦАО г. Омска, сотрудниками ЛИКЭ ОНЦ СО РАН был обнаружен культурный слой, относящийся к кладбищу Бутырского форштадта Омской крепости (далее Бутырское кладбище) (Павлов, Черенкова, 2019, с. 382–385). В 2018–2019 гг. были проведены аварийно-спасательные раскопки участков кладбища, попадающих под жилищную застройку (Черенкова, 2019; 2021; Здор, 2021). В результате проведенных работ изучено 98 захоронений, получена коллекция нательных крестов в количестве 48 экземпляров, две бусины красного стекла, две костяные пуговицы, мундир, трехстворчатый складень и наперстный крест. Три креста находятся в очень пло-

хом состоянии, что не позволяет установить их тип. Получена информация по погребальному обряду русского городского населения конца XVIII — середины XIX в. Также был получен обширный антропологический материал, в том числе со следами посмертного вскрытия черепа.

В данной статье представлены результаты типологического анализа крестов-тельников, обнаруженных на Бутырском кладбище, и соотнесения нашей коллекции с опубликованными материалами двух аналогичных памятников, наиболее географически близких Бутырскому кладбищу: кладбище Илимского острога (Молодин, 2007) и грунтовый могильник Изюк-I (Татаурова, 2010) — для выявления возможных отличий между городскими и сельскими кладбищами.

В отечественной науке широкое распространение получили типологии крестов-тельников Э.П. Винокуровой и В.И. Молодина, охватывающие в том числе кресты-тельники с XV до XX вв. Типология Э.П. Винокуровой (1999, с. 326–360) основывается на четырех показателях: форма ветвей, форма средокрестия, количество и пропорциональное соотношение ветвей. В типологии В.И. Молодина (2007) также используются четыре показателя, но их выявленные соотношения имеют более разветвленную структуру, что дает более детальную картину. Например, тип 1 подтип 1 и тип 1 подтип 2 по В.И. Молодину укладываются в тип 1 подтип 1 по Э.П. Виноградовой, так как имеют четыре одинаковых основных признака, однако их основания сильно отличаются по ширине, что позволяет разделить кресты на два подтипа. Поэтому для исследования коллекции крестов-тельников с Бутырского кладбища была использована типология В.И. Молодина, так как она более подробна, а коллекция, собранная при раскопках Илимского острога, лучше соотносится с нашей коллекцией и ближе к ней по хронологии.

В соответствии с типологией В.И. Молодина кресты с кладбища Бутырского форштадта представлены следующими типами.

Тип 1. Подтип 1

Получено 15 экземпляров, что составляет 34,09% от общего количества крестов. Концы и углы средокрестия прямые. Оглавие фигурное. Лицевая сторона изделия по периметру оконтурена тонким рельефным валиком. В центре ее выпуклым рельефом выполнен восьмиконечный крест на Голгофе. По бокам от креста расположены копьё и трость с губкой. В верхней части креста, под оглавием, а также на оконечностях горизонтальных лучей и на самих лучах выпуклым рельефом выполнены комплексы надписей-аббревиатур. Обратная сторона крестов по периметру оконтурена рельефным валиком. Вся свободная площадь занята надписью. На трех экземплярах зафиксированы следы голубой эмали. Подобные кресты О.С. Куколевская (1994, с. 373–385) считает старообрядческими. Кресты из Средней Сибири, подобные охарактеризованным, Н.Н. Исаева (1996, с. 39–42) называет «мужскими» и относит к XVI–XIX вв.

Тип 1. Подтип 2

Получено 11 экземпляров, что составляет 25% от общего количества крестов. Углы средокрестия и концы крестов прямые. Форма креста простая. Огла-

вие простое. Лицевая сторона изделия по периметру оконтурена тонким рельефным валиком. В центре ее выпуклым рельефом выполнен восьмиконечный крест на Голгофе. По бокам от креста расположены копье и трость с губкой. В верхней части креста, под оглавием, а также на оконечностях горизонтальных лучей и на самих лучах выпуклым рельефом выполнены комплексы надписей-аббревиатур. Обратная сторона крестов по периметру оконтурена рельефным валиком. Вся свободная площадь занята надписью. От типа 1 подтипа 1 отличаются меньшей свободной площадью между изображениями и более выпуклым рельефом.

В отличие от подобных крестов с Илимского острога, имеющих множество вариантов оформления, кресты Бутырского кладбища отличаются друг от друга только габаритами и относятся к варианту 3, подварианту 1. Подобные кресты датируются второй половиной XVII — XVIII вв. (Даркевич, Пуцко, 1981, с. 218–232) и использовались как в обычной, так и в старообрядческой среде (Станюкович, 1987, с. 19–20).

Тип 4. Подтип 2

Получен один экземпляр, что составляет 2,27% от общего количества крестов. Углы средокрестия прямые. Из них исходят осложненные дугой-венком (волютой) лучи. Из центра каждой волюты исходит луч. Лучи имеют вид объемных овалов, увенчанных маленькими шишечками. В центре креста выпуклым рельефом выполнен восьмиконечный крест на Голгофе. По бокам от креста расположены копье и трость с губкой. На оконечностях лопастей выделены подквадратные зоны, содержащие надписи. По периметру изображение оконтурено завитками. Обратная сторона оконтурена рельефным валиком с вписанным в него текстом.

Данный крест полностью аналогичен кресту 2 варианта типа 4 подтипа 2 из коллекции Илимского острога. Кресты этого типа датируются XVII–XVIII вв. (Молодин, 2007, с. 54).

Тип 5. Подтип 1

Обнаружено шесть экземпляров, что составляет 13,64% от общего количества крестов. У двух крестов оглавие фигурное, у четырех — простое. Четырехконечный крест обрамлен венком, выполненном в виде растительного узора. Лицевая сторона этого креста по периметру оконтурена тонким рельефным валиком. В центре креста выпуклым рельефом выполнен восьмиконечный крест на Голгофе. По бокам от креста расположены копье и трость с губкой. В верхней части креста, под оглавием, а также на оконечностях горизонтальных лучей и на самих лучах выпуклым рельефом выполнены комплексы надписей-аббревиатур. Обратная сторона изделия по периметру оконтурена рельефным валиком. Венки, обрамляющий крест, покрыт растительным орнаментом. Всю свободную площадь креста занимает надпись.

Данные кресты аналогичны крестам типа 5 подтипа 1 варианта 3 подварианта 2 из коллекции Илимского острога. Кресты этого типа датируются XVII–XIX вв. Подобные кресты бытовали у старообрядцев вплоть до XX в. и относятся к «женским» крестам (Об истории литейного дела..., 1993, с. 155–161).

Тип 6. Подтип 1

Обнаружено пять экземпляров, что составляет 9,09% от общего количества крестов. Лопасты расширяются от средокрестия к оконечностям. Торцы оконечностей прямые. Лицевая сторона изделия по периметру околнтурена тонким рельефным валиком. В центре ее выпуклым рельефом выполнен восьмиконечный крест на Голгофе. По бокам от креста расположены копые и трость с губкой. В верхней части креста, под оглавием, а также на оконечностях горизонтальных лучей и на самих лучах выпуклым рельефом выполнены комплексы надписей аббревиатур. Два креста данного типа имеют гладкую оборотную сторону; на оборотной стороне одного расположен текст; еще один крест отнесен к этому типу по форме лопастей, лицевая и обратная сторона сильно коррозированы.

Данный тип крестов датируется XVIII–XIX вв. (Молодин, 2007, с. 64).

Тип 7. Подтип 2

Обнаружено пять экземпляров, что составляет 11,36% от общего количества крестов. Лопасты расширяются от средокрестия к оконечностям, оконечности у трех крестов заострены, у двух — закруглены. Лицевая сторона изделия по периметру околнтурена тонким рельефным валиком. В центре ее выпуклым рельефом выполнен восьмиконечный крест на Голгофе. По бокам от креста расположены копые и трость с губкой.

Четыре креста отнесены к этому типу по форме лопастей, лицевая и обратная сторона не читаемы из-за сильной коррозии предмета. Пятый крест близок одновременно к крестам вариант 1 подвариант 5 и вариант 2 подвариант 1 из коллекции Илимского острога, но имеет отличия: под оглавием изображен кубок, помещенный в перевернутую трапецию с отсутствующим основанием. Изображение кубка близко к изображению кубка на варианте 1, подварианте 1 и варианте 1 подварианте 2 из коллекции Илимского острога, но имеет отличие в виде вышеупомянутой трапеции. На оконечностях горизонтальных лопастей расположены фигуры, напоминающие цветы с 12 лепестками, аналогичные изображения присутствуют на кресте вариант 1 подвариант 5. Нижняя лопасть оканчивается несколькими горизонтальными полосами, расположенными за нижней частью креста, что аналогично изображению на кресте вариант 2 подвариант 1. Обратная сторона покрыта рельефным изображением в виде растительного орнамента, что близко к кресту вариант 2 подвариант 4 из коллекции Илимского острога, но в отличие от него рисунок выполнен не линией или контуром, а заполненной фигурой. Кроме того, на оборотной стороне креста с Бутырского кладбища нет изображений орудий Страстей Господних, которые фиксируются на большинстве крестов типа 7, подтипа 2 из коллекции Илимского острога.

Складень

В могилу №45 вместо креста был помещен трехстворчатый складень. Предмет литой, латунный, подпрямоугольной формы, размеры: высота — 6,5 см, ширина — 4,9 см, толщина — 0,1 см. В центральную часть складня помещена икона «Богоматерь Оранта (Знамение)». Слева и справа от головы

Богоматери видны крупные буквы МР и ФУ под титлами, обозначающие греческий вариант написания «Матерь Бога» — ΜΗΤΗΡ ΦΕΟΥ (Митир Фиу). Буквы украшены простым геометрическим узором: сверху полукругами, линиями и точками; снизу — зигзагообразными линиями. Навершие складня представляет собой выдающийся вверх плоский прямоугольник с образом Спаса Нерукотворного. Композиция оглавия чуть утоплена относительно каймы. Обратная сторона навершия содержит сохранившееся ушко для крепления складня на одежде или в киоте. Левая и правая створки артефакта содержат 12 поясных образов предстоящих святых подвижников и архангелов. Подобные предметы имели широкое распространение в XIX в.¹

Наперсный крест

Наперсный крест был обнаружен в могиле №40. Представляет собой крестообразную основу с рельефным изображением и петлей для продевания нити в верхней части обратной стороны. Основа прямая, торцы перекалдин прямыми. В центре изображения расположено распятие. По бокам от вертикальной перекалдины креста — копьё и трость. Под крестом расположен квадрат с точкой в центре, символизирующий Голгофу с пещерой и головой Адама. Над крестом — изображение голубя, по бокам от него изображения ангелов. Над ними изображение Бога. Изнаночная сторона гладкая. Подобные кресты с начала XIX в. стали регулярно жаловаться из Кабинета Е.И.В. на цепочке или на Георгиевской ленте, в том числе с драгоценными украшениями. С начала XIX в. наперсный крест становится наградой и для игумений — настоятельниц монастырей, к концу XIX в. начинают награждаться крестом монахини. Реверс наперсного креста для женщин не имеет надписей. На протяжении XIX — начала XX в. постепенно распространяется практика «подношения» священнослужителям наперсных крестов от офицеров полка, разных обществ, прихожан и т.п. Наличие поднесенного креста до 1881 г. считалось наградой и записывалось в «послужные списки» духовенства (Капков, 2012, с. 120–132). В XIX — начале XX в. также возникла интересная практика выдавать священникам кресты в соответствии с ученой степенью, которую они имели. Крест наперсный при этом полагался докторам наук. Наличие данного креста в могиле указывает на то, что погребенный при жизни имел сан священнослужителя. Интересным обстоятельством является отсутствие в могиле креста-тельника, так как ношение наперстного креста не отменяло ношение креста, выдаваемого при крещении.

Сравнение коллекций крестов, полученных из раскопок Бутырского кладбища, кладбища Илимского острога и могильника Изюк-1, показало следующую картину: самыми распространенными крестами на всех трех памятниках являются кресты типа 1. Количество крестов типа 1, обнаруженных на Бутырском кладбище и на могильнике Изюк-1, выше, чем на кладбище Илимского острога (59,09% и 65,11% против 31,6%). При этом на кладбище Илимского острога и на могильнике Изюк-1 основную массу крестов типа 1 составляет подтип 2, в то время как на Бутырском кладбище основную массу составляет

¹ Меднолит: каталог русской старины и украшений. URL: <https://mednolit.com/>

подтип 1. Также количество крестов типа 5 подтипа 1, обнаруженных на Бутырском кладбище и на могильнике Изюк-I, выше, чем на кладбище Илимского острога (13,64% и 19,79% против 5,12%). Крестов типа 6 подтипа 1, обнаруженных на Бутырском кладбище и на кладбище Илимского острога, больше, чем на могильнике Изюк-I (9,09% и 3,72% против 0,52%). Крестов типа 7 подтипа 2, обнаруженных на Бутырском кладбище и на кладбище Илимского острога, больше, чем на могильнике Изюк-I (11,36% и 13,95% против 4,17%). Следует принять во внимание, что проводилось сравнение только тех типов и подтипов крестов, которые были обнаружены на Бутырском кладбище.

Пуговицы

В могилах №11 и №33А были обнаружены костяные пуговицы, по одной в каждом захоронении. Обе пуговицы располагались на тазовых костях и, вероятнее всего, относятся к штанам.

Пуговица из могилы №11: диаметр — 14 мм, толщина — 2,5–3 мм, диаметр отверстия — 2,5 мм, вес — 0,49 г, костяная, круглая, плоская. Выделение лицевой и изнаночной стороны невозможно в связи с одинаковой обработкой обеих сторон. На поверхности фиксируются следы резца, представляющие собой концентрические круги. Характер следов и их расположение указывает на то, что данная пуговица была изготовлена на станке.

Пуговица из могилы №33А: диаметр — 14,5 мм, толщина — 2,5 мм, диаметр отверстий — 2 мм, вес — 0,75 г, костяная, круглая, плоская. На лицевой стороне круглое углубление диаметром 8,5 мм и глубиной 0,3 мм. В центре имеется отверстие. Еще три отверстия расположены в краях углубления. Отверстия расположены треугольником с вытянутой вершиной. Край лицевой стороны закруглен и заполирован. Обратная сторона имеет следы грубой обработки резцом с дальнейшей полировкой.

Мундир и сапоги

Мундир обнаружен в могиле №48Б. Извлекался методом снятия на жесткую основу (метод монолита) с последующей фиксацией для перевозки в лабораторию. Мундир снимался вместе с фрагментом костяка от черепа до поясничного позвонка L_v включительно. Так как дно гроба сохранилось относительно хорошо и могло выдержать вес костяка, дополнительный слой грунта под гробом не брался. После того как костяк оказался на основе, была проведена биоцидная обработка 5%-м раствором катамина АБ в воде. Сапоги были сняты по аналогичной методике. В настоящее время в лаборатории Омского научного центра производится разбор и очистка мундира. Разборка проводится по швам. Из разных частей монолита взяты пробы тлена и фрагменты мумифицированной кожи для анализа ДНК. На данный момент удалось установить, что мундир был однобортный, с вшивными погонами, фрачного типа, длина фалд равна длине спинки, застегивался на девять пуговиц диаметром по 22 мм. Фалды были сложены втрое и помещены под спину погребенного. На плечах зафиксированы погоны с цифрами 23. На поясице расположены две пуговицы. Цвет погон и ткани мундира в настоящее время не установлен.

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод, что основная масса крестов, собранных при раскопках Бутырского кладбища, — изделия типовые. Особый интерес представляет один из крестов, относящийся к типу 7 подтипу 2, так как изображения, расположенные на нем, встречаются крайне редко. Можно также предполагать, что кресты типа 1 подтипа 2 были больше распространены в городах. Захоронение №40 представляет особый интерес благодаря обнаружению наперного креста, указывающего на статус погребенного.

Обе пуговицы представляют собой образец кустарного производства. Типологически и хронологически близки к пуговицам, производившимся в европейской части Российской империи в начале XIX в. (Янишевский Б.Е., Янишевский О.Б., 2015).

Дальнейшее изучение мундира из погребения №48Б позволит идентифицировать чин, ведомственную принадлежность и, возможно, личность погребенного.

Список источников

Винокурова Э.П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы XVII в. М., 1999. С. 326–360.

Даркевич В.П., Пуцко В.Г. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978 гг.) // СА. 1981. №3. С. 218–232.

Здор М.Ю. Отчет о проведении охранно-спасательных археологических работ на территории выявленного объекта культурного наследия «Грунтовый могильник «бывшее кладбище Бутырского форштадта Омской крепости» в зоне строительства многоквартирного жилого дома, строение №1 по ул. Чернышевского в г. Омске в 2019 г. // Архив Музея народов Сибири. Ф. VII-4, Диск №6 — 2021.

Исаева Н.Н. Русское медное художественное литье XVI–XX вв. Приенисейский регион: сводный каталог. Красноярск, 1996. 330 с.

Капков К.Г. Священники — кавалеры Императорского Военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия. М., 2012. 868 с.

Корусенко М.А., Герасимов Ю.В., Здор М.Ю., Павлов Д.Н. Исторические некрополи г. Омска — опыт изучения и сохранения // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2021. Вып. XXVII. С. 47–53.

Куколевская О.С. Медное художественное литье Красноярской волости Костромской губернии конца XIX — начала XX в. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1993. М., 1994. С. 373–385.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск, 2007. 248 с., ил.

Об истории литейного дела икон и крестов меднолитейного заведения Серова Петра Яковлевича, село Красное Костромской области: Из тетради красносельского литейного мастера А.П. Серова (1899–1974) // Русское медное литье. М., 1993. Вып. 2. С. 155–161. Омский некрополь. Исчезнувшие кладбища. Омск, 2005. 232 с.

Павлов Д.Н., Черенкова С.В. Результаты предварительных исследований Бутырского кладбища как объекта археологического наследия Омска XVIII — второй трети XIX вв. // Пятое Ядринцевские чтения. Омск, 2019. С. 382–385.

Станюкович А.К. Итоги изучения могильника в Калужском Бору // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1987. С. 19–20.

Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. По материалам комплекса Изюк-1. Омск, 2010. 284 с., ил.

Черенкова С.В. Отчет о проведении историко-культурного обследования в зоне строительства многоквартирных домов по ул. Чернышевского, г. Омск, мостовых

переходов и а/д в Тевризском и Большереченском районах, а/д в Тюкалинском, Русско-Полянском, Павлоградском районах Омской области в 2018 г. // Архив Музея народов Сибири. Ф. VII-4, Диск №3 — 2019.

Черенкова С.В. Отчет о проведении охранно-спасательных археологических раскопок на территории выявленного объекта культурного наследия «Грунтовый могильник «Бывшее кладбище Бугьрского форштадта Омской крепости» в зоне строительства многоквартирного жилого дома, строение №1 по ул. Чернышевского в г. Омске в 2018 г. // Архив Музея народов Сибири. Ф. VII-4, Диск №7 — 2021.

Янишевский Б.Е., Янишевский О.Б. Костяные пуговицы из раскопок в селе Боудино // Археология Подмосковья. 2015. №11. С. 536–538.

Информация об авторах / Information about the Authors

Максим Юрьевич Здор, Омский научный центр СО РАН, сектор методов исследования проблем развития регионов, ведущий инженер; 644024, Россия, г. Омск, пр-т Карла Маркса, 15; магистр; <https://orcid.org/0000-0002-1842-101X>, m-zdor@yandex.ru

Maksim Yu. Zdor, Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Sector of Methods in Researching Problems of the Development of Regions, Lead Engineer; 644024, Russia, Omsk, Marx avenue, 15; master; <https://orcid.org/0000-0002-1842-101X>, m-zdor@yandex.ru

Дмитрий Николаевич Павлов, Омский научный центр СО РАН, сектор методов исследования проблем развития регионов, ведущий инженер; 644024, Россия, г. Омск, пр-т Карла Маркса, 15; магистр; <https://orcid.org/0000-0002-2676-9841>, nvp-omsk@mail.ru

Dmitry N. Pavlov, Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Sector of Methods in Researching Problems of the Development of Regions, Lead Engineer; Russian Federation, Omsk, 644024, Marx avenue, 15; master; <https://orcid.org/0000-0002-2676-9841>, nvp-omsk@mail.ru

Статья принята к публикации 03.04.2023.

The article approved after reviewing 03.04.2023.

Научная статья / Article

УДК: 903.5:737.1

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.22

«ДАР ХАРОНУ»: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРСИДСКИХ МОНЕТ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ МОГИЛЬНИКА СВЯЩЕННАЯ КЕДРОВАЯ РОЩА

Олег Викторович Кардаш¹⁻³, Александр Викторович Шмидт⁴

¹*Сургутский государственный университет, Сургут, Россия*

²*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия*

³*Институт археологии Севера, Нефтеюганск, Россия*

⁴*Музей Природы и Человека, Ханты-Мансийск, Россия*

Резюме. Могильник IV–VII вв. Священная Кедровая Роща расположен на севере Западной Сибири. В ходе его исследований в 2016 г. среди поминальных подношений обнаружены две персидские серебряные драхмы, отчеканенные при шахиншахе Хоррове II Парвизе. На первой монете на аверсе нацарапана летящая птица, на реверсе изображен человек со «сверхъестественными» способностями. На второй драхме

прорисованы священные животные: птицы (аверс) и змеи с одной и двумя головами (реверс). Сюжеты, изображенные на монетах, находят прямые аналогии в современном мифологическом воззрении обских угров. Драхмы обнаружены рядом со жреческим(?) погребением, на одной с ним глубине. Монеты погребли так же, как людей на могильнике: завернутыми в мех и бересту.

Ключевые слова: драхмы, поминальный комплекс, мифология обских угров, священные животные

Для цитирования: Кардаш О.В., Шмидт А.В. «Дар Харону»: использование персидских монет в погребальной практике могильника Священная Кедровая Роща // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 141–146. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.22

“GIFT TO CHARON”: THE USE OF PERSIAN COINS IN THE FUNERAL PRACTICE OF THE BURIAL GROUND “SACRED CEDAR GROVE”

Oleg V. Kardash^{1,2,3}, Alexandr V. Shmidt⁴

¹Surgut State University, Surgut, Russia

²Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

³Institute of Archaeology of the North, Nefteyugansk, Russia

⁴Museum of Nature and Human, Khanty-Mansiysk, Russia

Abstract. The “Sacred Cedar Grove” burial ground of the 4th —7th centuries “Sacred Cedar Grove” is located in the north of Western Siberia. In 2016, two Persian silver drachmas minted under Shahinshah Khosrow II Parviz were found among the sacrificial offerings. On the first coin, a flying bird is scratched on the obverse, and a man with “supernatural” abilities is depicted on the reverse. The second drachma depicts sacred animals: birds (obverse) and snakes with one and two heads (reverse). The plots on the coins find direct analogies in the modern mythology of the Ob Ugrians. The drachmas were found next to the burial of the priest (?), at the same depth with him. The coins were buried in the same way as people on the burial ground — wrapped in fur and birch bark.

Keywords: drachmas, sacrificial complex, mythology of the Ob Ugrians, sacred animals

For citation: Kardash O.V., Shmidt A.V. “Gift to Charon”: the Use of Persian Coins in the Funeral Practice of the Burial Ground “Sacred Cedar Grove” // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 141–146. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.22

Священная Кедровая Роща — уникальный археологический комплекс, расположенный в лесном массиве на восточном берегу озера Сырковый Сор, к западу от жилой застройки поселка Салым (Нефтеюганский район Ханты-Мансийского автономного округа — Югры). Объект «известен» с 1911 г. как действующее (на тот момент) языческое святилище. В 1993 г. его следы, но уже в археологизированном виде, были обнаружены в рамках археологической разведки под руководством В.А. Арефьева (1994). В 2013 г. к изучению территории памятника приступает экспедиция АНО «Институт археологии Севера» под руководством одного из авторов данной статьи. Исследования подтвердили наличие святилища, непрерывно действовавшего в лесном массиве с XII–XIII вв. до середины XX в. В 2015 г. в ходе раскопок здесь удалось выявить средневековый

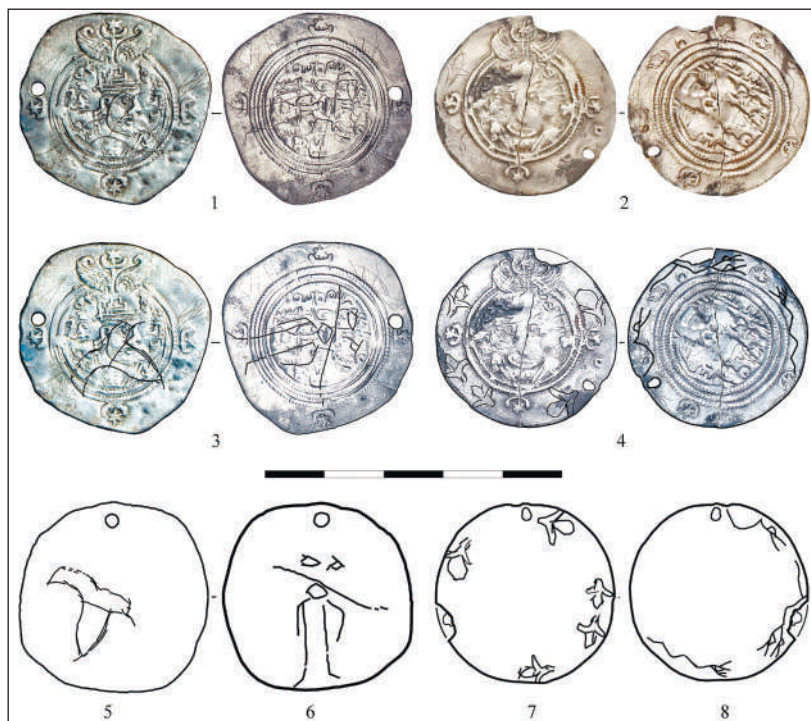
могильник зеленогорской археологической культуры, датируемый концом IV — VII в. Всего за пять полевых сезонов в период с 2013 по 2019 г. на памятнике вскрыто 1071 м², изучено 54 захоронения (Кардаш, Слесаренко, Родин, 2021).

На могильнике Священная Кедровая Роща все усопшие захоронены по единому погребальному обряду: в неглубоких ямах (0,2–0,4 м от современной поверхности), вытянуто на спине, без строгого соблюдения ориентации по сторонам света. Умершего одевали в меховые одежды и укладывали в берестяной короб. Анализ сопроводительного инвентаря позволяет разделить погребения знати и рядовых общинников.

С могильником связан обширный поминальный комплекс. Это предметы, зафиксированные в межмогильном пространстве на уровне погребений: наконечники стрел, ножи, керамические сосуды или их фрагменты, украшения из бронзы и стекла и т.п. Вполне вероятно, что эти подношения могли носить «адресный характер». Так, например, близ богатого захоронения женщины обнаружен комплекс дорогих украшений из бронзы и цепочки стеклянных бус. Еще одно, вероятно, адресное подношение мы решили разобрать более детально. Это две серебряные драхмы, отчеканенные в Персии в период правления Хосрова II.

Хосров II Парвиз (Победоносный) — шах Ирана с 591 по 628 г., последний великий правитель из династии Сасанидов. Борьбу за власть начал после смерти своего отца — шаха Хормизда IV, погибшего в 590 г. в результате заговора сторонников династии Аршакидов. При господстве Хосрова II империя Сасанидов достигает своих максимальных размеров. В 603 г. он развязывает войну против Византии и к 607 г. завоевывает всю византийскую Месопотамию. С 604 г. правит обширными регионами в Малой Азии и Сирии. В период с 605 по 613 г. он занимает Эдессу, Амиду, Алеппо, Антиохию, Дамаск и Таре. В короткий срок под власть персов перешли Финикия, Армения, Каппадокия, Палестина, Галатия и Пафлагония. В 614 г. шахиншах (царь царей) захватывает Иерусалим и переносит Святой крест в Ктесифон. В 619 г. подчиняет себе Египет. Но в 623–624 гг. в Малой Азии и Закавказье персы потерпели от Византии несколько ощутимых поражений. Хосров II был свергнут и убит своим сыном Широю в время мятежа знати в 628 г. (Византийский словарь, 2011, с. 471–472; Гюиз, 2007, с. 326–327).

Драхма №1 (рис. -1). На аверсе изображен портрет правителя (правый профиль), увенчанного крылатой короной со звездой и полумесяцем. Внутри двойного точечного ободка справа от портрета надпись на среднеперсидском языке (пехлеви) имя правителя «Хосров» («hwsłwb»). Слева — благопожелательная формула — GDH «pzwłt», что может означать «Победа в расширении территории». На реверсе изображен алтарь огнепоклонников и стоящие по бокам от него стражи, опирающиеся на длинные мечи. Внутри тройного точечного ободка справа выбито обозначение монетного двора — ART — Ардашир-Хурра в Парсе. Слева — дата правления: rncswyst — 27 год правления царя Хосрова II, что соответствует 617–618 гг. По отношению к аверсу реверс развернут влево (против часовой стрелки) на 90°.

Персидские драхмы с могильника Священная Кедровая Роща
 Persian drachmas from the burial ground "Sacred Cedar Grove"

Вторая драхма почти полностью повторяет предыдущую монету (рис.-2). Отличия только в месте чеканки — монетный двор АУ — Эран-Хварра-Шапур (т.е. Сузы в Южном Иране, Хузистане) и дате выпуска — 4 год правления царя Хосрова II, что соответствует 594–595 гг. Соотношение аверса и реверса медальное — поворот 0° (год выпуска и монетный двор определил Александр Никитин).

Оказавшись далеко за пределами зоны хождения, персидские драхмы как денежная единица утратили свое изначальное предназначение. Для местного населения они стали дисками из серебра, а серебро в представлении обских угров — самая желанная жертва богам. При этом на обеих монетах с краю оформлены отверстия, предположительно для подвешивания, и на царяпаны изображения, имеющие, по всей видимости, сакральное значение (рис.-3, 4). Авторы критически подошли к этому моменту, так как каждая монета, прошедшая обращение, всегда имеет множество царяпин, возникающих от соприкосновения с различными поверхностями. Как правило, такие повреждения неглубокие, нанесены хаотично, их края сглажены. Сакраль-

ные символы прочерчены острым инструментом, поэтому они значительно глубже утилитарных царапин, а зачастую просто перерезают их. Некоторые линии усилены двойным-тройным нажатием. Еще они могут прерываться, что обусловлено рельефной поверхностью монеты. Все это хорошо заметно при многократном увеличении.

На первой драхме на аверсе, если разместить монету отверстием вверх, нанесена фигура, напоминающая, по общему мнению, птицу, летящую вправо. Орнитоморфное изображение выполнено поверх портрета шахиншаха (рис.-5). На реверсе «горизонтальная» черта делит диск монеты на две половины: под чертой — схематическое изображение человека в полный рост; поверх черты — два «ромбических» символа, напоминающих глаза (рис.-6). По мнению нашего консультанта, к.и.н., носителя традиционной культуры народа ханты Тимофея Молданова, так могли изобразить человека со сверхъестественными способностями, обладающего «дополнительным» зрением. Здесь, вероятно, речь идет о шамане. Орнитоморфная фигура с аверса, видимо, символизирует душу усопшего, отправляющуюся в виде птицы в Верхний мир для дальнейшего перерождения.

На второй драхме иной принцип расположения рисунков. Центр оставили нетронутым, граффити нанесены по краям монеты, на широких гладких полях. На аверсе процарапаны пять летящих птиц, четыре из которых ориентированы друг за другом против часовой стрелки. Еще одна летит им навстречу (рис.-7). На реверсе изображены три змеи: две с двумя головами, третья — с одной. В сумме они имеют пять голов. Двигутся хтонические существа навстречу друг другу: две змеи (одноголовая и двухголовая) по часовой стрелке, третья — против часовой (рис.-8). Число пять (пять птиц, пять голов у змей) в данном случае неслучайно. По верованиям северных хантов, мужчины имеют пять душ (или проявлений души), женщины — четыре. На монете присутствует два отверстия, и если ее подвешивали, то круговое расположение рисунков не дает однозначного ответа, какому из отверстий отдавалось предпочтение.

Сюжеты, изображенные на второй драхме, взаимосвязаны и напрямую соотносятся с мифологическими воззрениями обских угров, согласно которым окружающая вселенная представляет собой Мировое древо — мир Богов (крона), мир земной (ствол), загробный мир (корневая система). Птица и змея являются священными животными. Птица обитает в кроне Мирового дерева и по просьбе шамана может разговаривать с богами. Змея — хранительница земных тайн, живет у его корней. Оба этих животных выступают помощниками шамана (Петрухин, 2005, с. 350).

Видимо, рисунки на первой драхме также можно рассматривать как единую композицию — шаман, приготовившийся к реинкарнации. Таким образом, серебряные монеты/диски с изображениями — это послание богам, повествующее о мужчине со сверхъестественными способностями, которому необходимо переродиться.

В 2,2 м от драхм на одной с ними глубине (0,4 м от современной поверхности) расчищено погребение (№11) взрослого индивидуума (предположи-

тельно мужчины), которое является ближайшим к данной находке. В могиле помимо украшений (шесть витых височных колец, один браслет) и керамического сосуда находилось 10 зооморфных объемных подвесок, располагавшихся от черепа до коленных суставов усопшего, и две поясные накладки с рельефным изображением медведей в жертвенной позе, по три в ряд на каждом изделии. Кроме этого, на голове усопшего зафиксирован необычный головной убор: то ли полусферическая текстильная шапочка, то ли широкая повязка, подбирающая снизу волосы. Это единственный подобный элемент костюма, обнаруженный на данном могильнике. Погребение интерпретировано как «жреческое» и, возможно, именно с ним связано подношение серебряных драхм. Надо особо отметить, что монеты были завернуты в мех и бересту, т.е. так же как люди, похороненные на данном некрополе. Все это говорит об особом отношении к этой категории жертвенных предметов.

Подводя итог, следует подчеркнуть: анализ предметов могильника Священная Кедровая Роща дал в руки исследователей еще одно подтверждение того, что мифология обских угров имеет многовековую традицию. Фольклорные образы мировосприятия, отношение к душе умершего дошли от древних и средневековых археологических культур до современности практически в неизменном виде.

Список источников

Арефьев В.А. Отчет об археологической разведке в Нефтеюганском районе Тюменской области в районе поселка Салым, озера Сырковый Сор, в верхнем течении реки Б. Салым летом 1993 г. Екатеринбург, 1994 // Архив ООО «НПО «Северная археология-1».

Византийский словарь. СПб., 2011. Т. 2. 591 с.

Гюз Ф. Древняя Персия. М., 2007. 336 с.

Кардаш О.В., Слесаренко И.В., Родин С.О. Священная Кедровая Роща: формирование и развитие религии салымских хантов в VI–XX веках // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 19. Ханты-Мансийск ; Нефтеюганск ; Сургут, 2021. 170 с.

Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М., 2005. 463 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Олег Викторович Кардаш, Институт археологии Севера, директор; 628309, Россия, Тюменская обл., Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, г. Нефтеюганск, а/я 542; кандидат исторических наук; <http://nordarchoe.ru>, archeonord@yandex.ru

Oleg V. Kardash, Institute of Archaeology of the North, Director; 628309, Nefteyugansk, Russia, subscriber box 542; Candidate of Sciences (History); <http://nordarchoe.ru>, archeonord@yandex.ru

Александр Викторович Шмидт, Музей Природы и Человека, заведующий отделом археологии; 628011, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 11; кандидат исторических наук; tison172@mail.ru

Alexandr V. Shmidt, Museum of Nature and Human, Department of Archaeology, Head of the Department; 628011, Russia, Khanty-Mansiysk, Mira st., 11; Candidate of Sciences (History); tison172@mail.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИКРОРАЙОН МАЛАЯ РЕЧКА: ПОСЕЛЕНИЕ КАЛИНИНО-I

Владимир Леонидович Кобзев¹, Артур Леонидович Кунгуров²

¹*Независимый исследователь, Барнаул, Россия*

²*Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул, Россия*

Резюме. Статья посвящена обоснованию выделения двух археологических микро-районов, расположенных в пойменной зоне правобережья р. Оби в окрестностях Барнаула, и характеристике их географических особенностей. Эти комплексы — микрорайоны протоки Заломной и Малой Речки — связаны в первую очередь с наличием такого характерного явления обской поймы, как останцы правого коренного берега и пойменные песчаные дюны. Эти образования обычно приурочены к системе водных пойменных структур — проток, стариц, старичных и родниковых озер, а также малых рек. Насыщенность данной территории биологическими и минеральными ресурсами привлекает людей с периода каменного века. Именно к завершению этой эпохи и относится поселение Калинино-I, расположенное на выступающем мысе коренного правого берега.

Ключевые слова: археологический микрорайон, останец, река, протока, керамика, каменное орудие, артефакт, датировка, эпоха, период

Для цитирования: Кобзев В.Л., Кунгуров А.Л. Археологический микрорайон Малая Речка: поселение Калинино-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 147–151. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.23

ARCHAEOLOGICAL MICRODISTRICT “MALAYA RECHKA”: THE KALININO-I SETTLEMENT

Vladimir Leonidovich Kobzev¹, Artur Leonidovich Kungurov²

¹*Independent Researcher, Barnaul, Russia*

²*Altai State Museum of Local Lore, Barnaul, Russia*

Abstract. The article is devoted to the substantiation of the allocation of two archaeological microdistricts located in the floodplain zone of the right bank of the Ob river in the vicinity of Barnaul and characterization of their geographical features. These complexes — microdistricts of the channels of the Zalomnaya and Malaya Rechka — are associated, first of all, with the presence of such a characteristic phenomenon of the Ob floodplain as the remnants of the right bedrock and floodplain sand dunes. These formations are usually confined to the system of water floodplain structures — channels, oxbow lakes, oxbow and spring lakes, as well as small rivers. The saturation of this territory with biological and mineral resources has attracted people here since the Stone Age. It is to the end of this era that the settlement of Kalinino I, located on the protruding cape of the indigenous right bank, belongs.

Keywords: archaeological microdistrict, outlier, river, channel, ceramics, stone tool, artifact, dating, epoch, period

For citation: Kobzev V.L., Kungurov A.L. Archaeological Microdistrict “Malaya Rechka”: the Kalinino-I Settlement // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 147–151. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.23

Участок правобережной поймы Оби на протяжении ее протекания с юга (поворот от устьевой зоны р. Чарыш) до Фирсовского археологического микрорайона (ФАМ) имеет определенные ландшафтные особенности, которые привели к образованию большого количества донных образований и останцов. По физико-географическому районированию регион входит в Обско-Боровлянский район Заобской правобережной подпровинции Верхнеобской провинции Западно-Сибирской страны (рис. 1).

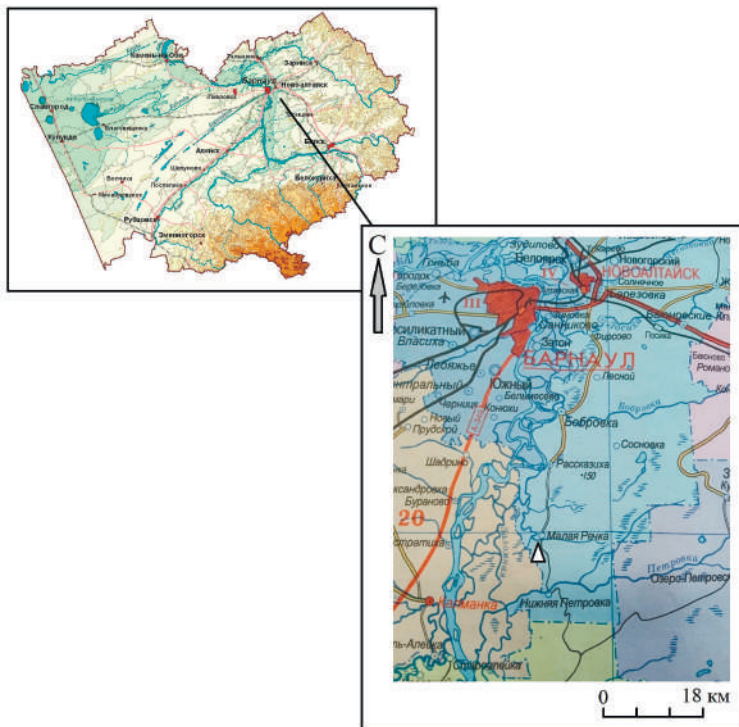

Рис. 1. Расположение поселения Калинино-I археологического микрорайона Малая Речка
 Fig. 1. Location of the Kalinino-I settlement of the archaeological microdistrict "Malaya Rechka"

Характеризуемый участок образован сочетанием трех интразональных пойменно-луговых и лесных ландшафтных зон. Первая — это низинные слабодренированные (полугидроморфные) лесные массивы на песчаных аллювиальных террасах и днищах древних ложбин стока. Здесь распространены сосновые и сосново-березовые брусничные леса на дерново-слабопodzolistых почвах. На границе с обской поймой боровые песчаные террасы преобразуются в пойменные песчано-суглинистые с разнотравно-злаковыми и осоково-злаковыми лугами на луговых и болотно-луговых аллювиальных

почвах. Малые притоки и реки, врезанные в террасы, образуют массу мысов, как смыкающихся с коренным бортом правобережья, так и образующих изолированные останцы-«елбаны». Полоса этих орографических образований распространена по пойменному правобережью Оби, перемежаясь с дюнными и дюнно-грядовыми перевеянными песчаными террасами. Эта «дюнно-останцовая» часть поймы составляет вторую ландшафтную зону региона. Именно с ней связано основное количество археологических памятников, в том числе археологического микрорайона Малая Речка. Третья ландшафтная составляющая — поймы проток и малых рек притоков Оби. Ими заняты древне-эрозионные, дефляционные и старичные понижения с осоковыми, вейниковыми и тростниковыми болотами на торфяных и торфяно-глеевых почвах. По переходным зонам распространены осиново-березовые осоковые и осоково-вейниковые заболоченные леса (Алтайский край..., 1978). Рельеф археологического микрорайона Малая Речка сформирован реками Петровка, Малая Речка, Бойничиха и Кашкарагаиха, а также протокой (пойменной рекой) Заломной. Петровка (длина 88 км) впадает в Заломную (длина около 35 км), р. Малая Речка (длина около 15 км), впадает в Кашкарагаиху (длина около 13 км). Заломная и Кашкарагаиха протекают субпараллельно Оби в том же направлении, Петровка, Бойничиха и Малая Речка имеют русла, ориентированные в целом с востока-северо-востока на запад. Долины этих рек, петляющие старицы и сама Заломная (даже название говорит о сложности системы русла) образуют огромное количество изолированных останцов, мысов различных параметров, высотой от 1 до 4 м.

Все перечисленные ландшафтные зоны чрезвычайно богаты растительными и животными ресурсами и привлекали внимание человека с неолитического времени. Первые археологические находки в этих местах сделаны В.Б. Бородаевым и А.Л. Кунгуровым в 1977 г. (Шмидт, 2000). Сейчас можно выделить два археологических микрорайона в данном регионе: один связан с останцами и елбанами и его объединяет протока — река Заломная и второй — правобережная кромка, структурированная старицами и небольшими реками в сложную изрезанную логами береговую линию с большим количеством мысов различной величины. Базовым наименованием второго археологического микрорайона может служить Малая Речка — существующее ныне село и одноименная река (Кирюшин, Кобзев, Папин, 2018; Папин, Кобзев, 2022).

Настоящая статья посвящена одному из участков археологического микрорайона Малая Речка, на котором находилось исчезнувшее в настоящее время с. Калинино. Населенный пункт занимал неровный мыс с пойменными врезками — логами в 4 км юго-юго-западнее с. Малая Речка. Высота мыса от 2 до 4 м, форма подтреугольная. На западном окончании берегового выступа, выходящего к достаточно глубокому (до 10 м) старичному озеру, в разрушениях собрана керамика и два каменных орудия (поселение Калинино-I). Далее на юго-западной кромке мыса в отвалах противопожарной траншеи собрана керамика андроновской культуры, эпохи железа и периода освоения региона русским населением (поселение Калинино-II).

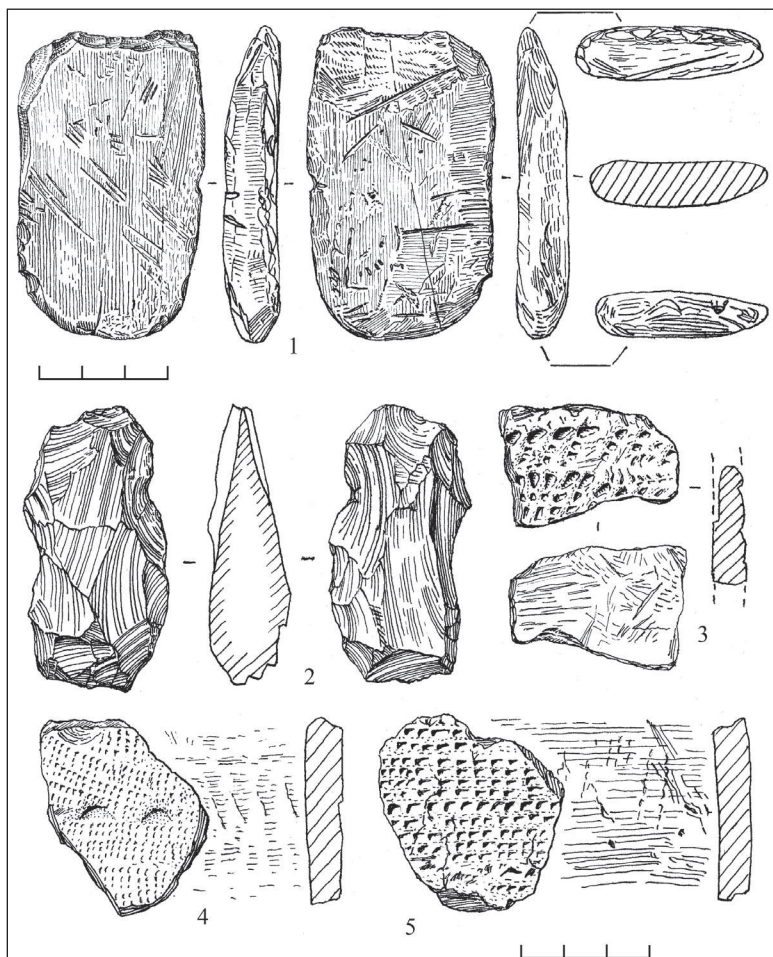

Рис. 2. Каменные изделия (1, 2) и керамика с поселения Калинино-I
 Fig. 2. Stone products (1, 2) and ceramics from the Kalinino-I settlement

Посуда поселения Калинино-I представлена тремя фрагментами слабо-профилированных сосудов с керамическим тестом средней плотности, имеющим в своем составе мелкий кварцевый песок, шамот и траву, выгоревшую в процессе обжига. Уплотнение стенок сосудов при их формировании осуществлялось посредством нанесения плотного сплошного гребенчатого орнамента с внешней стороны сосуда, бессистемным заглаживанием и затиранием с внутренней стороны (рис. 2.–4–5). К сожалению, характер формы сосудов и полная система орнаментирования, кроме того, что она имеет «печатный» характер

с небольшим элементом «отступания», не восстанавливается. На одном фрагменте фиксируется горизонтальный ряд «полуовальных» оттисков-вдавлений (рис. 2.-4). Возможную датировку керамики поселения Калинино-1 периодом позднего неолита — раннего энеолита подтверждают два каменных изделия: многофункциональный абразив-отбойник и обломок бифаса. Первое изделие представляет собой плоскую гальку окремненного песчаника серовато-синего цвета и неровно-овальных очертаний, достаточно высокой твердости (не менее 6 ед. по шкале Мооса) и вязкости. Все плоскости и грани отдельности модифицированы в процессе абразивного использования по растиранию или затачиванию твердого материала (рис. 2.-1). Кромки граней оббиты при осуществлении ретуширования или иной деятельности, связанной с микрооббивкой. Кроме этого, на плоскостях присутствуют царапины и глубокие борозды, образовавшиеся в ходе утилизации артефакта. Второй предмет изготовлен из буровато-серого кремнистого криптокристаллического материала высокой твердости. Артефакт оббит со всех сторон и, видимо, изначально представлял собой топорovidный бифас, расколотый в процессе использования. После этого он функционировал в качестве выемчатого скребля (рис. 2.-2). Памятник дополняет выразительный комплекс поселенческих и погребальных памятников завершающих периодов каменного века, достаточно широко распространенных в правобережье Барнаульского Приобья (Кунгуров, 2006).

Список источников

Алтайский край: Атлас. Т. 1. М. ; Барнаул, 1978. 222 с.

Кирюшин К.Ю., Кобзев В.Л., Папин Д.В. К археологической карте памятников эпохи поздней бронзы Барнаульского Приобья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XXIV. Барнаул, 2018. С. 20–25.

Кунгуров А.Л. Памятники археологии Первомайского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XV. Барнаул, 2006. С. 327–385.

Папин Д.В., Кобзев В.Л. Материалы периода средней и поздней бронзы в правобережном Барнаульском Приобье // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, №4. С. 86–99.

Шмидт А.В. Неолитические-энеолитические материалы разведки В.Б. Бородаева и А.Л. Кунгурова с протоки Заломная 1977–1978 гг. (Алтайский край) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 88–91.

Информация об авторах / Information about the Authors

Артур Леонидович Кунгуров, Алтайский государственный краеведческий музей, культурно-просветительский отдел, старший научный сотрудник; 656043, Россия, г. Барнаул, ул. Ползунова, 39; кандидат исторических наук, доцент; artur.kungurov@mail.ru

Artur L. Kungurov, Altai State Museum of Local Lore, Exposition and Exhibition Department, Senior Researcher; 656043, Russia, Barnaul, Polzunova Str. 39; Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; artur.kungurov@mail.ru

Владимир Леонидович Кобзев, независимый исследователь; 656043, Россия, г. Барнаул, пр. Красноармейский, 28, artur.kungurov@mail.ru

Vladimir L. Kobzev, independent Researcher; 656043, Russia, Barnaul, Krasnoarmeisky Ave., 28, artur.kungurov@mail.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОТИВА «ТРОЙНОЙ ЗИГЗАГ» В ОРНАМЕНТАЦИИ ИРМЕНСКОЙ ПОСУДЫ

Сергей Алексеевич Ковалевский

*Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева,
Кемерово, Россия;*

*Российский государственный институт сценических искусств, Сибирская
высшая школа музыкального и театрального искусства, Кемерово, Россия*

Резюме. Статья посвящена изучению роли мотива «тройной зигзаг» в орнаментации керамики ирменской культурно-исторической общности юга Западной Сибири. Выявлено, что этот орнаментальный мотив использовался достаточно редко. Сравнительный анализ ирменской орнаментации различных территорий показал более частое использование мотива «тройной зигзаг» населением южной части Томско-Нарымского Приобья, Барнаульско-Бийского Приобья и Омского Прииртышья. Эти данные были сопоставлены с имеющимися результатами анализа орнаментации керамики других культур периода поздней бронзы. Было выяснено что мотив «тройной зигзаг» активно использовали носители молчановской, корчажкинской и сузгунской культур позднего бронзового века. Это может являться аргументом в пользу предположения о заимствовании ирменским населением этого мотива в процессе межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: ирменская культурно-историческая общность, орнаментальный мотив, тройной зигзаг, период поздней бронзы, могильники, поселения

Для цитирования: Ковалевский С.А. Использование мотива «тройной зигзаг» в орнаментации ирменской посуды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 152–159. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.24

THE USE OF THE “TRIPLE ZIGZAG” MOTIVE IN THE ORNAMENTATION OF THE IRMEN UTENSILS

Sergey A. Kovalevsky

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

Russian State Institute of Performing Arts,

Siberian Higher School of Music and Theatrical Art, Kemerovo, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the role of the “triple zigzag” motive in the ornamentation of ceramics of the Irmen cultural and historical community of the south of Western Siberia. It is revealed that this ornamental motif was used quite rarely. A comparative analysis of the Irmen ornamentation of various territories showed a more frequent use of the “triple zigzag” motif by the population of the southern part of the Tomsk-Naryn Ob region, Barnaul-Biysk Ob region and Omsk-Irtysh region. These data were compared with the available results of the analysis of the ornamentation of ceramics of other cultures of the Late Bronze Age. It was found that the “triple zigzag” motif was actively used by the carriers of the Molchanovo, Korchazhkinsk and Suzgun cultures of the late Bronze Age. This may be

an argument in favor of the assumption that the Irmen population borrows this motif in the process of intercultural interaction.

Keywords: Irmen cultural and historical community, ornamental motif, triple zigzag, Late Bronze Age, burial grounds, settlements

For citation: Kovalevsky S.A. The Use of the “Triple zigzag” Motive in the Ornamentation of the Irmen Utensils // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 152–159. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.24

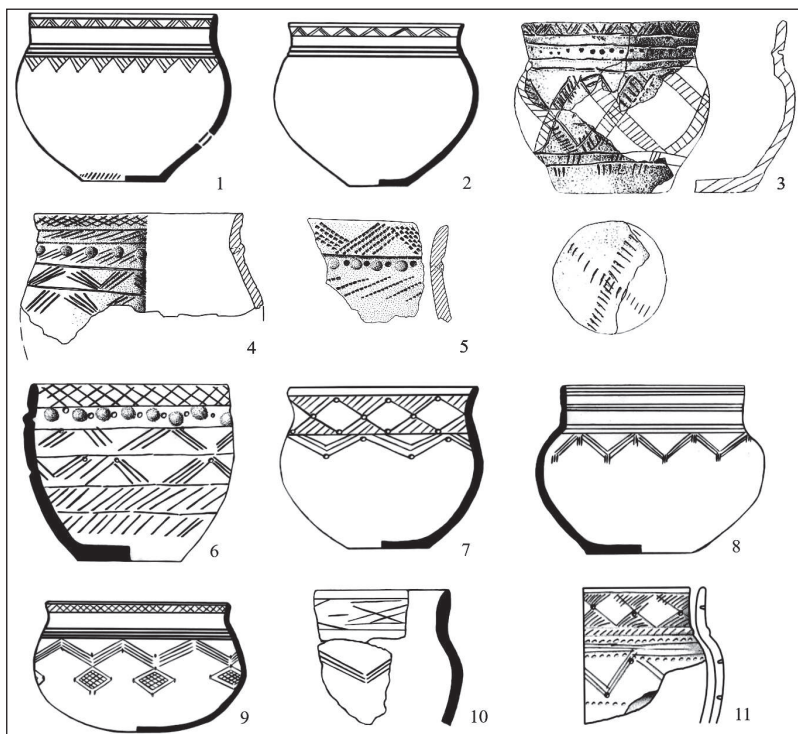
Для орнаментации посуды ирменской культурно-исторической общности юга Западной Сибири среди прочих декоративных элементов использовались различные виды горизонтального зигзага. Анализ ирменской орнаментации свидетельствует о том, что горизонтальный зигзаг очень редко применялся для декорирования зоны венчика, несколько чаще — зоны плечика. Можно выделить три основных вида зигзага: одинарный, двойной и тройной.

В данной статье речь пойдет о тройном зигзаге, являющемся разновидностью геометрического орнамента и представляющем собой три ломанные линии, звенья которых пересекаются под углом и направлены в разные стороны. Данный декор выполнялся техникой прочерчивания, реже — гребенчатым штампом. В отдельных случаях углы зигзагов обрамлялись ямками или насечками, а сам зигзаг мог быть усеченным.

На ирменской посуде из погребально-поминальных памятников юга Западной Сибири мотив «тройной зигзаг» (далее — ТЗ) использовался в единичных случаях для декорирования как венчика (0,7%), так и плечиков (1,6%). Преимущественно мотив ТЗ можно видеть в орнаментации таких могильников Барнаульско-Бийского Приобья, как Плотинная-I, Камышенка-I, Суртайка-I, BE-IV, МГК-I/5, Фирсово-XIV (рис.-1, 2, 6, 7, 9). Известен он и в орнаментации сосудов из могильников Камень-I, Журавлево-IV и Заречное-I (рис.-3, 8, 10), расположенных на территории Новосибирского Приобья и Северо-Восточного Присалаирья.

Материалы ирменских поселений демонстрируют более широкий территориальный охват. Ирменские сосуды с мотивом ТЗ (рис.-4, 5, 11) известны на территориях Нижнего Притомья (Басандайка, Чекист), Томского Приобья (Еловское поселение, Батурино-I), Новосибирского Приобья (Красный Яр-I, Умна-I, Чучка-VII, Быстровка-IV, Ирмень-I), Алтайского Приобья (Фирсово-XVIII), Мариинско-Ачинской лесостепи (Тамбар), Омского Прииртышья (Надеждинка-IV/V, Черноозерье-VIII, Бергамак-XXIV, Алексеевка-XXI, Юрт-Бергамак-IV).

Однако, как и на ритуальной керамике, мотивы ТЗ здесь также единичны. Исключением является городище Батурино-I, исследованное первоначально Т.Н. Троицкой, а позднее А.В. Матвеевым (1993, с. 22). Данный памятник археологии находится фактически на границе Новосибирского и Томского Приобья. Мотив ТЗ занимает здесь более 30% в зоне плечика, что для ирменской орнаментальной схемы нехарактерно. Несколько меньший удельный вес (9,1%) занимал исследуемый мотив в орнаментации расположенного неподалеку поселения Чучка-VII (Матвеев, 1993, с. 115–117).

Разновидности исполнения мотива «тройной зигзаг» на ирменской керамике: 1, 2 — мог. Ближние Елбаны-IV; 3 — мог. Камень-I; 4, 5 — пос. Фирсово-XVIII; 6 — мог. Камышенка-I; 7 — мог. Плотинная-I; 8 — мог. Журавлево-IV; 9 — мог. Суртайка-I; 10 — мог. Заречное-I; 11 — пос. Надеждинка-IV/V. Масштаб разный. 1, 2 — по: (Грязнов, 1956); 3 — по: (Новиков, Степаненко, 2010); 4, 5 — по: (Федорук, Шамшин, Папин, 2008); 6 — по: (Членова, 1973a); 7 — по: (Уманский, Демин, 1974); 8 — по: (Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993); 9 — по: (Членова, 1973b); 10 — по: (Зах, 1997); 11 — по: (Шерстобитова, 2011)

Varieties of execution of the “triple zigzag” motif on the Irmen ceramics: 1, 2 — Blizhnie Elbany-IV; 3 — Kamen-I; 4, 5 — Firsovo-XVIII; 6 — Kamyshenka-I; 7 — Plotinnaya-I; 8 — Zhuravlevo-IV; 9 — Surtajka-I; 10 — Zarechnoye-I; 11 — Nadezhdinka-IV/V. The scale is different. 1, 2 — by: (Gryaznov, 1956); 3 — by: (Novikov, Stepanenko, 2010); 4, 5 — by: (Fedoruk, Shamshin, Papin, 2008); 6 — by: (Chlenova, 1973a); 7 — by: (Umanskiy, Demin, 1974); 8 — by: (Bobrov, Chikisheva, Mikhailov, 1993); 9 — by: (Chlenova, 1973b); 10 — by: (Zah, 1997); 11 — by: (Sherstobitova, 2011)

Городище Батурино-I по результатам сравнения узоров основных орнаментальных зон керамики Новосибирского Приобья было выделено А.В. Матвеевым в самостоятельную группу, демонстрирующую менее крепкие связи с другими поселениями. Материалы данного памятника, в керами-

ке которого, по мнению специалиста, присутствуют не известные в основной группе (Ирмень-1, Улыбино, Умна-1, Красный Яр-1 и др.) молчановские черты, он датировал концом ирменского этапа (Матвеев, 1993, с. 121–125).

Так, А.В. Матвеев отмечал, что более 20% посуды городища Батурино-1 имеют молчановские черты, к которым он относил дугообразно выгнутую наружу шейку, раздутое тулово, широкое использование орнамента в виде нескольких рядов треугольников, обращенных вершинами вверх (Матвеев, 1993, с. 120). В этот перечень, по нашему мнению, следует включить и активное использование в орнаментации зигзагов, включая мотив ТЗ.

Общий взгляд на немногочисленные памятники молчановской культуры Томского Приобья и Нижнего Притомья позволяет утвердиться в этом решении. Для молчановской культуры, датируемой в настоящее время периодом поздней бронзы и переходным временем от бронзы к железу, мотив ТЗ (как и другие разновидности зигзагов) являлся достаточно распространенным.

Так, М.Ф. Косарев (1974, с. 123), говоря об орнаментации молчановской посуды Десятовского поселения, отмечал, что по сравнению с еловской посудой на молчановской наблюдается постепенная замена меандров и треугольных фестонов в верхней половине тулова узорами в виде вложенных углов и усеченного зигзага.

По мнению специалиста, молчановская культура возникла на позднееловской основе при участии северных групп населения (Косарев, 1981, с. 199). Вместе с тем для еловской орнаментальной традиции мотивы ТЗ не были характерны, хотя изредка использовались (Еловское поселение, ЕК II) (см., напр., Матющенко, 1974, рис. 37.-5; 2004, рис. 340.-1; 354.-5). Аналогичный вывод можно сделать и по орнаментальной традиции недавно выделенной И.В. Ковтуном (2020, рис. 5.-13; 6.-37) танайской культуры.

Сегодня можно говорить о периоде сосуществования и, вероятно, определенного взаимодействия ирменского и молчановского населения в южной части Томско-Нарымского Приобья. Так, на поселении Чекист (Усть-Киргизка) кроме собственно ирменской посуды была выделена группа керамики, имевшая синкретичные признаки ирменской и молчановской культурных традиций. Обращает на себя внимание и достаточно высокий удельный вес мотива ТЗ в орнаментации керамики данного поселения (Мыльников, Васильев, 2016, с. 104).

Отдельные признаки проникновения «молчановцев» фиксируются специалистами и южнее, а именно в Новосибирском Приобье (поселения Умна-1, Березовый остров-1) и Мариинско-Ачинской лесостепи (поселение Тамбар) (Матвеев, 1993, с. 120; Членова, Бобров, 1991, с. 162).

В южной части лесостепного Приобья хорошо известен второй крупный ареал существования орнаментальных мотивов в виде горизонтального зигзага. Речь идет о корчажкинской культуре периода поздней бронзы, а также большереченской культуре переходного времени от бронзы к железу. В орнаментации поселенческой посуды андроновидной корчажкинской культуры мотив ТЗ достаточно часто использовался как на раннем фирсовском, так и на позднем иткульском этапе (Кирюшин, Шамшин, 1987, с. 137–158).

Данная традиция восходит здесь, как и на всем протяжении лесостепи юга Западной Сибири, к андроновскому времени.

Вероятно, процессами взаимодействия населения ирменской и корчажжинской культур на территории Барнаульско-Бийского Приобья можно объяснить более высокий удельный вес мотива ТЗ на ирменской посуде данного региона. Так, в могильнике Камышенка (к. 44) наряду с ирменской посудой был найден синкретичный (корчажжинско-ирменский) сосуд баночной формы (рис.-6), среди прочего орнаментированный по тулову двумя рядами тройного зигзага (Членова, 1973а, рис. 66.-9). Подобный сосуд известен и на поселении Фирсово-XVIII (рис.-4).

Популярность мотива ТЗ возрастает на территории Барнаульско-Бийского Приобья в переходное время от бронзы к железу, что особенно ярко проявилось в материалах памятников большещеченской культуры. Д.В. Папин и А.Б. Шамшин выделили для большещеченской керамики поселения Мыльниково три модели построения орнаментальной схемы. Для первой модели, характеризующейся многорядным (корчажжинским) построением орнамента, зигзаг или, по терминологии авторов, «горизонтальная елочка» является фактически ведущим мотивом. Но и в целом по результатам анализа всей серии керамической посуды данный орнаментальный мотив, исполненный гладким или гребенчатым штампом, был выделен в качестве основного (Папин, Шамшин, 2005, с. 47–49).

Двойной и тройной зигзаг, зачастую выполненный гребенчатым штампом, получает популярность в переходное время и на территории Новосибирского Приобья в памятниках завьяловского типа. Здесь зигзаг являлся одним из ведущих орнаментальных мотивов. Данная ситуация объясняется специалистами синкретичным характером керамического комплекса, совмещающего в себе черты местных ирменских и пришлых северных традиций (Троицкая, Мжельская, 2004, с. 145–154). Учитывая нехарактерность мотива ТЗ для собственно ирменской орнаментальной традиции, что нами было показано ранее, представляется целесообразным допустить его инокультурное происхождение на завьяловской посуде. В качестве источника такого влияния специалистами традиционно рассматривается миграция на территорию Новосибирского Приобья северного, таежного населения, включая «молчановцев». Однако нельзя исключать и влияния живших южнее «большещеченцев».

Рассмотрение вопроса о происхождении мотива ТЗ (как и других разновидностей горизонтального зигзага) заставляет обратить внимание на Уральский регион и сопредельные с ним территории. К западу от Урала мотив ТЗ (правда, выполненный в несколько иной технике) локализуется на территории Волго-Камья. Он типичен для керамики атабаевского этапа маклашеевской культуры XIV–XIII вв. до н.э., где активно использовался для декорирования валика под срезом венчика, а также плечиков (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2019, с. 102). Ранее на факт сходства позднебронзовых культур Среднего Поволжья и Западной Сибири обращала внимание Н.Л. Членова. В частности, сравнивая керамику этих регионов, она пришла к заключению о появлении от-

дельных орнаментальных мотивов, типичных для т.н. культуры «курмантау» Среднего Поволжья на ирменской керамике Западной Сибири. Среди них назывался и горизонтальный нарезной зигзаг (Членова, 1981, с. 4–42).

Еще одним значимым ареалом распространения мотива ТЗ в период поздней бронзы являлась территория лесостепного и отчасти подтаежного Зауралья, а также Притоболья, где данный орнаментальный мотив являлся частью местной культурной традиции на протяжении всего бронзового века. В интересующий нас период позднего бронзового века мотив ТЗ был распространен в материалах межовской (замараевской) и бархатовской культур (Косарев, 1981, рис. 63.-8, 15; 64.-8; 65.-4; Аношко, 2006, с. 20).

В материалах сопредельной с бархатовской сузгунской культуры мотив ТЗ достаточно хорошо известен в памятниках лесостепного Ишимо-Иртышья, а также предтаежного Прииртышья, но уже в лесостепном Прииртышье его удельный вес снижается. В материалах поселений, где встречается как сузгунская, так и ирменская керамика (Сибсаргатка-I, Черноозерье-VIII, Бергамак-XXIV, Алексеевка-XXI, Юрт-Бергамак-IV), мотив ТЗ использовался преимущественно для украшения именно сузгунской посуды, а на ирменской керамике он отмечается лишь в единичных случаях (Полеводов, 2003, прил. 3, табл. 2, 3). Несколько чаще мотив ТЗ использовался для ornamentации поселения Большой Лог-I (Генинг, Стефанов, 1993, рис. 14.-5, 6; Членова, 1994, с. 96, табл. 2).

Таким образом, мы можем констатировать следующее:

1. Орнаментальный мотив ТЗ являлся одним из популярных элементов декора керамической посуды культур бронзового века на территории Уральского региона и сопредельных с ним территорий.

2. Распространившись с андроновского времени на территории юга Западной Сибири, мотив ТЗ стал в разной степени составной частью ornamentации многих местных археологических культур.

3. Ареалами распространения мотива ТЗ в период поздней бронзы являлись Волго-Камье (маклашеевская культура), Зауралье и Притоболье (межовская и бархатовская культуры), Тоболо-Иртышское междуречье (сузгунская культура), Томско-Нарымское Приобье (молчановская культура), Барнаульско-Бийское Приобье (корчажгинская культура).

4. Для ирменской культурно-исторической общности, оформившейся на огромной территории юга Западной Сибири в изучаемый период бронзового века, мотив ТЗ не был характерен, используясь лишь в единичных случаях.

5. Появление мотива ТЗ на ирменской керамике, вероятно, следует связывать с влиянием орнаментальных традиций археологических культур (молчановская, корчажгинская, сузгунская), с которыми «ирменцы» взаимодействовали на разных территориях. Это косвенно подтверждается увеличением числа ирменских сосудов с мотивом ТЗ именно в таких контактных зонах.

6. После деструкции, распада ирменской общности, в т.н. переходное время от бронзы к железу происходит новый «всплеск» популярности мотивов в виде зигзага.

Список источников

- Аношко О.М. Бархатовская культура позднего бронзового века Зауралья: автореф. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2006. 25 с.
- Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск, 1993. 157 с.
- Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Поселения Черноозерье-I, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993. С. 67–111.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка // Материалы и исследования по археологии. М.; Л., 1956. №48. 160 с.
- Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск, 1997. 132 с.
- Ковтун И.В. Танайская культура и переходное время от развитой к поздней бронзе в Северо-Западной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2020. №4(32). С. 20–42.
- Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974. 216 с.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 279 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажкинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 137–158.
- Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993. 182 с.
- Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 12. 196 с.
- Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск, 2004. 468 с.
- Мыльникова Л.Н., Васильев Е.А. Керамический комплекс памятника Чекист (Томское Приобье): технология и морфология // Теория и практика археологических исследований. 2016. №4 (16). С. 101–123.
- Новиков А.В., Степаненко Д.В. Камень-1 — могильник ирменской культуры в южнотаежном Приобье // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею проф. Т.Н. Троицкой). Новосибирск, 2010. С. 39–60.
- Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул, 2005. 202 с.
- Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 219 с.
- Троицкая Т.Н., Мжельская Т.В. Керамический комплекс городища Завьялово-5 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004. С. 145–154.
- Уманский А.П., Демин М.А. Керамика карасукского могильника у ст. Плотинная // Некоторые вопросы истории СССР. Барнаул, 1974. С. 13–18.
- Федорук А.С., Шамшин А.Б., Папин Д.В. Предварительные итоги исследования поселения Фирсово-XVIII // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул, 2008. С. 125–143.
- Чижевский А.А., Лыганов А.В., Кузьминых С.В. Ранний (атабаевский) этап ма-квашеевской культуры // Археология Евразийских степей. 2019. №2. С. 99–123.
- Членова Н.Л. Отчет о работах Алтайского отряда Западно-Сибирской экспедиции. Раскопки курганов у д. Камышенка // Архив ИА РАН. Р-1. №6051, 6051-а. М., 1973а.

Членова Н.Л. Суртайка — могильник карасукской эпохи в предгорном Алтае // Краткие сообщения института археологии. Вып. 12. М., 1973б. С. 114–121.

Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и начале железного века // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С. 4–42.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994. 170 с.

Членова Н.Л., Бобров В.В. Смешанные лугавско-ирменские памятники района Кузнецкого Алатау // Проблемы археологии Евразии. М., 1991. С. 143–180.

Шерстобитова О.С. Взаимодействие сузгунской и ирменской культур на территории Среднего Прииртышья в эпоху поздней бронзы: формы, механизмы и итоги // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 7: Археология, этнография. С. 183–195.

Информация об авторе / Information about the Author

Сергей Алексеевич Ковалевский, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, кафедра истории, философии и социальных наук, заведующий кафедрой; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28; доктор исторических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0001-7940-8751>, koval71@mail.ru

Российский государственный институт сценических искусств, Сибирская высшая школа музыкального и театрального искусства, профессор; 650991, Россия, Кемерово, ул. Демьяна Бедного 6.

Sergey A. Kovalevsky, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Department of History, Philosophy and Social Sciences, Head of Department; 650000, Russia, Kemerovo, Vesennaya str. 28; Doctor of History, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0001-7940-8751>, koval71@mail.ru

Russian State Institute of Performing Arts, Siberian Higher School of Music and Theatrical Art, Doctor of History, Professor; 650991, Russia, Kemerovo, D. Bednogo str. 6.

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 902.2(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.25

КОМПЛЕКС АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА р. МАШИНКЕ (Змеиногорский район Алтайского края)

Артур Леонидович Кунгуров

Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул, Россия

Резюме. Статья посвящена публикации археологических памятников, расположенных в долине реки Машинки. Эта река имеет длину 7 км и впадает справа в р. Корболиху (Змеиногорский район Алтайского края). В данном районе представлены памятники различных типов: стоянки и мастерские каменного века, поселения раннего железного века, курганы. Наиболее интересными и информативными из открытых на р. Машинке объектов являются стратифицированные стоянки палеолитического времени (Усть-Машинка-2 и 3) и мастерская-каменоломня Давыдовка-1. На каменоломне производилась добыча и начальная обработка роговика, а также изготовление разнообразных орудий

труда, в том числе ручных бифасов, наконечников копий и ножей. Возможная датировка указанных памятников каменного века — мустьерская эпоха среднего палеолита и верхний палеолит. Поселения и курганные могильники относятся к различным подразделениям раннего железного века: от раннескифской эпохи до завершающего периода.

Ключевые слова: поселение, стоянка, каменоломня, курганная группа, эпоха мустье, бифасы, керамика, датировка, ранний железный век

Для цитирования: Кунгуров А.Л. Комплекс археологических памятников на р. Машинке (Змеиногорский район Алтайского края) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 159–167. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.25

THE COMPLEX OF ARCHAEOLOGICAL SITES ON THE MASHINKA RIVER (the Zmeinogorsky district of the Altai Territory)

Artur L. Kungurov

Altai State Museum of Local Lore, Barnaul, Russia

Abstract. The article is devoted to the publication of archaeological sites located in the valley of the Mashinka river. This river is 7 km long and flows into the Korbolikha river (the Zmeinogorsk district of the Altai Territory). In this area, there are sites of various types: settlements and workshops of the Stone Age, settlements of the early Iron Age, mounds. The most interesting and informative objects discovered on the Mashinka river are stratified Paleolithic sites (Ust-Mashinka-2 and 3) and the Davydovka-1 quarry. The quarry was used for the extraction and initial processing of hornfels, as well as the manufacture of various tools, including hand bifaces, spearheads and knives. Possible dating of these Stone Age sites is the Mousterian era of the Middle Paleolithic and the Upper Paleolithic. The settlements and burial mounds belong to various divisions of the Early Iron Age, from the early Scythian era to the final period.

Keywords: settlement, site, quarry, kurgan group, Mousterian period, bifaces, ceramics, dating, early Iron Age

For citation: Kungurov A.L. The Complex of Archaeological Sites on the Mashinka River (the Zmeinogorsk district of the Altai Territory) // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 159–167. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.25

Долина р. Корболихи (длина 55 км) в нижнем течении ниже устья р. Харьковки входит в правобережье Алая. От г. Змеиногорска до р. Харьковки долина связана со средней андезитовой формацией геосинклинального развития. Цоколь сложен девонскими интрузивными образованиями. По правому борту (долины Машинки, Харьковки) имеются выходы нижнепалеозойских отложений (хлорит-серецит-кварцевые метаморфические песчаники и сланцы). Покровные отложения представляют собой делювиальные щебнистые суглинки. Рельеф в среднем-верхнем течении р. Корболихи останцово-грядовый, в нижнем и частично на правом борту долины — мелкосопочный с денудационными останцами и с выраженными и спрямленными активными разломами. Почвы среднесуглинистые на лессовидных суглинистых эолово-пролювиальных отложениях. Ландшафт степной дренированный: крутосклонное средне-расчлененное эрозионно-денудационное среднегорье (Алтайский край..., 1978).

Река Машинка длиной около 7 км протекает по достаточно широкой выработанной древней долине практически с севера на юг. Формирование ее

долины связано с подзднечетвертичным понижением базиса эрозии р. Корболихи, повлекшим за собой активное врезание водотоков в свои долины и активное разрушение рыхлых чехлов, слагающих борта рек. Базис эрозии понижается и сейчас, что приводит к современному врезанию рек в собственную пойму. Машинка выработала современное ложе глубиной до 2 м, ее мелкие притоки также образуют приречные овраги и активно выносят рыхлые отложения из «боковых» по отношению к Машинке логов и ложков. Кроме природной эрозии существует активное антропогенное разрушение, так как речка расположена вблизи крупного с. Карамышево и всего в 5 км от г. Змеиногорска. Все более-менее ровные поверхности долины распаханы, в устье долгое время функционировала шахта, сейчас осуществляется активный выпас скота. Многовековая хозяйственная деятельность (прежде всего добыча и переработка руд) привела к значительному изменению древнего рельефа долины Машинки и затрудняет идентификацию некоторых объектов).

1. Усть-Машинка. Местонахождение на левобережной отмели р. Корболихи, напротив устья ее правого притока р. Машинки. Найдены два каменных артефакта: асимметричный пластинчатый полупервичный скол с зубчатой ретушью на правом крае с дорсала и остатком фасетированной ударной площадки и крупный скол с гладкой ударной площадкой и двусторонней ретушью по правому краю. Оба изделия сильно окатаны. Возможная датировка — эпоха мустье. Высота устьевой зоны 331 м над у.м.

2. Усть-Машинка-1. Стоянка с частично разрушенным культурным слоем в 250 м выше устьевой зоны р. Машинки (рис. 1). На пологом делювиальном суглинисто-щебнистом склоне правого борта реки, образованном склоном цокольной возвышенности высотой до 30 м, в разрушениях найдено несколько отщепов, скребок и пластинчатый скол с остатком фасетированной ударной площадки, изготовленных из зеленой яшмы и кремня. Скол обработан с обоих краев уплощающей оббивкой и притупляющей ретушью (рис. 2.-6). Характер артефактов позволяет отнести их к верхнепалеолитическому времени (Кунгуров, 2002).

3. Усть-Машинка-2. Стоянка. Расположена в правобережье двухкилометрового ручья, впадающего в Машинку справа в 700 м выше ее устья. В 690 м выше устья ручья местными жителями устроена дамба длиной 80 м, для сооружения которой разрушена часть борта ручья, сложенного суглинком. Высота данного участка 371 м над у.м. (35 м над урезом р. Машинки). В разрушениях найдено несколько отщепов и пластина средних размеров с двусторонне ретушированными продольными краями и остатком фасетированной ударной площадки (рис. 2.-7). Возможная датировка памятника, судя по характеру пластины, — первая половина верхнего палеолита.

4. Усть-Машинка-3. Стоянка в 1,2 км северо-восточнее устья р. Машинки в распадке левого борта ее долины. Памятником занят пологий мысовидный лессовый шлейф северного склона 120-метрового скального массива, разделяющего долины Корболихи и Машинки. Высота этого шлейфа от 15 до 52 м от уровня поймы Корболихи. В распадке находятся истоки небольшо-

Рис. 1. Расположение археологических памятников на р. Машинке (Змеиногорский район Алтайского края):

1 — Усть-Машинка; 2 — Усть-Машинка-1; 3 — Усть-Машинка-2; 4 — Усть-Машинка-3; 5 — Машинка-1; 6 — Машинка-2; 7 — Давыдовка-1; 8 — Давыдовка-2; 9 — Давыдовка-3; 10-13 — Сопка Маяк-1-4; 14 — Верх-Давыдовка-1; 15 — Верх-Давыдовка-2

Fig. 1. Location of archaeological monuments on the Mashka river (Zmeinogorsky district of Altai Krai): 1 — Ust-Mashinka; 2 — Ust-Mashinka-1; 3 — Ust-Mashinka-2; 4 — Ust-Mashinka-3; 5 — Mashinka-1; 6 — Mashinka-2; 7 — Davydovka-1; 8 — Davydovka-2; 9 — Davydovka-3; 10-13 — Mayak Hill-1-4; 14 — Verh-Davydovka-1; 15 — Verh-Davydovka-2

го ручья длиной 1,4 км, левого притока Машинки. Стоянка распространена практически по всему мысовидному шлейфу: от тылового шва, где он примыкает к скальному склону, до выположенного дна распадка. С запада и востока объект ограничен логами, врезанными в скальный массив. Вся поверхность памятника распахана, находки собраны в пашне, колеях дороги и небольших размывах склона (рис. 1). Видимо, при формировании рельефа происходил смыв рыхлой толщи вниз по склону, и это привело к частичному переотложе-

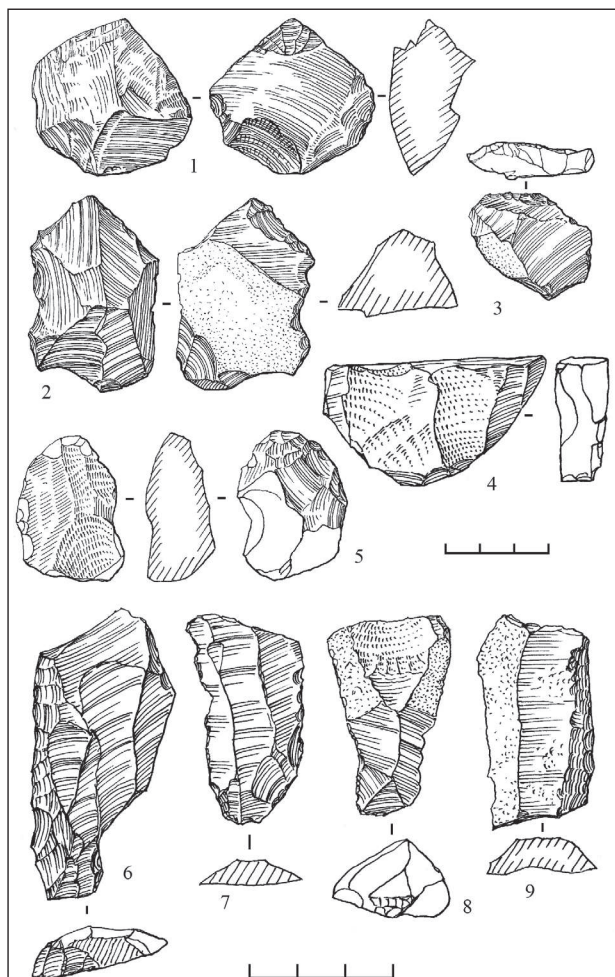

Рис. 2. Каменные орудия из памятников на р. Машинке (Змеиногорский район Алтайского края) (1-5, 9 — Машинка-2; 8 — Машинка-1; 6 — Усть-Машинка-1; 7 — Усть-Машинка-2)

Fig. 2. Stone tools from monuments on the Mashinka River (Zmeinogorsky district of the Altai Territory) (1-5, 9 — Mashinka-2; 8 — Mashinka-1; 6 — Ust-Mashinka-1; 7 — Ust-Mashinka-2)

нию артефактов. Коллекция представлена 132 артефактами выразительного леваллуазского облика. Особенности залегания культурного слоя изучены раскопом, вскрывшим западный склон шлейфа (Кунгуров, 2002; 2011). Возможная датировка памятника — мустьерская эпоха.

5. Машинка-1. Многослойное поселение на левом мысе, образованном ручьем — левым притоком р. Машинки, длина которого 1,4 км. Ранее в этом месте располагалось с. Давыдовка, ныне исчезнувшее. Ручей впадает в Машинку в 2,5 км выше ее устья. На распаханной поверхности собрана коллекция каменных изделий различного времени. К раннему железному веку относится обломок керамики без орнамента и обломок абразива из синевато-серого песчаника. К эпохе камня относятся три кварцитовых артефакта, самым выразительным из которых является крупный площадочный пластинчатый скол (рис. 2.-8).

6. Машинка-2. Многослойное поселение на мысе, образованном полого спускающимся суглинистым шлейфом правого борта долины Машинки и врезаным в него километровым логом, по которому протекает небольшой ручей. Памятником занят левый участок устьевой зоны ручья, впадающего в речку в 3,2 км выше ее устья. Высота мыса достигает 16 м от уреза воды. В колее старой размываемой дороги найдены фрагменты керамики без орнамента, аналогичные находке с Машинки-1, и шесть артефактов палеолитического облика, изготовленных из зеленовато-серого роговика и кварцита: массивное нуклеовидное зубчатое орудие (рис. 2.-2), ретушированный угловатый скол средних размеров (рис. 2.-1), нуклеовидное изделие (рис. 2.-4), небольшой поврежденный бифас (рис. 2.-5), скобель (рис. 2.-3) и пластинчатый скол (рис. 2.-9).

7. Давыдовка-1. Мастерская-каменоломня. Расположена на правом борту долины Машинки в 600 м северо-западнее стоянки Машинка-2, и в 750 м северо-западнее кладбища с. Давыдовка. Памятник связан с небольшим роговиковым останцом высотой 20 м от уреза р. Машинки и размерами 220×120 м. Останец овальной формы отделен логом от скальной гряды с севера и долиной ручья, правого притока Машинки, в устье которого находится Машинка-2. Западный склон холма практически не имеет рыхлых отложений, поэтому там обнажен цоколь и многочисленные артефакты, связанные с добычей и первичным расщеплением сырья. Роговиковая пачка, слагающая останец, сильно смята в ходе формирования рельефа Рудного Алтая, поэтому ориентация ее не горизонтальная, а почти вертикальная. Рыхлый лессовый чехол примыкает к останцу с востока и северо-востока, полого спускаясь до Машинки. Эти рыхлые отложения на предмет наличия культурного слоя пока не изучены. Древние мастера камнеобработки извлекали блоки роговика, имеющего «кирпично-блоковую» трещиноватую структуру, с поверхности выхода. Именно подобные отдельные служили для оформления леваллуазских и радиальных нуклеусов Усть-Машинки-3. Другой разновидностью работы древнего человека на каменоломне Давыдовка-1 являлось оформление цельных орудий из кусков роговика и «опробование на пригодность» добытого сырья и преформ. Отходами этой деятельности покрыта вся поверхность останца. Среди многочисленных обломков, сколов и отщепов встречаются практически законченные, но сломанные при обработке бифасы, опробованные плитки и блоки породы. Техника расщепления представлена первичными сколами, сохраняющими участки поверхности блоков,

разнообразными нуклеусами, ядрищами на блоках, с которых получались заготовки без предварительного оформления преформы, и т.п. Встречается большое количество вторичных отщепов и пластинчатых сколов, осколков и обломков со следами расщепления. Тем не менее присутствует и выразительный орудийный комплекс. В 2001 г. на участке примыкающего к роговиковому цоколю рыхлого чехла был заложен рекогносцировочный раскоп размерами 4×4 м, показавший наличие различных технических горизонтов начала верхнего палеолита и мустьерского времени.

8. Давыдовка-2. Стоянка-каменоломня, расположенная в 300 м северо-западнее предыдущего памятника на роговиковом куполообразном выходе, размерами 245×125 м и высотой до 37 м над урезом реки. В осыпях найден материал, аналогичный находкам с Давыдовки-1.

9. Давыдовка-3. Курганная группа. Расположена на правом борту ручья, правого притока Машинки, в устье которого находится Машинка-2. Напротив памятника, на другой стороне долинки этого ручья расположена каменоломня-мастерская Давыдовка-1. Группа состоит из двух курганов с каменно-земляной насыпью, расположенных микропечкой, ориентированной по линии СВ–ЮЗ. Диаметр насыпей до 10 м, высота 0,5 м. По центру фиксируются грабительские западины. Один из курганов раскопан. Кроме нескольких фрагментов керамики и обломков костей человека ничего не найдено. Погребальная конструкция в виде каменного кольца и остатки каменного ящика характерны для раннескифского времени (майэмирская культура VIII–VII вв. до н.э.) (Кунгуров, Тишкин, 2001).

10. Сопка Маяк-1. Поселение. Расположено на правом борту долины Машинки в 5,5 км выше ее устья и в 2,6 км юго-западнее вершины сопки Маяк. Поселение Сопка Маяк-1 зафиксировано на шестиметровом мысе оконечности высокой и пологой гривы. В пашне собрана керамика без орнамента, судя по характеру — эпохи раннего железа, обломок каменного рудодробильного песта. На площади памятника встречались металлургические шлаки, кальцинированные кости животных, куски прокаленной почвы, крошки охры и дробленый камень. Все эти фракции разрушенного культурного слоя довольно четко очерчивали площадь памятника размерами 100×60 м. Пойма Машинки, заболоченная, занятая влаголюбивой растительностью, ивняком, калиной и волчьей ягодой с отдельно стоящими березами и осинами, в месте расположения поселения заметно расширяется (до 250–300 м). Видимо, этот факт и способствовал организации поселения древним человеком именно в этом месте.

11. Сопка Маяк-2. Поселение на соседнем мысу (через лог) в 180 м севернее от предыдущего памятника. Мыс имеет высоту 4–6 м, поверхность распахана. Является оконечностью гривы, полого спускающейся с высоты 20–25 м. Грива отделена сухим логом, в котором до начала распашки действовал родник. Мыс с юга, востока и севера окружен заболоченной и заросшей поймой правого берега р. Машинки. Находки, локализовавшиеся в распашке на площади 80×80 м, идентичны материалам предыдущего памятника: обломки керамики без орнамента и литейные глиняные формы, металлурги-

ческие шлаки, кусочки прокала, дробленого гранита и кальцинированных костей. Возможная датировка — ранний железный век.

12. Сопка Маяк-3. Поселение в месте выхода р. Машинки из лога северо-западного склона Сопки Маяк в 1,75 м юго-западнее ее вершины и в 6,5 м выше ее устья. Памятником занята оконечность шестиметрового мыса, образованного правым бортом Машинки и впадающим в нее справа безымянным ручьем длиной 0,7 км. Ширина долины Машинки в этом месте сужается до 50–60 м, так как ее занимают высокие отроги склона сопки. Выше по течению долина реки превращается в довольно узкое ущелье с цокольными выходами и крутопадающими склонами. Ширина правобережного лога, по которому протекает ручей, 0,25–0,35 м по заболоченному днищу. Мыс, на котором зафиксирован памятник, распахан, северный склон занят кустарником и березовым колком. В пашне собрана керамика без орнамента, аналогичная предыдущим находкам, шлаки, обломки глиняных литейных форм. Возможная датировка — ранний железный век.

13. Сопка Маяк-4. Поселение. Расположено на четырехметровом пологом мысе левого борта р. Машинки в 1,8 км юго-западнее вершины горы Сопка Маяк и в 6,2 км выше устья Машинки. Поселение расположено практически напротив предыдущего памятника. Мыс представляет собой оконечность лесового плато водораздела рек Машинки — Крутишки (правые притоки р. Корболихи), наивысшей точкой которого является Маяк. Мыс организован двумя логами: северный, более мелкий и пологий, южный — обширное заболоченное понижение с водотоком шириной до 200 м (шире поймы Машинки) и длиной около 1 км. Поверхность мыса распахана. Несмотря на его обширность, найдено только два фрагмента керамики без орнамента. Поиски затрудняла оставленная на пашне стерня и скошенная и обмолоченная солома. В целом место достаточно перспективно для уточнения характера памятника.

Следующие объекты найдены в ходе обследования водораздела рек Машинки — Крутишки между Сопкой Маяк и скальным массивом над бывшим пос. Давыдовка (476 м над у.м.). Между этими массивами расположено достаточно ровное водораздельное лессовое плато, имеющее высоту 440 м над у.м. (соответственно 90 м над урезом р. Машинки и 70–77 м над р. Крутишкой). По восточному склону плато (вдоль правого борта Крутишки) проходит трасса Змеиногорск — Барнаул. Трасса пересекает сопку Маяк в 200 м восточнее вершины (6,48 км от г. Змеиногорска). Обследование этой территории позволило зафиксировать курганную группу и местонахождение.

14. Верх-Давыдовка-1. Курганная группа. Расположена на северо-восточном склоне Давыдовского цокольного возвышения и прилегающего участка охарактеризованного водораздела. В группу входят два объекта.

Курган №1. Расположен на северо-восточном склоне Давыдовской горы в 150 метрах от вершины и на 10 м ниже ее. Скальные отроги горы сnivelированы делювиальными процессами и имеют вид узких крутопадающих грив-ребер, уходящих под рыхлую лессовую толщу водораздельного плато. Распашка до кургана №1 не доходит, так как ее сдерживают скальные выходы

и близость цоколя. Курган имеет каменно-земляную насыпь округлой формы, диаметром 9 м, высотой 0,5 м. В центре фиксируется грабительская западина диаметром 6 м и глубиной 1,3 м. Насыпь задернована ксерофитной полынно-ковыльной растительностью, однако прослеживаются глыбы от каменной конструкции, особенно с северо-восточной (смытой?) стороны. От кургана до вершины Сопки Маяк (на север) — 4,2 км, до северо-восточной окраины Змеиногорска (на юго-восток) — 3 км.

Курган №2. Расположен в 625 м северо-северо-восточнее кургана №2 на распаханном пространстве водораздела. Несмотря на это сохранился вполне удовлетворительно, не затронут пашней и даже сохранился задернованный участок вокруг каменно-земляной насыпи округлой формы. Диаметр ок. 11 м, высота 1 м. В центре прослежена грабительская воронка, в которой растет куст черемухи. Диаметр воронки ок. 4 м, глубина 0,5 м. Западная пола кургана имеет видимую наброску из глыб гранита и песчаника. Как уже отмечалось, курган и прилегающая часть плато задернованы сорно-полынной растительностью и целым спектром различных злаков (пшеница, ячмень, рожь, овес), видимо, попавших в ходе использования пашни. Из-за задернованности курган виден издалека и кажется гораздо больше, чем на самом деле.

15. Верх-Давыдовка-2. В пашне, примыкающей к северо-восточному склону вершины Давыдовской горы (в 100 м северо-восточнее кургана №1 Верх-Давыдовки-1), найден мелкий патинированный кремневый скол. Попадание этого изделия с других мест, как и смыв сверху, практически исключены. Возможно, артефакт — свидетельство присутствия на водоразделе, ближе к Давыдовской горе, культурного слоя каменного века. Тщательный осмотр прилегающих участков и поверхности водораздела результатов не дал.

Список источников

Алтайский край: Атлас. Т. 1. М.; Барнаул, 1978. 222 с.

Кунгуров А.Л. Каменный век Рудного Алтая. Ч. 1: Палеолитические памятники. Барнаул, 2002. 176 с.

Кунгуров А.Л. Палеолитическая стоянка Усть-Машинка-3 (Рудный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2011. Вып. 6. С. 123–137.

Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Новые памятники эпохи бронзы и железа в Рудном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XIII. Барнаул, 2001. С. 81–86.

Информация об авторе / Information about the Author

Артур Леонидович Кунгуров, Алтайский государственный краеведческий музей, экспозиционно-выставочный отдел, старший научный сотрудник; 656043, Россия, г. Барнаул, ул. Ползунова, 39; кандидат исторических наук, доцент; artur.kungurov@mail.ru

Artur L. Kungurov, Altai State Museum of Local Lore, Exposition and Exhibition Department, Senior Researcher; 656043, Russia, Barnaul, Polzunova Str., 39; Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; artur.kungurov@mail.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

**ИССЛЕДОВАНИЕ МНОГОСЛОЙНЫХ РАЗНОКУЛЬТУРНЫХ
КОМПЛЕКСОВ ВЕРХНЕГО ПРИЧУМЫШЬЯ: ПАМЯТНИКИ
В УРОЧИЩЕ КУЮК (Широкий Лог-I-II, Куюк-III-V, Октябрьский-I)**

Артур Леонидович Кунгуров, Ольга Фридриховна Кунгурова
Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул, Россия

Резюме. Статья посвящена завершению публикации, характеризующей расположение и особенности археологических памятников, локализованных в Верхнем Причумышье на северо-западной границе Целинного и Ельцовского районов Алтайского края. Описываемые комплексы расположены в правобережной зоне долины реки Чумыш.

Этот борт долины относится к отрогам Салаирского кряжа. Урочище, название которой определил цокольный мыс гора Куюк, с южной стороны ограничена рекой Шамонихой (Чуманихой), с северной — долиной реки Татарки. Кроме этих наименований известно место в устьевой зоне реки Татарки, где ранее находилось село Октябрьское.

Перед мысом Куюк берег образует изгиб в восточном направлении, изрезанный логами, наиболее крупный имеет наименование Широкий лог. Все эти топонимы и гидронимы использованы для образования имен открытых в этом районе памятников: местонахождения, стоянки-каменоломни (Куюк-V), поселений (Широкий Лог-I, Куюк-III, Октябрьский-I) и курганных могильников (Широкий Лог-II, Куюк-IV).

Ключевые слова: археологический комплекс, курган, керамика, пластина, отщеп, скел, поселение, ландшафт

Для цитирования: Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф. Исследование многослойных разнокультурных комплексов Верхнего Причумышья: памятники в урочище Куюк (Широкий Лог-I-II, Куюк-III-V, Октябрьский-I) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 168–173. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.26

**THE STUDY OF MULTILAYERED MULTICULTURAL COMPLEXES
OF THE UPPER CHUMYSH REGION: SITES IN THE KUYUK AREA
(SHIROKY LOG-I-II, KUYUK-III-V, OKTYABRSKY-I)**

Artur L. Kungurov, Olga F. Kungurova
Altai State Museum of Local Lore, Barnaul, Russia

Abstract. The article is devoted to the completion of the publication characterizing the location and features of archaeological sites located in the Upper Chumysh region on the northwestern border of the Tselinny and Eltsovsky regions of the Altai Territory. The described complexes are located in the right-bank zone of the Chumysh river valley. This side of the valley belongs to the spurs of the Salair Ridge. The tract, the name of which was determined by the socle cape of Mount Kuyuk, is bounded by the Shamonikha (Chumanikha) river on the south side, and the valley of the Tatarka river on the north. In addition to these names, a place is known in the mouth zone of the Tatarka River, where the village of Oktyabrskoye was previously located. In front of Cape Kuyuk, the coast forms

a bend in an easterly direction, indented with logs, the largest has the name Shirokiy Log. All these toponyms and hydronyms were used to form the names of the sites discovered in this region: localities, quarry sites (Kuyuk-V), settlements (Shiroky log-I, Kuyuk-III, Oktyabrsky-I) and burial mounds (Shiroky Log-II, Kuyuk-IV).

Keywords: archaeological complex, barrow, ceramics, plate, flake, chip, settlement, landscape

For citation: Kungurov A.L., Kungurova O.F. The Study of Multilayered Multicultural Complexes of the Upper Chumysh Region: Sites in the Kuyuk Area (Shiroky Log-I-II, Kuyuk-III— V, Oktyabrsky-I) // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 168–173. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.26

Отрезок правобережной долины Чумыша от устья р. Шамоники (Чуманики, длина водотока 3 км) до места, где до середины 1980-х гг. располагался пос. Октябрьский, имеет местное наименование «урочище Куюк». При этом данный топоним охватывает и левобережье Чумыша (Кунгуров, Кунгурова, 2022). Борт долины реки является отрогами Салаира. По физико-географическому районированию это Уруно-Ненинский район Салаирской провинции Кузнецко-Салаирской области страны Горы Южной Сибири. Цокольное основание данного участка — слабо-окремненные алевролиты зеленовато-серого и желтовато-серого цветов. Ландшафт региона имеет возвышенный дренированный (элювиальный) лесо-лугово-степной характер. Береговая кромка изрезана логами и имеет долинно-балочную структуру с березовыми байрачными лесами на северных склонах (Алтайский край..., 1978).

На данном отрезке долины Чумыша зафиксировано шесть разнофациальных и разновременных памятников, хотя по особенностям местности археологических объектов, скорее всего, существенно больше, просто местность обследована лишь предварительно (Кунгуров, 2005). Все памятники приурочены к мысам, выделенным в рельефе логами различных параметров. Доминирующими в данном месте являются балка с местным наименованием Широкий лог (длина около 2,5 км), крупный цокольный мыс, высотой 40 м, давший наименование всему урочищу — Куюк. С севера участок долины ограничивает р. Татарка (длина 62 км), в устьевой зоне которой раньше располагалась с. Октябрьское. Перед цокольным мысом Куюк борт правобережья образует изгиб в восточном направлении, изрезанный разновременными логами (рис. 1). Южнее его устья, расположенного в 1,6 км севернее левобережной северной окраины с. Степь-Чумыш и в 1,7 км северо-северо-восточнее устья р. Шамоники (Чуманики), зафиксированы три памятника (рис. 1). Археологические комплексы левобережья Чумыша из урочища Куюк уже опубликованы (Кунгуров, Кунгурова, 2022).

1. Широкий Лог-I. Два поселения раннего железного века, расположенные на левом борту устьевого участка лога, разделенного небольшой ложной. Немногочисленные находки из сборов с разрушений представлены фрагментами керамики, характерными по внешнему облику для быстринской культуры 2-й половины I тыс. до н.э., алевролитовыми сколами и отщепами корначакской неолитической культуры VII–VI тыс. до н.э.

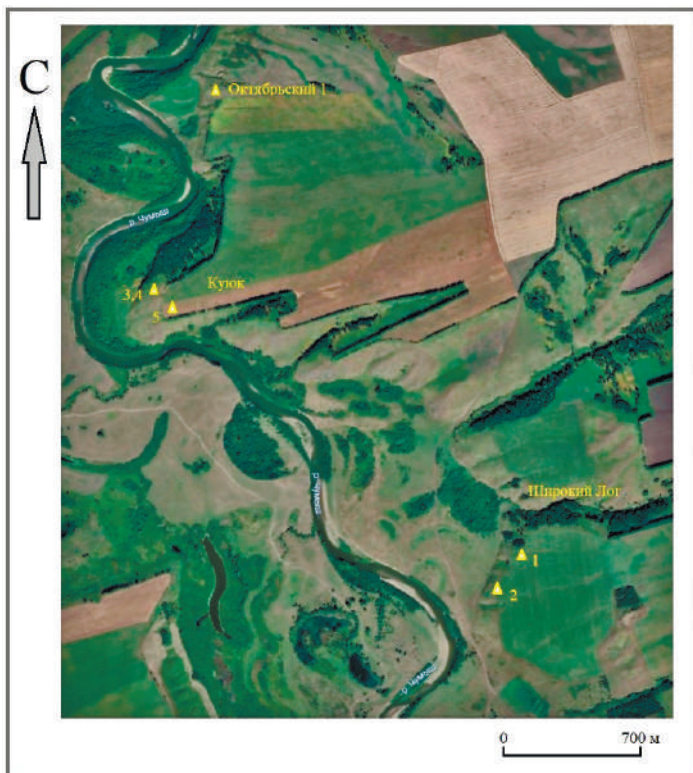

Рис. 1. Расположение археологических памятников в урочище Куяк (правый берег р. Чумыш)
 Fig. 1. Location of archaeological sites in the Kuyuk tract (right bank of the Chumysh River)

2. Широкий Лог-II. Одиночный курган, расположенный в 180 м юго-восточнее предыдущего памятника и устья лога, на небольшом мысе высотой около 10 м, выделенном двумя пологими лощинами. Курган раскопан (Кунгуров, 2005). Его размеры 8,5×9 м, высота 0,4 м. Погребение полностью разграблено. В западном секторе насыпи расчищены остатки поминальной тризны (кости мелкого рогатого скота, древесный уголь, мелкие обломки керамики), в восточном — два развала сосудов закрытой горшковидной формы (рис. 2.-13). Более крупный орнаментирован жемчужником с разделителем в виде оттисков овального гладкого штампа. Выше и ниже полосы жемчужника нанесены горизонтальные линии, образованные ямками-наколами. Меньший по размерам сосуд украшен линией жемчужника с разделителем ямками-наколами. Над ней под кромкой отогнутого наружу венчика расположена линия оттисков округлого гладкого штампа с разделением аналогичными наколами. С сосудами находилась подпрямоугольная плочка — курильница из бурого песчаника (рис. 2.-9).

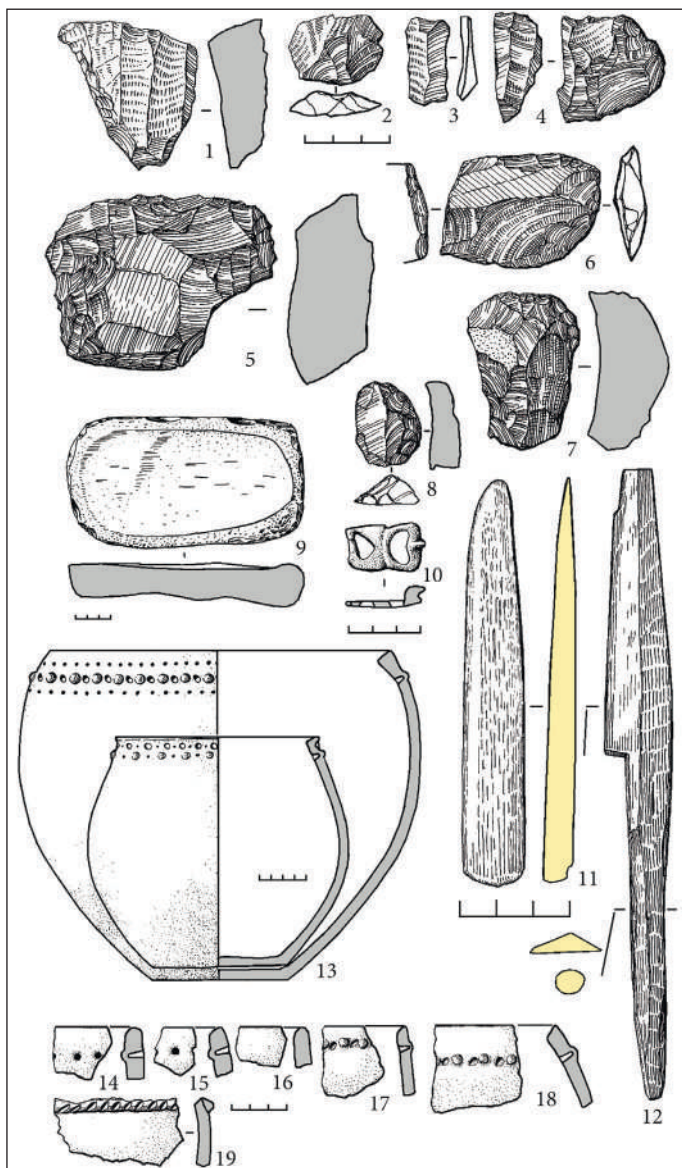

Рис. 2. Находки с памятников в урочище Куюк (правый берег р. Чумыш): Куюк-V (1–8, 10), Широкий лог II (9, 13), Октябрьский-I (14–19), находки на отмелях Чумыша (11, 12)

Fig. 2. Finds from sites in the Kuyuk tract (right bank of the Chumysh River): Kuyuk-V (1–8, 10), Shiroky Log-II (9, 13), Oktyabrsky-I (14–19), finds in the Chumysh shallows (11, 12)

Три памятника связаны с мысом Куюк, сложенным алевролитом, который перекрыт слабым чехлом рыхлых отложений по срединной части (лессовидная желтовато-серая супесь) и 30-сантиметровым гумусовым почвенным слоем (выщелоченный чернозем). На северо-западной оконечности мыса мощность рыхлой толщи увеличивается (рис. 1).

3. Куюк-III. Поселение на мысе высотой около 15–20 м, отделенном от Куюка глубоким логом (рис. 1). В начале мыса находится одиночный курган Куюк-IV, а на оконечности зафиксирован неолитический слой корначакской культуры. Собранный материал представлен преимущественно алевролитовыми пластинчатыми сколами и отщепами.

4. Куюк-IV. Одиночный курган диаметром 12 м и высотой 1 м, расположенный на описанном выше мысе. Возможно, курган аналогичен раскопанному объекту Широкий Лог-II и разрушенным курганам в устьях рек Васиха (находка человеческого черепа и бронзового котла) и Шамониha (находки бронзового котла и мраморной головы) (Кунгуров, 2005).

5. Куюк-V. Многослойный памятник, содержащий культурный слой быстрианской культуры раннего железного века и материалы алевролитовой каменоломни-мастерской нижнекатунской верхнепалеолитической культуры (15–12 тыс. лет назад). Первоначально памятник был открыт благодаря случайной находке бронзовой пряжки с двумя выемками для крепления (подтреугольной формы) и продевания (месяцевидной формы) ремня, имеющей выступающий неподвижный язычок (рис. 2.-10). Позже была зафиксирована керамика быстрианской культуры эпохи раннего железа и горизонт каменоломни. Последний комплекс отражает полный цикл утилизации алевролита: от процесса добывания минерального ресурса из цоколя мыса до изготовления скребков, скребел, рубящих и режущих инструментов, а также расщепления нуклеусов для получения пластинчатых заготовок (рис. 2.-1–8). Материал демонстрирует наиболее раннюю традицию использования местного некачественного сырья, которая позднее прослеживается в корначакской неолитической культуре.

6. Октябрьский-I. Поселение на мысе высотой около 17 м в 1,2 км к северо-северо-востоку от комплекса Куюк-V и в 1,6 км к юго-юго-западу от устья р. Татарки, долина которой охватывает низину правобережья Чумыша, занятую ранее с. Октябрьское, с востока, севера и запада, образуя большую петлю (рис. 1). Сам мыс образован небольшим логом и изгибом поймы Чумыша. В пашне собрана керамика быстрианской культуры раннего железного века. Несколько десятков фрагментов керамических сосудов орнамента не имеют, в том числе один венчик (рис. 2.-16). Два венчика украшены ямками, образующими «обратные жемчужины» (рис. 2.-14, 15); два орнаментированы строкой «жемчужника с разделителем», представленным оттисками овального гладкого штампа (рис. 2.-17, 18). Представлен также фрагмент тулова с наlepным валиком, рассеченным гладкими оттисками овального штампа, наклоненными вправо (рис. 2.-19).

На отмелях Чумыша в районе бывшего с. Октябрьского в 70-х гг. прошлого века были найдены два костяных изделия, судя по их сохранности, выпавшие из береговых осей. Одно изделие — это костяной нож-острие, изготовленный из ре-

бра КРС с помощью скобления и шлифовки (рис. 2.-11). Второй артефакт — крупный наконечник остроги с выступом-зубцом на одной стороне (рис. 2.-12). Одна плоскость изделия ровная, другая двугранная. Черен округлый в сечении. Обработка наконечника достаточно грубая — обрезка, строгание и скобление, абразивная шлифовка. Изделия в целом характерны для комплексов раннего железного века.

Список источников

Алтайский край : Атлас. Т. 1. М. ; Барнаул, 1978. 222 с.

Кунгуров А.Л. Археологические памятники и находки Целинного района // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история). Вып. 1. Барнаул, 2005. С. 5–41.

Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф. Исследование многослойных разнотипных комплексов Верхнего Причумышья: Куюк-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVIII. Барнаул, 2022. С. 262–268.

Информация об авторах / Information about the Authors

Артур Леонидович Кунгуров, Алтайский государственный краеведческий музей, экспозиционно-выставочный отдел, старший научный сотрудник; 656043, Россия, г. Барнаул, ул. Ползунова, 39; кандидат исторических наук, доцент; artur.kungurov@mail.ru

Artur L. Kungurov, Altai State Museum of Local Lore, Exposition and Exhibition Department, Senior Researcher; 656043, Russia, Barnaul, Polzunova Str. 39; Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; artur.kungurov@mail.ru

Ольга Фридриховна Кунгурова, Алтайский государственный краеведческий музей, экспозиционно-выставочный отдел, научный сотрудник; 656043, Россия, г. Барнаул, ул. Ползунова, 39; кандидат философских наук, доцент; kungurovaof@mail.ru

Olga F. Kungurova, Altai State Museum of Local Lore, Exposition and Exhibition Department, Researcher; 656043, Russia, Barnaul, Polzunova Str. 39; Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor; kungurovaof@mail.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.53

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.27

КРАТКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБЕНИЙ МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАНА №8 МОГИЛЬНИКА ПЕСЧАНЫЙ-1 В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ РФ

Надежда Викторовна Леонова¹, Сергей Алексеевич Пилипенко²

¹Государственный исторический музей, Москва, Россия

²Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск, Россия

Резюме. В Ростовской области обнаружено большое количество памятников различных эпох древности. Однако, как и во многих субъектах Российской Федерации, регион исследован неравномерно. Исследования археологических памятников

средневековых кочевников, особенно монгольского периода, являются одной из актуальных проблем современной археологии. Раскопки распаханного курганного могильника Песчаный-I 2015 г. в Ремонтненском районе дважды актуальны. Во-первых, с точки зрения спасательной археологии. Во-вторых, с точки зрения междисциплинарных исследований, которым подверглись отдельные категории погребального инвентаря. В настоящее время межрегиональная команда исследователей готовит материалы средневековых погребений к публикации, подвергая их междисциплинарному всестороннему исследованию. В статье представлены первые результаты анализа.

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект №22-18-00593. Авторы благодарны Н.И. Шишиной за предоставленную возможность знакомства с материалом.

Ключевые слова: средневековые кочевники, могильник Песчаный-I, Ростовская область, берестяные изделия, колчан, бокка, ГИМ

Для цитирования: Леонова Н.В., Пилипенко С.А. Краткие результаты исследования погребений монгольского времени из кургана №8 могильника Песчаный-I в Ростовской области РФ // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 173–180. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.27

BRIEF RESULTS OF THE STUDY OF BURIALS OF THE MONGOLIAN TIME FROM MOUND 8 OF THE PESCHANY-I BURIAL GROUND IN THE ROSTOV REGION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Nadezhda V. Leonova¹, Sergey A. Pilipenko²

¹State Historical Museum, Moscow, Russia

²Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia

Abstract. The Rostov region is famous for the variety of forms and the number of sites from different eras of antiquity. But, as in many subjects of the Russian Federation, the region has not been studied evenly. The study of archaeological sites of medieval nomads, especially of the Mongolian period, is one of the urgent problems of modern archaeology. Studies of the Peschany-I plowed burial ground 2015 in the Remontnensky district are twice as relevant. Firstly, it is relevant from the point of view of rescue archaeology. They are also relevant from the point of view of interdisciplinary research which certain categories of grave goods were subjected to. Currently, an interregional team of researchers is preparing the materials of medieval burials for publication, subjecting them to an interdisciplinary comprehensive study. The first results have been brought to your attention.

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00593. The authors are grateful to N.I. Shishlina for the opportunity to get acquainted with the material.

Keywords: medieval nomads, Peschany-I burial ground, Rostov region, birch bark items, quiver, bokka, State Historical Museum

For citations: Leonova N.V., Pilipenko S.A. Brief Results of the Study of Burials of the Mongolian Time from Mound 8 of the Peschany-I Burial Ground in the Rostov Region of the Russian Federation // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 173–180. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.27

Целью публикации является введение в научный оборот материалов исследования кургана №8 курганного могильника Песчаный-I, относящихся к золотоордынскому периоду.

Курганный могильник Песчаный-I расположен в Ремонтненском районе Ростовской области РФ (рис. 1.-1, 2).

Рис. 1. 1 — скриншот с обозначением региона исследования: Ростовская область, Ремонтненский район; 2 — локализация курганного могильника Песчаный-I в Ремонтненском районе Ростовской области

Fig. 1. 1 — screenshot with the designation of the study region: Rostov region, Remontnensky district: Rostov region, Remontnensky district; 2 — localization of the Peschany-I burial mound in the Remontnensky district of the Rostov region

Он был впервые выявлен в 1993 г. экспедицией Новочеркасского музея истории Донского казачества в 6,5 км к северо-востоку от с. Ремонтное на водораздельном плато между балками Песчаная и Малая Элиста. В 2014 г. Степной археологической экспедицией ГИМ в ходе планового мониторинга археологических памятников Ремонтненского района на участке, отведенном под пашню, было идентифицировано 10 курганных насыпей, относящихся к данному могильнику.

В 2015 г. Степной археологической экспедицией ГИМ под руководством Н.И. Шишлиной были проведены спасательные раскопки кургана №8, расположенного в западной части курганного могильника (рис. 2). Курган раскапывался с использованием бульдозера ДТ-170, которым производилось горизонтальное снятие грунта в траншеях пластами толщиной 7–10 см до материка. После каждой ходки обнаженная бульдозером поверхность тщательно осматривалась с целью выявления пятен заглубленных объектов и артефактов. Зачистка профилей кургана, поверхности в траншеях, пятен погребальных и жертвенных комплексов осуществлялась вручную. Заполнение погребений и ровика расчищалось поэтапно с промежуточной фиксацией деталей. В процессе раскопок проводилась графическая и фотофиксация выявленных объектов археологии и палеопочв, описание собранного археологического, антропологического, палеоботанического и палеопочвенного материала. Все объекты нивелировались с использованием электронного тахеометра (Шишлина, 2016, с. 13).

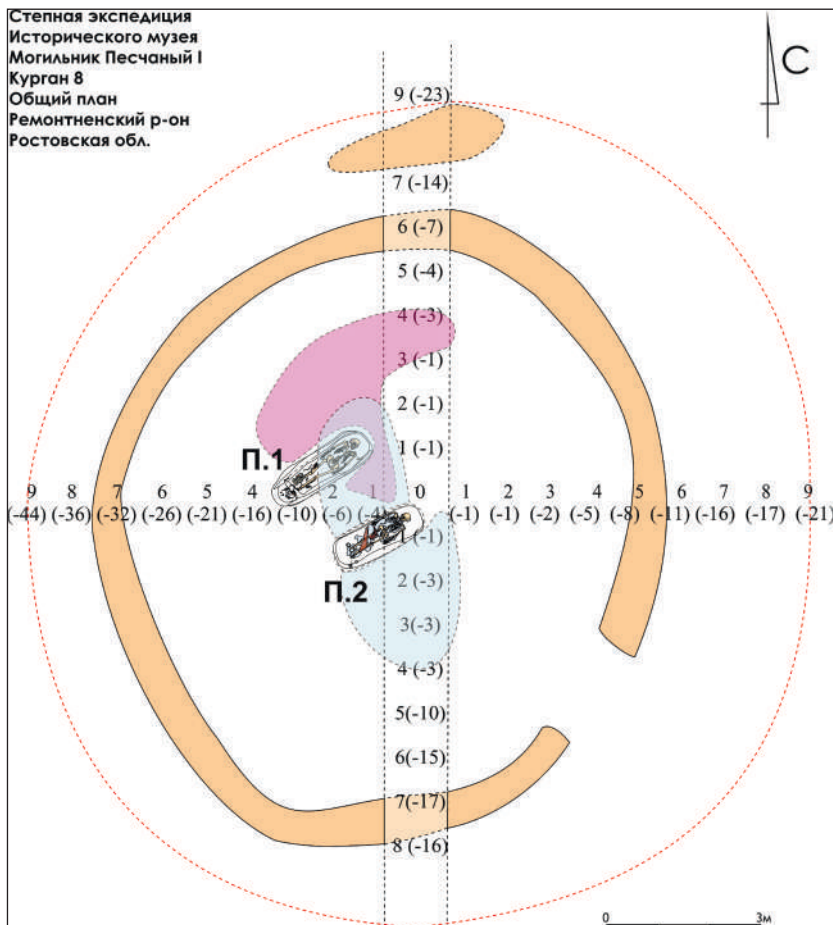

Рис. 2. Могильник Песчаный-I. Общий план кургана №8
Fig. 2. Peschany-I burial ground. The general plan of mound 8

Насыпь кургана была овальной в плане формы, вытянута по линии запад-восток, верхняя часть срезана. Внешний диаметр кургана 18×15 м. При зачистке материкового горизонта на глубине –70 см были зафиксированы два пятна могильных ям захоронения 1 и 2, а также два пятна окологурганьных ровиков.

Следует отметить, что погребенная почва распространяется за пределы ровиков. Подобная ситуация может быть связана с тем, что курганная насыпь оплыла в ровик в течение небольшого промежутка времени. Это означает, что насыпь могла быть высокой и крутой, практически конусовидной.

В ходе зачистки траншей были зафиксированы следы материковых выкидов из погребений 1 и 2, которые, как показала стратиграфия и планиграфия кургана, оказались перекрыты основной насыпью — серовато-бурым суглинком с карбонатами, ее мощность достигала 30–50 см. Последовательность выкидов, позволяет предположить, что сначала выкопали яму для захоронения 1, потом — для захоронения 2.

Первый околкурганский ровик с перемычкой в юго-восточной части опоясывал два основных погребения и саму насыпь кургана, его диаметр 15×13 м. Второй ровик овальной формы располагался в северной части кургана и имел размеры 420×110 см.

Под насыпью кургана было найдено два захоронения.

Погребение 1. Могильная конструкция представляла собой овальную яму с заплечиками, ориентированную по линии СВ–ЮЗ. Размеры ямы 241×75 см. Заполнение могильной ямы — мешаный суглинок с большим включением фрагментов бересты, железа у дна могилы (фрагменты изделий) и мелких фрагментов деревянных плашек (вероятно, детали перекрытия). В погребении лежал скелет взрослого мужчины (рис. 3.-1).

Рис. 3. Могильник Песчаный-I. Курган №8: 1 — погребение 1; 2 — погребение 2
Fig. 3. Peschany-I burial ground. Mound 8: 1 — burial 1; 2 — burial 2

Костяк погребенного лежал вытянуто на спине, череп ориентирован на северо-восток. В ногах погребенного лежали железное стремя, рукоять ножа, фрагменты наконечников стрел, кресало, железная мисочка. Там же фиксировались разрозненные фрагменты бересты, ее сохранность не позволяет однозначно сказать, какое изделие из нее было сделано. В заполнении могильной ямы найдены железная пряжка, колчаный железный крючок и фрагменты железных удил. Справа от погребенного лежали остатки колчана, состоящего из конгломерата бересты, корродированного железа и костяных (роговых) накладок. Накладки на колчан были покрыты орнаментом с внешней стороны и косой сеткой для приклеивания с внутренней (рис. 4.-1). Подобные орнаментированные накладки хорошо известны по материалам кочевнических погребений золотоордынского периода европейской части Евразии (Малиновская, 1974, с. 132; Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998, табл. II.-9–19). Распительный орнамент пластин инкрустирован черной пастой.

Погребение 2. Располагалось на расстоянии 1 м к юго-востоку от погребения 1. Могильная конструкция представляла собой овальную яму с небольшими заплечиками, ориентированную по линии СВ–ЮЗ. Размеры ямы 205×75 см. Заполнение могильной ямы — мешаный суглинок с мелкими фрагментами деревянных плашек (вероятно, детали перекрытия) и бересты.

На дне могилы лежал скелет взрослой женщины вытянуто на спине, ориентированный черепом на северо-восток. Лицевая часть черепа обращена к юго-западу (рис. 3.-2).

В ногах погребенной лежали фрагменты железных стремян, удила, железный нож, железная мисочка, глиняное пряслице. Между левым крылом таза и кистью левой руки располагались железные ножницы. Слева от черепа найдена бронзовая серьга. На костях погребенной, перекрывая наискось ноги, зафиксирован темно-коричневый тлен, предположительно от кожи (одежда?).

При расчистке погребения в районе правого бедра был выявлен берестяной каркас головного убора («бокка») (рис. 4.-2). В некоторых местах на каркасе фиксировались остатки переплетения нитей, видимо, береста была обтянута тканью. Поверхность бересты была красного цвета (Шишлина, 2016, рис. 45).

На сегодняшний день изучение средневековых головных уборов кочевников Евразийских степей является одной из актуальных проблем современной археологии. Многие из бокк дошли до нас в разной степени сохранности. Мы условно разделили все выявленные случаи нахождения бокк на две группы. К первой группе мы относим захоронения, где располагались изделия с различной степенью сохранности значительной части берестяных деталей, позволяющей восстановить общие конструктивные элементы и параметры объекта. Ко второй группе мы относим погребения, когда в могиле сохранились элементы оформления бокки и незначительная часть ее берестяных деталей (Пилипенко, Моржернин, 2022, с. 236). Бокку из погребения 2 кургана №8 могильника Песчаный-I мы относим к первой группе. Основные конструктивные детали бокки из этого захоронения сохранили форму, что

позволило взять объект монолитом и перевезти в фонды Государственного исторического музея (рис. 4.-2). Бокка имеет сапожковидную капитель, это позволяет отнести ее к золотоордынской разновидности бокк. Подобные бокки имели различные габариты как по высоте, так и по ширине отдельных деталей. Возможно, это было вызвано различными вкусовыми, социальными и этническими особенностями заказчиков. Наличие такого головного убора все известные восточные и западно-европейские источники связывают с замужеством женщин в монгольском обществе.

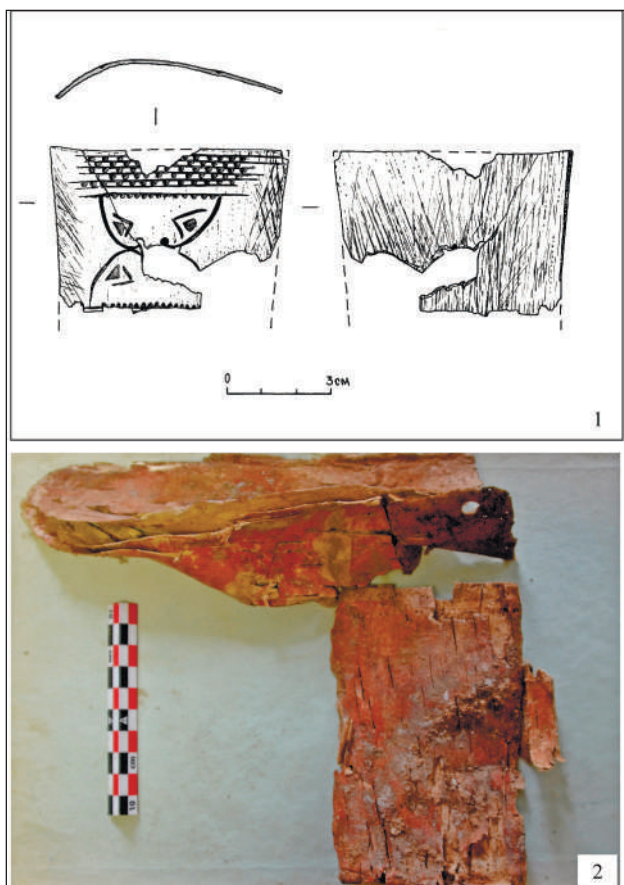

Рис. 4. Могильник Песчаный-I. Курган №8: 1 — погребение 1, фрагмент костяной накладки, расположенной на верхней части колчана; 2 — погребение 2, берестяной каркас головного убора бокки
 Fig. 4. Peschany I burial ground. Mound 8: 1 — burial 1, a fragment of a bone lining found on a quiver; 2 — burial 2, birch bark frame of a bocca headress

По особенностям погребального обряда и инвентарю мы относим погребения 1 и 2 кургана №8 курганного могильника Песчаный-1 к золотоордынскому времени (Мыськов, 2015, с. 32–33). Оба захоронения были совершены предположительно одновременно. Вокруг обоих захоронений в плане, а вокруг погребения 2 — в профиле центральной бровки хорошо прослеживались материковые выкиды. Над двумя захоронениями и был насыпан курган. Для его сооружения использовался верхний дерновый слой, современный времени захоронения, и материковые выкиды. Земля бралась из околурганного ровика с перемычкой — обычная традиция для золотоордынских захоронений этого времени. Дополнительно использовалась земля и из северного ровика для подсыпки. Диаметр древнего кургана составил 12 м. Впоследствии насыпь кургана оползла и перекрыла ровики.

Дальнейшие исследования полученных в ходе проведенных работ материалов позволят получить новые актуальные научные данные. Планируется использование междисциплинарного подхода при изучении средневековых артефактов.

Список источников

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX — XV века). Уфа, 1998. 336 с.

Малиновская Н.В. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории Евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 132–175.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой орды. Волгоград, 2015. 484 с.

Пилипенко С.А., Моржернин К.Ю. Детали бокки из погр. 2 могильника Басы-1 (Малиновский) // Степные миры в зеркале археологии. Нур-Султан, 2022. С. 236–241.

Шишлина Н.И. Отчет об археологических исследованиях в Ремонтненском районе Ростовской области в 2015 г. М., 2016 // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1, д. №45641.

Информация об авторах/ Information about the Authors

Сергей Алексеевич Пилипенко, Новосибирский государственный университет экономики и управления, кафедра философии и гуманитарных наук; 630007, Россия, г. Новосибирск, а/я №211; преподаватель; <https://orcid.org/0000-0001-7963-9891>, Pilipenkosergej@mail.ru

Sergey A. Pilipenko, Novosibirsk State University of Economics and Management, Department of Philosophy and Humanities; 630007, Russia, Novosibirsk, a/z No. 211; Lecturer; <https://orcid.org/0000-0001-7963-9891>, Pilipenkosergej@mail.ru

Надежда Викторовна Леонова, Государственный исторический музей, научный сотрудник; 109012, Россия, г. Москва, ул. Красная площадь, 1; <https://orcid.org/0000-0001-7256-8381>, nvleonova@mail.ru

Nadezhda V. Leonova, State Historical Museum, Researcher; 109012, Russia, Moscow, st. Red Square, 1; <https://orcid.org/0000-0001-7256-8381>, nvleonova@mail.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

ОБ ОДНОМ СОСУДЕ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ КРАСНОГО ЯРА В ПРЕДГОРЬЯХ АЛТАЯ (форма, технология и семантика)

Леонид Сергеевич Марсадолов¹, Илья Андреевич Савко²⁻⁴

¹Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

³Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

⁴Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Резюме. Статья посвящена комплексному анализу сосуда из могильника андроновской (федоровской) культуры, расположенного близ с. Красный Яр в Советском районе Алтайского края. Сосуд был найден экспедицией С.М. Сергеева в 1930 г. в ходе раскопок детского погребения из кургана №1, материалы которого на данный момент хранятся в фондах Государственного Эрмитажа. Этот сосуд имеет традиционные для большинства андроновских горшковидных форм способы формообразования, обработки поверхности, обжига изделий, а также форму и размеры орнамента. Однако в форме и в стилистике есть нетипичные признаки: средние/низкие пропорции предплечья и тулова, асимметрия отпечатков орнамента. Нестандартная форма и орнаментальная композиция могла быть связана с тем, что у гончара на момент лепки сосуда устойчивые представления о классической форме и орнаментации изделий горшковидной формы еще не сформировались, либо человек, изготовивший сосуд, был носителем какой-то другой традиции, отличной от остальной группы населения. Основная идея, которая была вложена в орнаментацию этого сосуда, — помочь ребенку в последующем возрождении, в том числе с помощью астрономических знаний.

Ключевые слова: андроновская (федоровская) культура, предгорья Алтая, историко-культурный подход, семантика орнамента

Благодарности: исследование выполнено в рамках проекта «Междисциплинарное изучение древних и средневековых обществ Алтая», проект №(FZMW-2023-0009) Государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации».

Для цитирования: Марсадолов Л.С., Савко И.А. Об одном сосуде андроновской культуры из Красного Яра в Предгорьях Алтая (форма, технология и семантика) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 181–190. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.28

ABOUT ONE VESSEL OF THE ANDRONOVO CULTURE FROM THE “KRASNY YAR” VILLAGE IN THE FOOTHILLS OF ALTAI (Form, Technology and Semantics)

Leonid S. Marsadolov¹, Ilya A. Savko²⁻⁴

¹The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

³Altai State University, Barnaul, Russia

⁴Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article is devoted to a complex analysis of the vessel from the burial site of the Andronovo (Fedorovo) culture located near the village of Krasny Yar in the Sovetsky district of the Altai Territory. The vessel was found by the expedition of S.M. Sergeev in 1930 during the excavations of a child's burial from barrow No 1, the materials of which are currently held in the State Hermitage funds. This vessel has traditional for the majority of Andronovo pot-shaped forms ways of shaping, surface treatment, firing of products, as well as the form and size of the ornamentation. However, in the form and in the stylistics there are not typical features — medium/low proportions of the brachium and body, asymmetry of the imprints of the ornament. The non-standard form and ornamental composition could be due to the fact that the potter at the time of molding the vessel had not yet formed stable ideas about the classic form and ornamentation of pot-shaped products, or the person who made the vessel, was a bearer of some other tradition different from the rest of the population. The main idea, which was invested in the ornamentation of this vessel — to help the child in the subsequent Renaissance, also with the help of astronomical knowledge.

Keywords: Andronovo (Fedorovka) culture, Altai foothills, historical and cultural approach, ornamental semantics

Acknowledgments: the reported study was funded by state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project FZMW-2023-0009 “Interdisciplinary Study of Ancient Societies of Altai”).

For citation: Marsadolov L.S., Savko I.A. About One Vessel of the Andronovo Culture from the “Krasny Yar” Village in the Foothills of Altai (Form, Technology and Semantics) // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 181–190. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.28

Введение. Керамические сосуды являются уникальными источниками, своеобразным хранилищем информации о том историческом времени, когда они были созданы. В последние десятилетия изучение керамики проводится в рамках историко-культурного подхода (Бобринский, 1978, 1999). Семантика орнаментации на сосудах пока занимает более скромное место в археологических исследованиях, хотя именно она и отражает традиционные аспекты духовной культуры того населения, которое производило и использовало эту посуду для разных целей. В технологическом и в семантическом аспекте наиболее показательна керамика андроновской (федоровской) культуры. С одной стороны, изучение технологии изготовления керамики позволяет решить до сих пор не ясные вопросы периодизации и культурного состава андроновского населения. С другой стороны, богатство и геометризм орнамента андроновской посуды дает исследователям широкое поле для поиска смысла изображений и, безусловно, позволяет на новом уровне изучать духовную культуру этого древнего общества.

Материалы и методы. Могильник Красный Яр (Змеевка) открыт в 1929 г. археологической экспедицией Бийского краеведческого музея под руководством С.М. Сергеева и М.Д. Копытова. В том же году С.М. Сергеев начал раскопки, продолжив их в 1930 г. (БКМ. ДО. Ф. 2. Д. 25. Л. 6). В результате двухлетних работ было исследовано восемь курганов, в которых выявлено 23 погребения, 11 из которых относились к андроновской (федоровской) культуре; одно — к ирменской культуре; восемь — к сrostкинской культуре, датировка еще трех

не определена. Изначально могильник был обозначен автором раскопок по названию ближайшего населенного пункта — Красный Яр. Аналогичным образом С.М. Сергеевым был назван могильник раннего железного века, который располагался в нескольких километрах к востоку от данного некрополя (Абдулганеев, 1999, с. 102, рис. 1). Позднее С.В. Киселев (1951, с. 88) в первой обобщающей работе по археологии Южной Сибири указывал могильник именно с таким названием. М.П. Грязнов (1956, с. 16–17) в книге «История древних племен Верхней Оби» назвал его Змеевка, по ближайшей реке. В дальнейшем среди исследователей закрепилось именно это название памятника, которое на сегодняшний момент стало официальным наименованием ОАН в едином государственном реестре памятников истории и культуры¹.

Материалы данного некрополя, за исключением отдельных артефактов, практически полностью опубликованы в работах М.П. Грязнова (1956), Н.Л. Членовой (1976) и С.В. Неверова (1982). В фондах Государственного Эрмитажа хранится коллекция керамики (колл. №251) из раскопок 1930 г., включающая десять сосудов, восемь из которых относятся к андроновской (федоровской) культуре.

В рамках данной статьи речь пойдет о сосуде из кургана №1, погребения 1 (ГЭ, оф. колл. 251/1). Описание контекста находки указано в литературе (Членова, 1976, с. 76), отметим лишь, что сосуд находился у головы и был обнаружен в погребении ребенка, уложенного скорченно на левом боку, головой на запад.

Форма, технология и стилистика декора. Горшок (рис. 1) имеет слабопрофилированную форму с низко расположенным туловом, длинным предплечьем и почти не выраженной шеей (диаметры: венчик — 13,8 см, шея — 13,4 см, тулово — 13,8 см, дно — 8,4 см; высоты: тулово — 5,5 см, плечо — 5,3 см; шея — 1 см; общая высота — 11,8 см). По методике анализа форм А.А. Бобринского (Формы глиняных сосудов..., 2018) данный сосуд относится к пятичастной форме со структурой — губа+шея+предплечье+тулово+основание тулова, и имеет общую пропорциональность (H/D_{max}) 0,84, что в целом является низким значением для горшковидных сосудов андроновской культуры. Средние/низкие пропорции тулова и предплечья, которые практически равны друг другу по занимаемой площади, сближают данную форму с позднеандоновской керамикой из могильника Чекановский Лог-2 (Савко, Холошин, 2022, с. 110–111), а также ряда других памятников андроновской (федоровской) культуры Алтая (Кузьмина, 2008, с. 217, 223).

Изучить особенности исходного сырья, формовочных масс и способов конструирования сосуда, не разрушая изделие, не представлялось возможным, поэтому данные об этих ступенях гончарного производства получены фрагментарно. На поверхности присутствовали отдельные остроугольные части, что, возможно, по аналогии с другими сосудами свидетельствует о добавке дресвы в формовочную массу. Формообразование сосуда происходило

¹ Официальный сайт Минкультуры России. URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/51/180061>

при помощи выдавливания пальцами и выбивания, о применении которого свидетельствуют следы в виде уплощенных площадок на внешней поверхности сосуда в районе придонной части и тулова. Обработка внешней поверхности сосуда (а также внутренней части венчика) осуществлялась с помощью лощения по сухой и дополнительно смоченной поверхности сосуда, для которого характерен матовый блеск и отсутствие желобков, оставляемых лощилом по подсушенной поверхности. Цвет внешней и внутренней поверхности неравномерный, имеет пятнистость, которая выражается в сочетании участков оранжевого, темно-коричневого, черного или серого цвета, что свидетельствует о том, что обжиг осуществлялся в условиях полувосстановительной среды (Цетлин, 2017, с. 280).

Орнамент на сосуде был нанесен при помощи мелкозубчатого штампа в технике прокатывания. В поперечном и продольном сечении зубцы имели прямоугольную форму. Размеры зубцов — от 1 до 1,5 мм (рис. 1.-5-6). Длина отпечатков штампа 2,8–3 см. Венчик сосуда орнаментирован рядом равнобедренных треугольников, предплечье — двумя или тремя рядами горизонтального зигзага, на тулове располагался орнамент в виде креста, состоящий из четырех перпендикулярных линий. Разделителем между зонами были линии штампа. Ряды штампа, которые оформляли элементы орнамента, часто накладывались друг на друга, пересекались, что в целом определяло асимметрию в стилистике декора.

Орнаментальная композиция сосуда. В центральной части тулова сосуда из Красного Яра находится большой горизонтально расположенный орнаментальный «зигзаг», состоящий из семи крупных участков (рис. 2). Вероятно, нужно считать не только верхние «вершины», но и нижние «западины», что соответствует семи верхним + семи нижним = 14 «вершинам» и «западинам» на этом «зигзаге» (рис. 2.-Б). На горле сосуда также расположено 14 треугольников, которые разделены небольшими пробелами/разрывами ряда после 2, 3, 4, 5 и 7-го треугольников (рис. 2.-В).

Вероятно, на сосуде показаны разные фазы движения Луны. Число «7» часто ассоциируется с числом дней в неделе и соответствует лунному полумесяцу, равному полукругу или половине диска луны, а число 14 ($7 \times 2 = 14$ дней) обычно связывают с полнолунием — с круглым ярким лунным диском. С эпохи палеолита было известно, что на основе не очень сложных астрономических наблюдений (Фролов, 1974) можно проследить на небе постоянные повторяющиеся через 7 дней изменения четырех фаз Луны, связанные с ее освещенностью (до 100% при полнолунии и практически до 0% — при новолунии). После новолуния наблюдается фаза роста лунного «серпа» через 2, 3–5, 7 дней — до полнолуния на 14-й день, а затем постепенное уменьшение размеров лунного диска до нового новолуния, еще через 14 дней, т.е. $14 + 14 = 28$ = полный лунный месяц, состоящий из двух половин или четырех недель.

В системы счета часто закладывали двойные, тройные и более значимые смыслы, так как календарный счет ведется не только по дням, но и по неделям, месяцам и годам. В связи с этим находит объяснение и знак «косого

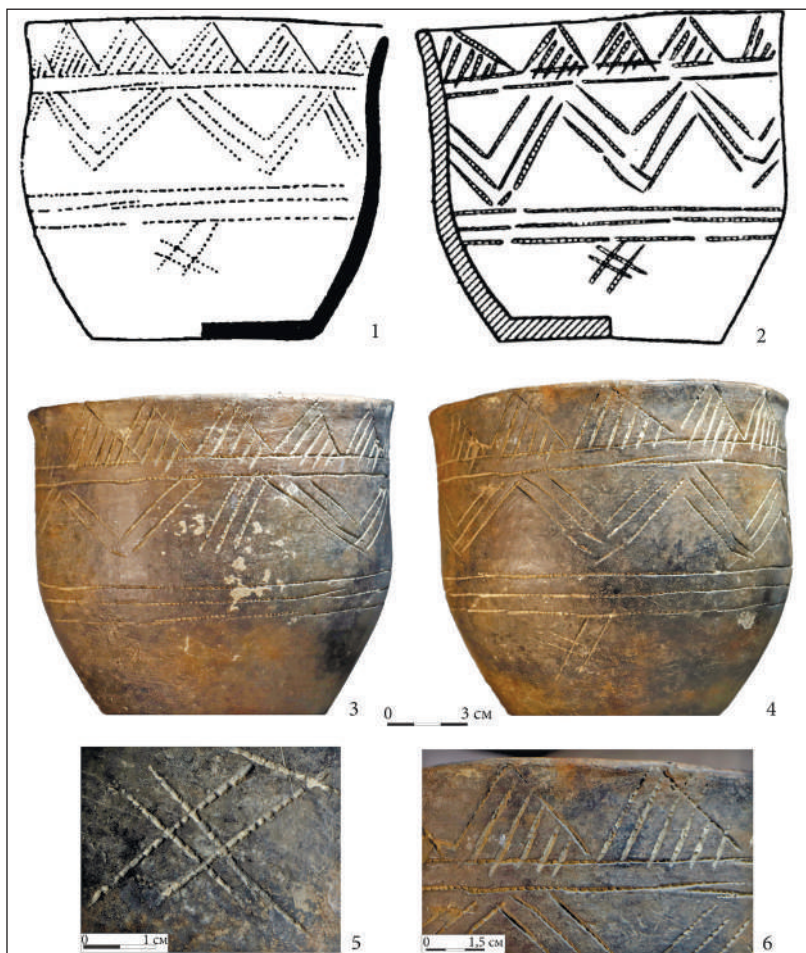

Рис. 1. Сосуд из могильника Красный Яр (Змеевка): 1 — прорисовка сосуда из монографии М.П. Грязнова (1956, с. 19, рис. 2.-1); 2 — прорисовка сосуда из статьи Н.Л. Членовой (1976, с. 79, рис. 3.-1); 3-4 — фотографии сосуда с разных ракурсов (ГЭ, колл. 251/1);

5-6 — макрофотографии отпечатков орнамента (3-6 — фотографии И.А. Савко)

Fig. 1. Vessel from the Krasny Yar (Zmeevka) burial ground: 1 — drawing of the vessel from the monograph by M.P. Gryaznov (1956, p. 19, fig. 2.-1); 2 — drawing of the vessel from the article by N.L. Chlenova (1976, p. 79, fig. 3.-1); 3-4 — photographs of the vessel from different angles (GE, coll. 251/1); 5-6 — macrophotographs of ornament prints (3-6 — photos by I.A. Savko)

креста» (в виде буквы «X»). Этот знак стоит напротив девятой «западины» при подсчетах 14 «вершин» и «западин» на «зигзаге», а также отделен от него расположенными выше тремя круговыми линиями. С одной стороны, нет

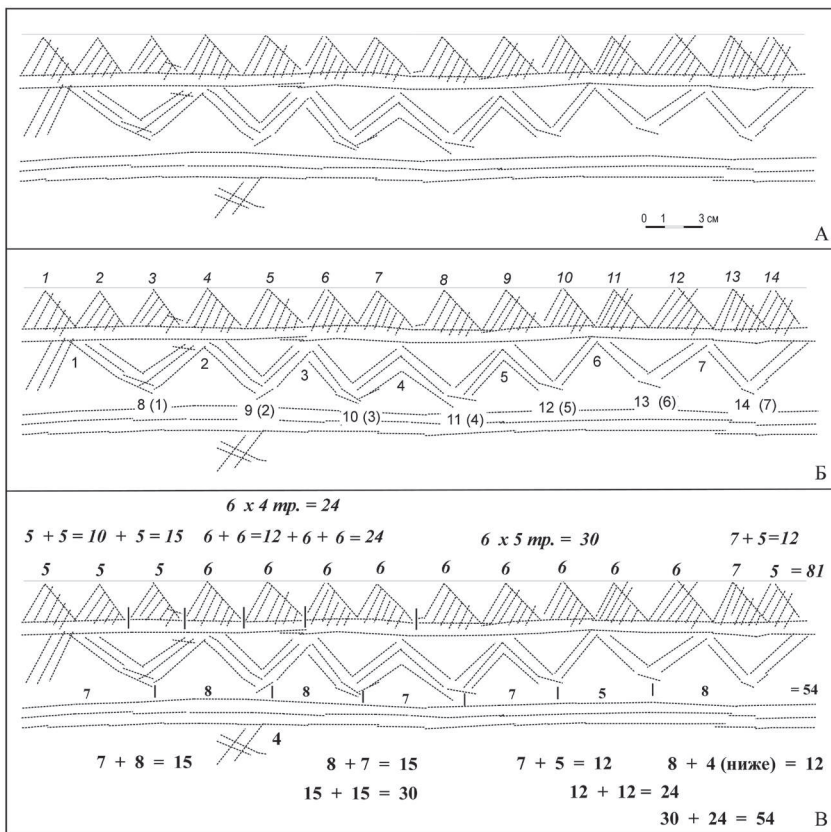

Рис. 2. Прорисовка орнамента на сосуде из Красного Яра и основы для семантического анализа: А — общий вид развертки орнамента (прорисовка И.А. Савко, с дополнениями Л.С. Марсадолова); Б — число основных элементов орнамента (от 1 до 14); В — число наклонных линий у верхних треугольников и у большого «зигзага» (Б, В — составлено Л.С. Марсадоловым)

Fig. 2. Drawing of the ornament on the vessel from the Krasny Yar and the basis for semantic analysis: А — general view of the pattern of the ornament (drawing by I.A. Savko, with additions by L.S. Marsadolov); Б — the number of basic elements of the ornament (from 1 to 14); В — the number of inclined lines at the upper triangles and at the big “zigzag” (Б, В — compiled by L.S. Marsadolov)

точных аналогий знаку в виде «косого креста» на стенках других сосудов андроновской культуры, что свидетельствует об уникальности сосуда из этого кургана. С другой стороны, известно много «крестов» на дне сосудов, относящихся к эпохе бронзы, которые также частично отражают пространственно-временные и календарные структуры.

Число наклонных линий у большого «зигзага» и у верхних треугольников. В центральной части на тулове сосуда число наклонных линий в «зигзаге» составляет $15+15=30$ и $12+12=24$, что в сумме равно $30+24=54$ (рис. 2.-В).

У трех первых и у двух последних треугольников на горле сосуда число внутренних наклонных линий составляет $5+5+5=15$ и $7+5=12$ (табл.), что в сумме равно $15+12=27$ ($9 \times 3=27$); у девяти треугольников в центральной части $9 \times 6=54$ линии, а общее число наклонных линий составляет число 81 (что можно представить и как 9×9).

Интересные результаты можно получить и при внимательном подсчете небольших по размерам линейных отростков, выходящих за пределы 14 треугольников сверху и снизу: $14+40=54$, что также равно числу внутренних линий у девяти треугольников с шестью наклонными линиями (табл.; рис. 2).

Число наклонных линий у треугольников на горле сосуда из Красного Яра
Number of inclined lines at the triangles on the throat
of the vessel from the Krasny Yar Village

<i>№№ треугольников</i>	<i>Число внутренних линий в треугольнике</i>	<i>Число «отростков» вверху треугольника</i>	<i>Число «отростков» внизу треугольника</i>	<i>Общее число внутренних линий (1-й столбец)</i>
1	5	2	1	5 + 5 + 5 = 15 (или 5 x 3 тр. = 15)
2	5	-	3	
3	5	-	1	
4	6	-	3	6 x 9 тр. = 54
5	6	1	3	
6	6	-	5	
7	6	-	4 (20)	
8	6	1	4	
9	6	2	3	
10	6	-	2	
11	6	2	3	
12	6	1	1	
13	7	3	5	
14	5	2	2 (20)	7 + 5 = 12
Всего	81	14	40	15 + 54 + 12 = 81
	6 x 9 тр. = 54		14 + 40 = 54	

Общие семантические выводы. У племен андроновской культуры числа и системы их счета играли определенную роль, хотя их изучение пока еще только начинается. Среди андроновских орнаментальных мотивов на сосудах ранее был выделен числовой ряд: 1 — 2 — 3 — 4 — 5 — 6 — 7 — 8 — 9 — 10 — 11 — 12 /...15/...18/...21. Наиболее часто встречается число 3 и производные от него: 3 — 6 — 9 — 12 — «треугольный счет» (Марсадолов, 2021). Числа и знаки на сосудах у андроновцев иногда были связаны с астрономической и календарной символикой (Марсадолов, 2022).

Орнаментальные мотивы на глиняный сосуд из Красного Яра, вероятно, носил человек, обладающий познаниями как в гончарном деле, так и в астрономии. Не исключено, что это был древний жрец, которому было гораздо проще самому

нанести изображения, чем долго объяснять подробности профессиональному мастеру-гончару. Если сосуд стоял в погребении ребенка, то значимая орнаментация могла быть направлена на то, чтобы помочь ребенку в последующем возрождении (часто связанном с лунными периодами), и эту работу, возможно, взялся выполнить сам жрец-мастер. Во многих регионах мира широко распространены представления о связи Луны с ночью, со смертью и новым возрождением.

В орнаментальных мотивах на сосуде обнаружена система древнего счета, основанного на астрономических знаниях, на повторении чисел: 7 — 14 — 28, от нижней точки подъема (новолуния) до вершины (полнолуния — 14 дней) и спуска вниз — до нового новолуния (через 14 дней), т.е. месячный лунный цикл из 28 дней. Прослеживается и другой значимый ряд чисел, в основном связанный с треугольными структурами: 3 — 6 — 9 — 12 — ... 27 — 30 — 54 — 81 (или $3 \times 3 = 9$; $9 \times 3 = 27$; $9 \times 6 = 54$ и $9 \times 9 = 81$).

Согласно представлениям многих народов, в каждой Жизни содержатся элементы будущей Смерти, а Смерть содержит ростки Новой Жизни — Возрождения. Этого можно было достичь при соблюдении сложных ритуалов, основанных на сакрально-научных знаниях. С древности была осознана связь женщины с Луной и числом 9 — дней зачатия, месяцев беременности и рождения нового человека. Число 9 соответствует круговому циклу из трех основных чисел: 1 (Жизнь) + 2 (Смерть) + 3 (Небо, Погребение) + 2 + 1 (обратный отсчет) = 9 (Поминание) или $9 = 3 \times 3$. Если годовой круг (360 дней) разделить на 9, то получим число 40, которое в библейской традиции связано с Богом и Небом: 40 дней небесного потопа, 40 дней общения Моисея с Богом на горе Синай, 40 дней поста Христа в пустыне и др. После смерти человека 40-й день обычно ассоциируется с поминками и уходом души умершего в другой мир — на Небо или под Землю. Геродот (IV, 73) отметил, что у скифов «простых людей возят... по округе сорок дней, а затем предают погребению».

Например, с числом 40 в Большом Салбыкском кургане (Хакасия) связаны размеры основания надмогильных квадратных «пирамид» — из бревен (40 локтей) и камня (40 сажень) (Марсадалов, 2010, с. 43). Поэтому $3 \times 3 = 9 \times 40 = 360 = 1$ год = круг 360 градусов (круглый корпус глиняного сосуда и орнаментальных мотивов) — завершение кругового цикла = надежда на новое Возрождение (Марсадалов, 2015). У ряда народов поминки были на 3-й и 7-й день, что также связано с лунной неделей, а последующие — на 40-й день, через год ($40 \times 9 = 360$ дней), а затем через 2–3 года.

Опоясывающие сосуд, иногда прерывистые линии, возможно, соответствуют цифрам: 1 — край венчика, 2 — после треугольников на горле, 3 — после «зигзага», с ниже находящимся косым крестом — знаком нового «возрождения» Луны и, возможно, ребенка.

Заключение. Комплексное изучение сосуда из погребения могильника Красный Яр (Змеевка) позволяет сделать вывод, что для сосуда характерны типичные для андроновской (федоровской) культуры приемы формообразования (выбивание), обработки поверхности (лощение по подсушенной поверхности), форма и размер орнамента (мелкозубчатый штамп с размером

зубцов до 1,5 мм) и обжига изделий (полувосстановительная среда), которые являются более устойчивыми в гончарстве, чем форма и стилистика декора. В то же время фиксируется нетипичная форма (средние/низкие пропорции предплечья и тулова) и стилистика орнамента (наложение линий орнамента друг на друга, отсутствие мотива зоны тулова). Если учитывать, что особенности технологии изготовления и вид орнамента являются менее изменчивыми навыками труда в гончарстве (Цетлин, 2017, с. 192), то можно предположить, что у гончара, изготовившего сосуд, либо не сформировались на момент лепки изделия устойчивые представления о классической форме и орнаментации изделий горшководной формы, либо человек, изготовивший сосуд, был носителем какой-то другой традиции, отличной от остальной группы населения. Один из авторов статьи не исключает, что это мог быть жрец или служитель культа, а основная идея, которая была заложена в орнаментации этого сосуда, — помочь ребенку в последующем возрождении.

На будущее следует пожелать, чтобы археологи обращали больше внимания как на морфологию и технологию изготовления древних сосудов, так и на сложную числовую семантику их орнаментальных композиций.

Список источников

Абдулганеев М.Т. Могильник Красный Яр (по раскопкам 1930 г.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. X. Барнаул, 1999. С. 101–104.

БКМ. ДО. Ф. 2. Д. 25. «Рукопись Сергеева С.М. Андроновский этап древней бронзы в верховьях реки Оби». На 21 л.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999. С. 5–109.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка. М.; Л., 1956. 256 с. (МИА, №48).

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 642 с.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе, 2008. 358 с.

Марсадалов Л.С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан, 2010. 128 с.

Марсадалов Л.С. Семантика чисел 3, 9 и 40 в поминально-погребальных ритуалах // XI Конгресс антропологии и этнологии России. М.; Екатеринбург, 2015. С. 340.

Марсадалов Л.С. О системе счета у племен андроновской культуры // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая. Абакан, 2021. С. 79–83.

Марсадалов Л.С. Знаки, числа и календарные представления в эпоху бронзы // Вестник знаковедения. СПб., 2022. №1(5). С. 34–44.

Неверов С.В. Погребения могильника Змеевка на Алтае (по материалам раскопок С.М. Сергеева) // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 100–121.

Савко И.А., Холошин П.Р. Сравнительный анализ форм сосудов могильников андроновской (федоровской) культуры Верхнего Алая (предварительные результаты) // Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляция идей и технологий). СПб., 2022. С. 108–111.

Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М., 2018. 253 с.

Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974. 240 с.
Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М., 2017. 345 с.

Членова Н.Л. Андроновские и ирменское погребения могильника Змеевка (Северный Алтай) // Краткие сообщения Института археологии. 1976. Вып. 147. С. 76–83.

Информация об авторах / Information about the Authors

Леонид Сергеевич Марсадолов, Государственный Эрмитаж, Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, ведущий научный сотрудник; 197000, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34; доктор культурологии; <https://orcid.org/0000-0002-0480-2225>, marsadolov@hermitage.ru

Leonid S. Marsadolov, The State Hermitage Museum, Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia, Leading Researcher; 197000, St. Petersburg, Russia, Dvortsovaya nab., 34; Doctor of Culturology, <https://orcid.org/0000-0002-0480-2225>, marsadolov@hermitage.ru

Илья Андреевич Савко, Институт археологии и этнографии СО РАН, Барнаулская лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири, инженер-исследователь; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; Алтайский государственный университет, Лаборатория междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, младший научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; Алтайский государственный педагогический университет, УНИЛ «Историческое краеведение», старший лаборант; 656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная 55; <https://orcid.org/0000-0002-7463-7333>, savko.ilia2016@yandex

Ilya A. Savko, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Barnaul Laboratory of Archaeology and Ethnography of Southern Siberia, Research Engineer; 630090, Russia, Novosibirsk, Akademika Lavrentiev Ave. 17; Altai State University, Laboratory for Interdisciplinary Study of the Archaeology of Western Siberia and Altai, Junior Researcher; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61; Altai State Pedagogical University, UNIL “Historical Local History”, Senior Laboratory Assistant; 656031, Russia, Barnaul, Molodezhnaya st., 55; <https://orcid.org/0000-0002-7463-7333>, savko.ilia2016@yandex

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.01(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.29

КАМЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЮГО-ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ: ПЕТРОГРАФИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Анатолий Викторович Онников

Независимый исследователь-краевед, Рубцовск, Россия

Резюме. Известно много древнейших стоянок и поселений на территории юго-западных районов Алтайского края. На них обнаружено существенное число артефактов, изготовленных из различных каменных пород. Особое значение имеет крупное поселение Рубцовское, где собрана большая коллекция орудий периода неолита, а также

фрагменты керамической посуды и кости животных. Кроме этого, указаны другие местонахождения, датируемые палеолитом и неолитом. Собранные коллекции позволили приступить к поиску мест получения необходимого сырья и его использования. Опыт автора и его петрографические наблюдения позволяют более детально рассматривать отмеченные источники. Сведения, представленные в статье, помогут археологам решать ряд научных проблем при детальном изучении накопленных материалов.

Ключевые слова: Алтайский край, поселение Рубцовское, каменные артефакты, палеолит, неолит, петрографические наблюдения

Для цитирования: Онников А.В. Каменные изделия из археологических памятников юго-западных районов Алтайского края: петрографические наблюдения // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 190–198. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.29

STONE PRODUCTS FROM ARCHAEOLOGICAL SITES OF SOUTHWESTERN ALTAI KRAI: PETROGRAPHIC OBSERVATIONS

Anatoly V. Onnikov

Independent Researcher-Local Historian, Rubtsovsk, Russia

Abstract. Many ancient sites and settlements are known on the territory of the southwestern regions of Altai Krai. A significant number of artifacts made of various stone rocks have been found there. Of particular importance is the large settlement of Rubtsovskoe, where a large collection of Neolithic tools, as well as fragments from pottery and animal bones have been collected. In addition, other locations dating back to the Paleolithic and Neolithic are indicated. The collected collections have allowed us to begin the search for the locations of the necessary raw materials and their use. The author's experience and his petrographic observations allow him to consider the noted sources more thoroughly. The information presented in the article will help archaeologists to solve a number of scientific problems when studying the accumulated materials in detail.

Keywords: Altai Krai, Rubtsovskoe settlement, stone artifacts, Paleolithic, Neolithic, petrographic observations

For citation: Onnikov A.V. Stone Products from Archaeological Sites of Southwestern Altai Krai: Petrographic Observations // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 190–198. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.29

В юго-западных районах Алтайского края открыты местонахождения более 40 поселений неолита и около 20 стоянок палеолита (Памятники истории и культуры..., 1996). Они реже располагаются по берегам рек и чаще у озер. Такие объекты отмечены на песчаных дюнах, в логах и пещерах. Существенная часть памятников разрушена в результате природных воздействий и хозяйственной деятельности людей.

Среди археологических комплексов периода неолита особое место занимает Рубцовское поселение, которое расположено в правобережной зоне р. Алей, вблизи г. Рубцовска, на восточном берегу пойменного оз. Дерябинское (Тишкин, 1995; Онников, 2006; и др.). Оно является уникальным памятником Алтайского края, на котором сохранились в большом количестве следы хозяйственной деятельности древних людей в виде каменных орудий

и остатков их производства. Там найдены, в том числе при участии автора статьи, фрагменты глиняных сосудов, кости птиц и животных. Каменная индустрия поселения имеет большое сходство с неолитическими культурами Северного и Восточного Казахстана, но отличается от материалов из синхронных памятников Горного Алтая (Кунгуров, Онников, Тишкин, 1999).

Изготовление основной части каменных орудий производилось на самом поселении, о чем свидетельствует большое количество найденных ядрищ-нуклеусов, использовавшихся в качестве основы для скалывания мелких и средних пластин и многочисленных первичных отщепов (Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2018; Кирюшин, Онников, Тишкин, 2020). Большое количество каменных орудий имеет совершенную форму и тщательную отделку. Высокий уровень обработки камня был достигнут благодаря кропотливому труду, мастерству и великолепному знанию древними мастерами свойств камня. Эти изделия легкие и изящные, некоторые из них имеют подшлифованную и полированную поверхность. Мастера умели не только ценить красоту цветного камня, но и делать из него красивые вещи.

Поселение Рубцовское расположено в Алейской степи, где нет рядом коренных месторождений природного камня, а в пойме реки Алей отсутствуют галечные отложения. Весь каменный материал для изготовления орудий был принесен на поселение его многочисленными обитателями. Каменные артефакты являются самыми многочисленными остатками материальной культуры. К настоящему времени их известно более 8 тысяч. Важнейшим сырьем для изготовления орудий и оружия служили исключительно плотные и крепкие горные породы, а также минералы, обладающие высокой твердостью. В качестве основного сырья использовались кварцевый порфир (реалит палеотипный), кварцит и роговик. Древним человеком были изготовлены наконечники стрел и копий, ножи, скребки, сверла, топоры, резцы для обработки изделий из дерева и шкур животных. Насчитывается большое количество других типов орудий (Кунгуров, Онников, Тишкин, 1999).

Кварцевый порфир представлен мелко- и средне-порфировой структурой горной породы со стекловатой основной массой и порфировыми включениями кварца. Окраска кварцевого порфира светло-серая, темно-серая, светло-желтая, красно-коричневая, голубовато-серая и темно-коричневая. Кварцевые порфиры широко распространены на территории Рубцовского района (Веселоярские месторождения) и Северо-Западного Алтая. Следует отметить, что кварцевый порфир использовался еще в палеолите. В 1964 г. геолог О.М. Адаменко у с. Бобково обнаружил леваллуа-мустьерскую пластину из черного фельзит-порфира (стекловатая разновидность древних пород) с древесными углями и обломками бивней мамонта и рога бизона. Находки были сделаны в береговом обнажении на глубине 5 м от поверхности, в излучине левого берега р. Алей (Адаменко, Гайдук, 1967).

Кварциты на поселении Рубцовское использовались микро- и мелкозернистые, часто красиво просвечивающие микрокварциты представлены яшмовидными роговиками (породой, почти полностью состоящей из кварца). Окрас

у них светло-зеленый, темно-зеленый, голубовато-серый, черный, бурый, коричневый, фиолетовый, светло-серый, темно-серый и идентичный гольцовской яшме. Мелкозернистые кварциты-белоречиты имеют окраску желтую, розовую, светло- и темно-серую, сахаровидную белую, малиновую, зеленую, сахаровидную желтую и молочно-белую. Как и роговики, они трудно обрабатываются, но хорошо шлифуются и полируются, дают зеркальную поверхность.

Ближайшие месторождения роговики и кварцитов, идентичных породам с поселения Рубцовское, расположены в Змеиногорском районе, который признан одним из уникальных районов России по богатству недр (Родионов, 1986). Там расположены знаменитые месторождения яшмовидных роговики (яшм) Ревневское, Гольцовское и Белорецкое месторождение белоречитов. Ревневское месторождение расположено на правом берегу безымянного ручья, уходящего в речку Логовушку, было открыто в 1789 г. горным мастером Кузинским еще в первые годы существования Локтевской шлифовальной мельницы (1786–1801 гг.). Яшмовидные роговики месторождения разделяются на зелено-волнистые и парчовые роговики. Зелено-волнистые подразделяются на волнистые и прямо-волнистые. Рисунок зелено-волнистого роговика напоминает рисунок малахита или стилизованные картины. Для парчового роговика характерны темно-зеленый основной фон с пятнами белого, желтого, фиштакково-зеленого цвета. Наиболее развиты зелено-волнистые роговики, реже тонко-полосатые и еще реже парчовые. Структура пород мелкозернистая. Обрабатываются очень трудно. Принимают полировку высокого качества. В XIX в. ревневская яшма была признана одной из лучших яшм России (Шведов, 1970; Барханов, Яковлева, 1978).

В 2004–2006 гг. во время работы на Алтае поискового отряда Геологического музея Новосибирского госуниверситета по отбору образцов для коллекции научным сотрудникам Института археологии и этнографии СО РАН К.И. Милютиним были сделаны петрографические наблюдения по распространению каменного сырья для изготовления орудий древним человеком в Змеиногорском районе (в бассейне р. Белой). В районе горы Ревнюхи были найдены орудия, изготовленные из ревневской яшмы и местного темно-серого мелкозернистого песчаника. У бывшей деревни Борцовки обнаружено скребло на отщепе из белоречита серого цвета. В Верхнечинетинской пещере, расположенной в 50 километрах от г. Ревнюхи, была найдена пластина и массивный леваллуазский нуклеус из белоречита темно-коричневого цвета и орудия из полосчатой ревневской яшмы зеленого цвета среднего и верхнего палеолита.

Недалеко от Ревневского расположено Гольцовское месторождение яшмовидных роговики, в 13 км от Змеиногорска. По геологическому строению и составу яшмовидных пород яшмы похожи на ревневские. Исходной породой гольцовских роговики является стекловатая лава среднего состава. Они голубовато-серые, зеленовато-серые, светло-серые до белого, темно-голубые, темно-серые с фиолетовым оттенком, однотонные, реже со слабо выраженной полосчатостью и пятнистостью. Обрабатывается очень трудно. Принимает полировку высокого качества.

Белорецкое месторождение кварцитовидного жильного мелкозернистого кварца-белоречита расположено на левом берегу р. Белой, левого притока Чарыша, на вершине лесистого гребня. К осени 1806 г. горнорабочими змеиногорского рудника были добыты первые образцы этой горной породы из коренной жилы. Белоречит имеет окраску от нежно-розовой до кирпично-красной, сахаровидную белую, пятнистую и полосчатую с чередованием белых, розовых, желтых и розово-красных тонов, цвет которых плавно переходит из одного в другой. Окраска может быть полосчатой, светло и темно-серой, имеющей красивый синеватый или стальной оттенок. Отдельные разновидности имеют молочно-белый цвет и неповторимые стилизованные пейзажные картины. Белоречит обрабатывается трудно, хорошо шлифуется и полируется. Это очень красивый поделочный камень и в наши дни остается материалом большого художественного значения. Он высоко ценился в России и за рубежом.

В XIX в. колыванскими камнерезами особо ценились следующие породы камня: зелено-волнистая ревневская яшма, нежно-розовый белоречит, однотонная голубовато-серая и зеленовато-серая нежных тонов гольцовская яшма (Гуляев, Ивачев, 1902). Из этих редких по красоте поделочных камней были изготовлены монументальные вазы, чаши, торшеры и украшения для дворцовых каминов. Великолепные и неповторимые шедевры русского камнерезного искусства, принесшие Алтаю мировую известность, можно увидеть в Государственном Эрмитаже, во дворцах Санкт-Петербурга и ряде музеев и дворцов за рубежом.

В Колывано-Змеиногорском районе кроме Белорецкого месторождения находятся два проявления высокодекоративных кварцитов, четыре месторождения яшм, два — жильного кварца, четыре — горного хрусталя и пегматитовые жилы, содержащие мелкие и крупные кристаллы дымчатого кварца-раухтопаза и черного кварца-мориона.

«Нет в мире другого района, в котором были бы сосредоточены декоративные камни столь разнообразной окраски», — писал минералог с мировым именем академик А.Е. Ферсман о цветных камнях Алтая.

Исследователи предполагают, что в неолите развилась и приобрела важнейшее значение ранняя форма меновой торговли полуфабрикатами и изделиями из камня на другие продукты у соседних племен. Организаторами таких торговых отношений были люди, селившиеся вблизи выходов горных пород и минералов, пригодных для изготовления орудий и специализировавшихся на добыче и обработке, превышающей их собственные нужды. Искусно изготовленные изделия ценились очень высоко. В результате обмена как сам камень, так и изделия из него попадали в места, удаленные на большие расстояния.

На неолитических поселениях, расположенных в степной и лесостепной зонах юго-западных районов Алтайского края, где совершенно отсутствуют источники каменного сырья или имеются ограниченные возможности, обнаружены многочисленные орудия. Так, на памятниках, расположенных на развееваемых песках в районе оз. Новенькое, рубцовскими краеведами

Г.А. Ключиным и А.В. Онниковым с 1976 по 1989 гг. были найдены отщепы, ножевидные пластины, наконечники стрел и большой каменный топор (из плавно переходящих белых, желтых и красных тонов белоречита), орудия из черного и бурого роговика, светло-серого халцедона и агата с концентрическими слоями голубого и белого цвета. В 1983 г. археолог и палеонтолог Л.Л. Гайдученко предположил, что найденные им орудия из черного камня с неолитического поселения, расположенного в Павлодарской области, были изготовлены из камней, принесенных древней рекой с Алтая. «Принесенные» камни известны и на других поселениях неолита.

В неолите Алей и его пойма были не только важной водной транспортной артерией для миграции племен, местом поиска богатых природных ресурсов для пропитания, развития связей с ближайшими соседями, но и местом поиска и добычи подходящего камня.

В 2003 г. автором статьи в пойме р. Алей недалеко от устья речки Устьяновки (с. Покровка Локтевского района) в галечных отложениях были найдены скобель из гальки черного роговика и скобель с двумя рядом выбитыми заостренными полусферическими углублениями из гальки зеленоватого роговика. По определению Г.А. Ключина они были отнесены к верхнему палеолиту.

На поселении Рубцовское в период неолита использовались галечные орудия. Так, из гальки круглой формы диаметром 60 мм было выточено углубление по окружности для крепления шнура, а из крупной кварцевой гальки серого цвета была оформлена «мотыга» длиной 202 мм (ширина лезвия 73 мм).

Небольшое количество орудий было изготовлено из средне- и крупно-порфировой структуры розового гранит-порфира (порфир фельзитовый), горного хрусталя, черного кварца-мориона и халцедона светло-серого и светло-желтого цвета. Месторождения и проявления халцедонов, агатов (концентрически-полосчатый халцедон) расположены в Семипалатинской области и в окрестности г. Павлодара. Для изготовления орудий и в качестве точильных камней использовался мелкозернистый кварцевый песчаник.

В 1992 г. во время проведения АГУ археологических раскопок под руководством А.А. Тишкина (1995) на Рубцовском поселении неолита были найдены кусочки природной минеральной красной краски (охры). С конца палеолита красная охра использовалась во время погребальных обрядов, когда труп или только голову посыпали ею. Ближайшее Поповское месторождение минеральной красной краски расположено по речке Склюиха.

Поселение периода неолита «Перешеечное (Памятник)» расположено в пойме юго-западного берега оз. Горькое-Перешеечное в Новогорьевском районе, в километре от Кордона Перешеечный. (Онников, 2006, с. 73–80). Ближайшее поселение неолита Перешеечное-1, открытое Г.А. Ключиным в 1982 г., расположено в 2,5–3 км на север от Кордона. На 40-километровой береговой зоне озера известно местонахождение более 20 поселений, существовавших в разные периоды, в том числе неолитических поселений. Культурные слои, которые частично или полностью разрушены ветровой и волнистой эрозией, а также погребены под наслоением песка в низкой пойме

озера, еще недостаточно изучены. На поселении «Перешеечное (Памятник)» собрана коллекция каменных артефактов: в 2004 г. (214 экз.) А.В. Онниковым и в 2014 г. (233 экз.) А.В. Онниковым и К.Ю. Кириюшиным во время их совместной поездки. Самая многочисленная категория каменных артефактов 2014 г., составляющая 113 экз., оказалась отходами производства. Это подтверждает, что изготовление каменных орудий производилось на самом поселении. В 2004 г. были найдены десятки нуклеусов длиной от 20 до 44 мм и диаметром от 15 до 25 мм, изготовленные из желтого халцедона, мелкозернистого кварцевого песчаника светло-желтого и бурого цвета. Кроме этого, были обнаружены ножевидные пластины длиной от 15 до 60 мм и шириной от 5 до 15 мм из песчаника, белоречита бурого и серо-зеленого цвета. Нож для чистки рыбы (размерами 48×30×12 мм) с вогнутым и полированным лезвием с двух сторон сделан из белоречита темно-серого цвета. Рыболовство и охота были главным источником пропитания обитателей этого поселения, что подтверждает и расположение его у воды. В качестве основного сырья для изготовления каменных орудий были использованы кварцевый порфир (реалит палеотипный), микрокварциты (яшмовидные роговики) и мелкозернистые кварциты-белоречиты. Небольшое количество орудий оказалось изготовлено из кварцевого песчаника и желтого халцедона.

Разрушение отступающего высокого берега в результате деятельности ветровой и водной эрозии привело к разрушению культурного слоя поселения, в результате чего он оказался на мелководье (на глубине 40 см), что значительно затрудняет его исследование. В 2004 г. на этом же поселении был найден и кусочек слюдяного сланца, состоящий из мелких чешуек мусковита — слюды белого цвета. Древние гончары поселения добавляли слюду в керамическую массу вместе с измельченной глиной, песком и органическими примесями в виде соломы и травы. Делалось это для того, чтобы сосуды были более крепкими и не трескались. После обжига мелкие чешуйки слюды искрились на солнце, придавая полированной поверхности сосуда блестящий вид.

Применение слюды для изготовления глиняных сосудов на поселении Рубцовское не замечено. При этом типология и технология производства каменных орудий и сырье, из которого они были изготовлены, идентичны аналогичным материалам из поселения Рубцовское, что позволяет считать поселение «Перешеечное (Памятник)» синхронным и отнести его к рубцовской культуре (Кунгуров, Онников, Тишкин, 1999). По мере открытия новых и изучения уже известных местонахождений поселений периода неолита, особенно в юго-западных районах Алтайского края, ареал рубцовской культуры будет расширяться.

В 1994 г. при проведении автором статьи осмотра береговой линии оз. Кольванское на западном берегу (у края воды, под слоем дерна) в культурном слое, вскрытом прибойной волной, было обнаружено мелкое орудие из желтого халцедона. На северо-западном берегу водоема на песчаном пляже собрано более 20 мелких каменных орудий (скребки вытянутой формы, отщепы, ножевидные пластины и т.п.) из белоречита серого и желтого цве-

та. На юго-западном берегу на мелководье найдены окатанные водой орудия грубой обработки из темно-серого роговика. У подножия горы Большой (высотой 644,9 м) с юго-восточной стороны на каменной тропе подняты орудия примитивной обработки из черного роговика длиной до 10 см. Возможно, датировка этих орудий может быть определена верхним палеолитом. Подобная находка была сделана юго-восточнее села Утка, на песчаном берегу небольшого водоема, расположенного у подножья сопки Миловановской (высота ее 529,5 м). Каменное орудие верхнепалеолитического облика найдено Ю.П. Алехиным в 1982 г. при шурфовке на юго-западном берегу оз. Колыванское, в 2,5 км от с. Саввушка.

В глубокой древности нужда в прочном камне заставляла людей подбирать сырье там, где придется: в речных галечных наносах и на местонахождениях природного камня, которые выходили на дневную поверхность. Постепенно накапливая опыт, мастера научились отличать качественное сырье от бесконечного ряда непригодных минералов и горных пород. При поиске нужного камня они стали учитывать прочность, твердость, цвет, блеск, излом, зернистость, массу, способность к раскалыванию и образованию острых граней. Особенно привлекали внимание красиво окрашенные разновидности белоречита, гольцовской и ревневской яшмы. Высоко ценились и «принесенные» камни: просвечивающие халцедоны и агаты разных расцветок. Природная красота камней привлекала внимание людей с раннего технологического периода в истории человечества.

Территории современных юго-западных районов Алтайского края для первобытных племен, обитавших здесь и в ближайших областях Казахстана, а также в низкогорном Колывано-Змеиногорском районе, были на протяжении многих тысячелетий одними из важнейших и неиссякаемых источников прочного и красивого камня для изготовления орудий и оружия, а также местом его поиска и добычи. Камень являлся основой человеческой культуры. По изделиям из камня можно судить о жизни первобытных людей, а по их распространению — проследить пути миграций во время трудовой деятельности и связи между отдельными археологическими памятниками далекого прошлого Алтая.

Список источников

- Адаменко О.М., Гайдук И.М. О новых находках палеолита в предгорьях Алтая // Известия Алтайского отдела географического общества Союза ССР. 1967. Вып. 8. С. 24–28.
- Барханов Г.П., Яковлева М.Е. Минералогия яшм СССР (Урал, Алтай). М., 1978. 88 с.
- Гуляев Н.С., Ивачев П.К. Колыванская шлифовальная фабрика на Алтае. Барнаул, 1902. 70 с.
- Кирюшин К.Ю., Онников А.В., Тишкин А.А. Орудия на отщепенях с поселения Рубцовское (из собраний Краеведческого музея г. Рубцовска) // Теория и практика археологических исследований. 2020. Т. 30, №2. С. 159–171 DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-12
- Кунгуров А.Л., Онников А.В., Тишкин А.А. Каменная индустрия эпохи неолита с поселения Рубцовское // Проблемы неолита — энеолита юга Западной Сибири. Кемерово, 1999. С. 58–63.

Милютин К.И. Новые находки изделий эпохи палеолита в бассейне р. Белой // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XVI. Барнаул, 2007. С. 63–67.

Онников А.В. Археологический памятник в пойме озера Горькое-Перешеечное // Русская культура: история и современность. Ч. 1. Рубцовск, 2006. С. 73–80.

Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. 256 с.

Родионов А.М. Кольвань камнерезная: Повествование о рудознатцах, горных инженерах, подмастерах и мастерах. Барнаул, 1986. 294 с.

Тишкин А.А. Поселение Рубцовское в пойме р. Алей // Изучение памятников археологии Алтайского края. Вып. V, ч. 2. Барнаул, 1995. С. 30–35.

Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Техника первичного расщепления камня на поселении Рубцовское (юг Западной Сибири) // Теория и практика археологических исследований. 2018. №1 (21). С. 68–88.

Шведов А.Я. К вопросу о петрографических особенностях и генезисе яшмовидных роговиков ревневского месторождения поделочных камней // Природа и природные ресурсы Алтая и Кузбасса. Ч. 2. Новосибирск, 1970. С. 97–99.

Информация об авторе / Information about the Author

Анатолий Викторович Онников, независимый исследователь-краевед; Россия, г. Рубцовск; lyudmila.onnikova@yandex.ru

Anatoly V. Onnikov, Independent Researcher–Local Historian; Russia, Rubtsovsk, lyudmila.onnikova@yandex.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья/ Article

УДК: 902.2(470.43)

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.30

СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА БРОНЗОВОГО НАВЕРШИЯ БУЛАВЫ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

**Сергей Алексеевич Пилипенко¹, Павел Владимирович Ломейко²,
Вера Александровна Скарбовенко²**

*¹Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск, Россия*

*²Самарский национальный исследовательский
университет им. академика С.П. Королева, Самара, Россия*

Резюме. Целью публикации является введение в научный оборот сведений о бронзовом навершии булавы, случайно найденном в долине реки Самары у с. Гвардейцы Самарской области. Булава относится к сравнительно редкому виду оружия ближнего боя, которое в эпохи древности и Средневековья зачастую выступало одновременно в роли символа власти. Навершие булавы из окрестностей с. Гвардейцы является первой и пока единственной находкой этого вида вооружения в Самарском Поволжье, относящейся к периоду монгольского домината в степях Евразии, и с этой

точки зрения, несомненно, заслуживает внимания специалистов как в области истории оружия, так и в области изучения истории Золотой Орды в целом. Публикация открывает собой серию работ, которые авторы планируют посвятить материалам золотордынского периода, происходящим с территории Самарской области. Эта серия позволит дополнить характеристику золотордынских памятников Самарского Поволжья в сравнении с другими регионами (Мысков, 2015, с. 117).

Ключевые слова: Самарская область, долина р. Самары, эпоха Золотой Орды, навершие булавы

Для цитирования: Пилипенко С.А., Ломейко П.В., Скарбовенко В.А. Случайная находка бронзового навершия булавы золотоордынского периода в Самарской области // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 198–205. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.30

ACCIDENTAL DISCOVERY OF THE BRONZE POMMEL OF THE GOLDEN HORDE MACE IN THE SAMARA REGION

Sergey A. Pilipenko¹, Pavel V. Lomeyko², Vera A. Skarbovenko²

¹*Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia*

²*Samara National Research University, Russia*

Abstract. The purpose of the publication is to introduce into scientific circulation information about the bronze pommel of the mace, accidentally found in the valley of the Samara River near the village of Guards of the Samara region. The mace belongs to a relatively rare type of melee weapon, which in the epochs of antiquity and the Middle Ages often acted simultaneously as a symbol of power. The pommel of a mace from the vicinity of the village of Gvardeytsy is the first and so far the only find of this type of weapon in the Samara Volga region, dating back to the period of the Mongol domination in the steppes of Eurasia, and from this point of view, undoubtedly deserves the attention of specialists both in the field of weapons history and in the field of studying the history of the Golden Horde as a whole. This work is the first in a series of upcoming publications devoted to the materials of the Golden Horde period from the territory of the Samara region. This series will complement the characteristics of the Zolotordyn monuments of the Samara Volga region, in comparison with other regions (Myskov, 2015, p. 117).

Keywords: Samara region, Samara River valley, Golden Horde era, mace pommel

For citations: Pilipenko S.A., Lomeyko P.V., Skarbovenko V.A. Accidental Discovery of a Bronze Pommel of the Golden Horde Mace Period in the Samara Region // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 198–205. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.30

В 2009 г. в археологические фонды Самарского университета поступило бронзовое литое навершие булавы, случайно найденное в окрестностях с. Гвардейцы Борского района Самарской области в конце 60-х гг. прошлого столетия при проведении земляных работ, связанных со строительством автомобильной дороги с. Гвардейцы — с. Заплавное (рис. 1.-1). Дорога, соединяющая названные населенные пункты, проходит по краю второй надпойменной террасы левого берега р. Самары и является составной частью шоссе, ведущего из г. Самары в г. Бузулук Оренбургской области. Судя по описанию

места и условий находки, поступившему вместе с предметом, навершие булавы принадлежит погребению из разрушенного земляными работами кургана, входившего на момент проведения дорожных работ в состав курганного могильника Гвардейцы-1, располагавшегося в 1 км к юго-востоку от одноименного села, на высоком мысу второй надпойменной террасы р. Самары, при впадении в последнюю с юга небольшого притока Таволжанки (рис. 1.-2).

Довольно крупный по меркам степной полосы Среднего Заволжья курганный могильник Гвардейцы-I, насчитывавший более 30 курганов различных эпох, функционировал на протяжении длительного времени. Самые ранние курганы были оставлены племенами срубной культуры эпохи поздней бронзы. Основное ядро могильника образуют сарматские курганы различных периодов — от раннесарматского до позднесарматского. Финальную группу составляют курганы эпохи Золотой Орды; судя по находке в женском погребении одного из курганов остатков головного убора — бокки, в золотоордынских курганах были захоронены монголы. Могильник Гвардейцы-I выявлен в 1921 г. Восточной экспедицией Общества археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском университете под руководством В. В. Гольмстен; в 1970–1972 гг. исследовался Г.И. Матвеевой, в 1994–1995 гг. — В.Н. Мышкиным. К настоящему времени большая часть материалов могильника опубликована (Матвеева, Скарбовенко, 1976, с. 147–174; Мышкин, Скарбовенко, Хохлов, 1999, с. 147–175).

Булава относится к оружию ближнего боя (иначе — к ударному древковому оружию). Описываемое навершие булавы отлито из бронзы в двусоставной разъемной форме, о чем свидетельствует наличие стыковочного шва на внутренней поверхности изделия. После состыковки половинок навершия производилась полировка его поверхности, скрывшая шов на наружной стороне изделия. Полировка выполнена небрежно, она оставила на поверхности навершия многочисленные мелкие дефекты литья. Боевая часть навершия имеет форму, близкую к биконической, со сглаженным срединным ребром (рис. 2). Поверхность боевой части приобрела ребристый вид за счет глубоких вертикальных выпилов клиновидного сечения; последняя деталь сближает навершие булавы из Гвардейцев с древнерусскими булавами V типа по А.Н. Кирпичникову (1966, с. 54, рис. 10.-5), датируемыми XII–XIII вв. Вес навершия составляет 375 г. Общая высота навершия равняется 8,5 см, в том числе высота боевой части — 4,9 см, втулки — 3,6 см. Диаметр боевой части навершия — 5,4 см, диаметр втулки — 2,5 см, диаметры отверстий на втулке 3,5 мм и 5 мм.

А.Н. Кирпичниковым учтено семь экземпляров наверший булав V типа с ребристой поверхностью: пять из них найдены в границах Киевского княжества, одно — в Новгороде и одно — в славянском слое Цимлянского городища на Дону (Кирпичников, 1966, Каталог, №85–91). Навершие булавы из окрестностей с. Гвардейцы имеет два отличия от приведенных в работе А.Н. Кирпичникова древнерусских экземпляров: выступающую втулку с парой сквозных отверстий для крепления навершия на рукояти и округлый выступ в центре верхней части булавы. Возможно, последняя деталь имитирует

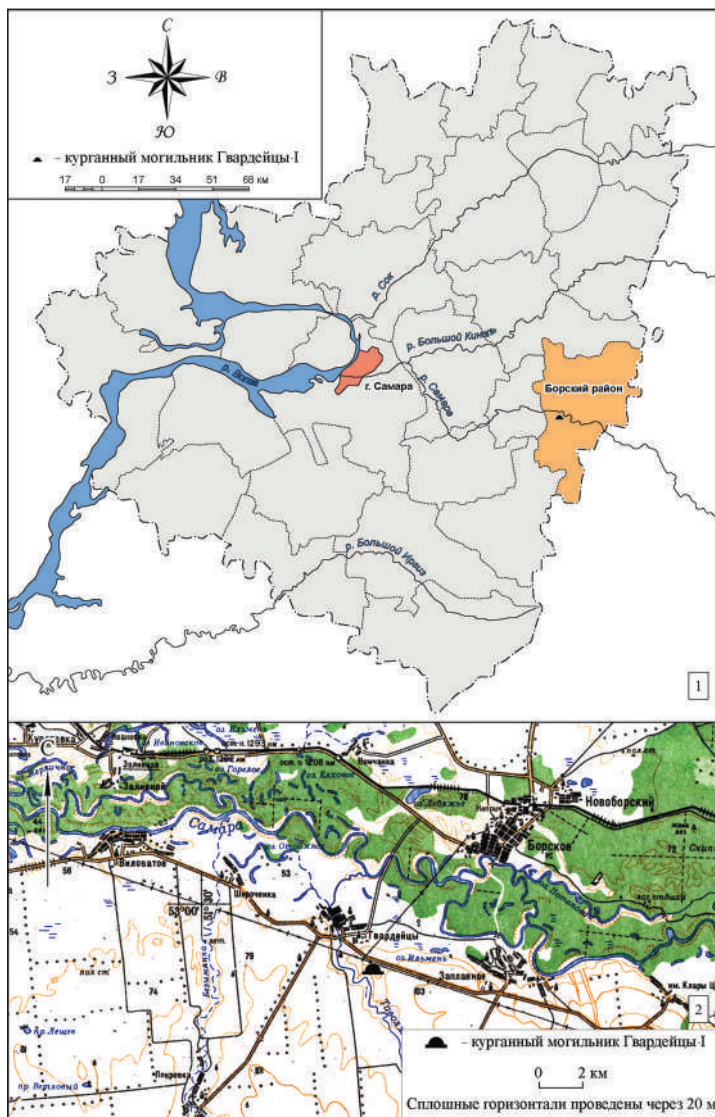

Рис. 1. 1 — скриншот с обозначением региона исследования и локализации булавы: Самарская область, Борской район; 2 — место находки бронзового навершия булавы (курганный могильник Гвардейцы-I) в окрестностях с. Гвардейцы
 Fig. 1. 1 — screenshot with the designation of the region of the study and localization of the mace: Samara region, Borsky district; 2 — the location of the bronze pommel of the mace (burial mound Guards-I) in the vicinity of the village Guards

Рис. 2. Бронзовое навершие булавы из окрестностей с. Гвардейцы Борского района Самарской области
 Fig. 2. The bronze pommel of a mace from the vicinity of the village of Guards of the Bor district of the Samara region

дополнительный штырь-заклепку, посредством которой железные навершия булав фиксировались на рукоятках. Применение подобного способа крепления навершия на рукояти прослежено, например, на типологически близком экземпляру из Гвардейцев железном навершии булавы (перната) XIV в. из Торжка, внутри которого сохранился вертикальный шпенец (Вяземский, Сарафанова, Малыгин, 2018, с. 224, рис. 4).

А.Н. Кирпичников (1966, с. 54) рассматривал булавы с навершиями V типа в качестве предшественника булав с веерообразным расположением лопастей, которые получили специальное наименование «шестоперы» и к началу XIV в. вытеснили булавы из категории боевого оружия ближнего боя в категорию предметов статусно-церемониального назначения. Превращение булавы с навершием V типа в шестопер шло по линии уменьшения толщины ребристых выступов и увеличения промежутков между ними, что хорошо видно на примере железного шестопера с длинной рукоятью, найден-

Рис. 3. 1 — монгольские булавы: 1–6, 12, 16–17, 37, 39–41 — из южной Украины; 7–8, 15, 37–38 — из Волжско-Камской Булгарии; 9–11, 14, 18, 20 — из северного Предкавказья; 13 — из Узбекистана; 19, 21, 28 — из южного Поволжья; 22 — из нижнего Подонья; 23–36 — с тебризских миниатюр 1306–1307 гг. (по: Горелик, 2002); 2, 3 — монгольские чиновники с булавами на тебризских миниатюрах (Иран, XIII–XIV вв.); 4 — булава из погребения у с. Каирка Каланчинского р-на Херсонской области (по: Толочко, 2003)

Fig. 3. 1 — mongolian maces: 1–6, 12, 16–17, 37, 39–41 — from southern Ukraine; 7–8, 15, 37–38 — from Volga-Kama Bulgaria; 9–11, 14, 18, 20 — from the northern Caucasus; 13 — from Uzbekistan; 19, 21, 28 — from the southern Volga region; 22 — from the lower Don region; 23–36 — from Tabriz miniatures of 1306–1307 (according to: Gorelik, 2002); 2, 3 — mongolian officials with maces on Tabriz miniatures (Iran, XIII–XIV centuries); 4 — a mace from the burial at the village of Kairka Kalanchinsky district of the Kherson region (according to: Tolochko, 2003)

ного в захоронении золотоордынского времени у с. Каирка Херсонской области (рис. 3.-4; Толочко, 2003, с. 255). Судя по находкам шестоперов в культурном слое XIII в. города Биляра на территории Волжской Булгарии, в Среднем Поволжье шестоперы появились ранее XIV в. (Измайлов, 1997, с. 102).

Публикуемое навершие булавы из окрестностей с. Гвардейцы найдено случайным образом, вне погребального комплекса, что затрудняет его датировку и заставляет опираться в этом вопросе скорее на рассуждения общего характера. Понятно, что нижнюю хронологическую границу навершия нельзя провести ранее времени появления монгольского войска в Восточной Европе, т.е. ранее начала 20-х гг. XIII в. В период с 1223 по 1237 гг. монголы вплотную занимались покорением кочевников-половцев и государства Волжская Булгария на территории Поволжья. В болгарском комплексе вооружения булавы присутствуют, но навершия V типа по А.Н. Кирпичникову пока не встречены.

Затем монголы приступили к завоеванию русских княжеств, которое привело к падению Киева в 1240 г. Возможно, именно тогда произошло их знакомство с булавами интересующего нас типа. Поэтому предположительной датой навершия булавы из окрестностей с. Гвардейцы следует считать середину — 2-ю половину XIII в. Если же принять во внимание, что на определенном этапе своего существования булавы с навершиями V типа превращаются из боевого оружия в символ власти, то верхнюю границу даты публикуемого навершия можно сдвинуть в XIV в., опираясь при этом на упоминавшееся выше навершие булавы из Торжка, которое типологически близко экземпляру из Гвардейцев, но изготовлено при этом из железа. На возможную интерпретацию навершия из окрестностей с. Гвардейцы в качестве символа власти наводят, во-первых, довольно архаичный для этого времени материал навершия (бронза) и, во-вторых, указание Г.А. Федорова-Давыдова на то, что булавы как предмет вооружения вообще использовались степняками-кочевниками редко (Федоров-Давыдов, 1966, с. 32). Как атрибут статуса и власти, публикуемая булава могла принадлежать, например, монгольскому чиновнику-нойону средней руки или военачальнику определенного ранга.

Список источников

Вяземский А.В., Сарафанова Н.А., Малыгин П.Д. Булава (пернат) из «канцелярии владычных наместников» XIV в. верхнего городища Торжка // КСИА. Вып. 253. М., 2018. С. 244–253.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIX веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М., 2002. 84 с.

Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X — начала XIII в. Казань ; Магадан, 1997. 214 с.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. САИ. Вып. E1-36. М. ; Л., 1966. 22 л. Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А. Курганный могильник у с. Гвардейцы // Очерки истории культуры Поволжья. Вып. 2. Куйбышев, 1976. С. 147–173.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой орды. Волгоград, 2015. 484 с.

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А. Сарматские курганы у с. Гвардейцы // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. III. Оренбург, 1999. С. 147–175.

Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2003. 255 с.
Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. 274 с.

Информация об авторах/ Information about the Authors

Сергей Алексеевич Пилипенко, Новосибирский государственный университет экономики и управления, кафедра философии и гуманитарных наук, преподаватель; 630007, Россия, г. Новосибирск, а/я №211; <https://orcid.org/0000-0001-7963-9891>, Pilipenkosergej@mail.ru

Sergey A. Pilipenko, Novosibirsk State University of Economics and Management, Department of Philosophy and Humanities, Lecturer; 630007, Russia, Novosibirsk, a/z No. 211; <https://orcid.org/0000-0001-7963-9891>, Pilipenkosergej@mail.ru

Павел Владимирович Ломейко, Самарский национальный исследовательский университет имени С.П. Королева, кафедра российской истории, лаборант; 443034, Россия, г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1, корпус 22; <https://orcid.org/0009-0000-2170-4371>, lomeyko_p@mail.ru

Pavel V. Lomeyko, Samara National Research University, Department of Russian History, laboratory assistant; 443034, Russia, Samara, Akademika Pavlova str., 1, building 22; <https://orcid.org/0009-0000-2170-4371>, lomeyko_p@mail.ru

Вера Александровна Скарбовенко, Самарский национальный исследовательский университет имени С.П. Королева, кафедра российской истории, хранитель археологических фондов; 443034, Россия, г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1, корпус 22; <https://orcid.org/0009-0001-7431-346X>, skarbovenko_va@mail.ru

Vera A. Skarbovenko, Samara National Research University, Department of Russian History, curator of archaeological funds; 443034, Russia, Samara, Akademika Pavlova str., 1, building 22; <https://orcid.org/0009-0001-7431-346X>, skarbovenko_va@mail.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.4(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.31

ПОСЕЛЕНИЕ ЕЛУНИНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЙМЕ ОБИ У с. КИПРИНО (Алтайский край)

**Павел Леонидович Рудомётов¹, Кирилл Юрьевич Кирюшин²,
Алексей Алексеевич Тишкин²**

¹*Кипринская СОШ, Киприно, Россия*

²*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

Резюме. Возле с. Киприно в Шелаболихинском районе Алтайского края выявлена серия археологических объектов. Основная часть таких пунктов находится в пойме Оби на территории возвышенности, сформировавшейся в ходе размыва левого берега реки. Этот елбан называется Кипринский Борок. К настоящему времени на юго-западной окраине его и в непосредственной близости отмечено 10 мест, где осуществлялись сборы подъемного материала после постоянных разрушений, связанных

с природно-климатическими и антропогенными воздействиями. В выдувах и обрывах фиксируются культурные слои. В одном из таких пунктов, условно обозначенном «Выдув №5», обнаружены фрагменты керамической посуды, аналогии которой можно легко найти среди материалов из поселенческих и погребальных памятников Лесостепного Алтая елунинской археологической культуры периода ранней бронзы.

Ключевые слова: Алтайский край, Песчаный Борок, поселение, культурный слой, елунинская археологическая культура, фрагменты керамической посуды

Для цитирования: Рудомётов П.Л., Кирюшин К.Ю., Тишкин А.А. Поселение елунинской археологической культуры в пойме Оби у с. Киприно (Алтайский край) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 205–211. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.31

SETTLEMENT OF THE ELUNINO ARCHAEOLOGICAL CULTURE IN THE FLOODPLAIN OF THE OB NEAR THE VILLAGE OF KIPRINO (Altai Krai)

Pavel L. Rudometov¹, Kirill Yu. Kiryushin², Alexey A. Tishkin²

¹*Kiprinskaya Secondary School, Kiprino Village, Altai Krai, Russia*

²*Altai State University, Barnaul, Russia*

Abstract. Near the village Kiprino in Shelabolikhinskiy district of Altai Krai a series of archaeological objects has been revealed. The main part of these sites is located in the Ob floodplain on the territory of the upland, which was formed during the erosion of the left bank of the river. This earthwork is called “Kiprinsky Borok”. By now, 10 places have been marked on its southwestern edge and in its immediate vicinity, where lifting material was collected after permanent destruction associated with natural and climatic and anthropogenic influences. Cultural layers are found in the blowout and bluffs. In one of such places, conditionally designated “Blowout №5”, fragments from the ceramic ware which analogies can be easily found among materials from settlement and burial sites of the Forest-steppe Altai Elunino archaeological culture of the early Bronze Age were found.

Keywords: Altai Krai, Peschany Borok, settlement, cultural layer, Elunino archaeological culture, fragments from pottery

For citation: Rudometov P.L., Kiryushin K.Yu., Tishkin A.A. Settlement of the Elunino Archaeological Culture in the Floodplain of the Ob near the Village of Kiprino (Altai Krai) // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 205–211. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.31

Комплекс археологических объектов на территории пойменной возвышенности, получившей название «Кипринский Борок», расположен возле с. Киприно в Шелаболихинском районе Алтайского края, в 110 км к северо-западу от г. Барнаула (рис. 1.-1–3). В данном месте левобережье Оби представляет собой широкую (до 15 км) заболоченную пойму с множеством стариц и старичных озер, с гривами и буграми-останцами от коренного берега. Окружающая растительность характеризуется как луговая с зарослями кустарников, а также ив, осин и берез. На этом фоне выделяются возвышенности (елбаны) высотой до 5–6 м от пойменного уровня. К северу от с. Киприно на таком останце (размерами около 1,5×0,5 км) расположен небольшой бор с соснами. Коренной берег, на котором находится село, возвышается над

поймой до 30–40 м. При паводках вода в Оби поднимается на 1,5–3 м, почти полностью затапливая пойму, превращая Кипринский Борок в остров. Вода спадает только ближе к августу.

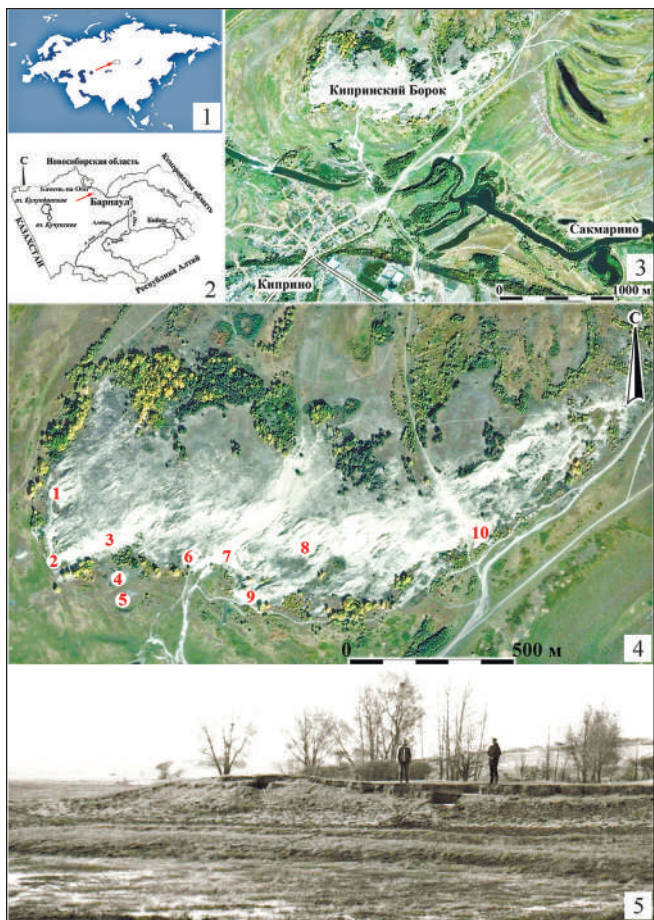

Рис. 1. Кипринский Борок на картах-схемах (1–3), комплекс археологических объектов на юго-западной окраине елбана (4) и местонахождение «Выдув №5» (5)
 Fig. 1. Kiprinsky Borok on schematic maps (1–3), the complex of archaeological sites on the southwestern edge of the Earthwork (4), and the “Blowout №5” site (5)

В истории изучения археологии Западной Сибири представленный археологический комплекс занимает особое место. Наиболее известным является поселение Киприно. Этот памятник известен материалами периода неолита, которые используются практически во всех обобщающих работах по

древней истории Сибири (Комарова, 1956; Матющенко, 1973; Молодин, 1977; Зах, 2003; История Алтая, 2019; История Сибири, 2022; и др.). Гораздо меньше в научной литературе распространена информация, что «поселение Киприно» является частью комплекса памятников на территории Кипринского Борка, где сосредоточено не менее 9–10 разновременных объектов (рис. 1.-4) от неолита до Средневековья (Рудомётов, 1991; Кирюшин, Горбунов, Семибратов, 2013; Казаков, Рудомётов, 2022; Казаков и др., 2022).

Кипринский Борок расположен в 800–850 м к северу от северо-восточной окраины с. Киприно. Ближе всего находится пункт с археологическими находками, получивший обозначение «Выдув №5». Он расположен немного в стороне (в 70 м к югу от Кипринского Борка) и выявлен на небольшой возвышенности овальной формы (размерами 40×20 м и высотой около 1,5 м), вытянутой по линии 3–В (рис. 1.-4, 5). Южная сторона этого участка в 1980–1990-е гг. была разрушена ветровой эрозией. В результате в разрезе обнажения хорошо прослеживались два слоя (рис. 1.-5). Из верхнего слоя (светлая слабо гумусированная супесь) происходят фрагменты керамической посуды, которая относится к раннему железному веку. В нижнем слое (темная гумусированная супесь) обнаружены части глиняных сосудов елунинской археологической культуры (рис. 2). Одним из авторов данной статьи совместно с ребятами из Кипринской средней школы в период с 1994 по 1999 г. на месте разрушений производились сборы таких артефактов. Позднее эта небольшая коллекция и другие материалы были переданы для изучения в Алтайский государственный университет. Введение их в научный оборот является первоочередной задачей (Казаков и др., 2022), чему посвящено и это публикуемое сообщение.

В настоящее время выдув №5 задернован. Однако, судя по имеющимся данным, на указанном месте находится культурный слой поселения елунинской археологической культуры периода ранней бронзы. Важным обстоятельством указанной фиксации является само расположение памятника в пойме Оби. Данный факт подтверждает ранее оформленные наблюдения (Тишкин, 1998) и позволяет наметить поиск других аналогичных поселенческих комплексов в этой специфической природно-ландшафтной зоне.

В небольшой коллекции, состоящей из разных фрагментов елунинской керамики (рис. 2), которые найдены в пункте «Выдув №5», имеются венчики (рис. 2.-1, 3, 5) и стенки нескольких сосудов (рис. 2.-2, 4, 6–8), а также часть днища (рис. 2.-9). Все они орнаментированы традиционными способами, что находит многочисленные аналогии в материалах погребальных и поселенческих комплексов, которые в настоящее время датируются в основном XXI–XIX вв. до н.э. (Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003, рис. 6, 23 и др.; Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 131–132, рис. 70–111; Елунинский археологический комплекс..., 2015, с. 143–144, рис. 46–52; и др.). К сожалению, среди сборов подъемного материала отсутствуют кости животных, а ими обычно насыщены культурные слои поселений елунинской культуры. Это не дает возможности осуществить радиоуглеродный анализ для уточнения датировки нового и важного археологического объекта.

Рис. 2. Фрагменты керамической посуды
из поселения елунинской археологической культуры

Fig. 2. Fragments of pottery from the settlement of the Elunino archaeological culture

Представленные сведения позволяют дополнить список памятников елунинской культуры и обозначают необходимость проведения разведочных раскопок в обозначенном месте для более объективной оценки состояния культурного слоя и возможных дальнейших комплексных исследований.

Список источников

Елунинский археологический комплекс Телеутский Взвоз-I в Верхнем Приобье: опыт междисциплинарного изучения / С.П. Грушин, Ю.Ф. Кирышин, А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, А.А. Казаков, П.Г. Дядьков, О.А. Позднякова, К.Н. Солодовников, С.С. Тур, Т.М. Потемкина, А.В. Бондаренко, В.А. Борисов, П.А. Косинцев, Л.Л. Гайдученко, И.А. Вальков, Г.А. Миляев, Л.В. Сатаева, П.В. Волков, Е.А. Пономарева, К.И. Воронкин; отв. ред. А.П. Деревянко. Барнаул, 2016. 270 с.: ил.

Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень, 2003. 168 с.

История Алтая. В 3 т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье / В.В. Горбунов, С.П. Грушин, П.К. Дашковский, К.Ю. Кирюшин, Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров, С.С. Матренин, Д.В. Папин, Н.Н. Серегин, Н.Ф. Степанова, А.А. Тишкин, А.С. Федорук, О.А. Федорук, Я.В. Фролов, А.Б. Шамшин, М.В. Шуньков; под общ. ред. А.А. Тишкина. Барнаул ; Белгород, 2019. 392 с.: ил.

История Сибири в 4 т. Т. 1: Каменный и бронзовый век / С.В. Алкин, А.Н. Алексеев, И.В. Асеев, В.И. Базилийский, В.В. Бобров, А.П. Бородовский, Д.Л. Бродянский, А.А. Василевский, О.И. Горюнова, А.П. Деревянко, В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, К.Ю. Кирюшин, Ю.Ф. Кирюшин, М.П. Кожин, Л.В. Лбова, С.В. Маркин, В.Е. Медведев, В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова, С.П. Нестеров, М.С. Нестерова, О.И. Новикова, А.А. Орехов, А.С. Пилипенко, Н.А. Савельев, А.В. Табарев, Т.А. Чикишева, М.В. Шуньков; отв. ред. М.В. Шуньков. Новосибирск, 2022. 660 с.

Казаков А.А., Рудомётов П.Л. Кипринский Борок. Краткая характеристика и проблемы охраны // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXXVIII. Барнаул, 2022. С. 244–248. <https://doi.org/10.14258/2411-1503.2022.28.34>

Казаков А.А., Тишкин А.А., Рудомётов П.Л., Степанова Н.Ф. Кипринский Борок (Лесостепной Алтай): историко-культурная и технико-технологическая характеристика керамического комплекса раннего железного века и Средневековья // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №4. С. 48–65. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-03)

Кирюшин К.Ю., Горбунов В.В., Семибратов В.П. Комплекс одинцовской культуры на поселении Киприно-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XVIII–XIX. Барнаул, 2013. С. 142–146.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). Барнаул, 2003. 333 с.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука — поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. I. Барнаул, 2005. 288 с.

Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 93–103.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье (Верхнеобская неолитическая культура) // Из истории Сибири. Вып. 9. Томск, 1973. 147 с.: ил.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. 174 с.

Рудомётов П.Л. Случайные находки с Кипринского Борка // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 44–47.

Тишкин А.А. Методика раскопок поселения Березовая и программа комплексного изучения материалов этого памятника // Поселения: среда, культура, социум. СПб., 1998. С. 80–83.

Информация об авторах / Information about the Authors

Павел Леонидович Рудомётов, Кипринская средняя школа, учитель; 659058, Россия, Алтайский край, с. Киприно; <https://orcid.org/0000-0002-0838-7794>, rudometov.p@mail.ru

Pavel L. Rudometov, Kiprinskaya Secondary School, Teacher; 659058, Russia, Altai Krai, Kiprino Village; <https://orcid.org/0000-0002-0838-7794>, rudometov.p@mail.ru

Кирилл Юрьевич Кирюшин, Алтайский государственный университет, кафедра рекреационной географии, сервиса, туризма и гостеприимства, доцент; 656049,

Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; кандидат исторических наук; <https://orcid.org/0000-0003-3122-1423>, kirill-kirushin@mail.ru

Кирилл Ю. Кирюшин, Altai State University, Department of Recreational Geography, Service, Tourism and Hospitality, Associate Professor; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61; Candidate of History; <https://orcid.org/0000-0003-3122-1423>, kirill-kirushin@mail.ru

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; доктор исторических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61; Doctor of History, Professor; <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 902.2(571.15)

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.32

ВОСТОЧНАЯ ГРУППА ОБЪЕКТОВ РАНЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ КОМПЛЕКСА КАРБАН-I (Северный Алтай)

**Николай Николаевич Серегин¹, Михаил Александрович Демин²,
Святослав Сергеевич Радовский¹**

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

²*Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия*

Резюме. Статья посвящена введению в научный оборот и культурно-хронологической интерпретации двух объектов раннескифского времени (курганы №4 и 24), раскопанных в восточной части комплекса Карбан-I. Данный памятник, расположенный в Чемальском районе Республики Алтай, в 1989–1990 гг. исследовался экспедицией Барнаульского государственного педагогического института. Зафиксированные характеристики погребального обряда (каменная насыпь с крепидой; ящик из плит, установленных на уровне древнего горизонта; фрагменты керамики в насыпи) позволяют отнести курган №24 к бийкенской археологической культуре. Объект №4 представляет собой сооружение поминального характера, возведенное в юго-восточном секторе кургана №24. Датировка этих комплексов, с учетом отсутствия предметов инвентаря, может быть установлена в широких рамках конца IX — 1-й половины VI в. до н.э.

Ключевые слова: Северный Алтай, раннескифское время, погребальный обряд, поминальное сооружение, археологический комплекс, хронология

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №20-18-00179).

Для цитирования: Серегин Н.Н., Демин М.А., Радовский С.С. Восточная группа объектов раннескифского времени комплекса Карбан-I (Северный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 211–217. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.32

EASTERN GROUP OF THE EARLY SCYTHIAN PERIOD OBJECTS OF THE KARBAN-I COMPLEX (NORTHERN ALTAI)

Nikolai N. Seregin¹, Mikhail A. Demin², Svyatoslav S. Radovskiy¹

¹*Altai State University, Barnaul, Russia*

²*Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia*

Abstract. The article concerns the cultural and chronological interpretation of the two early Scythian period objects (mounds No. 4 and 24), investigated in the eastern part of the Karban-I complex. This site, located in the Chermal district of the Altai Republic, was studied by the expedition of the Barnaul State Pedagogical Institute in 1989–1990. The recorded characteristics of the burial rite (a stone mound with a crepe; a box of slabs set at the level of the ancient horizon; fragments of ceramics in the mound) make it possible to attribute mound No. 24 to the Biyke archaeological culture. Object No. 4 is a memorial structure erected in the southeastern sector of mound No. 24. The dating of these complexes, taking into account the absence of inventory items, can be established within the broad framework of the end of the 9th — the first half of the 6th centuries BC.

Keywords: Northern Altai, early Scythian period, funeral rite, memorial structure, archaeological complex, chronology

Acknowledgments: the work was supported by the Russian Science Foundation (Project No. 20-18-00179).

For citation: Seregin N.N., Demin M.A., Radovskiy S.S. Eastern Group of the Early Scythian Period Objects of the Karban-I Complex (Northern Altai) // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 211–217. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.32

Отличительной особенностью погребальных памятников раннескифского времени, исследованных на территории Горного Алтая, нередко выступает фрагментарность или полное отсутствие костяков умерших. Как правило, исследователи объясняют эту черту расположением останков людей на уровне древнего горизонта, что определяет плохую сохранность костяков, либо ограбленностью захоронений. Другим вариантом интерпретации отсутствия погребенных является то, что подобные комплексы представляют собой кенотафы. Очевидно, возможны и другие объяснения фиксируемых ситуаций. Так или иначе, в случае отсутствия умершего человека и каких-либо предметов инвентаря основой для культурно-хронологической атрибуции комплексов становится анализ погребальных конструкций. В настоящей статье рассмотрены материалы раскопок двух курганов некрополя Карбан-I, представляющих собой характерный пример таких объектов.

Археологический комплекс Карбан-I расположен на левом берегу р. Катунь, в 1,7 км к северо-западу от с. Кююс Чемальского района Республики Алтай. Данный памятник исследовался в 1989–1990 гг. экспедицией Алтайского государственного педагогического университета под руководством одного из авторов статьи. Объекты раннескифского времени, некоторые результаты раскопок которых введены в научный оборот (Демин, Гельмел, 1992; Серегин, Демин, Радовский, 2022а–в; и др.), сконцентрированы, главным образом,

у подножия горы, ограничивающей некрополь с запада, а также выявлены в центре комплекса. Кроме того, два кургана (№4, 24) расположены в восточной части памятника, на краю террасы.

Курган №24 представлял собой сравнительно небольшую насыпь с расположенным в центре каменным ящиком, плиты которого выступали над погребенной почвой (рис. 1). Диаметр расчищенного сооружения составлял немногим более 3 м. После снятия мелких камней проступило кольцо из крупных плит, внутреннее пространство которого до стенок ящика было заложено в один-два слоя крупным галечником зеленоватого цвета (рис. 2). Диаметр выявленной крепиды — 2,3 м. С северной стороны к кольцу каменной примыкало скопление небольших плиток, лежавших в несколько слоев. Между ними при разборке встречен фрагмент керамики без орнамента. Подобные находки обнаружены также около юго-восточной плиты ящика и в полуметре к востоку от кольца из плоских плит, у верхнего слоя погребенной почвы.

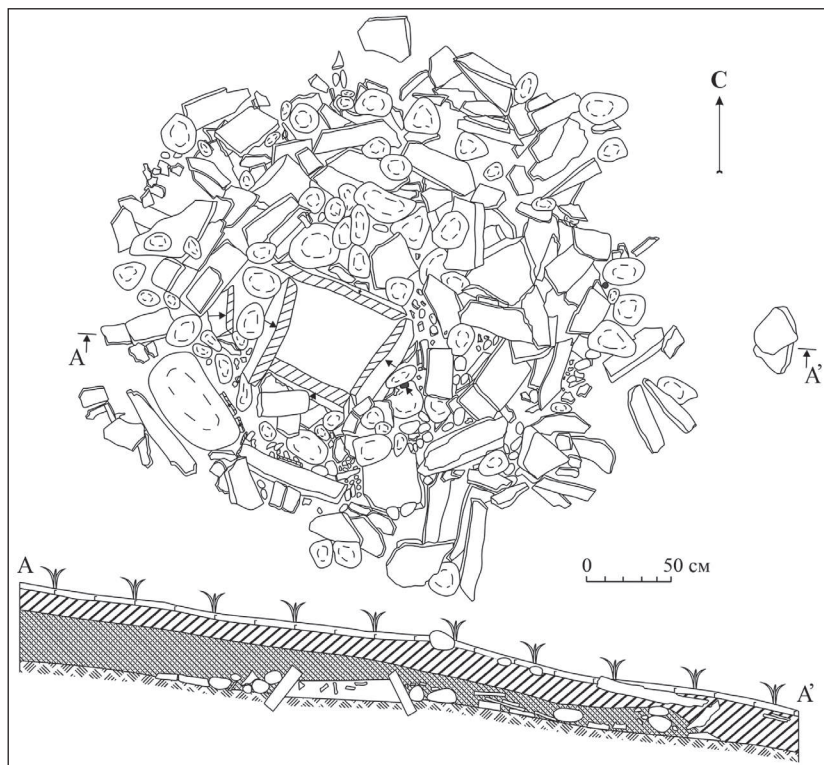

Рис. 1. Карбан-I, курган №24. План и разрез насыпи
Fig. 1. Karban-I, mound No. 24. Plan and section of the embankment

Рис. 2. Карбан-I, курган №24. Основа наземной конструкции с каменным ящиком.
Вид с юго-запада
Fig. 2. Karban-I, mound No. 24. The basis of the ground structure with a stone box.
View from the southwest

Погребальная камера представляла собой ящик почти квадратной формы размерами 0,8×0,7 м, ориентированный по линии ЗСЗ–ВЮВ. Останки умершего и инвентарь внутри данной конструкции не обнаружены. Ниже ящика располагался слой галечных валунов размером 15–25 см.

В юго-восточном секторе кургана №24 над камнями крепиды была выявлена небольшая выкладка, обозначенная как курган №4, очевидно, возведенная позднее основной насыпи. После расчистки данное сооружение имело вид овала размером 1,8×1,4 м, ориентированного длинной осью по линии В–З. Его контур был выложен галечными валунами и двумя плитами. Внутри овала фиксировалась каменная забутовка в один слой из валунов и глыб белого кварцита. Камни лежали в серо-черном гумусированном песке на границе с материковым галечником.

В центре выкладки, под слоем галечника, выявлено пятно овальной формы, ориентированное по линии ЗСЗ–ВЮВ. Размеры ямы составили 1,0×0,7 м, глубина — не более 0,3 м. На ее дне в юго-восточной части лежала сланцевая плитка, над которой зафиксирована длинная кость лошади. Рядом, а также в северо-западном конце ямы обнаружены фрагменты костей животных (рис. 3).

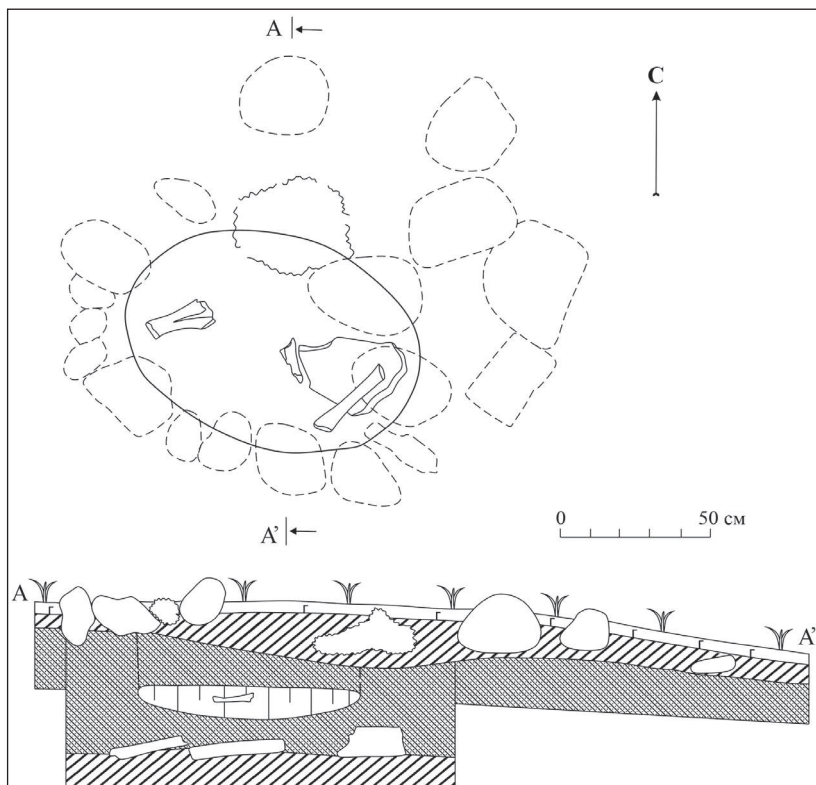

Рис. 3. Карбан-I, курган №4. План и разрез сооружения
 Fig. 3. Karban-I, mound No. 4. Plan and section of the structure

Судя по зафиксированным признакам погребального обряда (каменная насыпь с крепидой; ящик из плит, установленных на уровне древнего горизонта; фрагменты керамики в насыпи), курган №24 относится к бийкенской археологической культуре раннескифского времени. Подобные объекты в целом характерны для традиций данной общности (Степанова, 1996б, с. 65; Тишкин, 1996, с. 22–23; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 36–37; Суразаков, Тишкин, 2007, с. 17–20; и др.). Довольно часто курганы со схожими чертами исследовались в составе групп вполне «стандартных» сооружений бийкенской культуры, включавших погребения людей с лошастью (Тишкин, 1996, рис. 1; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 36–38, рис. 9; Суразаков, Тишкин, 2007, рис. 2; и др.).

Отметим, что нижний уровень кургана №24 частично был вымощен горизонтально лежащими плитками. Данная особенность неоднократно зафиксирована в ходе раскопок раннескифских комплексов (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 58), что также подтверждает предложенную культурную

атрибуцию рассматриваемого объекта. Керамика, найденная в насыпи, является толстостенной, цвет изделий — коричневый и светло-серый. Фрагменты подобной глиняной посуды без орнамента нередко обнаруживались в погребальных конструкциях или в околочурганном пространстве объектов скифской эпохи Горного Алтая (Суразаков, 1993, с. 28; Степанова, 1996а, с. 116; Тишкин, 1996, с. 23; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 60, 86–87; Суразаков, Тишкин, 2007, с. 55–63, рис. 14, 17, 19, 25–26, 37; и др.), в том числе подобные находки сделаны в ходе раскопок отдельных курганов некрополя Карбан-I (Серегин, Демин, Радовский, 2022а, с. 169–170).

Несмотря на то что курган №4 перекрывал часть насыпи объекта №24 и соответственно был возведен несколько позднее, имеются основания для предположения о непосредственной связи данных сооружений. Курган №4 расположен в юго-восточном секторе кургана №24, где носителями бийкенской культуры обычно устраивались захоронения лошадей (Сорокин, 1966, рис. 3; Тишкин, 1996, с. 23; Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 15; Суразаков, Тишкин, 2007, с. 31–32, рис. 19, 56). При этом иногда захоронение животного «сопровождало» объект, в котором отсутствовал костяк человека (Суразаков, Тишкин, 2007, с. 32–33). Кроме того, судя по имеющимся материалам, население рассматриваемой общности в ряде случаев погребало часть туши лошади (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 59–60). Данная особенность позволяет предположить, что по крайней мере некоторые из таких объектов связаны с осуществлением тризны. В связи с этим с определенной долей вероятности можно утверждать, что объект №4 является поминальником, связанным с курганом №24. Зафиксированная традиция позволяет поставить вопрос о том, что сооружение сопроводительного захоронения лошади или части туши животного могло происходить позднее — до нескольких лет после погребения человека.

Таким образом, восточная группа объектов некрополя Карбан-I демонстрирует как особенные, так и общие признаки обрядовой практики, в целом характерные для населения бийкенской археологической культуры раннескифского времени. Датировка публикуемых курганов №4 и 24, принимая во внимание отсутствие предметов инвентаря, определяется в широких рамках конца IX — 1-й половины VI в. до н.э. Примечательным является расположение этих объектов в отдалении от других сооружений раннескифского периода, которое могло быть связано с различными причинами. Рассматриваемые комплексы подтверждают высокую степень вариабельности традиций, фиксируемых в ходе раскопок объектов 1-й половины I тыс. до н.э. в урочище Карбан. Дальнейшее изучение имеющихся материалов позволит приблизиться к обоснованной интерпретации этой особенности, очевидно, обусловленной конкретными сюжетами истории племен раннескифского времени.

Список источников

Демин М.А., Гельмель Ю.И. Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 28–34.

Кирушин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Радовский С.С. Погребение бийкенской культуры из Северного Алтая // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). Барнаул, 2022а. Вып. 17. С. 168–175.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Радовский С.С. Погребение раннескифского времени из урочища Карбан (Северный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVIII. Барнаул, 2022б. С. 341–347.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Радовский С.С. Раннескифское погребение с металлическим зеркалом из Северного Алтая // Народы и религии Евразии. 2022в. №4. С. 74–85.

Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1966. Вып. №8. С. 39–60.

Степанова Н.Ф. Охранные раскопки на Усть-Куюмском могильнике // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996а. С. 115–119.

Степанова Н.Ф. Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996б. С. 54–69.

Суразаков А.С. Кош-Тал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. С. 25–45.

Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул, 2007. 232 с.

Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 20–54.

Информация об авторах / Information about the Authors

Николай Николаевич Серегин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, доцент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; доктор исторических наук; <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>, nikolay-seregin@mail.ru

Nikolai N. Seregin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Associated Professor; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61; Doctor of History; <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>, nikolay-seregin@mail.ru

Михаил Александрович Демин, Алтайский государственный педагогический университет, кафедра отечественной истории, профессор; 656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55; доктор исторических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>, mademini52@mail.ru

Mikhail A. Demin, Altai State Pedagogical University, Department of Russian History, Professor; 656031, Barnaul, Russia, Molodezhnaya St. 55; Doctor of History, Professor; <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>, mademini52@mail.ru

Святослав Сергеевич Радовский, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; <https://orcid.org/0000-0001-8668-3831>, radovskiy1996@mail.ru

Svyatoslav S. Radovskiy, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Graduate Student; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61; <https://orcid.org/0000-0001-8668-3831>, radovskiy1996@mail.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

РЕДКИЕ КАТЕГОРИИ ПРЕДМЕТНОГО КОМПЛЕКСА ИЗ ОБЪЕКТОВ ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ НЕКРОПОЛЯ ЧОБУРАК-I (Северный Алтай)

Николай Николаевич Серегин¹, Алексей Алексеевич Тишкин¹,
Сергей Сергеевич Матренин², Татьяна Сергеевна Паршикова¹

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

²Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

Резюме. В статье представлена характеристика серии предметов, обнаруженных в ходе раскопок курганов позднего этапа булан-кобинской культуры на могильнике Чобурак-I. Данный разновременный памятник, расположенный в Северном Алтае, исследовался экспедицией АлтГУ. В составе многочисленного инвентаря из 12 непо потревоженных погребений выделяются находки, редкие для вещевого комплекса населения рассматриваемой общности. К ним относятся железный котел, коллекция изделий из кости и рога (гребень, наконечник стрелы, косметическая щетка, цурки, застежки и крепления элементов конского снаряжения), а также каменные пряслица. Установлено, что данные предметы демонстрируют оригинальные характеристики материальной культуры кочевников Северного Алтая жужанского времени. Отдельные находки при этом свидетельствуют о влиянии традиций «булан-кобинцев» на формирование облика некоторых функциональных гарнитур конского снаряжения у ранних тюрок (2-я половина V — VII в. н.э.).

Ключевые слова: Северный Алтай, жужанское время, предметный комплекс, хронология, аналогии, предметы быта, конское снаряжение

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект 20-78-10037).

Для цитирования: Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Редкие категории предметного комплекса из объектов жужанского времени некрополя Чобурак-I (Северный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 218–225. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.33

RARE CATEGORIES OF FINDS FROM OBJECTS OF THE ROURAN PERIOD ON THE CHOBURAK-I NECROPOLIS (Northern Altai)

Nikolai N. Seregin¹, Alexey A. Tishkin¹,
Sergei S. Matrenin², Tatyana S. Parshikova¹

¹Altai State University, Barnaul, Russia

²Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Barnaul, Russia

Abstract. The article presents a characteristic of a series of items discovered during excavations of the Rouran period necropolis at the Choburak-I burial ground. This multi-temporal site, located in Northern Altai, was studied by the expedition of Altai State University.

As part of the numerous inventory of 12 undisturbed burials, the finds are distinguished that are rare for the subject complex of the population of the Bulan-Koby culture. These include an iron cauldron, a collection of items made of bone and horn (a comb, an arrowhead, a cosmetic brush, claps, fasteners for elements of horse equipment), as well as stone whorls. It has been established that these finds demonstrate the original characteristics of the material culture of the nomads of the Northern Altai in the Rouran period. Some finds at the same time testify to the influence of the traditions of the “Bulan-Kobins” on the formation of the appearance of some functional sets of the early Turks (the second half of the 5th–7th centuries AD).

Keywords: Northern Altai, Scythian-Saka period, mound, funeral rite, archaeological complex, radiocarbon analysis, chronology

Acknowledgments: this work was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 20-78-10037).

For citation: Seregin N.N., Tishkin A.A., Matrenin S.S., Parshikova T.S. Rare Categories of Finds from Objects of the Rouran Period on the Choburak-I Necropolis (Northern Altai) // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 218–225. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.33

Одним из важных результатов полевых работ, осуществленных Чемальской экспедицией Алтайского государственного университета на памятнике Чобурак-I, стало исследование компактного некрополя булан-кобинской археологической культуры. Рассматриваемый памятник расположен на правом берегу Катуня, к югу от с. Еланда, в Чемальском районе Республики Алтай. Раскопанный могильник, включавший 12 непотревоженных курганов, относится к жужанскому времени, о чем свидетельствуют результаты анализа предметного комплекса из погребений, а также полученные данные радиоуглеродного датирования (Серегин и др., 2019, 2020, 2022; и др.). Сформированный опыт сравнительного изучения находок из комплекса Чобурак-I с известными материалами из памятников Алтая последней четверти I тыс. до н.э. — I-й половины I тыс. н.э. предоставляют основания для выделения группы весьма редких для булан-кобинской культуры изделий, имевших разное функциональное назначение. Важно отметить, что значительная часть этих артефактов не имеет прямых аналогий в собраниях вещей из других комплексов обозначенной общности.

Орудия труда и предметы быта

Уникальной находкой из некрополя Чобурак-I является железный котел, обнаруженный в ходе раскопок погребения взрослого мужчины в кургане №34а. Судя по зафиксированным *in situ* обломкам, рассматриваемый предмет лежал на берцовых костях человека и представлял собой низкий «казан», изготовленный из нескольких крупных пластинок, соединенных заклепками, с круглым дном и без ручек. Диаметр котла составлял около 30 см, при высоте до 29 см (рис. 1). До недавнего времени единственный случай фиксации железной посуды в погребениях эпохи Великого переселения народов на Алтае отмечен в материалах могильника Кок-Паш (Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 17.-34). Наиболее близкая аналогия чобуракскому котлу выявлена в Туве в могильнике 2-й четверти I тыс. н.э. Чааты-I (Кызласов, 1969, рис. 21.-9). Сле-

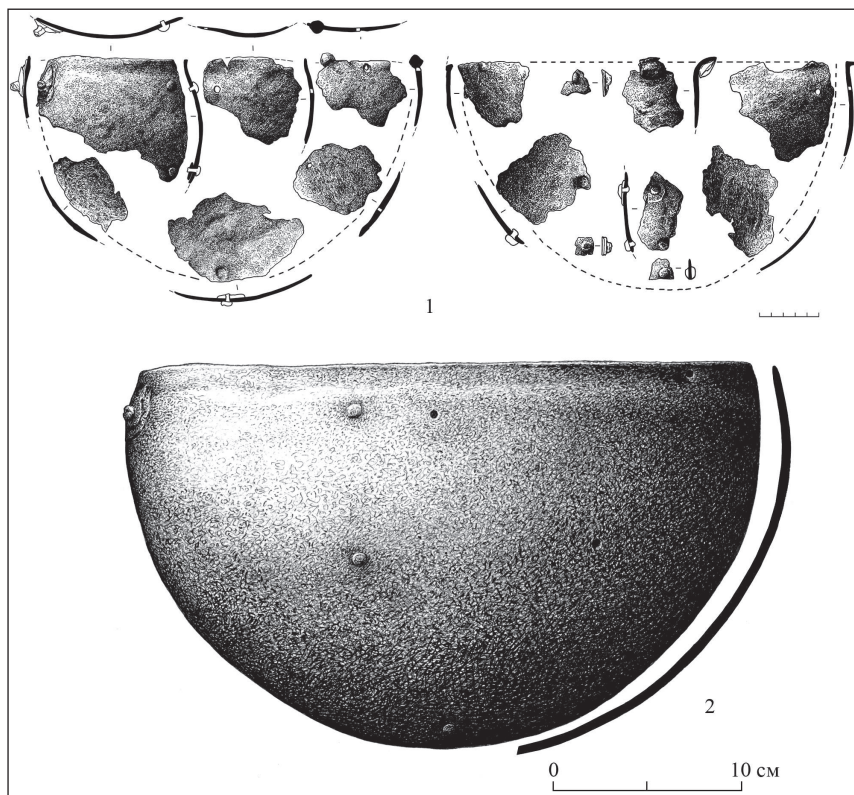

Рис. 1. Чобурак-І. Железный котел из кургана №34а:
 1 — зафиксированные фрагменты; 2 — реконструкция изделия
 Fig. 1. Choburak-I. Iron cauldron from mound No. 34a:
 1 — fixed fragments; 2 — reconstruction

дует подчеркнуть, что металлическая посуда относится к немногочисленной группе «социальных маркеров» предметного комплекса населения булан-кобинской культуры (Серегин, Матренин, 2020, с. 92, 94, 98, 108–111).

В захоронении из кургана №29а могильника Чобурак-І обнаружен костяной (роговой) гребень, лежавший в районе тазовых костей подростка, вероятно, в сумочке. Корпус изделия имеет выделенную рукоять пятиугольной формы (размеры 4,2×3,1 см) с отверстием для подвешивания в выступающем ушке, отделенную от зубьев длиной 2,5–2,6 см двумя уступами. Лицевая поверхность рукояти украшена «циркульным» орнаментом (рис. 2.-1). Приходится констатировать, что датировка подобных гребней в основном привязана к относительной хронологии закрытых комплексов, в которых они были найдены. Близкий по оформлению рукояти экземпляр, но имеющий иные

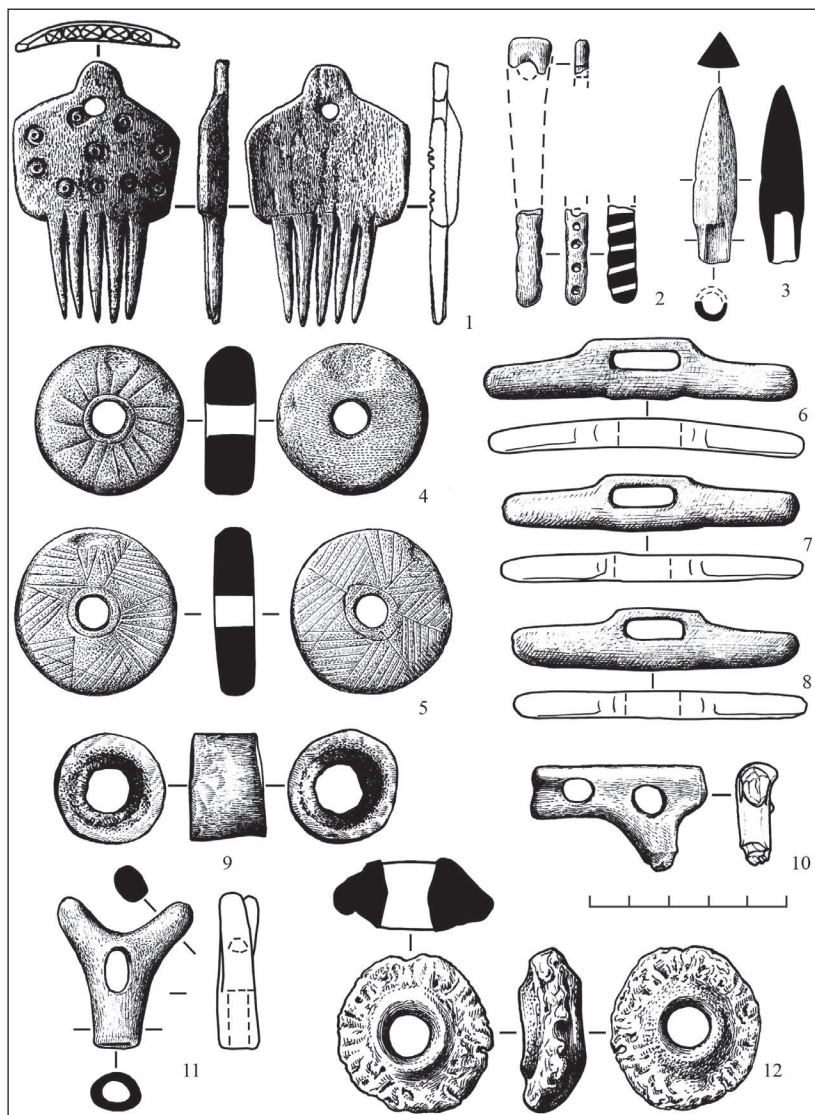

Рис. 2. Чобурак-I. Предметы быта, орудия труда и детали конского снаряжения: 1 — гребень; 2 — рукоять косметической щетки; 3 — наконечник стрелы; 4, 5 — пряслица; 6-8 — цурки; 9-12 — застежки (1-3, 6-12 — кость, рог; 4, 5 — камень)
 Fig. 2. Choburak-I. Household items, tools and parts of horse equipment: 1 — comb; 2 — cosmetic brush handle; 3 — arrowhead; 4, 5 — whorl; 6-8 — clasps; 9-12 — fasteners (1-3, 6-12 — bone, horn; 4, 5 — stone)

пропорции и вырезы на боковых сторонах, происходит из погребения булан-кобинской культуры некрополя Айрыдаш-I (курган №63) (Соенов, 1998, с. 561, рис. 1), которое, судя по сохранившемуся инвентарю, датируется не ранее IV в. н.э. (Матренин, 2017, с. 66, 76, 111–112, 116, 118). Особенности орнаментации, зафиксированной на чобуракском гребне, обнаруживают редкие аналогии в декоре костяных изделий из памятников Алтая 2-й половины III — V в. н.э. (Глоба, 1983, табл. V.-6; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 6.-24). Единичные находки гребней с пятиугольной рукоятью, демонстрирующие варибельность оформления подобных предметов, известны в материалах комплексов различных хронологических периодов за пределами рассматриваемого региона (Вайнштейн, 1966, табл. VI.-4; Новиков, Сергеева, 2010, рис. 1.-9, 19; и др.).

Довольно редкой находкой, обнаруженной в ходе исследований женского погребения в кургане №34, является косметическая щетка. Изделие сохранилось в виде обломка костяной (роговой) рукояти с четырьмя сквозными отверстиями на одном конце (рис. 2.-2). Аналогичные по конструкции гигиенические принадлежности, обычно с орнаментом, зафиксированы на Алтае в булан-кобинских могильниках III–V вв. н.э., а также на городищах майминской культуры (Глоба, 1983, табл. V.-1, 2; Мамадаков, 1990, рис. 23.-1; 28.-3; 37.-4; Соенов, Эбель, 1992, рис. 42.-13; Соенов и др., 2011, с. 31, рис. 50.-2). За пределами рассматриваемого региона подобные изделия представлены в козельской культуре Тувы и таштыкской культуре Хакаско-Минусинской котловины (Грач, 1960, рис. 37; Вадецкая, 1999, с. 272; Гоглиб, 2007, рис. 23.-1).

Частью погребального инвентаря серии объектов некрополя Чобурак-I выступали разнообразные костяные (роговые) наконечники стрел (Серегин и др., 2020). Среди них выделяется трехгранный пятиугольный экземпляр с покатыми плечиками, имеющий выступающую втулку цилиндрической формы без свистунки (рис. 2.-3). В булан-кобинской культуре подобные изделия встречаются крайне редко (Мамадаков, 1990, рис. 75.-28, 32, 36; Худяков, 1997, рис. 1.-6; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 124). Единственная полная аналогия рассматриваемому наконечнику происходит из комплекса позднеяньбийского времени Булан-Кобы-IV (Мамадаков, 1990, рис. 75.-28).

В орудийном наборе из могильника Чобурак-I необходимо отметить два каменных пряслица. В погребении кургана №32а такое изделие лежало за черепом покойной. Предмет представляет собой диск (диаметр 3,4 см, толщина 1,1 см) со сквозным отверстием (диаметр 0,7 см) в центре, декорированный с одной стороны резным орнаментом в виде окружности с расходящимися от нее 16 «лучами» (рис. 2.-4). В захоронении объекта №34 пряслица было обнаружено у плеча умершей женщины. Это диск диаметром 3,7 см, толщиной 0,9 см, со сквозным отверстием (диаметр 0,7 см) посередине, украшенный с обеих сторон резными линиями в виде окружности (вокруг отверстия) и множеством линий, которые образуют узор, напоминающий «звезду» с сетчатой штриховкой (рис. 2.-5). В материалах булан-кобинской культуры известны еще два пряслица (при этом одно из них керамическое) с похожим

декоративным оформлением из комплексов Белый-Бом-II (II — 1-я половина IV в. н.э.) и Верх-Уймон (2-я половина IV — V в. н.э. (Глоба, 1983, табл. VI-3; Соенов, 2000, рис. 2.-7). Близкие в хронологическом и территориальном отношении аналогии этим экземплярам обнаружены в памятниках Верхнего Приобья IV–V вв. н.э. (Грязнов, 1956, табл. XXXIII.-14–16).

Снаряжение верхового коня

К весьма редким для булан-кобинской культуры категориям конской амуниции относятся три костяные (роговые) цурки с сомкнутой прорезью (рис. 2.-6–8), найденные в кургане №31. До раскопок некрополя Чобурак-I на территории Алтая были известны всего два аналогичных экземпляра в объекте №7 комплекса Кок-Паш, датирующемся 2-й половиной IV — 1-й половиной V в. н.э. (Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 175, рис. 6.-8, 9). Можно предположить, что от «булан-кобинцев» такие предметы попали к носителям майминской культуры северных предгорий Алтая (Кунгурова, Абдулганеев, 2019, рис. 72.-10, 12). Судя по всему, они являются производными от цурок с несомкнутой прорезью и стали основной модификацией застежек от пут у тюрок Алтая уже в период до создания каганата. Это подтверждает заключение о том, что формирование некоторых категорий снаряжения верхового коня раннесредневековых кочевников рассматриваемого региона происходило на базе традиций материальной культуры поздних «булан-кобинцев» (Тишкин, Серегин, 2011, с. 28, рис. 3.-28–31; Матренин, 2018, с. 193). Важно отметить, что чобуракские находки демонстрируют сосуществование у кочевников Алтая в эпоху Великого переселения народов цурок с разным оформлением прорезей.

В экипировке верхового коня из памятника Чобурак-I идентифицированы единичные костяные (роговые) застежки и крепления. Изделия округлой формы со сквозным отверстием в центре представлены двумя экземплярами разного размера (рис. 2.-9, 12). Данные предметы обнаружены у задней ноги (курган №32) и под тазовыми костями (курган №34а) лошадей. Редкие аналогии им зафиксированы в могильнике Булан-Кобы-IV (конец III — 1-я половина IV в. н.э.) (Мамадаков, 1990, рис. 18.-7; 33.-5; 38.-10). Застежка из кургана №31 в виде «рогатки-втулки» со сквозной поперечной прорезью (рис. 2.-11), найденная среди ребер лошади, и экземпляр из кургана №32 с фигурным корпусом и парой сквозных овальных отверстий (рис. 2.-10), обнаруженный рядом с позвоночником лошади в проекции грудного отдела, не имеют подобий в конском снаряжении населения булан-кобинской культуры.

Рассмотренная серия предметов демонстрирует оригинальные характеристики вещевого комплекса кочевников Северного Алтая жужанского времени. Часть из них имеет единичные аналогии в материалах рассматриваемого региона, а также на сопредельных территориях. Отдельные находки при этом свидетельствуют о влиянии традиций «булан-кобинцев» на формирование облика некоторых функциональных гарнитур конского снаряжения у ранних тюрок (2-я половина V — VII в. н.э.). В целом представленные заключения

расширяют базу для проведения комплексных реконструкций процессов этнокультурного взаимодействия населения Алтая с народами других регионов Северной и Центральной Азии на рубеже поздней древности и Средневековья.

Список источников

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск, 2003. 224 с.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999. 440 с.

Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М. ; Л., 1966. Т. II. С. 292–334.

Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 116–126.

Готлиб А.И. Ярусные захоронения таштыкского могильника Черноозерное-II в Хакасии // Таштыкские памятники Хакаско-Минусинского края. Новосибирск, 2007. С. 8–38.

Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. I: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М. ; Л., 1960. С. 73–150.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. ; Л., 1956. 162 с. (Материалы и исследования по археологии; №48).

Кунгурова Н.Ю., Абдулганеев М.Т. Майминская культура. По материалам поселений Салаира и Предалтайской равнины I-й пол. I тыс. н.э. Барнаул, 2019. 214 с.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. 211 с.

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.

Матренин С.С. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. — V в. н.э.). Новосибирск, 2017. 142 с.

Матренин С.С. Хронологические индикаторы снаряжения верхового коня кочевников сяньбийско-жужанского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. 2. Барнаул, 2018. С. 188–195.

Новиков А.В., Сергеева Ю.К. Классификационные признаки гребней Западной Сибири // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 7: Археология и этнография. С. 126–135.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. — XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул, 2020. 268 с.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Погребение жужанского времени из Северного Алтая (по материалам могильника Чобурак-I) // Теория и практика археологических исследований. 2019. №4. С. 51–68.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Костяные (роговые) наконечники стрел населения Алтая жужанского времени (по материалам археологического комплекса Чобурак-I) // Теория и практика археологических исследований. 2020. №1. С. 88–99.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Неординарное погребение подростка с воинским инвентарем из некрополя жужанского времени Чобурак-I (Северный Алтай) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. №1. С. 122–133.

Соенов В.И. Классификация и хронология гребней гунно-сарматского времени Горного Алтая // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. I. С. 559–563.

Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2000. №5. С. 48–62.

Соенов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соенов Д.В. Чеповские городища. Горно-Алтайск, 2011. 228 с.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск, 1992. 116 с.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в саянбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул, 2018. 368 с.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V — 1-я половина VI в. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2011. Вып. 6. С. 14–32.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. №2. С. 28–37.

Информация об авторах / Information about the Authors

Николай Николаевич Серегин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, доцент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; доктор исторических наук; <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>; nikolay-seregin@mail.ru

Nikolai N. Seregin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Associated Professor; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61; Doctor of History; <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>, nikolay-seregin@mail.ru

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave., 61, Doctor of History, Professor; <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Сергей Сергеевич Матренин, Барнаульский юридический институт МВД России, кафедра истории и философии, доцент; 656038, Россия, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49; кандидат исторических наук; <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>, matrenins@mail.ru

Sergei S. Matrenin, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Department of History and Philosophy, Associate Professor; 656038, Barnaul, Russia, Chkalov St. 49; Candidate of History; <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>, matrenins@mail.ru

Татьяна Сергеевна Паршикова, Алтайский государственный университет, лаборатория древней и средневековой археологии Евразии, старший научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; кандидат исторических наук; <https://orcid.org/0000-0001-5078-8244>, taty-parshikova@yandex.ru

Tatyana S. Parshikova, Altai State University, Laboratory of Ancient and Medieval Archeology of Eurasia, Senior Research Fellow; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61; Candidate of History; <https://orcid.org/0000-0001-5078-8244>, taty-parshikova@yandex.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

ПОГРЕБЕНИЕ ПОЗДНЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ

**Николай Николаевич Серегин, Алексей Алексеевич Тишкин,
Святослав Сергеевич Радовский**

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье представлены материалы одного из курганов, раскопанных в составе разновременного погребально-поминального комплекса Чобурак-I. Данный памятник расположен на правом берегу р. Катунь, к югу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай. Курган №4 был исследован археологической экспедицией АлтГУ в 2015 г. Ключевыми характеристиками изученного объекта являются небольшая каменная насыпь; неглубокая могильная яма, перекрытая несколькими слоями плит; погребальная камера в виде каменного ящика; захоронение человека (мужчины 25–35 лет) по обряду одиночной ингумации; скорченное положение покойного, уложенного на правый бок; ориентировка умершего в западном направлении; отсутствие сопроводительного инвентаря. Судя по результатам радиоуглеродного анализа, а также имеющимся аналогиям в памятниках Алтая, публикуемый комплекс может быть отнесен к северному варианту пазырыкской культуры скифо-сакского времени, а его хронология определяется рамками завершающего этапа в истории данной общности.

Ключевые слова: Северный Алтай, скифо-сакское время, курган, погребальный обряд, археологический комплекс, радиоуглеродный анализ, хронология

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект МД-792.2022.2).

Для цитирования: Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Радовский С.С. Погребение позднескифского времени из Северного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 226–232. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.34

THE BURIAL OF THE LATE SCYTHIAN PERIOD FROM NORTHERN ALTAI

Nikolai N. Seregin, Alexey A. Tishkin, Svyatoslav S. Radovskiy
Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article presents materials of one of the mounds excavated as part of the Choburak-I burial and memorial complex. This site is located on the right bank of the Katun river, to the south from the Elanda village, in the Chermal district of the Altai Republic. Mound No. 4 was explored by the archaeological expedition of Altai State University in 2015. The key characteristics of the studied object are a small stone mound; a shallow grave pit covered with several layers of slabs; burial chamber in the form of a stone box; burial of a person (men aged 25–35) according to the rite of single inhumation; the crouched position of the deceased, laid on the right side; orientation of the deceased in the western direction; lack of accompanying equipment. Judging by the results of radiocarbon analysis, as well as the existing analogies in the Altai sites, the published complex can be attributed to the

northern version of the Pazyryk culture of the Scythian-Saka period, and its chronology is determined by the framework of the final stage in the history of this community.

Keywords: Northern Altai, Scythian-Saka period, mound, funeral rite, archaeological complex, radiocarbon analysis, chronology

Acknowledgments: The work was supported by a grant from the President of the Russian Federation (project МД-792.2022.26).

For citation: Seregin N.N., Tishkin A.A., Radovskiy S.S. The Burial of Late Scythian Period from Northern Altai // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 226–232. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.34

Скифо-сакское время представляет собой один из наиболее полно обеспеченных археологическими источниками периодов в древней истории кочевников Алтая. Вместе с тем до настоящего времени остается не решенным целый ряд дискуссионных вопросов в рамках интерпретации имеющихся данных. Среди них особое значение сохраняют проблемы, связанные с выделением локальных вариантов пазырыкской культуры и соотношением разных групп/типов памятников, демонстрирующих неоднородность данной общности. С этой точки зрения весьма показательны материалы, полученные в ходе раскопок в Северном Алтае. По результатам исследований в указанной части региона выделен локальный вариант пазырыкской культуры (северный, или тыткескенский) (Киреев, 1992, с. 56; Тишкин, Дашковский, 1998, с. 167–168; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 122–123). Кроме того, там фиксируются погребения в каменных ящиках (кара-кобинский тип/группа памятников), а также изучена серия «классических» пазырыкских захоронений. Наряду с такими памятниками известны комплексы, однозначная культурная и хронологическая атрибуция которых затруднительна по ряду причин (отсутствие характерных черт обрядовой практики, невыразительный сопроводительный инвентарь и др.). К таким объектам относится один из курганов, раскопанный в составе могильника Чобурак-I в 2015 г.

Погребально-поминальный комплекс Чобурак-I расположен на правом берегу р. Катуня, к югу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай (рис. 1). Памятник выявлен М.Т. Абдулганеевым и обозначен им как могильник Еланда-II (Степанова, Соенов, 2009, с. 31). Небольшие раскопки на комплексе проводились экспедициями Института археологии и этнографии СО РАН и Алтайского государственного университета в конце 1980-х — начале 1990-х гг., а также в 2007 г. (Бородовский, 1994; Семибратов, Матренин, 2008, с. 55–63, рис. 3–8; Кирюшин и др., 2010, с. 30–39, рис. 14–18; и др.). Эти работы были связаны с необходимостью реализации охранных мероприятий в зоне предполагаемого затопления Катунской ГЭС. Однако в связи с закрытием данного масштабного проекта полевые исследования также были прерваны. С 2015 г. и по настоящее время раскопки на памятнике Чобурак-I осуществляются Чемальской экспедицией АлтГУ под руководством одного из авторов статьи (Серегин, Горбунов, Тишкин, 2016; Серегин и др., 2020, 2022; и др.). В результате в составе комплекса изучено свыше 40 погребальных и поминальных объектов, относящихся к различным хронологическим периодам (от энеолита до раннего Средневековья).

Рис. 1. Расположение погребально-поминального комплекса Чобурак-I
Fig. 1. Location of the burial and memorial complex Choburak-I

Курган №4 расположен в центральной части комплекса Чобурак-I, в 70 м к северу от автодороги Чемал — Куюс. До исследований данный объект представлял собой сильно задернованную каменную насыпь округлой формы. Для его изучения был заложен раскоп размерами 5×6 м. В результате зачистки насыпи выявлено сооружение округлой формы из средних и небольших камней, диаметр которого составил 4,25 м, высота — до 0,5 м. Разборка насыпи не позволила выявить основы в виде крепиды, хотя фиксировалась тенденция расположения нескольких крупных камней по краю наземной конструкции (рис. 2.-1). Отметим, что в юго-западной части раскопа зафиксирован край насыпи объекта №5, исследованного в следующий полевой сезон и оказавшегося захоронением лошади раннескифского времени.

Могильная яма находилась под центральной частью насыпи кургана №5 и довольно четко фиксировалась в материковом слое. Пятно овальной формы (длина 2,15 м, ширина 0,9 м) было ориентировано длинной осью по линии ВЮВ–ЗСЗ. Выборка заполнения могильной ямы позволила выявить каменное перекрытие, состоявшее из нескольких слоев крупных камней, которые были уложены на глубине от 0,7 м от уровня древнего горизонта. Под перекрытием зафиксирован каменный ящик, возведенный из шести массивных плит (по две на каждой из длинных сторон, и две торцевых). Общая длина данной погребальной камеры по оси З–В составила 1,15 м, ширина по линии С–Ю — 0,6 м. Высота плит ящика, врытых в материковый слой и укрепленных контрфорсами, варьировала от 0,23 до 0,3 м.

В каменном ящике на глубине до 1,35 м от уровня древнего горизонта обнаружено неповрежденное погребение человека. Умерший был уложен в скорченном положении на правом боку и головой ориентирован на запад (рис. 2.-2; 3). Скелет принадлежал мужчине в возрасте 25–35 лет (определение

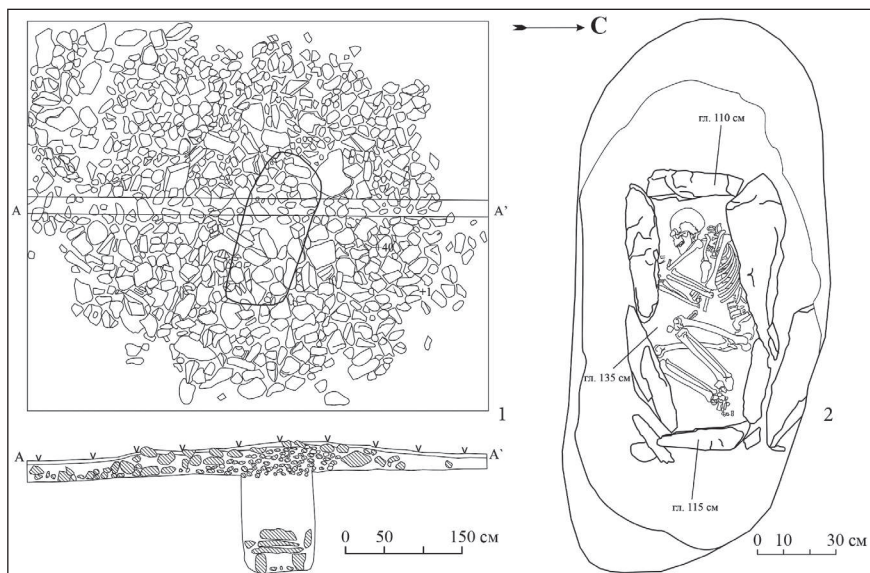

Рис. 2. Чобурак-I, курган №4: 1 — план и разрез насыпи; 2 — план погребения
 Fig. 2. Choburak-I, mound No. 4: 1 — plan and section of the embankment; 2 — plan of the burial

Рис. 3. Чобурак-I, курган №4. Вид сверху на погребение в каменном ящике
 Fig. 3. Choburak-I, mound No. 4. View of a burial in a stone box

С.С. Тур). В ходе изучения костей отмечен заросший перелом шиловидного отростка левой локтевой кости, который по клиническим данным обычно возникает от удара по запястью (Hauck, Skahen, Palmer, 1996). Какие-либо находки в погребении не выявлены.

Следует отметить довольно своеобразное расположение кургана №4 среди других объектов комплекса Чобурак-I. Он оказался как бы «встроен» между нескольких групп сооружений, относящихся к различным хронологическим периодам. К югу и востоку от рассматриваемого погребения находились захоронения раннескифского времени, к северу — небольшой некрополь жужанского периода, а к северо-востоку — курганы эпохи энеолита.

При отсутствии сопроводительного инвентаря основой для культурно-хронологической атрибуции кургана №4 выступают черты погребального обряда, зафиксированные в ходе раскопок. Такие признаки, как каменный ящик с перекрытием и положение умершего человека на правом боку, соотносятся с кара-кобинским типом памятников пазырыкской культуры (Суразаков, 1989, 124–131; Степанова, 2003, с. 484–487; Кубарев, Шульга, 2007, с. 12–13; и др.). Однако другие показатели (небольшая насыпь, неглубокая могильная яма и ориентировка покойного на запад) не характерны для данной группы объектов. Следует признать, что в материалах пазырыкской культуры в целом редко фиксируются погребения с сочетанием черт, подобных рассматриваемому погребению. В Северном Алтае, насколько нам известно, исследованы только два таких объекта (Неверов, Степанова, 1990, с. 257, рис. 11, 13; Кубарев, 2001, с. 126–130, рис. 20–21). Данные комплексы сближает наличие небольшой каменной насыпи, неглубокой могилы, перекрытия каменного ящика несколькими слоями плит, а также положение умершего, ориентированного в западном направлении, на правом боку. Схожий комплекс зафиксирован в материалах соседней быстринской культуры скифо-сакского времени (Завитухина, 1966, с. 68). Несколько подобных захоронений обнаружено в юго-восточной, центральной, юго-западной и других частях Алтая, однако все они имеют ряд отличий в характеристиках наземных и внутримогильных конструкций, а также погребального ритуала.

Основанием для определения хронологии кургана №4 комплекса Чобурак-I выступают результаты радиоуглеродного датирования одного образца (UBA-45457). Анализ проведен в лаборатории ¹⁴ХРОНО Центра по изучению климата, окружающей среды и хронологии Королевского университета Белфаста, Великобритания (аналитик С.В. Святоко). Получены следующие результаты: радиоуглеродный возраст — 2177±26 л.н.; калибровочные данные по 2σ (sigma) (95,4%) — cal BC 359–169. Они подтверждают обоснованность отнесения рассматриваемого объекта к завершающему этапу скифо-сакского времени, но при этом оставляют возможность его связи с ранними комплексами булан-кобинской культуры. С последними курган №4 сближают небольшие размеры наземной конструкции, а также сравнительно неглубокая могильная яма. В материалах некрополей булан-кобинской культуры нередко фиксируются погребальная камера в виде каменного ящика и ориентировка умерших

в западный сектор горизонта (Серегин, Матренин, 2016, с. 35–37, 52–58). Однако ранние объекты данной общности, в том числе раскопанные в Северном Алтае, демонстрируют практически полное отсутствие случаев сочетания обозначенных характеристик с положением покойного на правом боку; также более характерным является направление погребенных головой на восток (Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, рис. 47; Худяков, 1998а–б; Серегин, Матренин, 2016, с. 58; и др.). Такая же закономерность, впрочем, фиксируется и в материалах предшествующей пазырыкской культуры. Однако, как показано ранее, в единичных случаях обнаружены объекты, аналогичные кургану №4.

Таким образом, публикуемый комплекс является единичным на практически полностью изученном памятнике Чобурак-I и весьма редким по набору признаков объектом для скифо-сакского времени Алтая в целом. Имеются основания для отнесения кургана №4 к северному варианту пазырыкской культуры, который отличается вариабельностью и нестабильностью погребального обряда, фиксируемыми даже в рамках одного некрополя. Такая ситуация, вероятно, обусловлена контактами кочевников Горного Алтая скифо-сакского времени с группами населения, проживавшими в северных предгорьях, а также на Верхней Оби и в Казахстане.

Список источников

Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуні // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 75–82.

Завитухина М.П. Курганы у с. Быстриянского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. Л., 1966. Вып. 8. С. 61–77.

Киреев С.М. Работы на Майминском комплексе в 1990–1991 гг. // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 55–56.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Семибратов В.П., Тюрина Е.А. Афанасьевские погребальные комплексы Средней Катуні (результаты исследований Катунской археологической экспедиции в зоне строительства и затопления Алтайской ГЭС в 2006–2007 гг.). Барнаул, 2010. 80 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуні. Барнаул, 2004. 292 с.

Кубарев В.Д. Бике I, III: погребальные памятники скифской эпохи Средней Катуні // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001. №7. С. 120–145.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.

Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае // Археологические исследования на Катуні. Новосибирск, 1990. С. 242–270.

Семибратов В.П., Матренин С.С. Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2008. Вып. 4. С. 54–66.

Серегин Н.Н., Горбунов В.В., Тишкин А.А. Раскопки ритуальных объектов на комплексе Чобурак-I (Северный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2016. Вып. XXII. С. 174–182.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. — XI в. н.э. Барнаул, 2016. 272 с.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Паршикова Т.С. Культурно-хронологические комплексы памятника Чобурак-I (Северный Алтай) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Самара, 2020. Т. III. С. 356–358.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Неординарное погребение подростка с воинским инвентарем из некрополя жужанского времени Чобурак-I (Северный Алтай) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. №1. С. 122–133.

Степанова Н.Ф. К вопросу о кара-кобинской культуре скифского времени Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX, ч. I. С. 484–487.

Степанова Н.Ф., Соенов В.И. Археологические памятники и объекты Чемальского района. Горно-Алтайск, 2009. 212 с.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1989. 214 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. О выделении локальных вариантов пазырыкской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2003. Кн. II. С. 166–169.

Худяков Ю.С. Проблема генезиса культуры хуннского времени в Горном Алтае // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998а. №3. С. 97–112.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Усть-Эдиган в 1990 году // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово ; Гурьевск, 1998б. С. 160–206.

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 г. // Археологические исследования на Катуги. Новосибирск, 1990. С. 95–150.

Hauck R.M., Skahen J., Palmer A.K. Classification and treatment of ulnar styloid non-union // Journal of Hand Surgery. 1996. №21. P. 418–422.

Информация об авторах / Information about the Authors

Николай Николаевич Серегин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, доцент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; доктор исторических наук; <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>, nikolay-seregin@mail.ru

Nikolai N. Seregin, Altai State University, Department of Archameology, Ethnography and Museology, Associated Professor; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61; Doctor of History; <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>, nikolay-seregin@mail.ru

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave., 61, Doctor of History, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Святослав Сергеевич Радовский, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; <https://orcid.org/0000-0001-8668-3831>, e-mail: radovskiy1996@mail.ru

Svyatoslav S. Radovskiy, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Graduate Student; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61; <https://orcid.org/0000-0001-8668-3831>, e-mail: radovskiy1996@mail.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ СЛУЧАЙНЫХ НАХОДОК С ТЕРРИТОРИИ ПАВЛОВСКОГО И НОВОГОРЬЕВСКОГО РАЙОНОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Алексей Алексеевич Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Алтайский край богат памятниками археологического наследия. Часть из них подвергается природным воздействиям. В ходе разрушений культурного слоя на поверхности остаются древние предметы, которые обнаруживают местные жители или специалисты в ходе проведения обследований. Отдельные сведения об этом поступают на кафедру археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета. Они регулярно вводятся в научный оборот, а сами артефакты передаются в музеи. В статье представлены изделия из цветного металла, обнаруженные в пойме Оби на территории Павловского района. Публикуется также фрагмент браслета, найденный автором в Новогорьевском районе. Приводятся данные рентгенофлюоресцентного анализа публикуемых металлических находок. Результаты исследований будут способствовать изучению культурного наследия Алтая.

Ключевые слова: Алтайский край, случайные находки, изделия из цветного металла, эпоха бронзы, рентгенофлюоресцентный анализ

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Для цитирования: Тишкин А.А. Рентгенофлюоресцентный анализ случайных находок с территории Павловского и Новогорьевского районов Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 233–238. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.35

X-RAY FLUORESCENCE ANALYSIS OF RANDOM FINDS FROM THE TERRITORY OF PAVLOVSKY AND NOVOEGOREVSKY DISTRICTS ALTAI KRAI

Alexey A. Tishkin

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The Altai Krai is rich in monuments of archaeological heritage. Some of them are exposed to natural influences. During the destruction of the cultural layer, ancient objects remain on the surface, which are discovered by local residents or specialists during surveys. Some information about it comes to the Department of Archaeology, Ethnography and Museology of Altai State University. They are regularly introduced into scientific circulation, and the artifacts themselves are transferred to museums. The article presents items of non-ferrous metal found in the floodplain of the Ob River in Pavlovsky district. A fragment of a bracelet found by the author in Novogorevsky district is also published.

X-ray fluorescence analysis data of the published metal finds are given. The results of the research will contribute to the study of the cultural heritage of the Altai.

Keywords: Altai Krai, accidental finds, non-ferrous metal items, Bronze Age, X-ray fluorescence analysis

Acknowledgments: the work was financially supported by the Russian Science Foundation (Project No. 22-18-00470 “The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy”).

For citation: Tishkin A.A. X-ray Fluorescence Analysis of Random Finds from Territory of Pavlovsky and Novogorevsky Districts of Altai Krai // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 233–238. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.35

Правобережная часть поймы Оби в Павловском районе Алтайского края практически не изучена. Поэтому случайные находки, поступившие от одного из жителей с. Черемно-Подгорное на кафедру археологии, этнографии и музеологии АлтГУ, имеют важное значение, так как обозначают необходимость обследования этой территории для поиска и изучения археологических памятников. Основная задача данной публикации — представить результаты рентгенофлюоресцентного анализа изделий из цветного металла в рамках системного формирования базы данных таких показателей. Исследования проводились портативным спектрометром «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США, в комплекте с карманным переносным компьютером и испытательным стендом). Этот прибор используется для количественного неразрушающего определения содержания химических элементов методом рентгенофлюоресцентной спектроскопии в изделиях из цветных металлов и сплавов. Для фиксации результатов применялась компьютерная программа с режимом «Аналитический», адаптированная для изучения соответствующих археологических находок и предусматривающая время измерения 30 секунд.

Первым изучался цельнолитой нож с оформленным навершием (рис. 1-1)¹, под которым имеется отверстие диаметром до 0,25 см. Длина изделия 12,2 см (все измерения, представленные в статье, выполнены с помощью электронного штангенциркуля). Ширина клинка (ближе к центру) — 1,62 см, а толщина обуха — 0,28 см. Рукоять четко не выделена, а фиксируется уменьшением ширины полотна изделия в сторону навершия и увеличением его толщины (соответственно до 1,36 см и 0,35 см). Обух слегка выгнут, лезвие имеет зазубрины. Длина оформленного навершия составляет 1,56 см, а толщина — до 0,56 см. Сначала тестировалась поверхность, покрытая коррозией и загрязнениями. Выявлен такой набор «фоновых» показателей: Cu (медь) — 72,78%; Sn (олово) — 23,26%; Pb (свинец) — 3,14%; As (мышьяк) — 0,57%; Fe (железо) — 0,16%. Затем исследовался участок на условной рукояти, где механическим путем с помощью мини-электродреши и мягкой насадки были удалены окислы. Получены следующие результаты в двух разных местах: 1) Cu — 91,38%; Sn — 7,86%; Pb — 0,76%; 2) Cu — 91,52%; Sn — 7,78%; Pb

¹ Все графические рисунки для статьи выполнены А.Л. Кунгуровым, а фотографии сделаны автором.

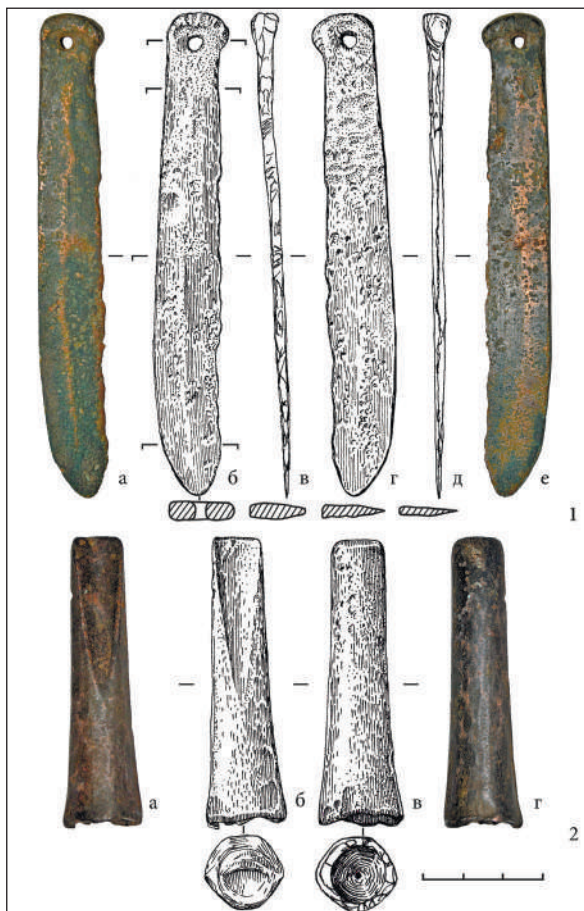

Рис. 1. Металлические изделия, обнаруженные в пойме Оби:

1 — нож; 2 — долото-стамеска

Fig. 1. Metal products, found in the Ob floodplain: 1 — knife; 2 — chisel

— 0,7%. Они свидетельствуют о медно-оловянно-свинцовом (бронзовом) сплаве. Сохранность ножа удовлетворительная, литейные швы не просматриваются. Аналогии такому изделию можно найти среди материалов Лесостепного и Горного Алтая переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку (см., например, Грязнов, 1956, XVIII, XXI.-10; Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 70.-5; и др.).

Вторым изделием оказалось небольшое долото-стамеска со скрытой втулкой (рис. 1.-2). Его длина — 7,35 см. Рабочая часть оформлена выемкой, расширяющейся к заточенному лезвию шириной 1,25 см. Длина этого желобка

правильной формы составляет 4,2 см. Имеются следы сработанности в ходе недлительной эксплуатации. Толщина втулки с неровными краями — от 0,18 до 0,36 см, внутренний диаметр — около 1,26 см, длина конусовидной полости для рукояти — 4,4 см. Тестирование рентгенофлуоресцентным спектрометром окисленной и загрязненной поверхности инструмента, предназначенного для обработки древесины, выявило такой поэлементный ряд: Cu — 93,51%; Fe — 5,49%; As — 0,69%; Pb — 0,14%; Ni (никель) — 0,11%; Mn (марганец) — 0,06%. Исследование защищенного участка осуществлялось в трех разных местах. Получены следующие схожие результаты: 1) Cu — 97,59%; Fe — 2,19%; Co (кобальт) — 0,08%; Ni — 0,07%; Pb — 0,07%; 2) Cu — 97,63%; Fe — 2,2%; Pb — 0,1%; Ni — 0,07%; 3) Cu — 97,41%; Fe — 2,45%; Ni — 0,08%; Pb — 0,06%. Из этих данных ясно, что сплав был получен на основе меди с набором рудных примесей, среди которых значительное место занимает железо (Fe). Такой состав мог сформироваться при использовании полиметаллических месторождений. Высокое содержание железа в медных изделиях зафиксировано при изучении различных категорий предметов материальной культуры, обнаруженных в Средней Азии, в том числе на знаменитом комплексе Гонур (неопубликованные определения автора). Сохранность находки хорошая, изделие было отлито в двухсторонней форме, о чем свидетельствуют хорошо выраженные литейные швы с оплывами. Аналогичные долота-стамески найдены в разных местах Алтайского края и датируются периодом поздней бронзы (Грушин и др., 2009, с. 84, рис. 5.-6, 7).

Функциональное назначение следующего найденного предмета, лишь частично покрытого окислами, затруднительно, несмотря на внешнее сходство с наконечником стрелы (рис. 2.-1). Однако очень длинный черешок, форма рабочей части и ее заточка указывают на использование данного изделия в виде режущего инструмента, не исключая вариант медицинского использования (Наглер, 2013, рис. 5.-5). Тестирование трех разных участков, на которых были удалены окислы, демонстрирует практически одинаковый состав: 1) Cu — 99,04%; As — 0,62%; Pb — 0,34%; 2) Cu — 98,94%; As — 0,79%; Pb — 0,27%; 3) Cu — 98,99%; As — 0,71%; Pb — 0,3%. Он характеризуется как медный с естественными рудными примесями, которые имели легирующее значение.

Найденная ложка (рис. 2.-2) в особом представлении не нуждается. Она может использоваться в качестве музейного экспоната в этнографических коллекциях. Единственная проблема связана с тем, что ручка сломана, вернее срезана. Такие и подобные предметы вряд ли когда-либо тестировались спектрометром. Поэтому демонстрируемые результаты могут быть полезны для исследователей и музейных работников. Изученные участки, где удалены поверхностные окислы, дали такие схожие данные о медно-оловянно-свинцовом (бронзовом) сплаве: 1) Cu — 90,33%; Sn — 6,35%; Pb — 3,32%; 2) Cu — 90,73%; Sn — 5,97%; Pb — 3,3%; 3) Cu — 90,68%; Sn — 6,22%; Pb — 3,1%; 4) Cu — 91,09%; Sn — 5,76%; Pb — 3,15%.

В завершение данной публикации представляю находку из Новоогорьевского района Алтайского края. В начале 1990-х гг. при проведении обследований, связанных с целенаправленным картографированием археологических памятников для их учета, автором статьи совместно с Г.А. Клюкиным

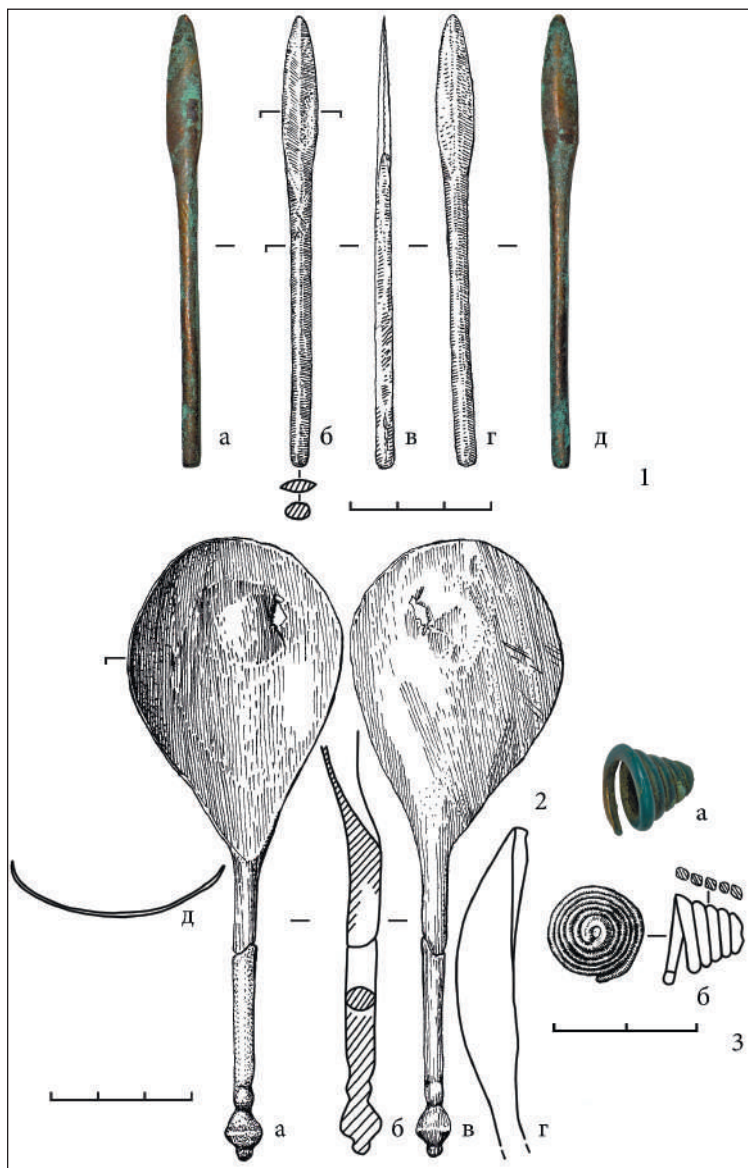

Рис. 2. Изделия из цветного металла (случайные находки):
 1 — режущий инструмент; 2 — ложка; 3 — фрагмент древнего браслета
 Fig. 2. Items of non-ferrous metal (random finds):
 1 — cutting tool; 2 — spoon; 3 — fragment of an ancient bracelet

осматривались поселения, получившие название Сибирь (Кирюшин, Казаков, Тишкин, 1996, с. 134). На одном из них (Сибирь-II) обнаружен обломок браслета, характерного для украшений андроновской культуры (Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007, с. 26, рис. 8.-3, 9.-2, 3). Он представляет собой закрученную проволоку в виде конуса (рис. 2.-3). Сначала тестировалась поверхность находки, покрытая патиной темно-бирюзового цвета. Получен такой поэлементный ряд: Cu — 63,76%; Sn — 34,27%; Pb — 1,58%; Fe — 0,39%. Дальнейшее исследование осуществлялось в двух разных местах участка, на котором были механически удалены окислы. Зафиксированы следующие результаты: 1) Cu — 73,62%; Sn — 28,08%; Pb — 0,95%; Fe — 0,16%; 2) Cu — 75,2%; Sn — 23,57%; Pb — 1,05%; Fe — 0,18%. Эти данные указывают на медно-оловянный (бронзовый) сплав. Повышенное содержание олова и наличие существенного количества свинца и железа связано с тем, что в зону тестирования попали окислы, которые уже глубоко проникли в проволоку.

Представленные результаты рентгенофлуоресцентного анализа изделий из цветного металла дополняют аналогичные данные по указанным периодам. При накоплении репрезентативных данных появится возможность для их обобщающего анализа.

Список источников

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009. 160 с.: ил.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка. М. ; Л., 1956. 163 с., 31 л. ил. (МИА. № 48)

Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкин А.А. Новогорьевский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 123–135.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.

Наглер А.О. О наличии медицинских инструментов у населения Евразии в эпоху раннего железа (к постановке проблемы) // Вопросы литературы и фольклора. 2013. Вып. VI. С. 100–124.

Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул, 2007. 132 с.: ил.

Информация об авторе / Information about the Author

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; доктор исторических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61; Doctor of History, Professor; <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Статья принята к публикации 03.04.2023.

The article approved after reviewing 03.04.2023

**«ОЛЕННЫЕ» КАМНИ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ТЮРКАМИ:
НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СОХРАНИВШИЕСЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ
(по материалам Историко-архитектурного музея
под открытым небом ИАЭТ СО РАН)**

Алексей Алексеевич Тишкин, Сергей Юрьевич Бондаренко
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Современные цифровые технологии позволяют детально изучать «оленные» камни на новом исследовательском уровне. Однако возникают определенные сложности, когда они были переоформлены в более позднее время. Такая ситуация часто наблюдается при рассмотрении тюркских изваяний. На примере двух находок из Тувы, ныне установленных на территории Историко-архитектурного музея под открытым небом Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия), реализован комплекс методов, позволяющих воспроизвести изображения, которые относятся к разным периодам их создания. Данный подход нашел отражение в приводимых иллюстрациях и позволил осуществить сравнительный анализ с результатами предыдущих фиксаций. Выполненная фотограмметрия обеспечила создание 3D моделей, а также получение необходимых характеристик и параметров.

Ключевые слова: Тува, тюркские изваяния, «оленный» камень, музей под открытым небом, фотограмметрия, 3D модель

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Для цитирований: Тишкин А.А., Бондаренко С.Ю. «Оленные» камни, использованные тюрками: новый взгляд на сохранившиеся изображения (по материалам Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 239–247. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.36

**“DEER” STONES USED BY THE TURKS:
A NEW LOOK AT THE PRESERVED IMAGES (from the Materials
of the Historical and Architectural Open-Air Museum of the IAET SB RAS)**

Alexey A. Tishkin, Sergey Yu. Bondarenko
Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. Modern digital technology makes it possible to study the “deer” stones in detail at a new research level. However, certain difficulties arise when they have been redecorated at a later time. Such a situation is often observed when considering Turkic statues. Using the example of two finds from Tuva, which are now located on the territory of the Historical-Architectural Open-Air Museum of the Institute of Archaeology and Ethnography (Novosibirsk, Russia), a complex of methods was implemented that allow to

reproduce the images, which refer to different periods of their creation. This approach was reflected in the given illustrations and allowed to carry out the comparative analysis with results of the previous fixations. Performed photogrammetry provided the creation of 3D models, as well as obtaining the necessary characteristics and parameters.

Keywords: Tuva, Turkic statues, “deer” stone, open-air museum, photogrammetry, 3D model

Acknowledgments: the work was financially supported by the Russian Science Foundation (Project No. 22-18-00470 “The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy”).

For citation: Tishkin A.A., Bondarenko S.Yu. “Deer” Stones Used by the Turks: a New Look at the Preserved Images (from the Materials of the Historical and Architectural Open-Air Museum of the IAET SB RAS) // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 239–247. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.36

В Историко-архитектурном музее под открытым небом Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия) установлены тюркские изваяния, которые были привезены из разных мест Южной Сибири. Каждое из них имеет свою историю, что нашло краткое отражение в изданном каталоге (Кубарев В.Д., Кубарев Г.В., 2013). Среди этих статуй находятся два «оленных» камня, которые вторично использовались тюрками для создания памятника в честь своего умершего сородича. Они происходят из Тувы и были доставлены в Новосибирск известным отечественным археологом Ю.С. Худяковым, который совместно со своими коллегами опубликовал их в двух видах: как «оленные» камни и как тюркские изваяния (Худяков, Плотников, Данченко, 1988, с. 56, рис. 3.-2, 3, рис. 5.-3, 4). В первом случае даны изображения только двух плоскостей, а во втором — одной, что не отражает наличие других изображений. Описание находок представлено совсем кратко. Данное обстоятельство, по всей видимости, обусловлено предварительным характером публикации, где рисунки выполнены схематично, хотя и узнаваемы. Важно еще раз подчеркнуть факт подачи одного и того же изваяния двумя разными видами, хотя логичнее было бы дать все изображения вместе. Но, возможно, реализованный подход был обусловлен контекстом обнаружения археологических объектов. Дело в том, что обследованный памятник Халыр, расположенный у дороги на первой террасе правого берега р. Тайлыг-Хем, в 10 км от с. Чаа-Суур (Овюрский кожуун Республики Тыва), представляет собой два одновременных комплекса. Первый состоит из трех крупных херексуров с «лучами-дорожками» и восьмикаменного кольца, а второй — из 14 тюркских оградок, одна из которых раскопана (Худяков, Плотников, Данченко, 1988, с. 56, рис. 6 и 7). «Оленные» камни были связаны с указанным типом ранних погребальных сооружений, что рассматривается в качестве одной из традиций в культуре древних кочевников Внутренней Азии (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007). Кстати, не исключена перспектива обнаружения еще таких же изваяний на обозначенном памятнике. Переиспользование «оленных» камней тюрками для разных целей зафиксировано многократно (Шелепова, 2007), что в очередной раз подтверждает ситуация на памятнике Халыр. Один переоформленный «оленный» камень (рис. 1 и 2)

Рис. 1. Халыр. Изваяние у тюркской оградки №5. Цифровая копия
 Fig. 1. Khalyr. Statue at the Turkic fence No. 5. Digital copy

стоял с восточной стороны у раскопанной тюркской оградки №5 (Худяков, Плотников, Данченко, 1988, с. 56, рис. 5.-3). Второй (рис. 3 и 4) располагался аналогичным образом у оградки №14, и от него еще отходила цепочка из четырех балбалов (Худяков, Плотников, Данченко, 1988, рис. 5.-4; рис. 6).

В упомянутом каталоге, подготовленном В.Д. и Г.В. Кубаревыми (2013, с. 70–71), представлены описания рассматриваемых изваяний прежде всего с позиций тюркских памятников, для которых указаны широкие хронологические рамки (VI–X вв. н.э.). При этом рассмотрены изображения, связанные с «оленными» камнями, и определена их датировка (VIII–V вв. до н.э.). Стоит привести эти описания. Среди них важными являются указанные параметры, так как сейчас статуи частично закопаны в землю.

Первое изваяние стояло у исследованной оградки №5. Оно было изготовлено из песчаника и имело размеры 68×25×30 см. На задней стороне переиспользованного «оленного» камня выбита антропоморфная личина: «...Она

Рис. 2. Халыр. Изваяние у тюркской оградки №5. Компьютерная прорисовка
 Fig. 2. Khalyr. Statue at the Turkic fence number 5. Computer drawing

выполнена широкой и глубокой полосой и своим абрисом напоминает сердце. Хорошо видны прямой нос и брови, миндалевидные, асимметрично расположенные глаза, усы и острая борода. Для обозначения рта использована линия пояса оленного камня, идущая по всем четырем его граням. Камень светло-коричневого цвета имеет практически квадратное сечение. Тыльная сторона изваяния является лицевой для оленного камня, и в ее верхней части выбиты три параллельные линии. На боковых гранях ... изображено по кругу — серье. На левой боковой грани ... имеется незаконченное изображение лука в горите (?), подвешенного к поясу. На верхней, торцевой, стороне плиты выбито изображение козла. Эта поверхность скошена в сторону тыльной стороны...» (Кубарев В.Д., Кубарев Г.В., 2013, с. 70).

Второе изваяние также было изготовлено из песчаника и имело размеры 76×24×18 см. Оно находилось у тюркской оградки №14. На задней плоско-

Рис. 3. Халыр. Изваяние у тюркской оградки №14. Цифровая копия
 Fig. 3. Khalyr. Statue at the Turkic fence No. 14. Digital copy

сти переоформленного «оленного» камня выбита антропоморфная личина: «... Широкая ... полоса отделяет голову от основного массива камня. В невысоком рельефе изображен нос, тогда как миндалевидные глаза и рот выполнены неглубокой контурной выбивкой. Обращают на себя внимание длинные усы с загнутыми вверх концами. В нижней части этой же поверхности имеются незаконченные выбивки. Тыльная сторона изваяния является лицевой для оленого камня, и в ее верхней части выбиты пять параллельных линий. Чуть ниже

Рис. 4. Халыр. Изваяние у тюркской оградки №14. Компьютерная прорисовка
 Fig. 4. Khalyr. Statue at the Turkic fence number 14. Computer drawing

воспроизведено ожерелье из крупных выбитых лунок. Это ожерелье изображено на всех четырех гранях. На лицевой поверхности оленного камня чуть ниже ожерелья показан кинжал в наклонном положении. Еще ниже имеются слабые, плохо различимые выбивки. На боковых гранях... изображены коль-

чатые серьги с петелькой или коническим утолщением внизу; на правом боку ниже ожерелья выбит лук в горите, на левом — чекан на рукояти и трудноопределимые фигуры животных (?)» (Кубарев В.Д., Кубарев Г.В., 2013, с. 71).

Оба описанных изваяния имели характерную скошенность в верхней части, которую по-разному использовали древние и средневековые кочевники при формировании антропоморфного облика. На них также имеются выбивки.

Для создания электронного каталога «оленных» камней в рамках указанного проекта РФФ осуществлялась фотограмметрия представленных музейных экспонатов. Фиксация производилась фотоаппаратом Canon EOS 5D Mark IV (с объективом 35 мм) и с применением кольцевой вспышки Godox. Для каждого из объектов было сделано более 500 снимков с разных точек. Дополнительное внимание уделялось линиям выбивки, чтобы не допустить пропуска важных деталей. После компьютерной обработки фотоснимков создавались цифровые копии «оленных» камней, состоящие из примерно 250 млн полигонов. Для получения ортогонально геометрически правильных видов изваяний (без их искажения из-за перспективы, что неизбежно при фотографировании) использовалась система физически корректного рендеринга V-Ray, разработанная компанией «Chaos Group». Она позволяет работать с рейтрейсингом и глобальным освещением. Дополнительно применяемые нами методы дают возможность наиболее полно показать объект во всех его аспектах. Сформированные 3D модели имеют высокую степень достоверности. Они позволяют получить детальные изображения и их размеры (параметр участка измерений выбирался по среднеквадратичному отклонению от ожидаемого). Дополнительно для этого осуществлялась отдельная компьютерная обработка для получения графической демонстрации и необходимой фиксации. Результаты представлены на иллюстрациях (рис. 1–4), которые обеспечивают сравнительный анализ с ранее опубликованными изображениями и описаниями.

В данной статье нам важны уточняющие сведения об «оленных» камнях, полученные при фотограмметрии и последующей компьютерной обработке. В результате первое изваяние (рис. 1 и 2) имеет следующие реалии. На лицевой стороне вверху выбиты три косые линии-желобка. Их длина немного отличается (14,8, 15,1 и 14,3 см), а ширина у всех в центре примерно одинаковая — около 1,5 см. Стоит отметить нестандартный наклон этих типичных изображений. У изваяния по всему периметру показан пояс в виде выбитой линии шириной 2,3–2,4 см. Между поясом и тремя наклонными линиями хорошо заметно кольцо диаметром около 7 см. Также на лицевой части расположено изображение кинжала (его длина 10,1 см), у которого достаточно хорошо просматривается форма клинка, есть навершие рукояти и перекрестие (длиной 3,5 см). На правой плоскости показана серьга в виде овального кольца с небольшим отростком внизу. Внешние параметры этого изображения составляют 8,9×8,2 см, а ширина выбивки — 1,2–1,3 см. Под данной серьгой хорошо различимы контуры, похожие на кинжал, но без рукояти с навершием. Хотя обычно на этой стороне демонстрируется чекан, что вполне возможно и в данном случае. На левой плоскости вверху показана серьга в виде овального кольца размерами

9,6×8,1 см, шириной 1,3–1,5 см. Ниже представлен лук в горите. Это наклонное изображение длиной 18,9 см перекрывает линию пояса. Рядом с ним хорошо видна выбитая небольшая полоса, которая, вероятно, указывает на оселок, подвешенный к поясу. На торцевой стороне, ближе к серьге на левой плоскости, просматривается не совсем понятное полукольцо.

Второе изваяние имеет стандартный набор реалий, которые хорошо фиксируются на обоих вариантах иллюстраций (рис. 3 и 4). Его особенностью является наличие пяти косых линий-желобков в верхней части лицевой стороны. Длина их (снизу вверх) следующая: 7,7 см; 8,2 см; 8,2 см; 8,5 см; 8,2 см. Ширина полос в центре у четырех полос составляет 1,5 см, а у одной (нижней) — 1,2 см. Под ними находится самая крупная деталь ожерелья размерами 6,4×5,1 см. Остальные «лунки» расположены по периметру стелы, они имеют разную форму и параметры (от 3,2×2,8 см до 4,6×3,7 см). На лицевой стороне расположено четкое изображение кинжала (длиной 11,5 см). У него имеется навершие и хорошо выраженное перекрестие (длиной 5,1 см). Ниже него просматриваются выбивки, на которые необходимо обратить отдельное внимание при дальнейшей работе. На правой плоскости вверху расположена серьга с подвеской (диаметром около 8 см, ширина выбивки 1,4 см), а ниже полосы ожерелья выбит чекан (длиной 9,8 см) с небольшим бойком (длиной 4,1 см). На левой стороне также имеется серьга с подвеской (диаметром до 7,9 см, ширина выбивки 1,2–1,4 см). Лук в горите (длиной 11,4 см) верхним краем заходит на ожерелье, демонстрируя, что он как бы подвешен. В данной ситуации ожерелье может рассматриваться еще и в качестве пояса.

Таким образом, используя современные цифровые технологии, можно получить существенную информацию при изучении «оленных» камней. Такая практика уже широко применяется в исследовательской деятельности, но имеет свою специфику и ряд проблем, которые будут методично решаться.

Список источников

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Две традиции ритуального использования оленных камней Монголии // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2007. С. 99–105 (Труды САИПИ. Вып. 3).

Кубарев В.Д., Кубарев Г.В. Каменные изваяния древних тюрков Южной Сибири: каталог коллекции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока и Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН. Новосибирск, 2013. 79 с.

Худяков Ю.С., Плотников Ю.А., Данченко Г.П. Археологические работы в зоне строительства автомагистрали Кызыл — Самагалтай — Хандагайты на территории Овюрского района Тувинской АССР // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки. Новосибирск, 1988. С. 54–89.

Шелепова Е.В. К вопросу о «переиспользовании» «оленных» камней в памятниках тюркской культуры // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2007. С. 111–118 (Труды САИПИ. Вып. 3).

Информация об авторах / Information about the Authors

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой; 656049, Рос-

сия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; доктор исторических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61; Doctor of History, Professor; <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Сергей Юрьевич Бондаренко, Алтайский государственный университет, отдел сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, научный сотрудник, 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; кандидат технических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0003-4295-4120>, bonsu@yandex.ru

Sergey Yu. Bondarenko, Altai State University, Department of support of research and development works, Research Officer; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61; Candidate of Technical Sciences, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0003-4295-4120>, bonsu@yandex.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 902.657:903.5(571.151)

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.37

РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ ДЛЯ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ ИЗ ПАМЯТНИКОВ БИЙКЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (фонды Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина)

Алексей Алексеевич Тишкин¹, Сергей Михайлович Киреев²

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

²*Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, Горно-Алтайск, Россия*

Резюме. В экспозиции Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск, Россия) демонстрируются элементы конского снаряжения из двух археологических комплексов Алтая, которые относятся к бийкенской культуре аржано-майэмирского времени. Первый комплект происходит из кургана №2 памятника Бойтыгем-II, а второй — из кургана №1 некрополя Айры-Таш-1. Эти древние предметы имеют важное значение для культурно-хронологической идентификации исследованных объектов, а также для изучения материальной культуры ранних кочевников Внутренней Азии. Для определения химического состава сплавов металлических изделий использовался портативный рентгенофлюоресцентный спектрометр. В статье представлены полученные результаты, которые отражают общие и особенные показатели реализованных технологий. Эти данные дополняют опубликованные ранее сведения о тестировании аналогичных деталей конского снаряжения из памятников Алтая раннескифского периода.

Ключевые слова: Алтай, бийкенская культура, аржано-майэмирское время, конское снаряжение, музей, коллекция, рентгенофлюоресцентный анализ

Благодарности: работа выполнена при частичной финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Для цитирования: Тишкин А.А., Киреев С.М. Рентгенофлюоресцентный анализ металлических изделий для конского снаряжения из памятников бийкенской

**X-RAY FLUORESCENCE ANALYSIS OF METAL ARTICLES
OF HORSE EQUIPMENT FROM THE SITES THE BIYKE CULTURE
(Collections of the A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic)**

Alexey A. Tishkin¹, Sergey M. Kireev²

¹*Altai State University, Barnaul, Russia*

²*Anokhin, National Museum of the Republic of Altai, Gorno-Altaysk, Russia*

Abstract. The exposition of the A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic (Gorno-Altaysk, Russia) demonstrates elements of horse equipment from two archaeological complexes of the Altai, which belong to the Biyke culture of the Arzhan-Mayemir time. The first set comes from the burial mound No. 2 of the Boytygem-II site, and the second comes from the burial mound No. 1 of the Aira-Tash-1 necropolis. These ancient objects are important for the cultural and chronological identification of the studied objects, as well as for the study of the material culture of the early nomads of Inner Asia. A portable X-ray fluorescence spectrometer was used to determine the chemical composition of the alloys of the metal objects. The article presents the results obtained, which reflect the general and special characteristics of the implemented technologies. These data complement the previously published information on the testing of similar parts of horse equipment from the sites of the Altai of the Early Scythian period.

Keywords: Altai, Biyke culture, Arzhan-Mayemir time, horse harness, museum, collection, X-ray fluorescence analysis

Acknowledgments: the work was carried out with partial financial support of the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00470 “The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy”).

For citation: Tishkin A.A., Kireev S.M. X-ray Fluorescence Analysis of Metal Articles for Horse Equipment from the Sites of the Biyke Culture (Collections of the A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic) // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 247–253. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.37

При раскопках на Алтае курганов, которые относятся к бийкенской археологической культуре аржано-майэмирского времени (Тишкин, 2011), исследователи чаще всего обнаруживали принадлежности для конского снаряжения (удила, псалии, пряжки, блоки, распределители ремней, наносники и др.). При комплексном изучении они имеют важный информационный потенциал и часто используются для культурно-хронологической идентификации археологических объектов.

Среди всех известных изделий функционального назначения преобладают металлические удила разных типов (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 68–70, рис. 46; Шульга, 2008, с. 70–71, рис. 54–56). При этом часть из них является случайными находками, что снижает возможности для узкого датирования таких предметов. В данном случае дополнить сведения о них позволяют традиционные археологические методы, а также заключения, полученные с помощью современных приборов и анализов. В случае обнаружения в закрытых ком-

плексах удил вместе с псалями и другими деталями для конского снаряжения решаются многие проблемы историко-культурной интерпретации. Однако таких случаев для бийкенской культуры пока зафиксировано немного (Кирюшин, Тишкин, 1997, 69–70; Шульга, 2008, с. 74–79; Тишкин, 2011; и др.), что определяет необходимость всестороннего изучения всех имеющихся находок. Для начала такой системной работы необходимо определить материал, из которого они изготовлены, и отметить визуально фиксируемые следы технологического производства. Для установления химического состава изделий из цветного металла в настоящее время широко привлекается рентгенофлуоресцентный анализ (Тишкин, Хаврин, 2006; Хаврин, 2008; Tishkin, 2017, и др.). Современные приборы позволяют получить необходимые заключения неразрушающим способом. Это особенно важно при изучении музейных коллекций, стоящих на государственном учете. Стоит отметить, что многие экспонаты не реставрировались профессиональными специалистами. При проведении такой работы осуществляется удаление поверхностных окислов для предотвращения дальнейшего разрушения изделия (Реставрация металла..., 1989, с. 75–78). Поэтому для получения количественных показателей химического состава древних предметов из цветных металлов, покрытых коррозией, необходимо очистить отдельные участки для исследования сплава.

В данной статье представлены результаты рентгенофлуоресцентного тестирования древних деталей для конского снаряжения, которые экспонируются в Национальном музее им. А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск, Россия). Публикуемые ниже данные получены портативным спектрометром «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США, в комплекте с карманным переносным компьютером и испытательным стендом). Они дополняют сведения, которые формируются для дальнейшего изучения находок на репрезентативном уровне как по отдельным категориям предметов материальной культуры, так и по всей совокупности в рамках археологических материалов аржано-майэмирского времени, полученных на территории Южной Сибири. Указанный прибор используется для количественного неразрушающего определения содержания химических элементов методом рентгенофлуоресцентной спектроскопии в изделиях из цветных металлов и сплавов. Для фиксации результатов применялась компьютерная программа с режимом «Аналитический», адаптированная для изучения соответствующих археологических находок и предусматривающая время измерения 30 секунд. Исследования с помощью портативного рентгенофлуоресцентного спектрометра проводились непосредственно в музее.

Первый изученный комплект (рис. 1) происходит из кургана №2 хорошо известного археологического комплекса Бойтыгем-II, исследованного в предполагаемой зоне затопления водохранилища Катунской ГЭС (Абдулгаев, 1994, с. 37, рис. 1). Памятник находится в Центральном Алтае на границе Онгудайского и Чемальского районов Республики Алтай, около устья р. Бойтыгем (правый приток Катуня). На основании анализа обнаруженных находок он может быть датирован 2-й половиной VII в. и отнесен к заключительному

этапу бийкенской археологической культуры (Тишкин, 2011, с. 283, 286, рис. 9.-1, 2, 7, 11, 12, 16–18, 20–27, рис. 10.-1, 2, 4–11, 26–28, рис. 11). Указанным прибором изучались парные подпружные пряжки, трехдырчатые псалии и удила. Сохранность изделий хорошая, хотя один псалий оказался сломан.

Первой тестировалась пряжка-блок без шпенька (рис. 1.-1). Сначала изучалась поверхность, покрытая окислами, для получения «фоновых» данных и оценки состояния изделия. Получены следующие результаты: Cu (медь) — 87,37%; Sn (олово) — 11,16%; As (мышьяк) — 1,05%; Pb (свинец) — 0,42%. Затем исследовался участок, на котором удалялись поверхностные загрязнения и слой коррозии. Зафиксирован такой поэлементный ряд: Cu — 91,72%; Sn — 7,64%; As — 0,51%; Pb — 0,13%. Эти данные свидетельствуют о медно-оловянном (бронзовом) сплаве с рудными примесями в виде мышьяка и свинца.

На второй подпружной пряжке со шпеньком (рис. 1.-2) тестировалось только место, где механическим путем удалялись окислы. Результаты имеют сходство с предыдущими показателями: Cu — 90,21%; Sn — 9,13%; As — 0,49%; Pb — 0,17%. Такая ситуация указывает на то, что пряжки были изготовлены по одному рецепту для комплекта. Внешний вид их аналогичен, отличается только одной деталью (шпеньком). Отливка изделий производилась в двухстворчатой форме, на них сохранились следы литейного шва.

Оба псалия относятся к одному типу. Они имеют слабо изогнутую S-видную форму с утолщениями вокруг трех отверстий, которые смещены к центру. Оформление их окончаний отличается (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 66). У первого (сломанного) псалия (рис. 1.-3) исследовался участок, механически очищенный от поверхностных окислов. Получены следующие результаты: Cu — 91,42%; Sn — 7,99%; As — 0,44%; Pb — 0,15%. У второго (целого) псалия (рис. 1.-4) также тестировалось аналогично подготовленное место. Получены данные, практически идентичные предыдущим: Cu — 91,86%; Sn — 7,62%; As — 0,45%; Pb — 0,07%. Такое совпадение указывает на одинаковый процесс изготовления из медно-оловянного сплава с рудными примесями.

Удила (рис. 1.-5) относятся к самому распространенному типу таких изделий (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 68–69). Они состоят из двух деталей. Поэтому каждое звено изучалось прибором отдельно. Для этого были удалены окислы на одном из участков. Последовательно получены такие показатели:

— Cu — 96,82%; Pb — 2,11%; Sn — 1,07%;

— Cu — 93,42%; Sn — 3,96%; Pb — 2,36%; Fe (железо) — 0,26%.

Несмотря на то что во втором случае в зону тестирования попали следы коррозии, полученные результаты немного отличаются, что может быть обусловлено технологией изготовления удил «аржано-черногоровским способом» (Минасян, 1994, с. 158).

Второй комплект бронзовых деталей для конского снаряжения обнаружен при раскопках кургана №1 памятника Айры-Таш-I, который находится немного южнее предыдущего археологического комплекса на коренной террасе левого берега Катуня, в 6 км к северо-востоку от бывшего с. Степушка в Онгудайском районе Республики Алтай. Материалы раскопок подробно опубли-

Рис. 1. Бронзовые изделия из кургана №2 памятника Бойтыгем-II
 Fig. 1. Bronze items from barrow No. 2 of the Boitygem II site

кованы (Мамадаков, Кунгуров, Тишкин, 2016). Данное сообщение дополняет ранее изданную статью не только результатами рентгенофлуоресцентного анализа, но и фотоснимками трех деталей конского снаряжения.

Металлические пряжки (подпружные, парные) располагались рядом друг с другом, как это и должно быть (Степанова, 2005, с. 110–12, рис. 1.-1).

Состав сплава, из которого сделана пряжка-блок (рис. 2.-1), определен прибором на участке, освобожденном от окислов: Cu — 86,76%; Sn — 11,24%; As — 1,14%; Pb — 0,64%; Bi (висмут) — 0,22%. Он медно-оловянный (бронзовый) с рудными примесями, характерными в том числе и для месторождений Алтая.

Второе изделие (рис. 2.-2) из комплекта почти полностью соответствует по параметрам предыдущему, но у этой пряжки приемная петля снабжена

типичным шпеньком-фиксатором (с расширенной верхней частью, оформленной в виде «капли») (Мамадаков, Кунгуров, Тишкин, 2016, с. 13, рис. 5.-1). Тестирование осуществлялось аналогичным образом, и результаты оказались практически идентичными: Cu — 85,26%; Sn — 12,66%; As — 1,16%; Pb — 0,64%; Bi — 0,28%. Такая картина повторяет уже зафиксированную ситуацию при изучении пары пряжек из Бойтыгема.

Рис. 2. Бронзовые изделия кургана №1 некрополя Айры-Таш-1
Fig. 2. Bronze items from barrow No. 1 of the Airy-Tash-1

Удила состоят из двух соединенных звеньев (рис. 2.-3). Внешние окончания имеют вид стремени, а внутренние оформлены кольцом. Зафиксирована такая специфическая особенность удил: одно звено, отлитое в двухсторонней форме, имеет окончания в одной плоскости, другое же сделано так, что окончания перпендикулярны друг другу (Мамадаков, Кунгуров, Тишкин, с. 9–10, рис. 4.-1). Обработка поверхности готового изделия не была произведена: остались литники и наплывы металла, фиксируются пустоты. Аналогичные изделия были широко распространены в аржано-майэмирское время на территории Южной Сибири и сопредельных территориях (Кирюшин, Тишкин, 1997; Шульга, 2008; и др.). Рентгенофлюоресцентный анализ осуществлялся отдельно для каждого звена на участках, механически освобожденных от поверхностных окислов. Получены такие характерные результаты, также свидетельствующие об указанных особенностях изготовления удил в раннескифское время:

- Cu — 97,53%; Sn — 1,35%; Pb — 1,12%;
- Cu — 98,51%; Sn — 0,96%; Pb — 0,34%; Fe — 0,19%.

В первом случае фиксируется медно-оловянно-свинцовый сплав, а во втором количество олова и свинца существенно меньше.

Датируемые аналогии представленным изделиям в настоящее время широко известны в памятниках аржано-майэмирского круга и далеко за его пределами. Для их всестороннего изучения необходимо обязательно установить химический состав сплава, с чем на начальном этапе хорошо справляется рентгенофлуоресцентный анализ. Работа в выбранном направлении будет продолжена.

Список источников

Абдуганеев М.Т. Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 37–43.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.

Мамадаков Ю.Т., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Раскопанный курган бийкенской культуры на памятнике Айры-Таш-1 в устьевой зоне Урсула (Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №1 (13). С. 7–18. DOI: 10.14258/tpai(2016)1(13).-01

Минасян Р.С. Способы литья бронзовых удил в предскифское и скифское время. СПб., 1994. С. 157–163.

Рестаурация металла: Методические рекомендации / сост. М.С. Шемаханская. М., 1989. 154 с.

Степанова Е.В. Эволюция подпружных застезек по материалам курганов Алтая скифского времени // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005. С. 109–115.

Тишкин А.А. Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // «Terra Scythica». Новосибирск, 2011. С. 272–290.

Тишкин А.А., Хаврин С.В. Использование рентгенофлуоресцентного анализа в археологических исследованиях // Теория и практика археологических исследований. Вып. 2. Барнаул, 2006. С. 74–86.

Хаврин С.В. Анализ состава раннескифских бронз Алтая // Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I : Раннескифское время. Барнаул, 2008. С. 173–178.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I : Раннескифское время. Барнаул, 2008. 276 с.

Tishkin A.A. Metallic artifacts of arjan-mayemir period from the Altai territory: x-ray fluorescence analysis, cultural and chronological attribution // Теория и практика археологических исследований. 2017. №1 (17). С. 123–144 DOI: 10.14258/tpai(2017)1(17).-09

Информация об авторах / Information about the Authors

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, и музеологии, заведующий кафедрой; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; доктор исторических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61; Doctor of History, Professor; <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Сергей Михайлович Киреев, Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина, старший научный сотрудник; 659000, Россия, г. Горно-Алтайск, ул. Г.И. Чорос-Гуркина, 46; <https://orcid.org/0000-0001-6850-6647>, kireevsm2013@yandex.ru

Sergey M. Kireev, National Museum of Altai Republic A.V. Anokhin, research associate; 649000, Gorno-Altai, Altai Republic, Russia, Choros-Gurkin street, 46; <https://orcid.org/0000-0001-6850-6647>, kireevsm2013@yandex.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

РАСКОПКИ КУРГАНОВ МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ У ГОРЫ ЯШИЛ В 2022 ГОДУ (Северная Монголия)

Дул Цэнд

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
Монгольский национальный университет, Улаанбаатар, Монголия*

Резюме. В 2022 г. в рамках монголо-русской экспедиции проводилось изучение погребений монгольского времени на памятнике Яшил (территория Орхонтуул сомона Сэлэнгэ аймака Монголии). В результате были раскопаны три кургана на западной окраине горы Яшил вблизи слияния рек Орхон и Туул. Установлено, что в двух из них захоронены взрослые люди, а в одном — ребенок. Погребение ребенка оказалось нарушенным из-за ограбления. В остальных могилах исходное положение умерших людей сохранилось. Каменная насыпь у всех курганов имела овальную форму. В каждой могиле находился только один человек. Зафиксирована ориентация головой на северо-восток, восток и юго-восток. При раскопках в курганах были обнаружены берцовые кости мелкого рогатого скота. Основные характеристики погребального обряда отражают традиции средневековых монголов. Датировка исследованных объектов определена по обнаруженным находкам.

Ключевые слова: Северная Монголия, гора Яшил, археологические раскопки, монгольское время, погребения, находки

Благодарности: археологические раскопки проводились на основании разрешения, выданного Министерством культуры Монголии кандидату исторических наук, доценту Улаанбаатарского государственного университета Т.-О. Идэрхангаю, которому автор благодарен за возможность краткого представления полученных результатов.

Для цитирования: Цэнд Д. Раскопки курганов монгольского времени у горы Яшил в 2022 году (Северная Монголия) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 254–258. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.38

EXCAVATIONS OF MONGOLIAN BURIAL MOUNDS AT YASHIL MOUNTAIN IN 2022 (Northern Mongolia)

Dul Tsend

*Altai State University, Barnaul, Russia
National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia*

Abstract. In 2022, a Mongolian-Russian expedition conducted a study of Mongolian burials at the Yashil site (territory of Orkhontuul somon of Selenge aimag of Mongolia). As a result, three burial mounds were excavated on the western edge of Yashil Mountain near the confluence of the Orkhon and Tuul rivers. It was established that two of them contain burials of adults and one burial of a child. The burial of the child was disturbed due to robbery. In the other graves the original position of the dead was preserved. The stone embankment of all the mounds had an oval shape. Only one person was in each grave. The orientation of the heads to the northeast, east and southeast was recorded. The tibia bones of small cattle were found during excavations in the barrows. The main characteristics of the burial rites reflect the traditions of the medieval Mongols. The dating of the investigated objects was determined by the finds.

Keywords: Northern Mongolia, mount Yashil, archaeological excavations, Mongolian time, burials, finds

Acknowledgments: archaeological excavations were carried out on the basis of a permit issued by the Ministry of Culture of Mongolia to T.-O. Iderkhangai, Candidate of History, Associate Professor at Ulaanbaatar State University, to whom the author is grateful for the opportunity to briefly present the results.

For citation: Tsend D. Excavations of Mongolian Burial Mounds at Yashil Mountain in 2022 (Northern Mongolia) // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 254–258. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.00

С 2019 г. исследователи из Алтайского и Улаанбаатарского государственных университетов ежегодно проводят раскопки курганов на археологическом комплексе Их нуулэгт в Орхонтуул сомоне (Сэлэнгэ аймак Монголии) (Идэрхангай и др., 2019; Тишкин и др., 2020; Тишкин и др., 2022). Руководителями этой монголо-русской экспедиции являются Т.-О. Идэрхангай и А.А. Тишкин. В сентябре 2022 г. ими были организованы раскопки средневековых монгольских погребальных объектов у горы Яшил, расположенной неподалеку от урочища Их нуулэгт (рис. 1.-1).

Зафиксированный археологический памятник Яшил (рис. 1.-2) находится в 10 км к северо-западу от центра Орхонтуул сомона, в 14 км к юго-западу от с. Рашаант, в 8 км к юго-западу от урочища Их нуулэгт, в 4 км к югу от слияния рек Орхон и Туул (рис. 1.-1). Он расположен на склоне западной окраины горы Яшил, на правом берегу р. Туул. Географические координаты комплекса: 48° 54' 47,06" с.ш., 104° 47' 30,06" в.д. Высота над уровнем моря 808 м.

Памятник Яшил был впервые открыт в 2018 г. Т.-О. Идэрхангаем при проведении археологических разведок в некоторых сомонах Сэлэнгэ аймака. Результаты его обследований нашли отражение в отчете о полевых работах (Идэрхангай, 2018, с. 14–17). На южных склонах горы Яшил зафиксировано много разных археологических объектов, которые относятся к периоду поздней бронзы, хуннускому времени и эпохе Средневековья. Важно отметить и наличие 11 курганов монгольского времени, что позволяет обозначить перспективы их исследований (рис. 1.-2).

В рамках монголо-русской экспедиции в 2022 г. были раскопаны три кургана на отдельном могильнике, расположенном на западной окраине горы Яшил. Эти объекты отмечены на плане зеленым цветом (рис. 1.-2). Основной задачей работ являлась необходимость уточнения характеристик средневековых монгольских погребальных памятников на территории Северной Монголии. На самом северном краю указанного памятника зафиксированы шесть курганов, из которых исследованы три объекта, располагавшиеся в ряд по линии ЮЗ–СВ (рис. 2).

Курган №1 зафиксирован на северо-восточной окраине некрополя. Каменная насыпь оказалась овальной формы, размерами 2,78×2 м. Умерший человек лежал в могильной яме (длиной 1,6 м и шириной 0,8 м) вытянуто на спине, головой на северо-восток. Следующий курган №2 располагался в центре ряда, в 12,7 м к юго-западу от предыдущего погребения. Каменная насыпь была слегка овальной формы, размерами 2,4×2 м. Могила оказалась

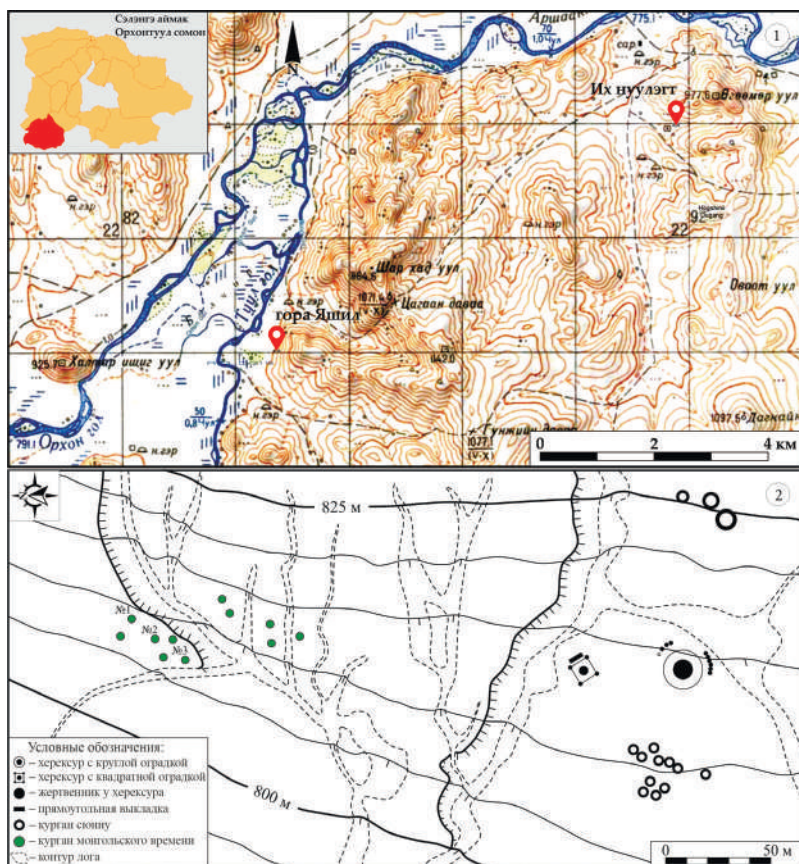

Рис. 1. Археологический памятник Яшил:

1 — месторасположение на фрагменте карты; 2 — план

Fig. 1. Archaeological site Yashil: 1 — location on the map fragment; 2 — plan

обрабленной. Судя по размерам ямы (длина 0,97 м и ширина 0,39 м) и человеческим костям, установлено, что это было погребение ребенка, который лежал головой на восток. Курган №3 располагался в 12,4 м к юго-западу от предыдущего объекта. Каменная насыпь также оказалась овальной формы, размерами 4,8×3,5 м. Она относительно больше, чем две предыдущие, и имеет крепиду с большим камнем у северо-западного края (рис. 3.-1, 2). Могильная яма длиной 2,04 м и шириной 1,3 м оказалась заполнена мелкими камнями. Умерший человек лежал вытянуто на спине у северной стенки, головой на юго-восток (рис. 3.-3). У левой руки погребенного обнаружен берестяной колчан длиной 54 см и шириной 10 см (рис. 3.-4), плохой сохранности. Имелись другие находки, в том числе предметы вооружения.

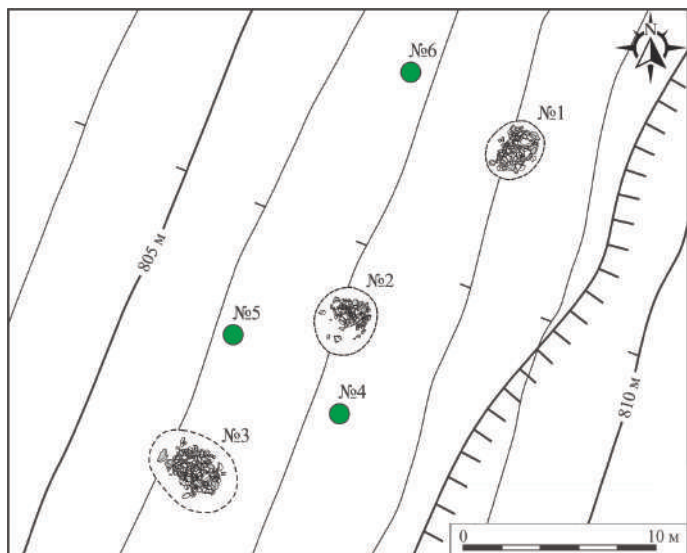

Рис. 2. Раскопанные курганы могильника Яшил. План
 Fig. 2. Excavated mounds of the Yashil burial mound. Plan

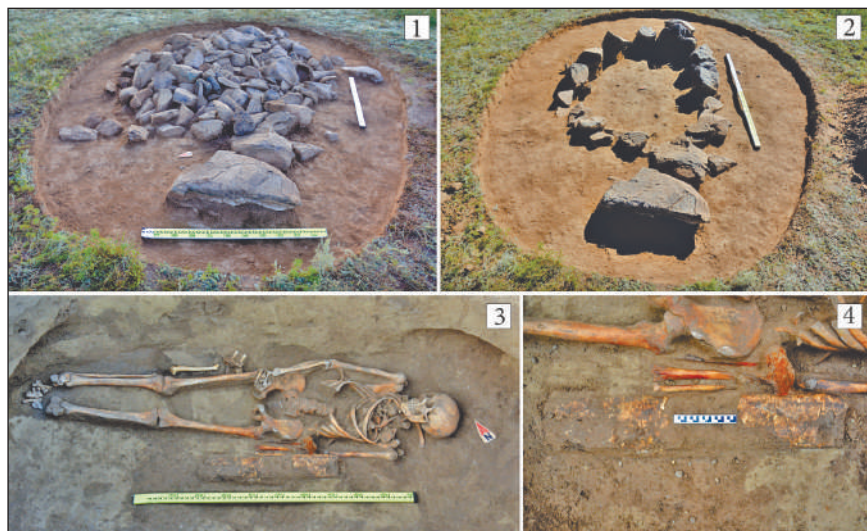

Рис. 3. Курган №3 горы Яшил: 1 — каменная насыпь кургана;
 2 — овальная оградка; 3 — захоронение; 4 — берестяной колчан
 Fig. 3. Barrow No. 3 of mount Yashil: 1 — mound stone of barrow;
 2 — oval fence; 3 — burial; 4 — birch bark quiver

Из трех раскопанных курганов погребение ребенка оказалось разрушенным в связи с ограблением. Остальные сохранили исходное положение, что является важным результатом. Все каменные насыпи имели овальную форму, повторяя очертания могилы. Умерших людей похоронили каждого в отдельной в яме глубиной 0,78–1,75 м. Они были ориентированы головами на северо-восток, восток и юго-восток. При раскопках во всех курганах обнаружены берцовые кости мелкого рогатого скота, а также некоторые изделия. Обнаруженные археологические находки хранятся в Улаанбаатарском университете (в 2022 г. он вошел в состав Монгольского национального университета). Основные черты зафиксированного погребального обряда находят аналогии среди исследованных погребений средневековых монголов. Особенностью является то, что яма кургана №3 была заполнена мелкими камнями. Такая традиция не часто фиксируется при раскопках погребальных памятников монгольского времени. В этом кургане умерший человек был положен к северной стене ямы, что аналогично обряду в исследованном кургане №4 памятника Элст хутул в долине Эгийн-Гола (Тишкин и др., 2022, с. 224). Материалы, полученные на некрополе Яшил, дополняют имеющиеся сведения о культуре населения монгольского времени на территории Северной Монголии. Полные результаты будут представлены в отдельной статье.

Список источников

Идэрхангай Т. Булган, Төв, Сэлэнгэ аймгийн зарим бүс нутагт явуулсан хүннүү булшны бүртгэл судалгааны ажлын тайлан (2018 оны 07 сарын 16–22) [Отчет об археологических разведках курганов хунну, проведенных в некоторых районах Булганского, Центрального и Селенгинского аймаков (16–22 июля 2018 г.)]. Улаанбаатар, 2018. 41 с. (на монг. яз.). (Архив рукописей кафедры истории и археологии Улаанбаатарского университета).

Идэрхангай Т., Тишкин А.А., Серегин Н.Н., Оргилбаяр С., Цэнд Д., Батчимэг Б., Амгаланбат Б., Даваахүү Э., Эрдэнэпүрэв П. Сэлэнгэ аймгийн Орхонтуул сумын нутаг Их нөөлөгт хэмээх газарт явуулсан хүннүү булшны малтлага судалгааны товч үр дүн // Монголын археологи-2019: Эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл. Улаанбаатар, 2019. С. 301–307 (на монг. яз.)

Тишкин А.А., Идэрхангай Т., Серегин Н.Н., Оргилбаяр С., Горбунов В.В., Свойский Ю.М., Паршикова Т.С., Цэнд Д., Батчимэг Б. Обзор результатов исследований в Северной и Западной Монголии совместными экспедициями Алтайского и Улаанбаатарского университетов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVI. Барнаул, 2020. С. 187–195. DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.3

Тишкин А.А., Идэрхангай Т.-О., Оргилбаяр С., Батчимэг Б., Эрдэнэпүрэв П., Цэнд Д. Продолжение исследований погребений хунну на археологическом комплексе Их нуулэгт в Северной Монголии: предварительное сообщение // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVIII. Барнаул, 2022. С. 360–368. DOI: 10.14258/2411-1503.2022.28.52

Тишкин А.А., Идэрхангай Т.-О., Цэнд Д., Оргилбаяр С., Амгаланбат Б., Эрдэнэпүрэв П., Батчимэг Б. Средневековые монгольские погребения, исследованные в долине Эгийн-гола (Северная Монголия) // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №4. С. 215–233. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-12)

Информация об авторе / Information about the Author

Цэнд Дул, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант; Улаанбаатарский университет Монгольского национального

университета, кафедра истории и археологии, научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; магистр; <https://orcid.org/0000-0003-0056-9865>, dultsendee@gmail.com

Tsend Dul, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Graduate Student; Ulaanbaatar University of National University of Mongolia, Department of History and Archaeology, Researcher; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave., 61; master; <https://orcid.org/0000-0003-0056-9865>, dultsendee@gmail.com

Статья принята к публикации 03.04.2023.

The article approved after reviewing 03.04.2023.

Научная статья / Article

УДК: 069.51(517.3)

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.39

«ОЛЕННЫЙ» КАМЕНЬ В КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ УЛЗИЙТ СОМОНА АРХАНГАЙСКОГО АЙМАКА (Монголия)

Эрдэнэпурэв Пурэвдорж

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Хангайские горы в Центральной Монголии богаты историческими и культурными реликвиями, оставленными древними кочевниками. В последние годы там интенсивно ведется работа по открытию новых памятников, а также осуществляется повторное изучение уже известных объектов. Летом 2022 г. обследовался комплекс древних изваяний Хушуутийн дэнж в Улзийт сомоне Архангайского аймака. В краеведческом музее, расположенном в центре сомона, оказался поврежденный «оленный» камень, сведения о котором ранее не были опубликованы. Судя по изображениям, он имеет аналогии среди изваяний монголо-забайкальского типа. Хушуутийн дэнж был впервые изучен советским археологом В.В. Волковым. С тех пор этот комплекс сильно изменился. В данной статье автором обозначены некоторые вопросы сохранения «оленных» камней, как важных историко-археологических источников.

Ключевые слова: Центральная Монголия, «оленный» камень, археологическая разведка, Хушуутийн дэнж, краеведческий музей, повторное исследование, сохранение

Для цитирования: Эрдэнэпурэв П. «Оленный» камень в Краеведческом музее Улзийт сомона Архангайского аймака (Монголия) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 259–262. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.39

“DEER” STONES IN THE LOCAL HISTORY MUSEUM OF ULZIIT SOMON ARKHANGAY AIMAK (Mongolia)

Erdenepurev Purevdorj

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The Khangai Mountains in Central Mongolia are rich in historical and cultural relics left by ancient nomads. In recent years new sites have been intensively discovered there, and the re-examination of already known sites has been carried out. In the summer of 2022 the complex of ancient sculptures of Khushuutiin dange in Ulziyt somon of Arkhangai aimag was examined. In the local history museum, located in the center of the somon, there was a damaged “deer” stone, information about which had not been published

before. Judging by the images, it has analogies among statues of the Mongolian-Transbaikalia type. The Khushuutiin dange was first studied by the Soviet archaeologist V.V. Volkov. Since then, this complex has changed greatly. In this article the author outlines some issues of preserving the “deer” stones as important historical and archaeological sources.

Keywords: Central Mongolia, “deer” stone, archaeological exploration, Khushuutiin denzh, local history museum, re-examination, conservation

For citation: Erdenepurev P. “Deer” Stones in the Local History Museum of Ulziiit Somon Arkhangay Aimak (Mongolia) // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 259–262. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.39

В августе 2022 г. в рамках работы монголо-русской экспедиции, организованной Улаанбаатарским и Алтайским государственными университетами, проводилась археологическая разведка в Архангайском аймаке для выявления «оленных» камней в Центральной Монголии (рис. 1.-1). В ходе обследований повторно осматривался комплекс древних изваяний Хушуутийн дэнж (рис. 1.-2, 3) в центре Улзийт сомона, а также изучался сломанный «оленный» камень, хранящийся в краеведческом музее и еще не введенный в научный оборот (рис. 2).

Географические координаты местонахождения Хушуутийн дэнж: N — 48°6'048", E — 102°33'4377". Высота над уровнем моря 1299 м. Памятник был опубликован в нескольких научных изданиях, начиная с работы советского археолога В.В. Волкова (Волков, 2002, с. 39; Энхбат, Анхсанаа, Даваацэрэн, 2013, с. 66; Гантулга, Идэрхангай, 2021, с. 123–125).

Результаты работ в 2022 г. дали новые результаты. Были выявлены некоторые особенности изображений на «оленных» камнях, которые не заметили предыдущие исследователи. Основной целью являлось дальнейшее документирование «оленных» камней и получение графических иллюстраций всех изваяний. Поскольку исследователи непосредственно при публикации «оленных» камней Хушуутийн дэнж часто использовали описания и рисунки В.В. Волкова, были сделаны заново все необходимые фиксации и осуществлен сравнительный анализ с предыдущими. При этом отмечалось современное состояние сохранности изваяний и изображений. С тех пор как В.В. Волков проводил свои исследования, к указанному комплексу добавились два новых «оленных» камня. В частности, четвертый «оленный» камень был найден в старом фундаменте здания школы Улзийт сомона и перенесен на Хушуутийн дэнж (Гантулга, Идэрхангай, 2021, с. 124). Этот «оленный» камень был обломан и имеет две части. Левая и тыльная стороны сильно повреждены (рис. 1.-2). «Оленные» камни Хушуутийн дэнж были сохранены от повреждений забором (рис. 1.-3), отмечен адрес и поставлены на особую охрану со стороны администрации аймака (Энхбат, Анхсанаа, Даваацэрэн, 2013, с. 24). Однако следует отметить, что еще не хватает защиты от некоторых природных факторов.

Сломанное изваяние, хранящееся в краеведческом музее Улзийт сомона, было обнаружено в 2009 г. при строительстве общежития школы. Ц. Дамдинжав сообщил об этом сотруднику культурного центра Б. Амгаланбаатару. В результате верхняя часть «оленного» камня поступила Краеведческий музей (рис. 2.-1). Этот камень имеет характерную скошенность. Размеры изваяния: длина 62 см, ширина 39,5 см, толщина 12,2 см. Для его изготовления использовался мелкозер-

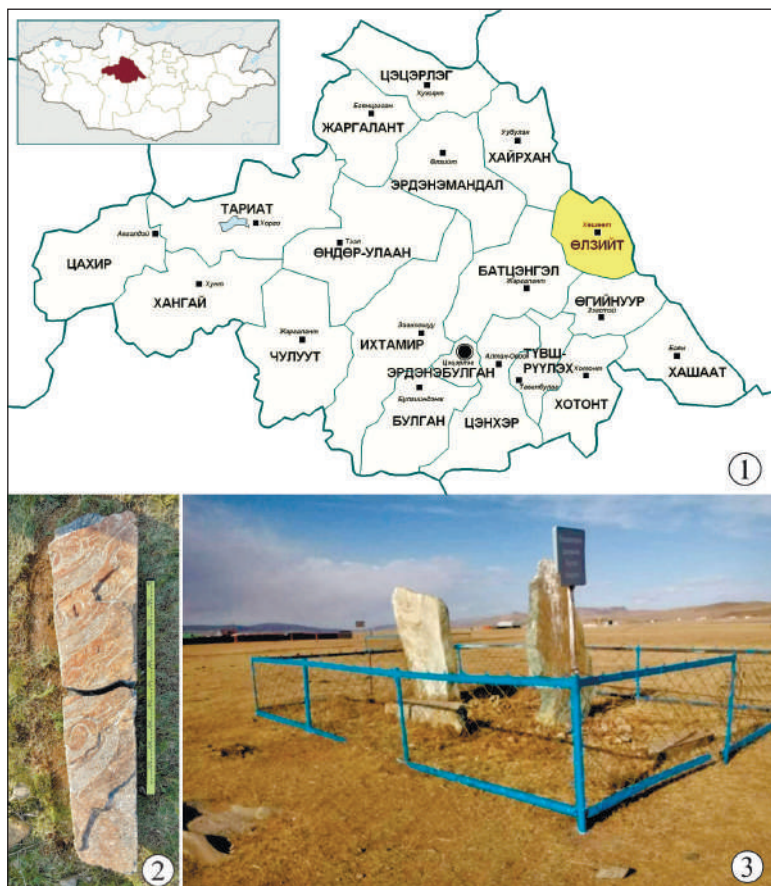

Рис. 1. Хушуутийн дэнж: 1 — местонахождение комплекса, 2 — четвертый «оленный» камень, 3 — ограждение изваяний
 Fig. 1. Khushuutiin denzh: 1 — location of the complex, 2 — the fourth "deer" stone, 3 — fencing of the sculptures

нистый песчаник с красными прожилками (рис. 2.-2). Рассматриваемая находка не размещена в выставочном зале музея, а хранится в фондах. Нижняя часть изваяния, к сожалению, не найдена и, по всей видимости, она исчезла или разрушена. Строительные работы продолжились без дополнительных обследований, возможно, недостающая часть ушла под здание общежития. Не исключено, что важные исторические памятники были уничтожены из-за отсутствия археологических исследований до начала строительства. Возможно, на месте, где сейчас находится общежитие школы, был комплекс, состоявших из «оленных» камней. Дело в том, что четвертый и пятый «оленные» камни, которые позже были при-

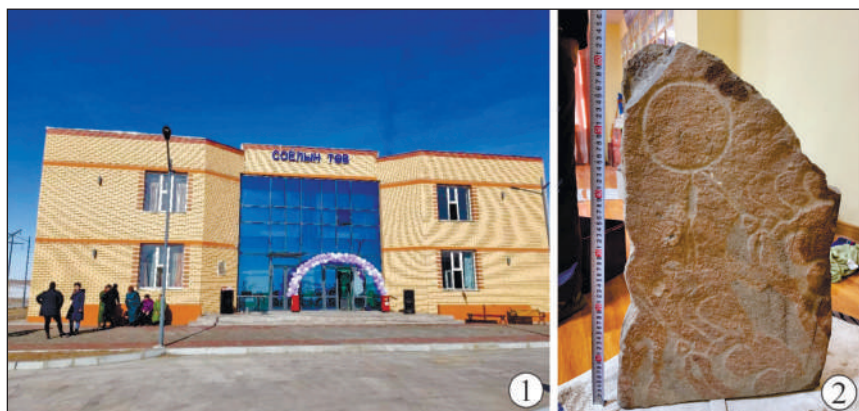

Рис. 2. 1 — Культурный центр Улзийт сомона, 2 — «оленный» камень в фондах музея
 Fig. 2. 1 — The cultural center of Ulziyt Somon, 2 — a “deer” stone in the museum collections

несены к комплексу Хушуутийн дэнж, найдены в фундаменте при сносе старого здания школы. Их использовали для строительных и других целей.

Результаты проведенных обследований ставят задачу попытаться найти обломки тех «оленных» камней, которые оказались разбитыми, а также осуществить поиск других изваяний, которые могли находиться поблизости. Еще одна проблема заключается в том, что «оленный» камень №4, опубликованный в монографии В.В. Волкова (2002, с. 40, 133), не обнаружен. Необходимо продолжить изучение комплекса Хушуутийн дэнж, так как не все ясно с его формированием.

В заключение необходимо принять во внимание «оленные» камни, находящиеся в природе без охраны. Важно обеспечить защиту таких памятников, а также осуществить их документирование с помощью геоинформационных и цифровых технологий.

Список источников

- Волков В.В. Оленные камни Монголии. М., 2002. 248 с.
 Гантулга Ж., Идэрхангай Т. Архангай аймгийн буган хөшөөд. Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл. Боть I. Улаанбаатар, 2021. С. 24–193 (на монг. яз.).
 Энхбат Г., Анхсанаа Г., Даваацэрэн Б. Монгол нутаг дахь түүх соёлын, үл хөдлөх дурсгал. Дэвтэр Х. Архангай аймаг. Улаанбаатар, 2013. 117 с. (на монг. яз.).

Информация об авторе / Information about the Author

Эрдэнэпурэв Пурэвдорж, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; магистр истории; <https://orcid.org/0000-0001-9245-9692>, eegiip48@gmail.com

Erdenepurev Purevdorj, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Postgraduate Student; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave., 61; Master of History; <https://orcid.org/0000-0001-9245-9692>, eegiip48@gmail.com

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
 The article approved after reviewing 03.04.2023.*

РАЗДЕЛ 3. МУЗЕИ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА. К 200-ЛЕТИЮ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Научная статья / Article

УДК: 069(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.40

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕМУЗЕЙНЫХ ПРОЕКТОВ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ (на примере выставки «Алтайский край. Взгляд сквозь время»)

Юлия Алексеевна Абрамова, Дмитрий Владиславович Емельянов
Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул, Россия

Резюме. В статье рассказывается об опыте реализации внемузейных проектов Алтайского государственного краеведческого музея на примере масштабной выездной выставки 2022 г. «Алтайский край. Взгляд сквозь время» на площадке Военно-патриотического парка культуры и отдыха Вооруженных сил РФ «Патриот» (г. Москва). Проведение внемузейных выставок позволяет расширить целевую аудиторию, партнерские взаимоотношения музея, способствует популяризации историко-культурного наследия и патриотических настроений общества. Описываются цели, методы и способы экспозиционного построения выставки, представленные разделы, культурно-просветительская работа с посетителями, а также особенности выполнения проекта.

Ключевые слова: музей, выставка, экспонат, внемузейный проект, патриотическое воспитание

Для цитирования: Абрамова Ю.А., Емельянов Д.В. Опыт реализации внемузейных проектов Алтайского государственного краеведческого музея (на примере выставки «Алтайский край. Взгляд сквозь время») // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 263–269. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.40

EXPERIENCE IN THE IMPLEMENTATION OF PROJECTS OUTSIDE THE MUSEUM OF THE ALTAI STATE MUSEUM OF LOCAL LORE (on the Example of the Exhibition “The Altai Territory. A View Through Time”)

Yulia A. Abramova, Dmitry V. Emelyanov
The Altai State Museum of Local Lore, Barnaul, Russia

Abstract. The article describes the experience of implementing projects outside the museum of the Altai State Museum of Local Lore on the example of a large-scale traveling exhibition in 2022 “The Altai Territory. A view through time” at the site of the Military-patriotic recreation park of the Armed Forces of the Russian Federation “Patriot” (Moscow). Holding exhibitions outside the museum allows expanding the target audience, partnership relations of the museum, promotes the popularization of historical and cultural heritage

and patriotic sentiments of society. The purpose, methods and techniques of the exposition construction of the exhibition, the sections presented, cultural and educational work with visitors, as well as the specifics of the project are described.

Keywords: museum, exhibition, exhibit, project outside the museum, patriotic education

For citation: Abramova Yu.A., Emelyanov D.V. Experience in the Implementation of Projects Outside the Museum of the Altai State Museum of Local Lore (on the Example of the Exhibition “The Altai Territory. A View Through Time”) // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 263–269. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.40

Музей — уникальный институт, занимающий особое место в историко-культурном и нравственно-эстетическом воспитании общества. Используя для выполнения данной миссии хранящиеся первоисточники (музейные предметы и коллекции), музей обеспечивает непрерывность и преемственность традиций общества, знаний и накопленного опыта (Буров, 2013, с. 305). Инструментарием в этом выступают различные формы работы с посетителями (выставки, экскурсии, лекции, мастер-классы, музейные акции и программы), которые реализуются как в самом музее, так и вне его стен.

В 2022 г. Алтайский государственный краеведческий музей (далее АГКМ) реализовал крупный внемузейный проект — выставку «Алтайский край. Взгляд сквозь время», который был представлен на площадке Военно-патриотического парка культуры и отдыха Вооруженных сил РФ «Патриот» (г. Москва). Проект приурочен к 85-летию Алтайского края и нацелен на формирование взаимодействия Алтайского края и Вооруженных сил РФ, популяризацию в широких массах историко-культурного наследия региона. Сроки проведения выставки — 13–25 сентября 2022 г.

Выставочный проект занял площадь в 250 кв. м, что делает его крупнейшим внемузейным выставочным проектом музея за всю историю его существования.

Основным методом построения выставки стал ансамблевый, он позволил воспроизвести реальные связи и отношения между демонстрируемыми экспонатами в среде их бытования (например, фрагмент интерьера деревенского дома или внутреннее убранство палатки первоцелинников на Алтае). С целью расширения доступности содержания выставки использовались информационные стенды к каждому из представленных разделов, знакомясь с которыми, можно узнать о конкретном историческом периоде истории Алтайского края или жизни известной личности. Размещенные на специальном выставочном оборудовании стенды позволили тематически и хронологически зонировать разделы.

Выставка включала шесть основных разделов, охватывающих историю Алтайского края с XVIII в. по сегодняшний день.

Первый раздел «Горнозаводское производство на Алтае XVIII–XIX вв.» посвящен раннему этапу освоения Алтая, связанному с развитием в регионе горно-металлургической промышленности в XVIII–XIX вв. В витринах представлены образцы руд, инструменты (чеканы) Сузунского монетного двора и образцы сибирской медной монеты, датируемые 2-й половиной XVIII в. Зна-

комясь с содержанием выставки, посетители узнают о деятельности известного уральского заводчика Акинфия Демидова, первых в регионе рудниках и металлургических заводах, а также сети предприятий Кольвано-Воскресенского (Алтайского горного) округа (Сузунский монетный двор, Кольванская шлифовальная фабрика, Барнаульский сереброплавильный завод и ряд других).

Второй раздел «Русские на Алтае» рассказывает о заселении русскими Верхнего Приобья и предгорий Алтая со 2-й половины XVII в., о потоках переселения в регион из европейской части России во 2-й половине XIX — начале XX в., о сложившихся двух основных группах русского населения: старожилах и переселенцах. Раскрываются вопросы традиционных занятий (земледелие, животноводство, рыболовство и пчеловодство). На подиуме был реконструирован фрагмент интерьера деревенского дома рубежа XIX–XX вв., представлены костюмы старожилов и переселенцев, орудия сельскохозяйственного труда.

Третий раздел «Алтайский край в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)» обращен к теме участия жителей региона в войне против немецкого фашизма. На информационных стендах размещены сведения о воинских соединениях, сформированных в Алтайском крае в 1939–1942 гг., а также рассказывается о значительном вкладе края в общее дело Победы — о поставках продовольствия и оборонной продукции, о размещении на своей территории эвакуированных промышленных предприятий, о создании госпиталей для лечения и восстановления бойцов Красной армии. Центральное место в разделе занимает инсталляция, посвященная женскому и детскому труду в годы войны, когда произошло резкое сокращение численности рабочей силы из-за всеобщей мобилизации, в первую очередь мужского населения. Данный фрагмент экспозиции призван оказать большое эмоциональное воздействие, позволил глубже окунуться в атмосферу прошлого, стать сопричастным событиям военного времени.

Четвертый раздел «Освоение целинных и залежных земель в Алтайском крае» посвящен важному периоду в истории региона (рис. 1). После принятия в 1954 г. пленумом ЦК КПСС постановления об общенациональной кампании по освоению целинных и залежных земель Алтайский край стал местом притяжения рабочего класса с целью освоения залежных земель и увеличения объемов выращиваемого урожая. Представленная на стенде информация рассказывает об этапах кампании в регионе, бытовых условиях первоцелинников, а также о достигнутых результатах и значении проводимых работ. Воссоздана палатка целинника с ее скромной обстановкой: минимум мебели, печь, поскольку первые целинники прибыли на Алтай в зимне-весеннее время, предметы быта первой необходимости, рабочая и повседневная одежда приехавшего на целину. Представленный образ жизни позволяет изнутри взглянуть на трудности, с которыми столкнулись первоцелинники, оценить их трудолюбие, самоотдачу и преданность в достижении поставленной цели.

Пятый раздел «Знаменитые земляки. В.М. Шукшин. Г.С. Титов. М.Т. Калашников» повествует о жизни, трудовом и творческом пути некоторых

выдающихся алтайских земляков. Посетителям представлено три информационных стенда с биографической информацией, фотографиями и документами кинорежиссера, актера и писателя, заслуженного деятеля искусств РСФСР В.М. Шукшина, космонавта-2, Героя Советского Союза Г.С. Титова, а также создателя стрелкового оружия, дважды Героя Социалистического Труда, Героя России М.Т. Калашникова. Особый интерес для посетителей представляет экспонируемая военная форма генерал-лейтенанта ракетных войск и артиллерии М.Т. Калашникова, хранящаяся в фондах филиала АГКМ — Мемориального музея М.Т. Калашникова (с. Курья Курьинского района).

Шестой, заключительный раздел «Алтайский край сегодня» посвящен современному состоянию региона. Заглавный информационный стенд раздела представляет сведения о достижениях экономики края в области сельского хозяйства и промышленности, развитии рекреационных, туристических направлений. В дополнение к разделу — 11 больших фотографий на ПВХ, наглядно демонстрирующих основные направления развития края.

Выставка «Алтайский край. Взгляд сквозь время» — не первый внемузейный выставочный проект Алтайского государственного краеведческого музея. Отметим ряд нестандартных моментов в его создании и реализации. Первым из них стало время на подготовку и создание выставочного проекта. От момента получения письма на имя губернатора Алтайского края В.П. Томенко по вопросу организации выставки, посвященной Алтайскому краю, от врио командующего войсками Центрального военного округа в соответствии с Планом проведения совместной выставочной деятельности Вооруженных сил Российской Федерации и Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» до составления структуры-концепции выставки и ее сметы прошло несколько дней. Достаточно быстро был решен вопрос финансирования. Министерством культуры Алтайского края были выделены целевые средства на реализацию данного проекта. Для монтажа и формирования экспозиционного пространства было задействовано уже имевшееся в музее выставочное оборудование (манекены, стойки для информационных стендов). В короткий срок проведен отбор музейных предметов и оформлена их страховка. На данной выставке было представлено 164 единицы хранения (Емельянов, 2022). Внемузейная выдача предметов на выставку была зарегистрирована в реестре сделок в Государственном каталоге Музейного Фонда Российской Федерации. Через две с половиной недели музейные предметы и оборудование уже были упакованы для отправки на выставку.

Второй нестандартный момент в данном выставочном проекте — это транспортировка. Доставка оборудования, экспонатов и сотрудников музея из г. Барнаула в Московскую область и обратно осуществлялась силами военно-транспортной авиации, а также автомобилями КамАЗ Министерства обороны РФ. Большая благодарность всем тем военным служащим, кто помогал музею, но все же и на долю сотрудников музея выпало немало трудов.

Третий момент, о котором также хочется отдельно сказать, — это монтаж. Он был проведен в максимально сжатые сроки, всего за 20 часов (рис. 2).

Рис. 1. Раздел выставки «Освоение целинных и залежных земель в Алтайском крае»
Fig. 1. Section of the exhibition “Development of Virgin and Fallow Lands in the Altai Territory”

Рис. 2. Монтаж выставочного оборудования. На фото: Ю.А. Абрамова и Д.В. Емельянов
Fig. 2. Installation of exhibition equipment. In the photo: Yu.A. Abramova and D.V. Emelyanov

А ведь было необходимо не только разложить музейные предметы согласно разработанной концепции, отпарить вещи из текстиля, одеть манекены, но и собрать 12 подиумов, каркас для палатки и металлические стойки для информационных стендов и фотографий. Монтаж осуществили всего четыре специалиста музея: Ю.А. Абрамова — заместитель директора по учету и хранению музейных предметов (главный хранитель), Д.В. Емельянов — заведующий экспозиционно-выставочным отделом и специалисты экспозиционно-выставочного отдела старший научный сотрудник Т.Н. Букина и на-

учный сотрудник Г.Л. Гаманович. Еще более стремительным был демонтаж, в котором, а также в сопровождении экспонатов и музейного оборудования в г. Барнаул были задействованы дополнительно младший научный сотрудник экспозиционно-выставочного отдела А.А. Киселев, научный сотрудник отдела развития В.В. Воробьев. На протяжении всех этапов музей курировал и активно помогал сотрудник Военного комиссариата Алтайского края.

Еще одной особенностью этого проекта стала аудитория, с которой музейные специалисты работали на выставке. Зачастую внemuзейный выставочный проект означает лишь то, что он реализуется на площадке принимающей стороны, и именно она работает с посетителями, проводит экскурсии, организует какие-либо мероприятия. Выставка «Алтайский край. Взгляд сквозь время» Алтайского государственного краеведческого музея работала в парке «Патриот» в течение двух недель, с 13 по 25 сентября 2022 г. Ежедневно (кроме одного выходного дня) на выставке в качестве экскурсоводов работали Ю.А. Абрамова и Т.Н. Букина. Организацией групповых посещений занимались представители Минобороны (рис. 3). Были и индивидуальные посетители. За время работы выставки ее посетителями стали 2000 человек. Большая часть аудитории — это военнослужащие, курсанты военных учебных заведений, сурововцы, юнармейцы, ветераны вооруженных сил.

Рис. 3. Проведение экскурсии по выставке Т.Н. Букиной
Fig. 3. A tour of the exhibition by T.N. Bukina

В Конгрессно-выставочном центре парка «Патриот» одновременно было реализовано свыше 10 выставочных проектов, так или иначе связанных с какими-либо юбилейными датами. Помимо Алтайского края здесь были представлены Краснодарский и Хабаровский края, Ленинградская область, Министерство иностранных дел, Центральный музей Военно-воздушных сил в Монино и музей-заповедник «Бородинское поле», Центральный военно-морской музей и Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи и др. Большинство проектов связаны с событиями военной истории страны. Знакомство с опытом реализации выставочных проектов коллег из других регионов наглядно показало неоспоримую роль музея в патриотическом воспитании и просвещении. Представленные выставки позволяют посетителю стать сопричастным и неким «свидетелем» некоторых страниц военной истории России, жизни людей в годы войны на фронте и в тылу, а также рассказывают о достижениях в различных областях деятельности.

По результатам работы выставки сотрудники АГКМ были отмечены благодарственными письмами начальника Национального центра управления обороной РФ генерал-полковника М.Е. Мизинцева, а также медалью Алтайского края «За заслуги в труде» и благодарностью министра культуры Алтайского края.

Без сомнения, создание и реализация выставочного проекта «Алтайский край. Взгляд сквозь время» принесли неоценимый опыт оперативного решения объемных задач, а также сотрудничества со структурами, с которыми музей ранее почти не взаимодействовал.

Список источников

Буров Н.В. Музей как социальный институт культурно-исторического и нравственно-эстетического воспитания // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. СПб., 2013. С. 305–307.

Емельянов Д.В. Топографическая опись внемузейной выставки «Алтайский край. Взгляд сквозь время» (к 85-летию образования Алтайского края). Барнаул, 2022. 15 с. (АГКМ. Архив экспозиционно-выставочного отдела, б/н).

Информация об авторах / Information about the Authors

Юлия Алексеевна Абрамова, Алтайский государственный краеведческий музей, заместитель директора по учету и хранению музейных предметов (главный хранитель); 656043, Россия, г. Барнаул, ул. Ползунова, 46, кандидат исторических наук, julabr28@mail.ru

Yulia A. Abramova, the Altai State Museum of Local Lore, Deputy Director for Accounting and Storage of Museum Objects (Chief Curator); 656043, Russia, Barnaul, Polzunov str. 46, Candidate of Historical Sciences, julabr28@mail.ru

Дмитрий Владиславович Емельянов, Алтайский государственный краеведческий музей, заведующий экспозиционно-выставочным отделом; 656043, Россия, г. Барнаул, ул. Ползунова, 46, <https://orcid.org/0000-0002-4446-4515>, emelyanov.dm.v@yandex.ru

Dmitry V. Emelyanov, the Altai State Museum of Local Lore, Head of the Exposition and Exhibition Department; 656043, Russia, Barnaul, Polzunov str. 46, <https://orcid.org/0000-0002-4446-4515>, emelyanov.dm.v@yandex.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

КАЗАХСТАН В ЭПОХУ БРОНЗЫ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Хамит Амантайұлы Айтқұл¹, Олег Андреевич Митько²,
Улан Умиткалиевич Умиткалиев³

¹Государственный историко-культурный музей-заповедник «Есік»,
Алматы, Республика Казахстан

²Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

³Евразийский Национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Астана, Республика Казахстан

Резюме. Статья посвящена истории формирования археологической коллекции Центрального государственного музея Республики Казахстан в г. Алматы. В комплектовании коллекции большую роль сыграло собрание Оренбургского музея, учрежденного оренбургским военным губернатором, генерал-адъютантом графом Павлом Петровичем Сухтеленем в 1831 г. С этой даты начинается сложение фондовых и экспозиционных коллекций эпохи бронзы ведущего музея Казахстана. В статье приведены сведения об археологических экспедициях, пополнявших фонды Центрального государственного музея. Рассмотрены архивные и учетные документы, проанализированы публикации археологов, занимавшихся изучением памятников эпохи бронзы евразийского степного пояса.

Ключевые слова: культура, археология, эпоха, бронза, коллекция, формирование, музей

Для цитирования: Айтқұл Х.А., Митько О.А., Умиткалиев У.У. Казахстан в эпоху бронзы: история формирования археологической коллекции Центрального государственного музея Республики Казахстан // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 270–277. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.41

KAZAKHSTAN IN THE BRONZE AGE: THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE ARCHAEOLOGICAL COLLECTION OF THE CENTRAL STATE MUSEUM OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Khamit A. Aitkul¹, Oleg A. Mitko², Ulan U. Umitkaliev³

¹Issyk State Historical and Cultural Reserve-Museum, Almaty, Republic of Kazakhstan

²Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

³Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract. The article is devoted to the history of the formation of the archaeological collection of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan in Almaty. The collection of the Orenburg Museum, founded by the Orenburg military governor, Adjutant General Count Pavel Petrovich Sukhtelen in 1831, played a considerable role in the collection. The article provides information about archaeological expeditions that replenished the funds of the Central State Museum. Archival and accounting documents have been considered, publications of archaeologists who studied the sites of the Bronze Age of the Eurasian steppe belt have been analyzed.

Keywords: culture, archaeology, epoch, bronze, collection, formation, museum

For citation: Aitkul K.A., Mitko O.A., Umitkaliev U.U. Kazakhstan in the Bronze Age: the History of the Formation of the Archaeological Collection of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 270–277. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.41

В собраниях Центрального государственного музея Республики Казахстан (далее — ЦГМ РК) собрана богатая коллекция артефактов эпохи бронзы, в которую вошли находки из разных регионов страны, включая районы Алтая. Основу археологического фонда составили коллекции музея Оренбургского края, основанного в 1831 г. в Неплюевском военном училище по инициативе оренбургского военного губернатора графа П.П. Сухтелена (ГАОО РФ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 950. Л. 1., 1об.) и коллекции Семиреченского музея, учрежденного в 1898 г. в г. Верном членами Семиреченского статистического комитета (ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–9. 2). Именно с этими коллекциями связано становление археологической науки в Казахстане. В изучении памятников древностей принимали участие члены Русского географического общества, Императорского Русского археологического общества, Археологической комиссии, Московского археологического общества, Исторического музея. Большую организационную роль сыграла Оренбургская ученая архивная комиссия и Туркестанский кружок любителей археологии, просуществовавший до 1917 г., а также областные статистические комитеты. Отдельно стоит отметить деятельность Ч.Ч. Валиханова (1984, с. 190–197), описавшего несколько типов памятников: старые рудники, заброшенные пашни, каменные ограды, каменные изваяния.

Первые проведенные на научной основе археологические исследования в Казахстане связаны с именем академика В.В. Радлова, предложившего классификацию и периодизацию древностей Северо-Восточного Казахстана и Сибири. Историю культуры этих районов он делил на периоды: медный и бронзовый век, древнейший железный век, новейший железный век и раннее Средневековье. При этом ученый придавал большое значение освоению человеком металла и применения его для изготовления орудий труда (Радлов, 1870, с. 96–100). Весомый вклад в изучение археологических памятников Жетысу (Семиречья) внес В.В. Бартольд, совершивший в 1894 г. поездку в долины рек Талас, Чу и Или, к озеру Иссык-Куль. Вместе с директором Ташкентской мужской гимназии Н.П. Остроумовым он стоял у истоков Туркестанского кружка любителей археологии, объединившего всех, кто интересовался прошлым края, его историей, памятниками археологии и архитектуры. Активными членами кружка были Н.Н. Пантусов, А.А. Диваев, В.А. Каллаур, В.Д. Городецкий.

Н.Н. Пантусов собрал, систематизировал и опубликовал ряд уникальных артефактов из числа случайных находок. В 1882 г. он сообщил о находке жертвенника с рельефным изображением животных, в 1885 г. — о кладе вещей из поселка Алексеевка (Пантусов, 1899, с. 105–177). В 1889 г. по поручению археологической комиссии им были проведены раскопки трех курганов: двух на правом берегу р. Весновки и одного между реками Карасу и Большой Алма-Атинской, а в следующем году — курганов в урочище

Кызылагаш. Н.Н. Пантусов был инициатором создания Семиреченского областного музея, коллекции которого позднее вошли в фонды археологических материалов ЦГМ РК. Деятельным членом кружка был В.Д. Городецкий, обследовавший археологические памятники, расположенные у подножия гор в междуречье рек Весновки и Малой Алматинки. Его рукопись «Древности Семиреченской (Джетысуйской) области» (Городецкий, 1924) содержит сведения обо всех известных к тому времени поселениях, курганах и городищах уезда, древних рудниках и случайных находках разных исторических периодов, включая и относящиеся к эпохе бронзы.

Важную роль в организации системного археологического изучения Казахстана сыграли Западно-Сибирский отдел Русского географического общества и Оренбургская ученая архивная комиссия, исследования которой проходили в тесном контакте с работой императорской Археологической комиссии, которая выдавала открытые листы на право проведения раскопок, а затем публиковала итоги в своих отчетах.

Таким образом, к началу XX в. была создана эффективно работающая организационная структура археологических поисков и музейных собраний, благодаря которой шло постоянное пополнение фонда археологических источников. Их анализ позволил выдвинуть ряд проблемных вопросов древней истории Казахстана и рассмотреть связь отдельных памятников с письменными сведениями (Карабаспакова, 2011, с. 22–36).

В годы советской власти начались систематические раскопки андроновских памятников. В Западном Казахстане — С.Н. Дурьилиным, М.П. Грязновым, Б.Н. Граковым, Г.В. Подгаецким, К.В. Сальниковым, О.А. Кривцовой-Граковой, в Центральном Казахстане — П.С. Рыковым и С.В. Киселевым, а в Северном и Восточном Казахстане — С.С. Черниковым. В результате О.А. Кривцовой-Граковой была воссоздана картина хозяйства, быта и идеологии древнего населения. М.П. Грязнов (1930, с. 149–162) предложил хронологическую схему эпохи бронзы и поставил вопрос о правомерности выделения казахстанского очага бронзовой культуры. Важную роль сыграли исследования С.С. Черникова (1939, с. 22–23) древних горных выработок и поселений металлургов в Северном и Восточном Казахстане. Полученные результаты позволили перейти к детальному изучению организации производства, добычи, технологии плавки и торговли металлом. Большой вклад в изучение памятников Семиречья внесли П.П. Иванов и М.Е. Массон, отметившие, что древние рудные разработки использовались еще в эпоху бронзы.

С 1936 г. в Жетысу под руководством А.Н. Бернштама начала работу Семиреченская археологическая экспедиция. Большое внимание уделялось памятникам кочевого населения сако-усуньского времени и эпохи бронзы. Были изучены памятники долин рек Талас и Чу, Иссык-Кульской котловины, в Центральном Тянь-Шане в долине р. Арпы — андроновские курганы. Разработанная А.Н. Бернштамом (1949; 1950; 1952) классификация памятников и периодизация древней истории этих регионов легла в основу всех последующих археологических работ.

Организованная в 1946 г. Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция ИИАЭ АН Казахской ССР под руководством А.Х. Маргулана положила начало систематическому изучению памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана. Широкомасштабные разведки и раскопки А.Х. Маргулана, М.К. Кадырбаева, Ж.К. Курманкулова позволили изучить сотни памятников. Первыми материалами, поступившими в фонды ЦГМ РК, были артефакты из поселений Атасу-I, Атасу-II, Бугулы-I, II, раскопанных в 1946–1949 гг., переданные А.Х. Маргуланом в 1957 г. Для установления хронологии памятников Центрального Казахстана в 1947 г. был исследован малый плиточный мавзолей 4 Бегазы (Маргулан, 1949, с. 3–36), в 1948 г. при участии Л.Р. Кызласова раскопаны мавзолеи 2 и 3 (Кызласов, Маргулан, 1950, с. 126–136). В 1949 г. были исследованы ранние группы памятников (нуринский этап) эпохи бронзы в горах Акшатау и в долине р. Сокур. Собранный материал представлен в ЦГМ РК фрагментами керамических сосудов и каменными орудиями труда (КП 6112, КП 6237, КП 6002, КП 6006, КП 6104, КП 6204, КП 5985, КП 5987). В начале 1950-х гг. коллекцию дополнила серия керамических сосудов (КП 16009, КП 16010, КП 16012, КП 16016) из раскопок могильников и поселений долины р. Шерубайнуры (Бугулы, Бугулы-I, Былкылдак-I и II) (ЦГМ РК. Акт №152, с. 75–77). Наиболее интересна коллекция могильника Былкылдак-I, включающая, помимо керамики, амулеты в виде клыков хищника, бронзовые бусы. Из находок на могильнике Былкылдак-II выделяется сосуд с изображением свастики на донце (КП 20253/5) (ЦГМ РК. Акт №390, с. 5–7). Аналог данного изображения можно встретить на фрагменте керамического сосуда, найденного в культовом месте у с. Петровка в Северо-Казахстанской области (СКОМ. Оф. 1841/51–59).

В 1997 г. Ж.К. Курманкуловым были переданы материалы раскопок 1975–1983 гг. поселений и могильников эпохи бронзы Мыржык, Акмустафа, Атасу, Бугулы-I, Нурмамбет, Аксуат, Копа, Куйган-II и т.д. Огромная коллекция включает керамические сосуды, украшения, пряслица, предметы конской сбруи, орудия труда, отщепы и т.д. (КП 26218/1–103) (ЦГМ РК. Акт №7. 2000, с. 106–127); (КП 26221/1–33) (ЦГМ РК. Акт №10. 2000, с. 88–96); (КП 27044/1–77) (Акт №46. 2007, с. 119–138); (КП 27254/1–94) (Акт №33. 2009. Кн. 2, с. 18–28); (КП 27326/1–36) (ЦГМ РК. Акт №11. 2010, с. 145–151).

Коллекция артефактов эпохи бронзы с территории Восточного Казахстана начала формироваться в ЦГМ РК с 1940-х гг. Ее основу составили материалы, полученные в ходе работ Восточно-Казахстанской археологической экспедиции, которой руководил С.С. Черников, и отрядов ИИМК при участии сотрудников Центрального музея Казахстана. В 1948–1949 гг. Л.К. Нифонтовой были раскопаны три оградки на могильнике эпохи бронзы Жанажурт (КП 6116) и три кургана на могильниках Сарыколь-I и II в Жарминском районе, инвентарь из которых пополнил коллекцию музея (КП 19636). Кроме артефактов, найденных при раскопке памятников, в фонды музея были включены случайные находки, переданные С.С. Черниковым: долото конусообразное, полое внутри, найденное на Алтае на Кадырбай-Чудском при-

иске (КП 6217), и четырехгранное кайло, найденное на Алтайском прииске «Наримолово» (КП 6218). Из материалов раскопок 1955–1956 гг. в фондах хранятся артефакты стоянки Усть-Нарын: каменный пест (КП 14278) (ЦГМ РК. Акт №99. 1977, с. 142–143); зернотерка прямоугольной формы (КП 14279); точильный камень прямоугольной формы с закругленными краями (КП 14280); малый пест (КП 14281); каменный выпрямитель для вытягивания стрел (КП 14281); орнаментированный керамический сосуд (КП 16009) (ЦГМ РК. Акт №148. 1979, с. 75). В эти же годы в фонды музея поступили материалы Павлодарской археологической экспедиции под руководством Е.И. Агеевой и А.Г. Максимовой, проводившей исследования в Баян-Аульском районе на могильнике эпохи бронзы, расположенном на территории колхоза им. 20-летия Казахстана. Среди них можно выделить керамический сосуд, на внутренней поверхности которого прослеживаются следы от заглаживания травой (КП 19637). Исследователи относят его к среднему периоду эпохи бронзы, синхронному алакульскому этапу андроновской культуры (XV–XIII вв. до н.э.) (Агеева, Максимова, 1959, с. 32–58).

В 1964–1967 гг. на территории Северного Казахстана на памятниках эпохи бронзы проводил работы Чаглинский отряд А.М. Оразбаева (поселение Чаглинка), в 1968 г. — Кустанайский археологический отряд В.В. Евдокимова (поселение поздней эпохи бронзы Садчиковское) (Оразбаев, 1970, с. 129–146). Материалы представлены фрагментами керамических сосудов (НВФ 6000/1–14).

В фондах ЦГМ имеется представительная коллекция материалов, собранная в 1959–1961 гг. Западно-Казахстанским отрядом археологической экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством В.С. Сорокина на поселении эпохи бронзы Тасты-Бутак (Сорокин, 1962, с. 51–60). В нее вошли керамические пряслица, наконечники стрел из камня и кости, ложила, проколки, астрагалы и украшения (пуговицы из кости, раковины моллюсков, подвески, бронзовые пластины) (КП 27291/1–8; НВФ 5976/1–20) (ЦГМ РК. Акт №61 от 09.12.2009, с. 48–68; ЦГМ РК. Акт №53 22.12.2009, с. 1–7). Материалы из Оренбургской области были переданы в музей Р.Б. Исмагиловым, руководившим в 1980–1983 гг. археологическим отрядом «Исседон». Коллекция представлена керамическими сосудами и украшениями, обнаруженными на памятниках эпохи бронзы в Кувандыкском, Курманаевском и Соль-Илецком районах на могильниках Ибрагимовский-II, Ибрагимовский-III, Ветлянка-IV и IV Ефимовский. Крупная коллекция артефактов поступила в музей с территории Жетысу и Южного Казахстана, где в 1980-х гг. проводили раскопки памятников эпохи бронзы А.Н. Марьяшев, Ф.П. Григорьев, А.Е. Рогожинский, А.С. Ермолаева, Ю.А. Мотов, А.А. Горячев.

А.Н. Марьяшевым были переданы в музей материалы раскопок памятников в урочище Тамгалы и в бассейне р. Коксу, могильники Талапты-I, II и Куйган-II, III (Марьяшев, Карабаспакова, 1988, с. 24–39). От Ф.П. Григорьева с поселения Теренкара IX–VII вв. до н.э. поступили каменные орудия труда (отбойники, зернотерки, ступа) и керамические сосуды, которые

датируются поздней эпохой бронзы, давшие интересный материал по бронзе, аналоги керамического материала встречаются в раскопках курганов эпохи бронзы комплекса Рахат (2021 г.) в Алматинской области. Большой вклад в пополнение фондов музея внесли работы археологической экспедиции Казахского государственного университета под руководством А.М. Оразбаева в 1985–1988 гг. на могильнике Койтас в Джунгарском Алатау. Особый интерес представляет «Курчумский клад» с р. Курчум, в котрый вошли украшения и орудия труда из бронзы, серьга, выполненные в «карасукском стиле» (КП 27177–27194/1–8) (ЦГМ РК. Акт №60 от 28.10.2008, с. 31–34). Ближайшие аналогии можно обнаружить в материалах могильника Мыншункур XII–IX вв. до н.э. В разные годы (2000 и 2008) А.К. Акишевым были переданы керамические сосуды из могильников эпохи бронзы Буйен-13 и Майбулак-II, III, V.

В археологическом фонде ЦГМ хранится клад бронзовых орудий труда (тесло, кельгообразный молоток, крючки, два зеркала и два серпа) эпохи поздней бронзы, найденный в 3 км от с. Койтын в Джунгарском Алатау и переданный в музей в 1991 г. (ЦМК КП 23867/1–19). Аналогичные материалы имеются в фондах Государственного историко-культурного музея-заповедника «Есік» (НТК 409, НТК 410, НТК 411). Материалы Южно-Казахстанской экспедиции, переданные С.А. Берденовым, представлены каменными орудиями труда для обработки руды. Они были найдены на древних медных рудниках у сел Курдай и Чатыркуль в Жамбылской области (ЦМК НВФ 5555/1–15) (Берденов, 1998, с. 180–190). Коллекция эпохи бронзы также представлена материалами археологической экспедиции ЦГМ, проводившей исследования в Южном Казахстане двумя отрядами под руководством А.Н. Подушкина и Х.А. Айткул (ЦМК КП 27321/1–7).

Представительную серию составляют случайные находки эпохи бронзы с территории Юго-Восточного Казахстана (ЦМК КП 2275/1; КП 11194/1,2; КП 25864/4; КП 9190; КП 2275/6, КП 2275/3; КП 9198/1,2; КП 9199; КП 11172; КП 27539/1–12; НВФ 6299/1, 2, 3) (Джусупов, 1956, с. 261–263).

Список источников

Агеева Е.И., Максимова А.Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года // Труды института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР. Т. 7 (Археология). Алма-Ата, 1959. С. 32–58.

Берденов С.А. Казахстанская горно-металлургическая область // Вопросы археологии Казахстана. 1998. Вып. 2. С. 180–190.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л., 1952. 346 с. (МИА. №26).

Бернштам А.Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА. 1949. №11. С. 337–384.

Бернштам А.Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». М.; Л., 1950. 160 с. (МИА. №14).

Валиханов Ч. Собрание сочинений в 5 т. Т 1. Алма-Ата, 1984. 432 с.

Городецкий В.Д. Древности Семиреченской (Джетысуйской) области 1924 г. // Рукописный архив ИА НАН РК. 1924. Ф. 2. Д. 2. Л. 175.

Грязнов М.П. Казахстанский очаг бронзовой культуры // Казаки. Л., 1930. Т. III. Вып. 15. С. 149–162.

Джусупов А. Орудия эпохи бронзы из случайных находок в окрестностях Алма-Аты // Труды ИИАЭ АН Каз. ССР. Т. 1: Археология. Алма-Ата, 1956. С. 261–263.

Карабаспакова К.М. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. Алматы, 2011. 220 с.
Кызласов Л.Р., Маргулан А.Х. Плиточные ограды могильника Бегазы // КСИИМК. 1950. Вып. 32. С. 125–136.

Маргулан А.Х. Отчет о работах Центрально-казахстанской археологической экспедиции в 1947 г. // Известия АН Каз. ССР. Серия археологическая. 1949. Вып. 2. №67. С. 3–36.

Марьяшев А.Н., Карабаспакова К.М. Новые памятники эпохи бронзы Восточного Семиречья // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки. Новосибирск, 1988. С. 24–39.

Оразбаев А.М. Поселение Чаглинка (Шагалалы) Некоторые формы и типы жилищ // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 129–146.

Отношение Оренбургской губернии об учреждении при Неплюевском училище «Музеума». Главное управление Западной Сибири. 1830–1832 гг. // ГАОО РФ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 950. Л. 1, 1об.

Пантусов Н.Н. Описание раскопок трех курганов, находящихся на западной стороне г. Верного в апреле — мае 1899 г. // ПТКЛА. Год 4. 1899. Приложение.

Радлов В.В. Краткий отчет о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль летом 1869 г. // ИРГО. 1870. Т. 6. С. 96–100.

Семиреченский статистический комитет. Об устройстве музея при статистическом комитете 1897–1902 гг. // ЦГА РК. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–9.

Сорокин В.С. Жилища поселения Тасты-Бутак // КСИА. 1962. Вып. 91. С. 51–60.
ЦГМ РК. Акт №11 от 08.04.2010 г. Акты приемки-сдачи основного фонда с 1 по 43, 2010 г. С. 145–151.

ЦГМ РК. Акт №148 от 21.11.1979 г. Акты поступления основного фонда КП /91–199/ 1979 г. Кн. №2. С. 75.

ЦГМ РК. Акт №152 от 23.11.1979. Акты поступления основного фонда /91–199/ 1979 г. Кн. №2. С. 75–77.

ЦГМ РК. Акт №33 от 20.04.2009. Акты приемки-сдачи основного фонда с 2 по 44, 2009. Кн. №2. С. 18–28.

ЦГМ РК. Акт №390 от 18.10.1985. Акты поступления основного фонда КП /379–394/ 1985 г. Кн. №11. С. 5–7.

ЦГМ РК Акт №46 от 17.07.2007. Акты приемки-сдачи основного фонда с 46 по 62, 2007 г. Кн. №3. С. 119–138.

ЦГМ РК. Акт №7 от 21.03.2000. Акты приемки-сдачи основного фонда с 1 по 40, 2000 г. Кн. №1. С. 106–127.

ЦГМ РК. Акт №99 от 13.12.1977. Акты поступления основного фонда КП /81–188/ 1977 г. Кн. №2. С. 142–143.

ЦГМ РК. Акт №10 от 29.03.2000. Акты приемки-сдачи основного фонда с 1 по 40, 2000 г. Кн. №1. С. 88–96.

ЦГМ РК. Акт №60 от 28.10.2008. Акты приемки-сдачи основного фонда с 46 по 76, 2008 г. Кн. №2. С. 1–121.

ЦГМ РК. Акт №61. от 09.12.2009 г. Акты приемки-сдачи основного фонда с 45 по 76, 2009 г. Кн. №3. С. 1–100.

ЦГМ РК. Акт №53 22.12.2009. Акты приемки-сдачи основного фонда, 2009 г. Кн. №1. С. 1–114.

Черников С.С. Древняя добыча металлов в верховьях Иртыша // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. 1939. Вып. 2. С. 22–23.

Информация об авторах / Information about the Authors

Хамит Амантайұлы Айтқұл, Государственный историко-культурный заповедник-музей «Есік», отдел научно-фондовой и исследовательской работы, старший научный сотрудник; 050038/A00F6Y5, Казахстан, г. Алматы, микр. Зердели, 1/57, <https://orcid.org/0000-0002-2568-9129>, khamit.boray@mail.ru

Khamit A. Aitkul, “Issyk” State Historical and Cultural Reserve-Museum, Department of Scientific Fund and Research Work, Senior Researcher; 050038/A00F6Y5, Kazakhstan, Almaty, mikr. Zerdeli, 1/57, <https://orcid.org/0000-0002-2568-9129>, khamit.boray@mail.ru

Олег Андреевич Митько, Новосибирский государственный университет, Гуманитарный институт, кафедра археологии и этнографии, доцент; лаборатория гуманитарных исследований, сектор археологии, заведующий; 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2; кандидат исторических наук. Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, исторический факультет, кафедра археологии и этнологии, приглашенный профессор; 010000, Республика Казахстан, г. Астана, ул. Пушкина, 11, <https://orcid.org/0000-0002-7741-3167>, omitis@gf.nsu.ru

Oleg A. Mitko, Novosibirsk State University, Institute for the Humanities, Department of Archaeology and Ethnography, Associate Professor; Laboratory for Humanitarian Studies, Sector of Archaeology, Head; 630090, Russia, Novosibirsk, st. Pirogova, 2; Candidate of Historical Sciences. Eurasian National University. L.N. Gumilyov, Faculty of History, Department of Archaeology and Ethnology, Visiting Professor; 010000, Republic of Kazakhstan, Astana, Pushkin str., <https://orcid.org/0000-0002-7741-3167>, omitis@gf.nsu.ru

Улан Умиткалиевич Умиткалиев, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, исторический факультет, кафедра археологии и этнологии, заведующий кафедрой; 010000, Республика Казахстан, г. Астана, ул. Пушкина, 11; кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0001-7828-1381>, uumitkaliev@bk.ru

Ulan U. Umitkaliev, Gumilyov Eurasian National University, Faculty of History, Department of Archaeology and Ethnology, Head of the Department; 010000, Republic of Kazakhstan, Astana, Pushkin str., 11; Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0001-7828-1381>, uumitkaliev@bk.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 069.4:572.08(571.151)

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.42

ФОРМИРОВАНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ ИЗ ПАМЯТНИКОВ СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ В АЛТАЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Валерия Евгеньевна Алексеева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В работе представлена история формирования антропологических коллекций носителей сrostкинской археологической культуры. Публикация подготовлена на основе записей в инвентарной книге «Краниологические коллекции кабинета антропологии АГУ». Накопление остеологического материала началось с 1987 г. благодаря

работам археологов Алтайского государственного университета на сrostкинских некрополях. Анализ данных показал, что в настоящее время в собрании кабинета антропологии АГУ находится 109 единиц хранения остеологического материала, относящегося к сrostкинскому населению, из погребальных комплексов Лесостепного Алтая.

Ключевые слова: антропологические коллекции, сrostкинская культура, раннее Средневековье, кабинет антропологии АГУ, археология

Благодарности: статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект №850000Ф.99.1. БН66АА04000). Автор благодарен заведующей кабинетом антропологии АГУ С.С. Тур за возможность знакомства с материалами.

Для цитирования: Алексеева В.Е. Формирование антропологических коллекций из памятников сrostкинской культуры Лесостепного Алтая в Алтайском государственном университете // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 277–281. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.42

FORMATION OF ANTHROPOLOGICAL COLLECTIONS FROM THE SITES OF THE SROSTKI CULTURE OF THE FOREST-STEPPE ALTAI IN ALTAI STATE UNIVERSITY

Valeria E. Alekseeva

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The paper presents the history of the formation of anthropological collections of carriers of the Srostkin archaeological culture. The publication was prepared on the basis of entries in the inventory book “Craniological Collections of the ASU Anthropology Cabinet”. The accumulation of osteological materials began in 1987, thanks to the work of archaeologists of Altai State University on the Srostkin necropolises. The analysis of the data showed that currently there are 109 storage units of osteological material belonging to the Srostkin population from the burial complexes of the Forest-Steppe Altai in the collection of the ASU Anthropology cabinet.

Keywords: anthropological collections, Srostki culture, early Middle Ages, the Office of Anthropology of ASU, archaeology

Acknowledgments: the article was prepared within the framework of the state task of the Altai State University “The Turkic World of the Greater Altai: Unity and Diversity in History and Modernity” (project №850000Ф.99.1. БН66АА04000). The author is grateful to the head of the ASU Anthropology Department, S.S. Tur, for the opportunity to get acquainted with the materials.

For citation: Alekseeva V.E. Formation of Anthropological Collections from the Sites of the Srostki Culture of the Forest-steppe Altai in Altai State University // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 277–281. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.42

Накопление антропологических материалов населения сrostкинской культуры началось с 1970-х гг., когда археологами Алтайского государственного университета стали проводиться регулярные работы на сrostкинских некрополях Лесостепного Алтая (Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 54). Полученный антропологический материал является важным источником для

реконструкции исторических процессов, этногенеза и миграции средневекового населения на Алтае. Поэтому такие материалы передавались в лаборатории и научные центры, например в кабинет антропологии Томского государственного университета. Часть находок хранилась в Лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая АГУ, организованной в 1978 г. (Кирюшин, Шамшин, Нехведавичюс, 1994, с. 100). В 1985 г. в АГУ открылся Музей археологии и этнографии Алтая, в который передавались все находки с археологических памятников, и в том числе антропологические материалы (Горбунов, 2009, с. 28).

Первые поступившие антропологические коллекции не систематизировались и не изучались. Только с 1988 г. А.Р. Ким и директор музея Г.Л. Нехведавичюс стали готовить для них отдельное помещение. Кроме этого, Аркадий Романович организовал передачу антропологических материалов в кабинет антропологии АГУ (Дедик, 2020, с. 187). В 1989 г. им была заведена инвентарная книга поступлений краниологического материала, и именно с этого года началось формирование кабинета антропологии (Дремов, Львова, 1996, с. 8).

В данной статье используется информация об антропологических коллекциях сrostкинской культуры Лесостепного Алтая, содержащаяся в инвентарной книге «Краниологические коллекции кабинета антропологии АГУ». По ее сведениям в собрание входят 74 единицы хранения. У каждой из них есть индивидуальный номер (например, С-972, где С — *calva*: лат. — череп), который отражает последовательность поступления при регистрации. Точных дат поступления каждой коллекции нет, в книге указаны даты создания записи. Поэтому далее год поступления антропологической коллекции указан на основе археологических отчетов и опубликованных материалов.

Исходя из данных инвентарной книги, представим следующую сводку имеющихся антропологических материалов. В 1987 г. переданы находки, полученные при раскопках поселения Точильное-5 (раскопки А.Б. Шамшина, 1986–1987 гг.): два мужских фрагментированных черепа (С-137, С-138) и один детский (С-139). В 1988 г. поступила коллекция с памятника Екатериновка-3 (раскопки В.С. Удодова и А.Б. Шамшина, 1988 г.): один детский (С-735) и два целых мужских черепа (С-736, С-737).

В 1990 г. кабинет антропологии АГУ пополнила коллекция из могильника Белый Камень (раскопки А.А. Тишкина, 1990 г.). В нее вошли два фрагментированных мужских черепа (С-513, С-514). В том же году поступил материал из могильника Черный Камень (раскопки А.А. Тишкина, 1990 г.): целый женский череп (С-511) и два поврежденных мужских (С-512, С-1089).

В 1991 г. собрание дополнено одним черепом (С-593) с памятника Восход-I (раскопки Ю.Ф. Кирюшина и А.Б. Шамшина, 1991 г.). Кроме этого, поступил материал из курганного могильника Щепчиха-I (раскопки А.А. Тишкина, 1991 г.): три мужских (С-621, С-622, С-623) и два женских черепа (С-624, С-625). Получена коллекция из некрополя Нижний Кучук-I (раскопки А.Б. Шамшина, 1991 г.): два женских (С-643, С-645) и один мужской череп (С-644). Один фрагментированный череп (С-1540) передан в 1992 г. Он происходит из курганного могильника Ключи-II (раскопки А.Н. Телегина, 1992 г.).

В 1996 г. была получена коллекция из могильника Солонцы-4 (раскопки М.Т. Абдулганеева, 1996 г.). В нее вошли три мужских (С-575, С-576, С-577) и один женский череп (С-578). Затем в 1997 г. поступила коллекция с памятника Яровское-III (раскопки В.В. Горбунова и А.А. Тишкина, 1997 г.): один поврежденный мужской череп (С-968).

В 2000 г. из курганного могильника Яровское-V (раскопки А.Л. Кунгурова, В.В. Горбунова и А.А. Тишкина, 2000 г.) получены четыре женских (С-969, С-970, С-971, С-976), один мужской (С-974) и три черепа с неопределенными половозрастными признаками (С-972, С-973, С-975). В том же году серия получена из могильника Филин-I (раскопки А.Л. Кунгурова и В.В. Горбунова, 2000 г.). Она состоит из трех мужских черепов с посткраниальным скелетом (С-1264, С-1361, С-1362).

В 2001 г. коллекция поступила из памятника Прудской (раскопки В.В. Горбунова и А.А. Тишкина, 2001 г.): два целых (С-1363, С-1364) и два поврежденных мужских черепа (С-1363, С-1365). Самая многочисленная коллекция получена из могильника Иня-1 (раскопки В.В. Горбунова, 1998–2000 гг.). В нее вошло десять мужских (С-1265, С-1266, С-1270, С-1271, С-1272, С-1273, С-1274, С-1276, С-1277, С-1281) и семь женских черепов (С-1267, С-1268, С-1269, С-1275, С-1278, С-1279, С-1280).

В 2004 г. был получен антропологический материал из памятников Боровиково-IV и V (раскопки В.В. Горбунова, 2004 г.): пять фрагментированных (С-1455, С-1456, С-1457, С-1458, С-1460) и один целый мужской череп (С-1459). В том же году поступил один фрагментированный череп (С-1465) из могильника Гора Тараскина-V (раскопки С.П. Грушина, 2004 г.).

В 2005 г. передана коллекция из могильника Чинета-II (раскопки П.К. Дашковского, 2005 г.): два фрагментированных (С-1450, С-1451) и один женский череп (С-1452). В 2009 г. поступил один целый мужской череп (С-1507) из могильника Красная Горка (раскопки Н.Н. Серегина, 2009 г.). В 2010 г. был получен антропологический материал из могильника Сростки-I (раскопки В.В. Горбунова, 2010 г.) в количестве трех фрагментированных черепов (С-1619, С-1620, С-1621). Половозрастные признаки их не определены. Один целый череп (С-1625) поступил в 2012 г. с памятника Мышиный Лог-I (раскопки С.П. Грушина, 2012 г.). В 2013 г. был получен один целый мужской череп (С-1654) из могильника Сростки-I (раскопки В.В. Горбунова, 2013 г.). На данный момент это последние антропологические материалы населения сросткинской культуры, которые были внесены в инвентарную книгу кабинета антропологии АГУ.

Подводя итоги, нужно отметить, что все представленные материалы являются лишь частью собрания антропологии из памятников сросткинской культуры. В ходе работ с другими материалами из кабинета антропологии нами дополнительно выявлено еще 35 единиц, которые не были внесены в инвентарную книгу: Щепчиха-I (нижняя челюсть и один фрагментированный женский череп); Иня-1 (один целый женский и два фрагментированных мужских черепа); Яровское-III (два фрагментированных черепа); Яровское-V

(два фрагментированных и один целый мужской череп); Прудской (два посткраниальных скелета, один фрагментированный детский и четыре целых мужских черепа); Сростки-I (четыре фрагментированных и два целых черепа); Успеновка-II (один фрагментированный и один целый женские черепа); Грань (один фрагментированный женский череп); Поповская Дача (четыре фрагментированных и один целый женский череп); Быково-IV (один фрагментированный череп). Таким образом, в настоящее время собрание антропологических материалов носителей сросткинской археологической культуры составляет 109 единиц. В 2004 г. Д.В. Поздняков в своей диссертационной работе представил краниологические данные по 30 черепам носителей сросткинской культуры из собрания кабинета антропологии АГУ. Им были изучены материалы из памятников Иня-1, Яровское-III, V, Грань, Прудской, Филин-I, Успеновка-II, Поповская Дача (Поздняков, 2006, с. 18, 73–85).

В настоящее время остеологический материал, относящийся к сросткинскому населению Лесостепного Алтая, составляет большой массив данных. Это дает перспективу для дальнейшего анализа материалов с использованием антропологических методов (краниометрических, одонтологических и т.д.).

Список источников

Горбунов В.В. 25 лет со времени основания музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета // Алтайский край, 2010 г.: календарь знаменательных и памятных дат. Барнаул, 2009. С. 28–30.

Дедик (Южакова) А.В. «Пока антропологи есть...»: Памяти сибирского антрополога Аркадия Романовича Кима // Теория и практика археологических исследований. 2020. Т. 29, №1. С. 176–194.

Дремов В.А., Львова Э.Л. Памяти А.Р. Кима (1946–1993) // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 7–8.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., Нехведавичюс Г.Л. Музей археологии Алтая как учебно-научное и культурно-просветительное подразделение Алтайского государственного университета // Культурное наследие Сибири. Барнаул, 1994. С. 99–114.

Поздняков Д.В. Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи средневековья (вторая половина I — первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск, 2006. 136 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул, 2011. 136 с.: ил.

Информация об авторе / Information about the Author

Валерия Евгеньевна Алексеева, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, магистрант, Научно-образовательный центр алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», лаборант-исследователь; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; alekseeva_2001_182@mail.ru

Valeria E. Alekseeva, Altai State University, Master's Student of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology; Scientific and Educational Center of Altaic Studies and Turkology "Big Altai", Laboratory Researcher; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61; alekseeva_2001_182@mail.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

КОЛЛЕКЦИЯ ПОЧТОВЫХ МАРОК В СОБРАНИИ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Светлана Викторовна Головеева

Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул, Россия

Резюме. Коллекционирование и изучение знаков почтовой оплаты — почтовых марок, маркированных конвертов, открыток, этикеток и ярлычков, а также календарных и специальных гашений называют филателией. Объектами коллекционирования филателистов являются почтовые марки. Основная цель данного исследования — выявление в составе собрания Алтайского государственного краеведческого музея знаков почтовой оплаты. Автор ставит задачи проследить основные этапы формирования коллекции почтовых марок в музее, дать общую характеристику содержательной части коллекции знаков почтовой оплаты. Автор статьи акцентирует внимание на особенностях комплектования данного вида филателии для музеев краеведческого профиля и перспективах использования знаков почтовой оплаты в выставочной деятельности музея.

Ключевые слова: Алтайский государственный краеведческий музей, филателия, коллекция, коллекционер, марка, знак почтовой оплаты, музейный предмет, собрание

Для цитирования: Головеева С.В. Коллекция почтовых марок в собрании Алтайского государственного краеведческого музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 282–288 DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.43

ASSEMBLAGE OF POSTAGE STAMPS IN THE COLLECTION OF THE ALTAI STATE MUSEUM OF LOCAL LORE

Svetlana V. Goloveeva

The Altai State Museum of Local Lore, Barnaul, Russia

Abstract. Collecting and studying signs of postal payment — postage stamps, marked envelopes, postcards, tags and labels, as well as calendars and special cancellations are called philately. The most common objects of collecting of philatelists are postage stamps. The main purpose of this research is to identify signs of postal payment in the collection of the Altai State Museum of Local Lore. The author sets the tasks to trace the main stages of the formation of the collection of postage stamps in the museum, to give a general description of the content of the collection of signs of postal payment. The author of the article focuses on the features of completing this type of philately for museums of local lore profile and the prospects of using postage stamps in the exhibition activities of the museum.

Keywords: the Altai State Museum of Local Lore, philately, assemblage, collector, postage stamp, sign of postal payment, museum item, collection

For citation: Goloveeva S.V. Assemblage of Postage Stamps in the Collection of the Altai State Museum of Local Lore // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 282–288. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.43

Первые почтовые марки появились в Великобритании в 1840 г., в России же марки были впервые изданы в декабре 1857 г. и введены в обращение

с 1858 г. (Владинец, 1988, с. 166). С функциональной точки зрения почтовые марки — это знак оплаты почтового сбора за пересылку и доставку почтовых отправлений. Однако в более широком смысле каждая марка — это еще и яркий документ эпохи, произведение искусства в миниатюре. Первоначально на марках помещали портреты царствующих особ, геральдические и цифровые композиции, но постепенно тематика рисунков стала расширяться. При создании изображений использовались оригинальные рисунки художников и гравюры скульпторов. Неудивительно, что с момента своего создания почтовые марки захватили внимание коллекционеров всего мира, став объектами усиленного собирательства филателистов.

Первые официальные общества филателистов России возникли в Москве и Санкт-Петербурге в 1883 г. Особый пик филателистической активности приходится на советское время, когда коллекционированием марок занимались и взрослые, и дети. Всероссийское общество филателистов (ВОФ), начавшее действовать с 1923 г., имело свои отделения во многих городах СССР. Тысячи школьников, учащихся техникумов и училищ занимались в клубах и кружках юношеской секции ВОФ (Владинец, 1988, с. 3). Всероссийское общество филателистов способствовало распространению информации о филателии через лекции среди населения, посредством издания филателистической литературы (каталоги марок, журналы, методические рекомендации), а также с помощью проведения филателистических выставок. Среди филателистов были люди всех профессий, многие выдающиеся представители науки и культуры. Советские почтовые марки рассматривались как средство агитации и пропаганды, способ воздействия на массы (Дунин-Борковский, 1931).

Расцвет советской филателии приходится на конец 1950-х — начало 1980-х гг., что связано с атмосферой идеологической либерализации в стране. В это время сама филателия использовалась в качестве одного из средств коммунистического воспитания молодежи. Сбор материала для коллекции, его изучение и систематизация позволяли расширить кругозор коллекционера, закрепить в памяти важные исторические события страны. Марки являлись своеобразной «визитной карточкой страны», способной привлечь внимание к ее истории и достопримечательностям (Стржижовский, Чехов, 1990). Таким образом, можно говорить о почтовых марках не только как о предметах материальной культуры, но и как о своеобразном феномене времени, части духовной культуры прошлого поколения. Анализируя наличие предметов филателии в Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что почтовые марки присутствуют в собраниях практически всех музеев России.

В Алтайском государственном краеведческом музее коллекция знаков почтовой оплаты насчитывает 4640 единиц хранения, из которых 4555 единиц — почтовые марки, а 85 единиц — марочные листы и почтовые блоки. Хронологические рамки коллекции определены крайними датами выпуска марок почтовой оплаты. Самыми ранними марками коллекции являются знаки оплаты номиналом 3 и 5 копеек почтового выпуска Российской импе-

рии 1860-х гг. (АГКМ. ОФ 15046/13, 14). Эти марки, согласно книге поступлений основного фонда, были переданы в составе комплекса материалов, найденного учениками 46 класса школы №42 г. Барнаула на чердаке старого дома по ул. Короленко в августе 1988 г. (АГКМ. КП ОФ №30. Л. 145–149). Верхняя граница определена марками выпуска, посвященного конструктору стрелкового оружия М.Т. Калашникову (1919–2013) (АГКМ. ОФ 19849/3–5). Филателистическая продукция по Калашникову была скомплектована в рамках юбилейных мероприятий, посвященных празднованию 100-летия со дня его рождения. Стоит отметить, что границы коллекции в будущем могут корректироваться в зависимости от новых поступлений знаков почтовой оплаты.

Первые почтовые марки поступали в собрание Алтайского государственного краеведческого музея в составе мемориальных комплексов. В соответствии с учетной документацией первая марка принята на хранение в фонды музея в 1966 г. от ученого-садовода, селекционера Алтая М.А. Лисавенко (АГКМ. КП ОФ №11. Л. 149–150). Эта марка посвящена XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза, участником которого был Михаил Афанасьевич (АГКМ. ОФ 12424/11). В 1971 г. от аппаратчицы цеха прядения шелка Барнаульского комбината химволокна В.И. Ильчук в собрание музея поступили марочные листы, посвященные XXIV съезду КПСС, а в 1981 г. предметы филателии, связанные с XXVI съездом КПСС, передала слесарь-сборщик Барнаульского радиозавода В.И. Ермолова (АГКМ. ОФ 12962/14, 17; АГКМ. ОФ 14190/11, 12, 13). Сувенирный набор марок, выпущенный к XXVII съезду КПСС, был подарен музею в 1988 г. Алтайским краевым комитетом Коммунистической партии Советского Союза (АГКМ. ОФ 15017/7).

Необходимость целенаправленного комплектования музеем знаков почтовой оплаты обозначилась к концу 1980-х гг. на фоне возросшей популярности филателии в стране. Филателистические коллекции формировались по двум основным направлениям систематизации: хронологическому и тематическому. Коллекционирование по хронологическому принципу — наиболее трудоемкий и сложный процесс. Зачастую собиратели марок ограничивались определенными сюжетами и темами в зависимости от своих личных предпочтений.

В 1989 г. Алтайский краеведческий музей приобрел у профессора Л.В. Малиновского коллекцию почтовых марок СССР, сформированную в соответствии с хронологическим принципом (АГКМ. КП ОФ №31. Л. 55). Лев Викторович Малиновский — доктор исторических наук, член-корреспондент Академии естественных наук РФ и Общественной академии наук российских немцев (Степанова, 2015, с. 19). Его имя широко известно в научных кругах России и за рубежом, однако мало кто знает о нем как о коллекционере.

Хронологические рамки филателистической коллекции Л.В. Малиновского охватывают период с 1921 по 1974 г. Коллекция состоит из стандартных выпусков советских марок РСФСР, марок с надпечатками, почтовых знаков авиапочты, тематических и юбилейных выпусков марок СССР, марочных листов и блоков (АГКМ. ОФ 15111/1–4200). Марки систематизированы в альбомах по годам полными комплектами основных выпусков. Репрезентатив-

ность выпусков, уровень систематизации и оформления коллекции говорит о том, что Л.В. Малиновский был достаточно увлеченным филателистом, подходящим к коллекционированию с полной серьезностью.

Коллекция марок Л.В. Малиновского насчитывает 4200 единиц, что на данный момент составляет около 90,5% от общего количества знаков почтовой оплаты в фонде музея. Таким образом, можно говорить о том, что собрание отдельного коллекционера легло в основу филателистической коллекции музея, заложив ее основной характер. На страницах альбомов нашли отражение самые важные события и направления развития нашей страны: Великая Октябрьская социалистическая революция, Лениниана, образование СССР, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., сельское хозяйство, промышленность и транспортное машиностроение, спорт, культура и отдых, наука, космос, флора и фауна, народы.

Тематический принцип коллекционирования являлся наиболее распространенным направлением систематизации филателистического материала. Центральное филателистическое агентство «Союзпечать» Министерства связи СССР в 1960–1980 гг. выпускало специальные альбомы для тематических коллекций почтовых марок в художественных обложках, поощряя тем самым развитие филателии. В фондах Алтайского государственного краеведческого музея сохранились экземпляры таких альбомов с подборками марок по темам «Спорт и туризм», «Счастливое детство», «Флора и фауна» (АГКМ. ОФ 19733/1–94, АГКМ. ОФ 19733/1–62). Эти тематические подборки не имеют владельческой привязанности, однако являются яркой характеристикой советского времени.

Для музеев краеведческого профиля информативность о прежних владельцах коллекций имеет особое значение. Так, в фондах музея есть небольшая подборка марок, посвященных птицам, заведующего отделом природы Алтайского краевого краеведческого музея Н.А. Камбалова (АГКМ. ОФ 16398/14–34). Долгие годы Николай Александрович был председателем клуба любителей птиц и занимался изучением новых и редких птиц, обитающих в окрестностях Барнаула (Букина, 2012, с. 40).

В неразрывной связи с мемориальными комплексами следует рассматривать коллекции марок сержантов внутренних войск МВД командира взвода Ю.И. Мороза и командира отделения Р.Н. Попова — участников военного конфликта в Чеченской республике, награжденных орденом Мужества (посмертно) (Книга памяти, 2006, с. 136–137, 158–159). В материалах Юрия Мороза около 20 марок на разные темы: Союзные Республики, космос, деятели науки и культуры, Международный год ребенка, Лениниана, Великая Отечественная война (АГКМ. ОФ 18158/7–34). В составе коллекции Руслана Попова хранится альбом с марками, посвященными воздушному, наземному, водному транспорту и флоре. Среди марок не только советские, но и латиноамериканские, польские, чехословацкие и кубинские знаки почтовой оплаты (АГКМ. ОФ 18158/18–129).

Следует отметить, что в составе общей филателистической коллекции музея сравнительно небольшое количество знаков почтовой оплаты других государств. Единственный в коллекции самостоятельный комплекс состоит из 80 марок Монгольской Народной Республики (АГКМ. ОФ 19853/1–80).

Распад Союза Советских Социалистических Республик и запрет Коммунистической партии в 1991 г. повлек за собой прекращение деятельности Всесоюзной пионерской организации имени Ленина и Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи¹. Материалы музеев этих общественных организаций г. Барнаула, в том числе предметы филателии, начиная с 1992 г. были включены в собрание Алтайского государственного краеведческого музея. Почтовые марки Музея истории пионерии и Музея истории комсомола на Алтае отражают такие события, как 50-летие Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина (1968), XIX съезд ВЛКСМ (1982), XXVII съезд КПСС (1986), XX съезд ВЛКСМ (1987), XIX Всесоюзная конференция КПСС (1988) (АГКМ. ОФ 15972/4–8; АГКМ. ОФ 16267/33–36; АГКМ. ОФ 15017/7; АГКМ. ОФ 16303/10; АГКМ. ОФ 15495).

С 1992 г. начинается новый этап истории российской филателии. Издательско-торговым центром «Марка» Министерства связи были выпущены почтовые марки уже Российской Федерации. Первый выпуск стандартных почтовых марок 1992 г. представлен в коллекции музея номиналами в 50 и 80 копеек с соответствующими изображениями Георгия Победоносца — святого великомученика, считающегося небесным покровителем российской столицы, и памятника «Тысячелетие России», установленного в 1862 г. в Великом Новгороде (АГКМ. ОФ 16761/2, 3).

Одним из важных направлений деятельности АО «Марка» в настоящее время является развитие филателии в России, которое в XXI в. пошло на спад в связи с распространением электронных видов связи. На протяжении многих лет общество «Марка» осуществляет издание и распространение знаков почтовой оплаты, а также различных видов филателистической продукции — наборов марок в художественных обложках, буклетах, кляссерах. Особое значение уделяется не только содержанию и дизайну, но и внедрению новейших технологий в области полиграфии².

История края синхронизирована с историей страны, и эта взаимосвязь устанавливается через события, имеющие общегосударственное значение. Особенностью комплектования музеев краеведческого профиля является создание такого комплекса материалов, который показывал бы историческую и культурную связь периферии с центром. Именно поэтому начиная с 2000-х гг. коммеморативные почтовые марки (выпущенные в ознаменование важных событий внутренней и международной жизни Российской Федерации, знаменательных дат и юбилеев выдающихся личностей) становятся объектами целенаправленного коллекционирования Алтайского государственного краеведческого музея.

В разные юбилейные годы музеем собран материал, освещающий наиболее яркие события страны. В 2002 г. краевым комитетом Всероссийской переписи населения на безвозмездной основе в фонды музея были переданы материалы первой

¹ В честь 100-летия Пионерии для учащихся провели экскурсию в Музее истории развития образования Барнаула // Комитет по образованию города Барнаула. URL: https://barnaul-obr.ru/novosti/info/?ELEMENT_ID=3656&spphrase_id=9498

² Акционерное общество «Марка». URL: <https://rusmarka.ru>

в истории современной России переписи населения (АГКМ. ОФ 17784/3, 4). В год празднования 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 г. в рамках юбилейных мероприятий секретариатом Губернатора Алтайского края музею были переданы марки серии «Оружие Победы» (АГКМ. ОФ 19521/1–4). Управлением Алтайского края по культуре и архивному делу в фонды музея был передан сувенирный набор с почтовым блоком специального выпуска, посвященного вступлению в должность Президента Российской Федерации В.В. Путина 7 мая 2018 г. (АГКМ. ОФ 19714/1). Комплекс филателистических материалов по спортивной тематике — зимним Олимпийским играм в Сочи 2014 г. и Чемпионату мира по футболу FIFA 2018, проходивших на территории России, также скомплектован музеем (АГКМ. ОФ 19773/14; АГКМ. ОФ 19715/1, 6, 11).

Другой особенностью комплектования музеев краеведческого направления является сбор материалов, посвященных землякам, получившим общемировую известность. Особое место в собрании Алтайского государственного краеведческого музея занимает фонд оружейного конструктора М.Т. Калашникова. Основной комплекс материалов, связанных с жизнью великого конструктора, хранится в филиале «Мемориальный музей Калашникова М.Т.» в с. Курья. Дублетные экземпляры марок, не вошедшие в собрание музея с. Курья, включены в фонд головного музея: марка серии «Кавалеры ордена Святого апостола Андрея Первозванного» 2014 г., посвященная М.Т. Калашникову (1919–2013), а также марки, посвященные 100-летию со дня рождения конструктора (АГКМ. ОФ 19773/14, АГКМ. ОФ 19849/3–5).

В мае 2002 г. Тамара Васильевна Титова передала в Алтайский государственный краеведческий музей личные вещи своего мужа — уроженца Алтайского края космонавта Германа Степановича Титова (1935–2000). В том числе набор марок «Г.С. Титов, второй космонавт планеты», посвященных 40-летию первого продолжительного полета человека в космос 6–7 августа 1961 г. (АГКМ. ОФ 17679/11).

Почтовые марки являются интересным предметом экспонирования, однако в связи с тем, что марочную графику нельзя подолгу подвергать прямому воздействию света, знаки почтовой оплаты демонстрируются лишь на временных тематических выставках музея. За последние 5 лет почтовые марки были востребованы в следующих выставках: «В труде и в бою» (2017), «Художник. Время. Образ», к 100-летию Российской революции (2017), «Заповедные места Алтая» (2017), «Комсомольцы — беспокойные сердца» (2018), «Армия. 100 лет истории. 1918–2018» (2018), «Служу России! Служу Закону!» к 300-летию полиции России (2018), «Моя страсть — футбол, моя гордость — Россия» (2018), «Лето — это маленькая жизнь» (2019), «Мы здоровью скажем — да!» (2019), «Гнезда, яйца и птенцы» (2019), «Солнце русской поэзии», посвященной 220-летию со дня рождения А.С. Пушкина (2019), «Золотых медалей звон», к XXIX Зимней универсиаде в Красноярске (2019), «На пути к звездам» (2020), «Привет из СССР», к 100-летию образования СССР (2022).

Коллекция знаков почтовой оплаты Алтайского государственного краеведческого музея включает отдельные почтовые марки, наборы и альбомы с мар-

ками, структурированными как по хронологическому, так и по тематическому принципу. Базовое ядро собрания составляют почтовые марки советского периода, именно в это время в стране наблюдается особый интерес к филателии в целом. Почтовые марки дореволюционного периода представлены в единичных экземплярах. С учетом профиля музея ценность марок коллекции определяется не только их денежной, исторической, культурной, художественной и пропагандистской функциями, но и их мемориальной краеведческой составляющей.

Коллекционирование знаков почтовой оплаты в качестве музейных предметов позволяет не только сохранить филателистическое наследие для будущих поколений, но и популяризировать данный вид культурно-исторического наследия. Для музеев краеведческого направления наибольший интерес представляют коммеморативные почтовые (тематические) выпуски марок. Филателия с ее многообразием сюжетов используется в пространстве музея в качестве дополнительного иллюстративного материала разделов выставок. Однако интересной и самодостаточной является и сама история развития филателии, почты и почтовых видов связи. Пополнение коллекции знаков почтовой оплаты по-прежнему остается актуальным направлением комплектования Алтайского государственного краеведческого музея.

Список источников

- АГКМ. Книга поступлений основного фонда №11. 260 л.
АГКМ. Книга поступлений основного фонда №30. 250 л.
АГКМ. Книга поступлений основного фонда №31. 258 л.
Букина Т.Н. 100 лет со дня рождения краеведа, исследователя Алтая, музейного работника Н.А. Камбалова (1913–2001) // Алтайский край, 2013 г.: календарь знаменат. и памят. дат. Барнаул, 2012. С. 39–41.
Владинец Н.И. Большой филателистический словарь / Н.И. Владинец, Л.И. Ильичёв, И.Я. Левитас и др.; под общ. ред. Н.И. Влади́нца и В.А. Якобса. М., 1988. 319 с.: ил.
Дунин-Борковский К.И. Какой должна быть советская почтовая марка // Советский коллекционер. 1931. №5. С. 117–119.
Книга Памяти. В 2 т. Т. II. Барнаул, 2006. 496 с.: ил.
Комитет по образованию города Барнаула (сайт). URL: https://barnaul-obr.ru/novosti/info/?ELEMENT_ID=3656&sphrase_id=9498 (Дата обращения 06.03.2023).
О компании // Акционерное общество «Марка» (сайт). URL: <https://rusmarka.ru/about.aspx> (Дата обращения 03.03.2023).
Степанова Н.Н. 90 лет со дня рождения доктора исторических наук, германиста, педагога, журналиста Л.В. Малиновского // Календарь знаменательных и памятных дат. Алтайский край 2015. Барнаул, 2015. С. 18–20.
Стржижовский Л.Ф., Чехов И.В. Визитная карточка страны. М., 1990. 288 с.: ил.

Информация об авторе / Information about the Author

Светлана Викторовна Головеева, Алтайский государственный краеведческий музей, отдел фондов, старший научный сотрудник; 656043, Россия, Барнаул, ул. Ползунова, 46; svetlana.goloveeva@gmail.com

Svetlana V. Goloveeva, Altai State Museum of Local Lore, Funds Department, Senior Researcher; 656043, Russia, Barnaul, Polzunov str. 46; svetlana.goloveeva@gmail.com

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

**ЭЛЕМЕНТЫ ИНТЕРАКТИВНОСТИ
В КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ШУШЕНСКОЕ»**

Наталья Витальевна Калинина

*Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское»,
Шушенское, Красноярский край, Россия*

Резюме. Статья посвящена обзору практических программных разработок Музея-заповедника «Шушенское», включающих эффективные приемы педагогического взаимодействия с посетителями. Музей, с идеологическим направлением в работе в прошлом, сегодня представляет новую модель, доказывая тем самым необходимость смены парадигм в своей деятельности, переходя от «культуры потребления» к «культуре участия». Сотрудники, с учетом активной позиции нового посетителя, предлагают диалоговую форму взаимодействия. В связи с этим в культурно-образовательной деятельности музея активно применяются элементы интерактивности, в особенности с детской аудиторией. Разрабатываемые тематические методики и приемы помогают успешно стимулировать интерес посетителей к музею и обеспечивают расширение музейной аудитории.

Ключевые слова: музей, этнопедагогика, культура участия, интерактивность
Для цитирования: Калинина Н.В. Элементы интерактивности в культурно-образовательной деятельности Историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское» // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 289–295. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.44

**ELEMENTS OF INTERACTIVITY IN THE CULTURAL
AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE HISTORICAL
AND ETHNOGRAPHIC MUSEUM-RESERVE “SHUSHENSKOYE”**

Natalia V. Kalinina

*Historical and Ethnographic Museum-Reserve “Shushenskoye”,
Shushenskoye, Krasnoyarsk Territory, Russia*

Abstract. The article is devoted to the review of practical software developments of the Shushenskoye Museum-Reserve, including effective methods of pedagogical interaction with visitors. The museum, with an ideological direction in its work in the past, today presents a new model, proving the need for a paradigm shift in its activities, moving from a “culture of consumption” to a “culture of participation”. Employees, taking into account the active position of the new visitor, offer a dialog form of interaction with visitors. In this regard, elements of interactivity are actively used in the cultural and educational activities of the museum, especially with a children’s audience. The developed thematic methods and techniques help to successfully stimulate the interest of visitors to the museum and ensure the expansion of the museum audience.

Keywords: museum; ethnopedagogy; culture of participation; interactivity

For citation: Kalinina N.V. Elements of Interactivity in Cultural and Educational Activities of the Historical and Ethnographic Museum-Reserve “Shushenskoye” // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 289–295. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.44

Одной из проблем современных отечественных музеев является снижение интереса посетителей. Ключевым основанием для отказа от посещения музея становится, как правило, неудовлетворенность посетителя качеством музейных образовательных и развлекательных программ (Маркова, Балаева, Тимофеева, 2019, с. 45). Посетители XXI в. предъявляют к современному музею высокие требования. Они приходят в музей уже подготовленными, в ожидании новых впечатлений и интерактивности. Однако для большинства людей музей продолжает ассоциироваться либо с участием в организованной экскурсии, либо с индивидуальным осмотром экспозиции. Но уже сегодня становится очевидным, что экскурсия не единственная форма культурно-образовательной работы музея. К сложившимся традиционным формам музейной работы добавляются новые, исходящие от запросов посетителей разных возрастов (Чаплыгина, 2020).

Вопросы музейно-педагогического характера обсуждались сотрудниками Музея-заповедника «Шушенское» с конца 80-х — начала 90-х гг. XX в. Тогда начинался процесс постепенного отхода от информативной модели музея к модели, которую можно было определить как коммуникационную (Самсон, 1968, с. 33–44), достаточно быстро завоевавшую популярность. Сегодня сложно назвать область гуманитарного знания, не обратившуюся к вопросам коммуникации. Поэтому вполне закономерен интерес к коммуникационным процессам, общим для сферы культуры, но имеющим свое специфическое преломление в музейной среде. Коммуникационный подход изменил сущность музейно-образовательного процесса и взаимоотношения музея с его аудиторией. Музей стал обеспечивать «...опыт личного соприкосновения с реальностью истории и культуры, опыт переживания времени через пространство, содержащее зримые <...> ценности» (Гнедовский, 1987; 1989; 1994).

Осознанное погружение во «время, пространство и действие» обозначено в концепции Музея-заповедника «Шушенское» на 1993–2000 гг. (Концепция развития..., 1993, с. 52), после того как музей превратился из идеологического учреждения в учреждение культуры с разнообразными формами работы. Переход от концепции мемориального музея к концепции историко-этнографического музея-заповедника позволил открыть большие возможности для практически любой категории посетителей (Селиваненко, 2015, с. 58–64).

Более половины посетителей Музея-заповедника «Шушенское» составляют дети, поэтому значительное место в деятельности музея занимают детские программы. Комплексная музейно-образовательная программа для детей дошкольного возраста «Живая старина» (Живая старина, 2020, с. 2) разработана с целью знакомства детей с миром музея. Через музейное пространство дети узнают о жизни, быте и традиционной культуре сибирских крестьян в конце XIX — начале XX в. Программа способствует формированию уважительного, бережного отношения к духовной и материальной культуре малой родины, нравственно-патриотическому воспитанию детей. В ходе ее освоения дошкольники узнают о музейных профессиях, культурных традициях родного края, знакомятся с русской избой, домашней утварью, одеждой, народными праздниками, устным народным творчеством,

играми крестьянских детей Сибири конца XIX — начала XX в. Все тематические уроки комплексной программы, разработанные с учетом возрастных особенностей дошкольников, разбиты на шесть разделов.

1. Знакомство с музеем

Тематические экскурсии направлены на формирование у дошкольников представления о музее как хранилище народной памяти через раскрытие профильной специфики и содержания деятельности Музея-заповедника «Шушенское». На занятиях дети знакомятся с музейными предметами и музейными профессиями, с правилами поведения в музее, получают навыки культурного общения («Что такое музей», «Где и как хранятся музейные предметы», «Музейная профессия реставратор»).

2. Особенности крестьянского дома

На тематических экскурсиях дошкольники получают представление об особенностях жилых построек и интерьера крестьянской избы, знакомятся с секретами строительства дома в сибирском селе конца XIX — начала XX в. («Убранство крестьянского дома», «Как в старину строили дом»).

3. Традиции, обычаи, быт сибирских крестьян

Этот раздел знакомит дошкольников с традициями, обычаями, праздниками крестьян-сибиряков. На экскурсиях они узнают об особенностях воспитания детей в крестьянских семьях, разучивают пословицы о доме, семье, воспитании, труде. Получают представление о некоторых обрядах и поверьях наших предков, распространенных в Сибири в конце XIX — начале XX в. («Кто живет в нашем доме», «Как одевались в старину», «Что ели и пили крестьяне в старину», «Рождество Христово», «Пришла коляда», «История новогодней игрушки»).

4. Основные занятия крестьян

Дошкольники знакомятся с основными занятиями сибирских крестьян на рубеже XIX–XX вв. Они узнают о том, как крестьяне обрабатывали землю, выращивали злаковые, прядильные и огородные культуры, разводили скот. Знакомятся с орудиями сельскохозяйственного труда, бытовавшими в Сибири в это время, с этапами подготовки сырья и производства ткани для изготовления крестьянской одежды («Как хлеб на стол пришел?», «Посадил дед репку...», «Уж как я ль мою коровушку люблю...», «Конь в хозяйстве — что печь в доме», «Как рубашка в поле выросла?», «О чем расскажет старая прялка?», «Как рукодельница семью одевала?», «Полотняное чудо»).

5. Ремесла и промыслы сибирских крестьян

На тематических экскурсиях дошкольники получают представление о деревообрабатывающих ремеслах, производстве изделий из глины, сапожном ремесле и о промыслах, распространенных в Сибири в конце XIX — начале XX в. Дети узнают о том, какие материалы использовали крестьяне в производстве посуды, обуви и других предметов быта, знакомятся со спецификой изготовле-

ния бондарной и глиняной посуды, с охотничьим снаряжением, рыболовными снастями, устройством ульев («Деревянная и берестяная посуда», «Как ведра из леса в амбар попали?», «Как ручка сшила, так ножка сносила», «Сказка про охотника», «В доме рыбака», «К пчелкам в гости», «Что за чудо эта глина!»).

б. Игры и забавы крестьянских детей

Тематические экскурсии данного раздела знакомят детей со старинными играми и забавами («Потягушеньки-порастушеньки», «Старинные детские игрушки», «Старинные народные игры и забавы»).

Наиболее востребованными являются:

«Как в старину строили дом?»

Дети узнают, как в старину строили дома, какой материал использовали. Отгадывают загадки, собирают макет крестьянского дома (рис. 1).

«Что за чудо эта глина!»

Маленькие посетители гончарной мастерской музея узнают о свойствах глины, о том, как ее добывали и использовали. Под руководством мастера распишут терракотовое изделие по заготовленным образцам, используя свои собственные задумки, оставив на память в качестве сувенира (рис. 2).

Одной из форм просветительной работы с детьми являются культурно-досуговые программы: «В гости к Деду Морозу», «Здравствуй, Масленица!», «Ай да Иван Купала!», «Старинные игры и потехи», «Мы за чаем не скучаем», «Как на наши именины».

Экскурсоводы музея в занимательной и доступной форме рассказывают младшим школьникам, как жили наши предки. Подлинные дома сибирских крестьян, их интерьеры со старинными экспонатами помогают детям во время экскурсий увидеть и глубже понять культуру русского быта, познакомиться с предметами обихода, секретами сибирских ремесел и промыслов.

Для учащихся средних и старших классов представлена программа «История и культура края», в которой также используются элементы интерактивности. Экскурсии по теме «Календарные праздники и обряды» знакомят учащихся с традиционными праздниками и обрядами сибиряков, которые проходят в форме ярких театрализованных представлений и мастер-классов, участниками становятся сами дети. Во время проведения экскурсии «Испокон века книга растит человека» дети узнают, в каких произведениях литературы показаны исторические события, быт и природа родного края, какие явления, факты, события отражены в поверьях, пословицах, загадках. Учащиеся знакомятся с коллекцией старинных книг музея-заповедника, пробуют разгадать старые письма и писать гусиным пером.

Программа «Нескучный музей: о музее, музейных коллекциях и экспонатах» доказывает, что посещение музея не может быть скучным, ведь это не только способ получить новые знания, но и возможность прикоснуться к истории, погрузиться в атмосферу позапрошлого и прошлого веков. Программа включает такие темы, как «Шахматы — гимнастика ума», «Как уютно менял свой облик», предполагающие участие школьников.

Рис. 1. Тематическая экскурсия «Как в старину строили дом?»
Fig. 1. Thematic tour "How Was a House Built in the Old Days?"

Рис. 2. Тематическая «Что за чудо это глина!»
Fig. 2. Thematic "What a Miracle is Clay!"

Программа «Здравствуй, глубинка!» рассчитана на сельские школы, состоит из тематических экскурсий, лекций, музейно-образовательных программ, передвижных выставок, представлений этнографического театра музея. Выездные мероприятия позволяют детям прикоснуться к культурному наследию России, узнать о национальных традициях.

Образовательная среда музея, как часть социокультурного пространства, объединяя элементы образовательных систем, образовательный материал и субъектов образовательного процесса, несомненно, является средством формирования культурного опыта личности.

В значительной степени этому способствовало обращение к принципам музейной педагогики, ее высоким гуманистическим целям. Среди них — воспитание исторического сознания и музейной культуры. По определению Е.Г. Вансловой, историческое сознание — это: «...способность ощутить себя в потоке времени, окунуться в этот поток исторических героев, это осознание изменчивости человеческих представлений, понимание особенностей быта и менталитета разных народов и сословий в разные времена с позиции как настоящего, так и прошлого. А музейная культура — это умение понимать историко-культурный контекст предметов и документов прошлого и бережное отношение к документальным свидетельствам истории и культуры прошлого, их охрана» (Ванслова, 2000, с. 27–42).

Комплексная программа «Погружение в жизнь и быт сибирских крестьян конца XIX — начала XX в.» (далее — Программа), созданная на базе комплекса «Новая деревня», дает возможность посетителям музея глубоко окунуться в архитектурно-пространственную среду и атмосферу крестьянского быта, почувствовать себя в роли хозяев крестьянских усадеб, увидеть изнутри жизнь крестьянской семьи. Программа предусматривает участие посетителей и туристов в традиционных крестьянских ремеслах и промыслах конца XIX в., фольклорно-развлекательных мероприятиях, мастер-классах, что помогает почувствовать атмосферу того времени. Программа реализуется круглогодично, разрабатывается для каждой группы участников с учетом их пожеланий, интересов и возможностей.

На выбор предлагаются услуги:

- размещение в крестьянском доме;
- экскурсии по музейному комплексу;
- тематические экскурсии;
- мастер-класс по освоению ремесел (гончарное, ткачество, изготовление традиционной куклы);
- фотографирование в народных костюмах в этнографическом пространстве;
- сибирская кухня;
- сибирская баня;
- выступление фольклорного ансамбля «Плетень»;
- спектакль этнографического театра и другое.

Таким образом, в соответствии с изменениями требований со стороны посетителей Музей-заповедник «Шушенское» находится в постоянном поиске,

внедряя инновационные технологии. При этом акцент в этом поиске делается на использование базовых функций музея: экспозиционно-выставочную, просветительскую и коммуникативную. Музеем накоплен значительный опыт как в выставочной деятельности с элементами интерактивности, так и в проектировании и реализации интерактивных программ. Сегодня Музей-заповедник предлагает более 100 тематических уроков-экскурсий. Учителя, методисты и педагоги дошкольных и школьных учреждений могут приобрести развернутую аннотированную тематику музейных занятий, методические разработки отдельных уроков и игровых программ, получить консультацию научного сотрудника и составить свой цикл уроков в музее.

Перспективы дальнейшего развития интерактивных форм в работе с музейными посетителями заключаются в более активном использовании цифровых технологий (виртуальной и дополненной реальностей), а также в обеспечении дополнительной наглядностью, с использованием действующих макетов существующих образовательных программ.

Список источников

- Ванлова Е.Г. Музейная педагогика // Воспитание школьников. 2000. №5. С. 27–42.
- Гнедовский М.Б. Музейная коммуникация и ритуал // Некоторые проблемы исследования современной культуры. М., 1987. С. 39–43.
- Гнедовский М.Б. Современные тенденции развития музейной коммуникации в музейной деятельности // Музееведение. На пути к музею XXI века. М., 1989. С. 35–49.
- Гнедовский М.Б. Коммуникационный подход в музееведении: теоретические и прикладные аспекты: дис. в виде научного доклада ... канд. ист. наук. М., 1994. 18 с.
- Живая старина: методические материалы // КГБУК «Историко-этнографический музей-заповедник „Шушенское“». 2020. URL: <http://www.shush.ru/content/pdf/Живая%20старина.pdf> (дата обращения 15.02.2023).
- Концепция развития государственного историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское». Шушенское, 1993. 125 с.
- Маркова А.С., Балаева Д.П., Тимофеева Л.С. Проблема привлечения посетителя в музей // Казанский вестник молодых ученых. 2019. Т. 3, №2. С. 43–47.
- Селиваненко А.М. Музей-заповедник «Шушенское» как центр развития рекреации и туризма в Красноярском крае // Экономика и управление в XXI веке: тенденция развития. 2015. №15. С. 58–64.
- Чаплыгина Е.С. Интерактивные формы работы с посетителями современных музеев // Молодой ученый. 2020. №15 (305). С. 397–401.
- Cameron D. A viewpoint: the Museum as a Communication System and Implication for Museum Education // Curator. 1968. №1. Pp. 33–40.

Информация об авторе / Information about the Author

Наталья Витальевна Калинина, Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское», научно-экспозиционный отдел, старший научный сотрудник; 662713, пгт. Шушенское, ул. Новая, 1; www.shush.ru, n.kalinina.76@mail.ru

Natalia V. Kalinina, Regional State Financed Organization of Culture Historical and Ethnographic Museum-Reserve “Shushenskoye”, Scientific and Exposition Department, Senior Researcher; 662713, village Shushenskoye, Novaya str., 1; www.shush.ru, n.kalinina.76@mail.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

ЛИЧНЫЕ АРХИВНЫЕ ФОНДЫ СОТРУДНИКОВ АГКМ

Екатерина Владимировна Кучина

Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул, Россия

Резюме. Статья освещает вопросы образования и хранения архивных фондов в краеведческом музее. Дана краткая характеристика личных архивных фондов сотрудников Алтайского государственного краеведческого музея — Константина Павловича Перетолчина, Порфирия Алексеевича Казанского, Татьяны Ивановны Анисимовой, Николая Яковлевича Савельева, Тимофея Афанасьевича Полухина, Николая Георгиевича Ерошкевича. В выводах отмечено, что документы, вошедшие в личные архивные фонды сотрудников музея, — это неполный список музейных предметов, раскрывающих их как личность и музейного работника. В фондах музея хранятся отдельные документы и фотографии, связанные с деятельностью сотрудников краеведческого музея.

Ключевые слова: архивный фонд, музей, сотрудники музея, документы, фотография

Для цитирования: Кучина Е.В. Личные архивные фонды сотрудников АГКМ // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 296–305. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.45

PERSONAL ARCHIVAL FUNDS OF THE EMPLOYEES OF ALTAI STATE MUSEUM OF LOCAL LORE

Ekaterina V. Kuchina

Altai State Museum of Local Lore, Barnaul, Russia

Abstract. The article highlights the issues of formation and storage of archival funds in the museum of local lore. The article gives a brief description of the personal archive funds of the employees of Altai State Museum of Local Lore — Konstantin Pavlovich Peretolchin, Porfiry Alekseevich Kazansky, Tatyana Ivanovna Anisimova, Nikolai Yakovlevich Savelyev, Timofey Afanasyevich Polukhin, Nikolai Georgievich Eroshkevich. The conclusions noted that the documents included in the personal archival funds of the museum staff are an incomplete list of museum items that reveal them as a person and a museum worker. The museum funds contain individual documents and photographs related to the activities of the employees of the local history museum.

Keywords: archival fund, museum, museum staff, documents, photography

For citation: Kuchina E.V. Personal Archival Funds of the Employees of the Altai State Museum of Local Lore // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 296–305. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.45

Архивный фонд Российской Федерации — это исторически сложившаяся и постоянно пополняющаяся совокупность архивных документов, отражающих материальную и духовную жизнь общества, имеющих историческое, научное, социальное, экономическое, политическое, культурное значение,

являющихся неотъемлемой частью историко-культурного наследия народов РФ, относящихся к информационным ресурсам, подлежащим постоянному хранению в государственных и муниципальных архивах, библиотеках и музеях в соответствии с российским законодательством. Документы включаются в состав Архивного фонда РФ в соответствии с Правилами организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях¹.

В Алтайском государственном краеведческом музее система архивных фондов начала формироваться в 1990-х гг., в их основу были положены Правила работы музеев по учету и организации хранения письменных документов Государственного архивного фонда СССР². С 17 августа 1990 г. по 24 марта 1997 г. фондированием музейных предметов занимались старшие научные сотрудники музея А.А. Колесников и Ю.А. Абрамова. В ходе обработки и систематизации музейных предметов и коллекций было образовано 15 архивных фондов. Первоначально архивные фонды создавались из уже имевшихся в музейном собрании материалов. К сожалению, архивная система учета 1990-х гг. не учитывала требования музейного учета. В период с 1997 г. по 2013 г. система архивных фондов учета и хранения музейных предметов в АГКМ не применялась.

В 2013 г. эта работа в музее возобновилась в соответствии с новой разработанной сотрудниками АГКМ методикой, что было отражено в локальном нормативном акте — Внутримузеевой инструкции. Сегодня система организации архивных фондов закреплена во Внутримузеевых правилах³. Согласно пункту 13 Внутримузеевых правил прием документов в архивный фонд музея осуществляется на основании решения экспертной фондово-закупочной комиссии музея. На ней определяется необходимость формирования, название и схема систематизации архивного фонда. В архивный фонд могут входить следующие материалы: биографические документы (паспорт, свидетельство о рождении, трудовая книжка, удостоверения к медалям и значкам и др.); документы о трудовой, научной, преподавательской и общественной деятельности (протоколы, приказы, рапорты, мандаты и т.п.); творческие материалы или материалы о научной деятельности (списки научных работ, рукописи в разных

¹ Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях (утв. приказом Росархива от 02.03.2020 №24). URL: <https://docs.cntd.ru/document/564515322>

² Правила работы музеев по учету и организации хранения письменных документов Государственного архивного фонда СССР // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_16273.htm

³ Внутримузеевые правила комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов КГБУ «Алтайский государственный краеведческий музей», утвержденные приказом директора музея от 11.01.2021 №03/03–07/6.

вариантах и редакциях, книги, брошюры и т.д.); переписка фондообразователя и членов его семьи (письма); записные книжки, дневники и воспоминания; бытовые и имущественные материалы (акты купли-продажи, дарения и завещания имущества, продовольственные карточки, финансовые документы, описи имущества); изобразительные материалы (фотографии). В составе личного архивного фонда могут быть представлены также коллекции документов, собранные владельцем. Современная архивная система учета совместила в себе требования музейного и архивного учета. Она распространяется на все новые поступления фотодокументальных материалов.

На 1 января 2023 г. в Алтайском государственном краеведческом музее создано 75 архивных фондов.

1. Архивные фонды личного происхождения (персональные, семейные и родовые). Например архивный фонд Николая Степановича Гуляева (1851–1918); Василия Константиновича Штильке (1850–1908); Валентины Михайловны Борисовой-Хроменко (1919–2008); Михаила Тимофеевича Калашникова (1919–2013); Михаила Сергеевича Евдокимова (1957–2005) и др.

2. Архивные фонды общественных, иных негосударственных организаций. К таким организациям относится Общество любителей исследования Алтая (1891–1902).

3. Архивный фонд музея (документы текущего (ведомственного) и научного архивов музея, отражающие их историю и деятельность). Архивный фонд Р-7 начал формироваться в 1992 г. под названием «Из истории Алтайского краевого краеведческого музея». В опись №1 дел постоянного хранения вошли следующие материалы за 1864–1990 гг.: протоколы заседаний Совета, производственных совещаний музея, заседаний разных коллегиальных органов по вопросам музейной работы, готовые планы и отчеты о работе музея, проектные задания, техническая документация, сметы по реконструкции и расширению музея, старые учетно-справочные книги, документы по личному составу, обзорные документы по истории музея и фотографии. В 1993 г. Алтайский краевой краеведческий музей был переименован в Алтайский государственный краеведческий музей. В связи с этим в названии архивного фонда также прошла корректировка. Поэтому документы, поступающие в архивный фонд «Из истории Алтайского государственного краеведческого музея» с 2014 г., входят в архивную опись №2. Согласно учетной документации на 2023 г. в опись №2 включено 39 дел, содержащих поздравительные адреса, благодарственные письма, фотографии, дипломы, почетные грамоты, сертификат и свидетельство, полученные Алтайским государственным краеведческим музеем (АГКМ. Ф. Р-7. Оп. 1–2).

4. Архивная коллекция, объединенная по одному или нескольким признакам (тематическому, хронологическому, авторскому и т.п.), независимо от того, является она результатом деятельности коллекционера до поступления на постоянное хранение в музей либо была сформирована в музее. Например, фонд «Лесное хозяйство Алтайского края», «Школьное образование на Алтае XVIII–XXI вв.», «Геологоразведка и горная промышленность Алтая», «Физическая культура и спорт» и другие.

В Алтайском государственном краеведческом музее 39 архивных фондов личного происхождения, среди которых можно выделить личные фонды сотрудников, работавших в музее в разное время: Константина Павловича Перетолчина (1878–1957), Порфирия Алексеевича Казанского (1885–1938), Татьяны Ивановны Анисимовой (1903–1998), Николая Яковлевича Савельева (1908–1967), Тимофея Афанасьевича Полухина (1917–1978), Николая Георгиевича Ерошкевича (1928–1959). Далее приведена их краткая характеристика.

Перетолчин Константин Павлович (1878, г. Иркутск — 1957, г. Бийск) — ветеран лесоводства на Алтае, краевед, сотрудник Барнаульского музея (АГКМ. Ф. Р-3). В 1991 г. А.А. Колесников создан архивный фонд Р-3, куда вошли документы К.П. Перетолчина за 1917–1950-е гг. — биографические документы (автобиография и воспоминания К.П. Перетолчина); документы служебной, преподавательской и общественной деятельности (членские билеты, копия постановления и выписки из приказов, заявления, удостоверения и справки, «открытые листы»); письма К.П. Перетолчина директору Алтайского краевого музея Н.Н. Денисову и изобразительные источники (карты и план за 1900–1920-е гг., фотография К.П. Перетолчина). Почти все документы, вошедшие в архивный фонд, были переданы в Алтайский краевой музей самим К.П. Перетолчиным в мае 1951 г., за исключением фотографии, которая поступила благодаря его ученику С.П. Возчикову-Чернову в 1971 г.

Документы архивного фонда позволяют говорить о работе Константина Павловича в Барнаульском музее. Так, в автобиографии им сказано, что *«с 1933 г. по преклонному возрасту и состоянию здоровья я перешел на работу в Барнаульский музей в качестве научного сотрудника по отделу природы. В 1937 г. 21/11 я заболел обострением склероза сосудов головного мозга, что заставило меня временно прекратить работу как инвалида 11 гр. для отдыха и лечения. В 1938 г. я продолжил работу в музее в качестве вр. сотрудника по выявлению музейных фондов. А в 1943 г. по семейным обстоятельствам я переехал в Тюмень в семью своих родственников»* (АГКМ. ОФ 15447/72). Это подтверждают справки, выданные К.П. Перетолчину, и личный листок по учету кадров. Также в архивном фонде сохранилась характеристика директора музея от 9 июля 1936 г. на научного сотрудника Барнаульского музея, в которой сказано, что *«Перетолчин К.П. на музейной работе с 1934 г. К своим обязанностям научного сотрудника отдела природы относится серьезно, работу выполняет аккуратно и добросовестно. Имея широкую эрудицию в специальных вопросах, прямо относящихся к отделу природы, представляет в этом отношении ценного работника. Музейную работу ценит и имеет желание освоить музейное дело. Аккуратен и точен в исполнении поручаемой работы. Проявляет большую заботу и бережное отношение к экспонатам музея, применяя различные меры для сохранности их от порчи. Экспонаты отдела природы находятся в образцовой сохранности. Недостатком в работе Перетолчина К.П. является уклон в сторону голого академизма, некоторая оторванность и отсталость от политических вопросов»* (АГКМ. ОФ 15447/66). В целом Константин Павлович был достаточно многогранной личностью, с которой более подробно можно ознакомиться благодаря оставшимся воспоминаниям.

Казанский Порфирий Алексеевич (1885–1938) — поэт, писатель, педагог, журналист, краевед, фотограф, эсперантист, член Алтайского отделения Российского географического общества, один из авторов Сибирской советской энциклопедии, заведующий фотолaborаторией Барнаульского музея в 1920-х — начале 1930-х гг. (АГКМ. Ф. Р-56). В музейном хронографе П.А. Казанский упоминается как фотограф среди других сотрудников, работавших в музее в 1931 г. (Попова, Фролов, Гусельникова, 2003, с. 38). В этот период была сформирована фотоколлекция по темам: Горная Шория, художник Гуркин и его картины, виды Алтая, Абаканский завод, деревенский скот, Телецкое озеро, Кузнецк и другое.

В 2017 г. образован архивный фонд Р-56 Порфирия Алексеевича Казанского, куда вошли фотографии, полученные от Зои Порфирьевны Солодянкиной, дочери П.А. Казанского, через Ирину Васильевну Попову, заместителя директора по научной работе АГКМ (до 2017 г.). Материалы, включенные в архивный фонд, датируются концом 1880-х — 1929 гг. Внутри фонда документы систематизированы по четырем разделам: личные и авторские фотографии Порфирия Алексеевича, фотографии по различным темам и фотооткрытка, адресованная семье Казанских. Среди личных — две групповые фотографии. На одной — семья Алексея Казанского, чиновника тюремного ведомства Томского уезда (конец 1880-х гг.), на другой — семья Порфирия Алексеевича Казанского (1905–1910 гг.). Авторские фотографии делятся по нескольким темам: семья П.А. Казанского и Томский уезд (конец XIX — начало XX в.), Кузнецкий округ (1929 г.). Некоторые фотографии не объединены одной тематикой, к таким фотографиям относятся алтайская свадьба начала XX в., портретный снимок С. Воротникова, друга Платониды Яковлевны, жены П.А. Казанского (1917 г.), и золотничники прииска «Андреевский» за работой в Челябинской губернии (1920–1921 гг.). В комплексе хранится черно-белая фотооткрытка с изображением центральной бани в Харбине (Китай). На обороте размещено поздравление Казанским Платониде Яковлевне и Порфирию Алексеевичу с новым 1915 годом от семьи Воротниковых. Всего в архивном фонде 14 единиц.

Анисимова Татьяна Ивановна (1903–1998) — член КПСС (1928), председатель избирательной комиссии по выборам (1930-е гг.), заведующая Алтайским краевым отделом народного образования (1942–1947), заместитель председателя Барнаульского горисполкома (1949–1954), директор Алтайского краевого музея (1957–1974) (АГКМ. Ф. Р-27).

Архивный фонд Р-27 Т.А. Анисимовой был создан из личных документов и фотографий за 1926–1982 гг., переданных ее родственницей Валентиной Ивановной Беляевой в 2014 г. Среди личных документов можно выделить следующие: автобиографию Т.И. Анисимовой (1937), 11 удостоверений, 10 мандатов, 45 пригласительных, семь входных, три членских билета, 39 пропусков, две благодарности, восемь писем и телеграмм, а также извещение о созыве Второй сессии Первого созыва Барнаульского городского Совета депутатов трудящихся, календарный план групповых, индивидуальных консультаций, докладов и лекций Парткабинета Барнаульского ГК ВКП(б), приказ №73 начальника Управления культуры Алтайского крайисполкома

г. Барнаула об объявлении благодарности Т.И. Анисимовой за активное участие в организации культурно-просветительской и массово-политической работы в крае, текст выступления на научно-практической конференции «Народное образование. Забота о детях во время Великой Отечественной войны (1941–1945)» и т.д. Всего в архивном фонде 138 документов.

Другая часть архивного фонда Татьяны Ивановны состоит из 108 фотографий. В фонде хранятся черно-белые портретные и сюжетные фотографии, иллюстрирующие различные сферы ее жизни в период с 1928 по 1970-е гг. В комплексе представлены фотографии, связанные с работой Т.И. Анисимовой в Алтайском краевом музее на посту директора. Например, интересны фотографии вручения подарка стотысячному посетителю музея и написание отзыва о посещении музея космонавтом Г.С. Титовым в книге почетных посетителей. Среди фотографий встречаются и те, на которых Т.И. Анисимова проводит экскурсию по музею, участвует в субботнике в Алтайском краевом музее, поливает насаждения на территории музея совместно с заведующим отделом природы Н.А. Камбаловым, запечатлена с сотрудниками музея в Международный женский день и принимает поздравления в честь 150-летия музея в Театре музыкальной комедии. Всего в архивном фонде 246 единиц хранения.

Савельев Николай Яковлевич (1908–1967) — краевед, исследователь истории горнозаводского производства Алтая, заведующий отделом дореволюционной истории Алтайского краевого краеведческого музея (1946–1960), научный сотрудник краевого госархива (1961–1967), ветеран Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (АГКМ. Ф. Р-59). В 2018 г. в ходе проведения экспертной фондово-закупочной комиссии из материалов научного архива музея было принято решение образовать архивный фонд Р-59 Николая Яковлевича Савельева. В архивный фонд вошли рукописи, тексты экскурсий, планы и отчеты о работе, выписки из книг и статей, переписка за 1950–1960-е гг.

Научная деятельность Н.Я. Савельева в музее была обширна. В фонде музея сохранились машинописные варианты его статей: «История города Барнаула», «Новые документы об ученике Ползунова — Иване Чернице», «Памятники выдающихся гидротехнических сооружений на Алтае», «Исследование Забайкалья П.К. Фроловым в 1798–1800 гг. (сообщение на группе краеведов-исследователей истории края при Алтайском краевом музее 13 декабря 1953 г.)», «Исследование пути на Восток по притокам Оби, Енисея и Амура на рубеже XVIII–XIX вв.», «Изделия алтайских камнерезов за время с 1786 года по 1889 год». Н.Я. Савельевым в ходе подготовки и написания статей были сделаны выписки из книг и периодических изданий XVIII столетия, например из книги академика Фалька «Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской академией наук, по предложению ее президента» (Т. 6), из статьи В.И. Семевского «Горнозаводские крестьяне во второй половине XVIII века» и другие.

В 1959 г. Николаем Яковлевичем был подготовлен текст экскурсии «Дореволюционная история края (обзорная экскурсия в отделе дореволюционного прошлого)». Отдельный раздел посвящен текстовым документам,

Фотография черно-белая. Т.И. Анисимова, директор музея, и Т.А. Полухин, научный сотрудник музея, на пароходе «Белоруссия» на совещании музейных работников. Россия, г. Казань, 24–28 мая 1960 г. (АГКМ. ОФ 19477/173)

The photo is black and white. T.I. Anisimova — director of the museum and T.A. Polukhin — Museum researcher on the ship “Belarus” at a meeting of museum workers. Russia, Kazan, May 24–28, 1960 (AGKM. OF 19477/173)

подготовленным Н.Я. Савельевым. Например, акты о выполнении модели инженерных сооружений первой русской рельсовой дороги. В числе документов, попавших в архивный фонд, хранятся планы и отчеты работы заведующего отделом дореволюционного прошлого Алтайского краевого музея Н.Я. Савельева за 1956–1960 гг. и командировок в г. Бийск, Смоленский, Змеиногорский, Третьяковский, Курьинский и Локтевский районы. Всего в архивном фонде 56 единиц хранения.

Полухин Тимофей Афанасьевич (1917–1978) — заведующий отделом истории досоветского периода Алтайского краевого краеведческого музея (1960–1978), ветеран Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (АГКМ.

Ф. Р-10). Ему принадлежит большой вклад в изучение истории Алтая, в деятельности музея, в развитии исторического краеведения в крае. Многое им было сделано для создания экспозиций музея, проведения экспедиций в районы края, совершенствования экскурсионной работы. Деятельность Тимофея Афанасьевича как краеведа проявилась в многочисленных публикациях в периодической печати, выступлениях на радио и телевидении.

Личный архивный фонд Т.А. Полухина образован из документов научного архива музея. Комплектование материалов и научно-техническая обработка документов была проведена научным сотрудником отдела фондов музея А.А. Колесниковым в апреле — июне 1994 г. За фондом был закреплен номер Р-10. Научная обработка документов и регистрация в основной музейной учетной документации осуществлена в 2016 г. с сохранением номера архивного фонда. В личный архивный фонд включено 85 единиц хранения за 1958–1978 гг. — биографические материалы и фотографии, блокноты с записями, тексты статей, радио- и телепередач, подготовленные Т.А. Полухиным, рукописи, аннотация и рецензии, тематико-экспозиционные планы и эскизы экспозиций музея, материалы по комплектованию фондов и методической работе, письма, выписки из книг и периодических изданий, из материалов Государственного архива Алтайского края, из газет Библиотеки им. В.И. Ленина. Дополнительным приложением к архивной описи идут список статей и указатели к некоторым делам, содержащим статьи и выписки из материалов Государственного архива Алтайского края, сделанные Т.А. Полухиным.

Ерошкевич Николай Георгиевич (1928–1959) — историк-краевед, заведующий отделом истории советского периода Алтайского краевого краеведческого музея (1950–1959) (АГКМ. Ф. Р-43). Н.Г. Ерошкевич вел большую научно-исследовательскую, просветительскую работу по проблемам истории Алтая в советское время, серьезно занимался вопросами музейного дела. Его научные статьи по темам «Октябрь и Гражданская война на Алтае», «Комсомол Алтая», «Промышленность советского Алтая» опубликованы в краевых газетах и сборниках. Н.Г. Ерошкевич является автором книг «Очерки по истории комсомола Алтая» (1958), «Подъем материального и культурного уровня трудящихся Алтая» (1956), совместно с Н.А. Камбаловым — «Как организовать краеведческий музей в школе» (1953). Архивный фонд Р-43 Николая Георгиевича, как и других сотрудников музея, был образован в 2016 г. из научного архива музея. В него включено 52 единицы хранения за 1950-е гг. В архивном фонде хранятся рукописи книг и статей, а также документы, написанные и собранные Н.Г. Ерошкевичем по вышеуказанным темам. Отдельный раздел освещает переписку Николая Георгиевича с различными людьми, среди которых художник и член Алтайского губернского исполнительного комитета Н.В. Ерушев, заведующий партархивом Алтайского крайкома КПСС Т. Верина, заведующий отделом культуры А. Цыбинова, секретарь Михайловского РК КПСС П. Лихоманова и другие.

В заключение хотелось бы отметить, что документы, вошедшие в личные архивные фонды сотрудников музея, — это далеко не полный список музейных предметов, раскрывающих их как личность и музейного работни-

ка. В музейном собрании хранятся отдельные документы и фотографии по каждому сотруднику музея, не вошедшие в состав архивных фондов в связи с их более ранним поступлением. Более того, в статье дана лишь краткая характеристика архивных фондов сотрудников, непосредственно работавших в музее. В архивных фондах отражены также материалы людей, принимавших непосредственное участие в формировании отдельных коллекций музея. Среди них Евгений Георгиевич Родд (1871–1933), Андрей Петрович Велижанин (1875–1937 гг.) и др.

Список источников

АГКМ. Ф. Р-3. Перетолчин Константин Павлович (1878–1957) — ветеран лесоводства на Алтае, краевед.

АГКМ. Ф. Р-7. Оп. 1–2. Из истории Алтайского государственного краеведческого музея (Алтайского краевого краеведческого музея).

АГКМ. Ф. Р-10. Полухин Тимофей Афанасьевич (1917–1978) — заведующий отделом истории досоветского периода Алтайского краевого краеведческого музея в 1960–1978 гг., ветеран Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

АГКМ. Ф. Р-27. Анисимова Татьяна Ивановна (1903–1998) — член КПСС (1928 г.), председатель избирательной комиссии по выборам (1930-е гг.), заведующая Алтайским краевым отделом народного образования (1942–1947 гг.), заместитель председателя Барнаульского горисполкома (1949–1954 гг.), директор Алтайского краевого музея (1957–1974 гг.).

АГКМ. Ф. Р-43. Ерошкевич Николай Георгиевич (1928–1959) — историк-краевед, заведующий отделом истории советского периода Алтайского краевого краеведческого музея в 1950–1959 гг.

АГКМ. Ф. Р-56. Казанский Порфирий Алексеевич (1885–1938) — поэт, писатель, педагог, журналист, краевед, фотограф, эсперантист, член Алтайского отделения Российского географического общества, один из авторов Сибирской советской энциклопедии, заведующий фотолабораторией Барнаульского музея в 1920-х — начале 1930-х гг.

АГКМ. Ф. Р-59. Савельев Николай Яковлевич (1908–1967) — краевед, исследователь истории горнозаводского производства Алтая, заведующий отделом дореволюционной истории Алтайского краевого краеведческого музея в 1946–1960 гг., научный сотрудник краевого госархива в 1961–1967 гг., ветеран Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. Правила работы музеев по учету и организации хранения письменных документов Государственного архивного фонда СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_16273.htm

Внутримузейные правила комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов КГБУ «Алтайский государственный краеведческий музей», утвержденные приказом директора музея №03/03–07/6 от 11.01.2021.

Попова И.В., Фролов Я.В., Гусельникова М.В. Алтайский государственный краеведческий музей: Музейный хронограф. 1823–1945 гг. // Краеведческие записки. 2003. Вып. 5. С. 38–39.

Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564515322>

Информация об авторе / Information about the Author

Екатерина Владимировна Кучина, Алтайский государственный краеведческий музей, отдел фондов, научный сотрудник; 656043, Россия, г. Барнаул, ул. Ползунова, 39\$ katez-94@mail.ru

Ekaterina V. Kuchina, Altai State Museum of Local Lore, Department of Funds, Researcher; 656043, Russia, Barnaul, st. Polzunova, 39\$ katez-94@mail.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.225:069(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.46

ВОТИВНЫЕ КЛЕВЦЫ ИЗ ФОНДОВ БИЙСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМ. В.В. БИАНКИ

Ольга Сергеевна Лихачева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В представленной работе публикуются два клевца, хранящиеся в фондах Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки. Данные изделия, по сохранившейся информации, происходят из Минусинской котловины и были переданы в музей С.М. Сергеевым. Оба предмета небольшого размера, что позволяет трактовать их как вотивные. Особый интерес представляет экземпляр, имитирующий, по всей вероятности, специфичные китайские изделия типа «гэ». Дается подробное описание приводимых предметов, в том числе с указанием параметров. Рассматриваются наиболее близкие аналогии, на основании которых дается культурно-хронологическая атрибуция. Также в рамках статьи поднимается вопрос о разграничении терминов «чекан» и «клевец», отмечаются морфологические особенности, характерные для этих видов оружия.

Ключевые слова: военное дело, оружие ближнего боя, древковое оружие, клевцы

Благодарности: автор выражает благодарность Л.И. Чегодаевой за помощь в работе с коллекций и предоставленную информацию. Работа выполнена при финансовой поддержке РФ (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Для цитирования: Лихачева О.С. Вотивные бронзовые клевцы из фондов Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 305–311. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.46

REDUCED COPIES OF BRONZE AXES FROM THE COLLECTIONS OF THE BIYSK MUSEUM OF LOCAL LORE NAMED AFTER V.V. BIANCHI

Olga S. Likhacheva

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The presented work publishes two battle axes from the funds of the Biysk Museum of Local Lore named after V.V. Biachi. These products, according to the preserved information, originate from the Minusinsk basin and were transferred to the museum by

S.M. Sergeev. Both items are small in size, which allows them to be treated as reduced copies. Of particular interest is an instance that imitates, in all likelihood, specific Chinese products of the “ge” type. A detailed description of the items is given, including specifying the parameters. The closest analogies are considered, on the basis of which cultural and chronological attribution is given. The article also touches upon the issue of the differentiation of some types of shaft weapons. Morphological features characteristic of each type of such weapons are noted.

Keywords: military, melee weapons, shaft weapons, battle pickaxe, battle axe

Acknowledgments: The author expresses gratitude to L.I. Chegodaeva for her help in working with the collections and the information provided. The work was carried out with the financial support of the Russian Academy of Sciences (project No. 22-18-00470 “The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy”).

For citation: Likhacheva O.S. Reduced Copies of Bronze Axes from the Collections of the Bysk Museum of Local Lore Named after V.V. Bianchi // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 305–311. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.46

Клевец представляет собой специфичный вид древкового оружия ближнего боя. Специалисты дают различные определения и характеристики этому средству нападения. Так, в иллюстрированном словаре «Оружие», дается следующее определение: «ударное оружие на коротком древке, граненая и узкая часть которого напоминает клюв птицы». Данное определение основано на материалах Европы, относящихся к XV в. (Шокарев, 2003, с. 72). Изделия, относящиеся к археологическим культурам конца эпохи бронзы — раннего железного века, безусловно, отличаются своей спецификой, при этом многие специалисты, занимающиеся этой тематикой, используют термин «клевец» как синоним понятия «чекан», рассматривая относимые к ним предметы суммарно (Членова, 1967, с. 25–30; Горелик, 2003, с. 46).

На наш взгляд, такой подход является не вполне корректным. Несмотря на общее сходство в морфологии, клевцы и чеканы стоит разграничивать, поскольку они обладают разным строением боевой части, а значит, характер наносимых травм и в целом боевая эффективность будут у них разными. Ударная часть чекана представляет собой округлый или граненый в сечении стержень, иногда имеющий ромбовидное расширение-усилитель на окончании (Лихачева, 2020, с. 93). В свою очередь, у клевца она имеет вид клинка, схожего по форме с клинком кинжала: выделяется широкое полотно, линзовидное или ромбовидное в сечении, иногда с нервюрой, стороны-лезвия которого, плавно сужаясь, образуют окончание. Следовательно, проникающие свойства чекана будут выше, он эффективнее против защищенного доспехом противника. По своему действию это ударно-колющее оружие, оставляющее глубокую, но неширокую рану. Клевец, в свою очередь, по характеру наносимых повреждений скорее колюще-режущий благодаря наличию лезвий.

У населения Южной Сибири в раннем железном веке большую популярность получили чеканы (Кубарев, Шульга, 2007, рис. 67; Грач, 1980, табл. I.-28, 108–109, 151–153; Членова, 1967, табл. 7). Именно благодаря своей нехарактерности для данного региона особый интерес представляют два экспоната, хранящиеся в фондах Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки (далее — БКМ).

Изделия относятся к коллекции ОФ №9612 (инв. №1 и 3) по КП от 1976 г. На самих предметах также имеются старые номера: А 6/836 и А 3/836. К сожалению, информация о точной дате поступления и месте находок не сохранились. Известно лишь, что это «сборы в Минусинском округе», переданные предположительно С.М. Сергеевым. Первый экземпляр записан как «боевой топорик (клевец)», второй — из-за своего специфичного внешнего облика занесен как «ручка от кинжала». Остановимся на их подробной характеристике.

Оба клевица изготовлены из цветного металла (бронза?).

Первое изделие имеет классическую форму для данного вида оружия. Образец имеет втульчатый способ насада. Общая форма втулки усеченно-коническая, поперечное сечение овальное. С одной из сторон на ней имеется отверстие овально-прямоугольного абриса. Размеры втулки: 4,4×1,7×1,2 см. Обух и клинок расположены перпендикулярно относительно оси втулки. Обух трапецевидного абриса и вытянуто-прямоугольный в поперечном сечении. Его параметры: 4,2×1,5×0,2 см. Абрис клинка вытянуто-треугольный, с одной из сторон по его центру проходит выраженная нервюра в виде

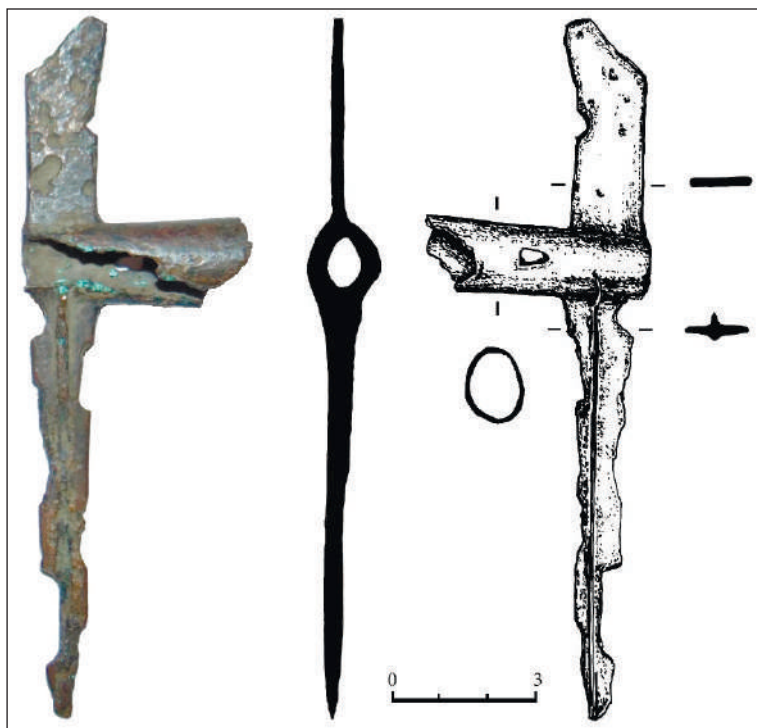

Рис. 1. БКМ, ОФ 9612/1
Fig. 1. BСM, the main fund 9612/1

тонкого ребра. Размеры: 8,7×1,4×0,8 см. Рассматриваемый экземпляр очень плохой сохранности: у втулки с одной из сторон отсутствует значительная часть стенки, на обухе и клинке многочисленные сколы. Длина изделия от торца обуха до окончания клинка составляет всего 14,5 см. Небольшой размер, а также грацильные пропорции позволяют рассматривать этот предмет как уменьшенную копию боевого клевца. Но стоит отметить, что для вотива он проработан весьма детально, так как отлиты такие характерные для боевых образцов детали, как нервюра и отверстие во втулке для более прочной фиксации на древке.

Достаточно специфичную форму имеет второй предмет. Как отмечалось выше, при занесении в КП он был трактован как «ручка от кинжала». Основную, наиболее массивную часть изделия составляет клинок. Его общая форма реконструируется как листовидная. По центру клинка с обеих сторон проходит нервюра, представляющая собой скругленный валик. Перпендикулярно относительно оси клинка к нему примыкает деталь цилиндрической формы. По всей вероятности, она имитирует втулку, но ввиду небольшого размера предмета, а значит, его изначального небоевого назначения ее не стали прорабатывать должным образом, чтобы не усложнять процесс отливки. На «втулке» расположена небольшая петля для подвешивания или темляка. В целом сохранность предмета неплохая, но обломлена примерно половина клинка. Параметры изделия: общая длина — 9,4 см; клинок — 8×2,1×0,8 см; «втулка» — 5,3×0,8 см; петля — 1,4×0,7×0,5 см.

Клевцы как самостоятельный вид оружия появляются в конце II тыс. до н.э. на территории Китая и Центральной Азии (Горелик, 2003, с. 47, табл. XXVII.-7–9, 70, 71, 84). Большинство известных на сегодняшний момент экземпляров изготовлено из бронзы, как и публикуемые изделия. Исключения составляют лишь скифские образцы и отдельные изделия из материалов пазырыкской культуры (Мелюкова, 1964, с. 66, табл. 21.-2–7; Кубарев, Шульга, 2007, рис. 67.-1).

Втульчатый способ насада является ведущим у данного вида оружия, как для бронзовых, так и для железных клевцов (Горелик, 2003, табл. XXVII; XXVIII.-1–18, 92–93, 95; XXIX.-16, 18–21; Мелюкова, 1964, табл. 21.-2–7; Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011, рис. 28.-10; Комиссаров, 1988, рис. 43; Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 63; 64.-1; Кубарев, Шульга, 2007, рис. 67.-5; Шульга, 2010, рис. 79.-7–10; Членова, 1967, табл. 7.-1, 8, 14–15; 10.-1–5). Преобладающим признаком является и перпендикулярное расположение клинка и обуха относительно оси втулки. Такая конструкция известна у изделий из Синцзяна, дагирюемых VII–VI вв. до н.э., образцов VII — 2-й половины V в. до н.э. с Алтая, а также у клевцов тагарской культуры, относящихся к VII–IV вв. до н.э. (Шульга, 2010, рис. 79.-9–10; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 85, рис. 63; 64.-1; Кубарев, Шульга, 2007, с. 28–29, рис. 67.-5. Горелик, 2003, табл. XXVIII.-42–43, 53).

Клинок вытянуто-треугольного абриса с нервюрой по центру наиболее характерен для материалов тагарской культуры. Этот признак начинает встречаться с VII в. до н.э. и бытует вплоть до III в. до н.э. (Членова, 1967, с. 27–28, табл. 7.-23, 10.-10; Мартынов, 1979, табл. 35.-149, 162–163). Изделия

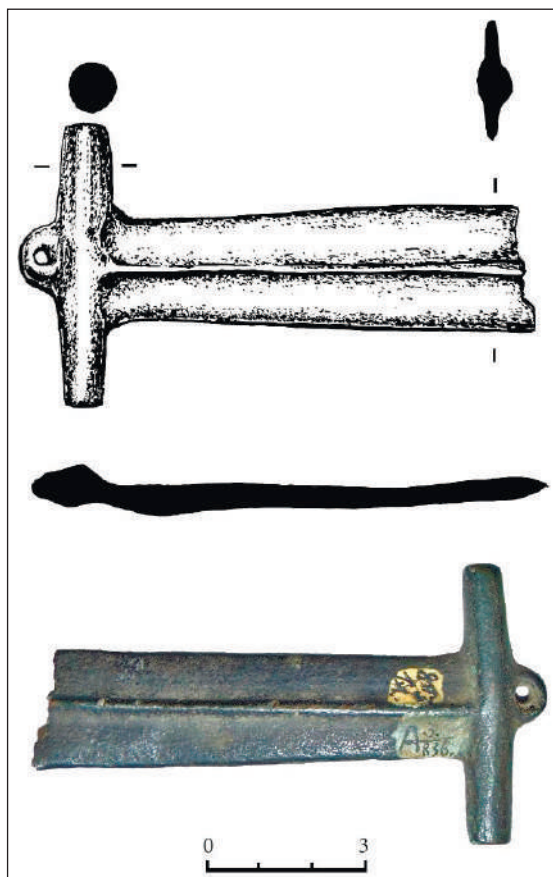

Рис. 2. БКМ, ОФ 9612/3
 Fig. 2. ВСМ, the main fund 9612/3

с клинком листовидного абриса и нервюрой встречаются реже. Так, одно происходит из Минусинской котловины и датируется VIII — 1-й половиной VII в. до н.э. (Горелик, 2003, табл. XXVIII.-11).

Наиболее близкой аналогией изделию из БКМ №1/9612 является клевец, происходящий из могильника V–III вв. до н.э. тагарской культуры Некрасово-II (Мартынов, 1979, табл. 35.-149; Горелик, 2003, табл. XXVIII.-58; Савельева, Герман, 2015, с. 108, рис. 1.-5). Он имеет идентичную усеченно-коническую втулку с отверстием для крепления к древку, сильно выступающий обух трапецевидной формы и вытянуто-треугольного абриса клинок с нервюрой по центру. Стоит отметить, что на поздних прорисовках клинок изделия обломлен (Савельева, Герман, 2015, с. 108, рис. 1.-5). В ранних публикациях он по-

казан полностью, что позволяет соотнести его с рассматриваемым изделием (Мартынов, 1979, табл. 35.-149; Горелик, 2003, табл. XXVIII.-58). Отличительной чертой экземпляра из могильника Некрасово-II является орнамент на обухе, а также большие размеры, которые позволяют рассматривать его как функциональный боевой предмет. В то же время высокая степень сходства по целому набору признаков позволяет датировать образец из БКМ V–III вв. до н.э.

Второй клевец не находит полностью идентичных аналогий. В то же время некоторые его особенности указывают на то, что, вероятно, это имитация так называемого клевица типа «гэ». К ним можно отнести значительную диспропорцию размеров клинка и насада в пользу первого. Кроме того, боевая часть «отцентрирована» относительно условной втулки, тогда как у классических клевцов она смещена к ее верхней части. Общая конструкция схожа со следующими изделиями: из Шаньси — XII–XI вв. до н.э., Центрального Китая, датированного этим же временем (Горелик, 2003, табл. XXVII.-71, 73). По строению клинка и наличию петли на насаде он соотносится с образцом VIII — 1-й половиной VII в. до н.э. из Минусинской котловины (Горелик, 2003, табл. XXVIII.-11).

На наш взгляд, клевец из БКМ является более поздней репликой указанных изделий. При его изготовлении явно копировалась общая форма, внешний «образ» клевица типа «гэ», а не конкретная морфология. Кроме того, появление вотивных предметов на территории Минусинской котловины чаще всего относится к V–III вв. до н.э. (Членова, 1992, с. 211, табл. 84.-19). Рассмотренный образец может быть датирован этим же временем.

Таким образом, публикуемые клевцы, вероятно, являются одновременными и могут датироваться в рамках V–III вв. до н.э. По типологической датировке, а также месту происхождения они, скорее всего, связаны с материалами тагарской культуры. Если первый предмет представляет собой достаточно типичный и стандартизированный образец, то второй, безусловно, выбивается из общего ряда. Он демонстрирует, что периодически в рамках оружейного дела происходили попытки возвращения к более ранним формам, но поскольку традиция была уже, по сути, утрачена, создавался, как отмечалось выше, только обобщенный «образ» предмета, что приводило к возникновению столь сложно трактуемых экземпляров.

Приведенные предметы могут пополнить базу данных по бронзовому оружию тагарской культуры. В целом представленная работа актуальна прежде всего с точки зрения атрибуции и введения в научный оборот малоизвестных музейных материалов.

Список источников

Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н.э.). СПб., 2003. 336 с.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 256 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.

Комиссаров С.А. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск, 1988. 129 с.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.

Лихачева О.С. Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.). Барнаул, 2020. 304 с.

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979. 208 с.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. М., 1964. 91 с.

Савельева А.С., Герман П.В. Бронзы из курганного могильника тагарской культуры Некрасово-II (по материалам раскопок 1970 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. №6 (38). С. 108–118.

Худяков Ю.С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие — III век до н.э.). СПб., 2011. 172 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 268 с.

Членова Н.Л. Тагарская культура // Археология СССР. Т. 11: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 206–224.

Шокарев Ю.В. Оружие: иллюстрированный словарь. М., 2003. 224 с.

Шульга П.И. Синцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы хронология и периодизация). Барнаул, 2010. 238 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Ольга Сергеевна Лихачева, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, старший преподаватель; 656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61; кандидат исторических наук; <https://orcid.org/0000-0002-3223-7841>, lihaolga@yandex.ru

Olga S. Likhacheva, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Senior Lecturer; 656049, Russia, Barnaul, Demitrova str., 66; Candidate of History; <https://orcid.org/0000-0002-3223-7841>, lihaolga@yandex.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 069.1:902.22(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.47

КОЛЛЕКЦИИ АХРЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОВ В АГКМ ИЗ РАСКОПОК В.А. МОГИЛЬНИКОВА ПАМЯТНИКОВ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Алена Николаевна Пашкова

*Алтайский государственный университет,
Музей «Город», Барнаул, Россия*

Резюме. Автор анализирует деятельность руководителя Алтайской экспедиции Института археологии АН СССР В.А. Могильникова в 1970–1980-е гг. В этом контексте большой интерес представляют итоги археологических изысканий на памятниках пазырыкской культуры Кызыл-Джар-I, Кызыл-Джар-VIII, Кара-Коба-II, Боротал-II, Боро-

тал-III, Алагаил. Проведенное исследование археологических коллекций в Алтайском государственном краеведческом музее демонстрирует, что часть находок была передана В.А. Могильниковым на постоянное хранение в основной фонд музея. Имеющиеся артефакты показаны на фотоснимках автора — это керамика пазырыкской культуры. Отмечен вклад В.А. Могильникова в формирование музейной коллекции. Дальнейшее исследование по выявлению находок пазырыкской культуры в музейных коллекциях России и их фиксация позволят систематизировать полученные данные в единую базу.

Ключевые слова: Алтайский государственный краеведческий музей, археология, В.А. Могильников, музейные коллекции, пазырыкская культура, скифо-сакское время

Благодарности: автор выражает благодарность за содействие в проведении исследования в музее заведующему кафедрой археологии, этнографии и музеологии ИИМО АлтГУ, доктору исторических наук, профессору А.А. Тишкину и директору АГКМ Н.В. Вакаловой.

Для цитирования: Пашкова А.Н. Коллекции археологических находок в АГКМ из раскопок В.А. Могильникова памятников пазырыкской культуры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 311–316. DOI: 10.14258/2411 1503.2023.29.47

COLLECTIONS OF ARCHAEOLOGICAL FINDS IN THE ALTAI STATE MUSEUM OF LOCAL LORE FROM V.A. MOGILNIKOV'S EXCAVATIONS OF THE PAZYRYK CULTURE SITES

Alena N. Pashkova

*Altai State University,
“City”, Museum Barnaul, Russia*

Abstract. In this article, the author analyzes the activities of the head of the Altai expedition of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences, V.A. Mogilnikova in the 1970s–1980s. In this context, special interest is focused on the results of archaeological surveys on the of the Pazyryk culture site Kyzyl-Jar-I, Kyzyl-Jar-VIII, Kara-Koba-II, Borotal-II, Borotal-III, Alagail. The conducted research of archaeological collections in the Altai State Museum of Local Lore demonstrates that some of the finds were transferred by V.A. Mogilnikov for permanent storage in the main fund of the museum. The available artifacts shown in the author's photographs present a ceramics of the Pazyryk culture. The contribution of V.A. Mogilnikova to the formation of the museum collection was noted. Further research to identify the finds of the Pazyryk culture in the museum collections of Russia and their fixation will allow us to systematize the data obtained into a single database.

Keywords: Altai State Museum of Local Lore, V.A. Mogilnikov, museum collections, Pazyryk culture, Scythian-Saka time

Acknowledgements: the author expresses gratitude for the assistance in conducting research in the museum to the head of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology of the Institute of History and International Relations of the Altai State University, Doctor of Historical Sciences, Professor A.A. Tishkin and Director of the Altai State Museum of Local Lore N.V. Vakalova.

For citation: Pashkova A.N. Collections of Archaeological Finds in the Altai State Museum of Local Lore from V.A. Mogilnikov's Excavations of the Pazyryk Culture Sites// Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 311–316. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.47

Курганы пазырыкской культуры (2-я половина VI — II в. до н.э.) были зафиксированы и обследованы во многих районах Алтая и на сопредельных территориях. В течение нескольких полевых сезонов во 2-й половине 1970-х гг. раскопки таких объектов производил Владислав Александрович Могильников, руководитель Алтайской экспедиции Института археологии АН СССР. Были исследованы археологические памятники Кызыл-Джар-I–VIII, Кара-Коба-II, Боротал-II–III, Алагаил, Талдура-I–II, Большой Яломан-I–II и др. (Тишкин, Дашковский, 2004, с. 64).

Алтайская экспедиция летом 1976 г. работала в зоне предполагаемого затопления водохранилища для Чуйской ГЭС в Улаганском районе тогдашней Горно-Алтайской автономной области. В фондах Алтайского государственного краеведческого музея (АГКМ) хранится полевой дневник, в котором изложена информация о произведенных разведках (АГКМ. ОФ 14486. Ф. Р-31. Оп. 1. Д. 136). Для предстоящих раскопок были выбраны археологические памятники, расположенные в смежных долинах Боротал и Алагаил. На данной территории зафиксировано большое число курганов с каменной наброской различных размеров, составлявших могильники Боротал-II–III и Алагаил (Могильников, Суразаков, 1980, с. 180).

В ходе произведенных раскопок упомянутых памятников был получен значительный фактический материал (обрывки золотой фольги, втульчатые трехгранные наконечники стрел, остатки железных ножей, обломок деревянного блюда, миниатюрный бронзовый кинжал, фрагмент кожи, железные кольчатые удила, круглая костяная бляха, керамические сосуды, две бронзовые серьги с листовидными подвесками, бронзовое зеркало с остатками мехового футляра, бронзовый кинжал, украшенный навершием со стилизованными грифонными головками, миниатюрные бронзовые зеркала в деревянных футлярах, бронзовая шаровидная бляха, вырезанная из дерева головка грифона и др.) (Могильников, Суразаков, 1980, с. 188). Однако в археологический фонд АГКМ была передана лишь незначительная часть находок. Акт поступления №20 от 5 апреля 1985 г. свидетельствует о передаче в основной фонд музея предметов из археологических раскопок в 1976 г. экспедиции ИА АН СССР и АКМ под руководством В.А. Могильникова. Из могильника Боротал-II происходит глиняный сосуд высотой 26 см, кувшиновидной формы, с узким дном, с расширенным туловом и слабо выраженными плечиками, плавно переходящими в шейку, с отогнутым наружу венчиком. Он относится к пазырыкской культуре (АГКМ. ОФ 14571/25–26, А–1389). Также в фонды АГКМ поступили керамические находки пазырыкской культуры, обнаруженные на памятнике Алагаил-II.

1. Сосуд из красноватой глины со следами огня; в верхней части тулова рельефно выступающий пояс, идущий по окружности, иногда чуть смещен и украшен насечками, прерывающими его (АГКМ. ОФ 14571/14, А–1377) (рис.-1).

2. Десять фрагментов от трех глиняных сосудов (АГКМ. ОФ 14571/15–24, А–1378–1387).

Археологические памятники Кызыл-Джар-I и Кызыл-Джар-VIII относятся к пазырыкской культуре, о чем свидетельствует характеристика погребений,

представленная руководителем экспедиции, старшим научным сотрудником Института археологии АН СССР В.А. Могильниковым в отчетной документации (полевые чертежи: план курганных насыпей, разрезы погребальных ям, планы погребений), которая была передана на хранение в АГКМ, как и часть находок, 17 января 1984 г. Об этом имеется запись №5 Акта поступлений (АГКМ. ОФ 14468/1–26. Ф.Р.-31. Оп. 1. Д. 463–488). На указанных курганных группах всего было раскопано 12 курганов с каменной наброской (Могильников, 1983а, с. 4).

Анализ коллекций археологических находок пазырыкской культуры в АГКМ показывает, что часть предметов, полученных в ходе раскопок памятника Кызыл-Джар-1, была передана В.А. Могильниковым 5 мая 1985 г. в основной фонд музея (Акт поступления №20 от 05.04.85). Это два глиняных сосуда в форме невысоких кувшинов. Один из них имеет орнамент в виде извилистых (волнистых) линий, нанесенных острым резцом и идущих в направлении от венчика к днищу. У конца шейки в том месте, где она переходит в слабо выраженные плечики, сосуд украшен сосковидными вытянутыми отростками, из которых сохранились только три (рис.-2). Второй сосуд без орнамента. В.А. Могильников датировал предметы ранним железным веком (IV–III вв. до н.э.) и отнес к пазырыкской культуре (АГКМ. ОФ 14571/12, А–1375; ОФ 14571/13, А–1376).

В последние десятилетия достигнуты большие успехи в исследовании рядовых курганов пазырыкской культуры, которые нашли отражение в публикациях ученых, производивших раскопки. В этой связи особое значение имеют материалы, полученные в ходе археологических исследований В.А. Могильникова в 1981 г. курганной группы Кара-Коба-II (Могильников, 1983б, с. 53) (ныне — Онгудайский район Республики Алтай). Рукописные материалы о раскопках могильника Кара-Коба-II представлены в археологическом фонде АГКМ. Акт поступления №38 от 22 февраля 1986 г. свидетельствует о передаче полевой документации: топографические планы могильных групп, планы курганов, профильные разрезы курганов и могильных ям, планы погребений, рисунки. В документах указано, что в раскопках ИА АН СССР и АГКМ под руководством В.А. Могильникова в 1981 г. принимала участие Э.М. Медникова, научный сотрудник АГКМ (АГКМ. ОФ 14671/1–16. Ф.Р.-31. Оп. 1. Д. 601–616). В.А. Могильниковым на постоянное хранение в АГКМ были переданы предметы пазырыкской культуры.

1. Сосуд глиняный, высота 20 см, отсутствуют две части венчика (ОФ 14473/5, А–585) (рис.-3).

2. Сосуд глиняный с высоким горлом, высота 24 см, имеет полную сохранность (ОФ 14473/7, А–587) (рис.-4).

3. Сосуд глиняный с ушками (ручками-петельками), высотой 18 см, есть внешние повреждения поверхности и следы гари (ОФ 14473/12, А–592) (рис.-5).

4. Сосуд глиняный, высота 20 см, венчик отогнут и частично поврежден, стенки отколоты (ОФ 14473/15, А–595).

В заключение необходимо отметить, что археологических находок пазырыкской культуры в АГКМ немного по сравнению с предметами скифо-сакского времени, полученными в ходе археологических изысканий на

Керамика пазырыкской культуры из раскопок В.А. Могильникова в АГКМ: 1 — сосуд, обнаруженный на памятнике Алагаил-II; 2 — сосуд, найденный на памятнике Кызыл-Джар-I; 3-5 — сосуды, раскопанные на памятнике Кара-Коба-II (фотоснимки автора)

Ceramics of the Pazyryk culture from the excavations of V.A. Mogilnikova in AGKM: 1 — a vessel found on the Alagail-II site; 2 — a vessel found on the monument Kyzyl-Jar-I; 3-5 — vessels excavated on the Kara-Koba-II site (photographs by the author)

территории лесостепного Алтая. В ходе исследования было установлено, что предметы пазырыкской культуры являются достаточно документированной коллекцией с приложением краткого отчета В.А. Могильникова. Имеющиеся сосуды и фрагменты керамики являются важными источниками для их специального комплексного изучения.

Список источников

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар-I, VIII — памятник пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983а. С. 40–71.

Могильников В.А. Курганы Кара-Коба-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983б. С. 52–89.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алагаил // Советская археология. 1980. №2. С. 180–191.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая. Барнаул, 2004. 238 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Алена Николаевна Пашкова, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант; Музей «Город», научный сотрудник; 656056 Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; <https://orcid.org/0000-0003-2208-5503>, Beskupin@yandex.ru

Alena N. Pashkova, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Postgraduate Student; “City” Museum Researcher; 656056, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61; <https://orcid.org/0000-0003-2208-5503>, Beskupin@yandex.ru

Статья принята к публикации 03.04.2023.

The article approved after reviewing 03.04.2023.

Научная статья / Article

УДК: 069.1:902.2(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.48

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ: ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНО-ФОНДОВОЙ РАБОТЫ ЗА 2018–2022 гг.

Елена Александровна Радовская

Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул, Россия,

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье приводятся итоги комплектования, учета, реставрации и использования археологических коллекций Алтайского государственного краеведческого музея за период с 2018 по 2022 г. Рассматриваются основные источники поступлений предметов в фондовое собрание учреждения за указанный период, а также дается краткая характеристика находок. Отдельное внимание уделено реставрации и консервации изделий, имеющих значение для будущих выставочных проектов. В рамках учетной деятельности осуществляется введение рассматриваемой коллекции в Государственный каталог Музейного фонда РФ. Установлено, что три четверти предметов археологии основного фонда АГКМ занесены в данную систему. Помимо этого, автором настоящей публикации представлены результаты использования потенциала собрания в научно-исследовательской, выставочной и культурно-просветительной деятельности.

Ключевые слова: Алтайский государственный краеведческий музей, археологическая коллекция, эпоха бронзы, ранний железный век, Средневековье, научно-фондовая работа, музейный предмет

Для цитирования: Радовская Е.А. Археологическое собрание Алтайского государственного краеведческого музея: основные результаты научно-фондовой работы за 2018–2022 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 316–323. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.48

ARCHAEOLOGICAL COLLECTION OF THE ALTAI STATE MUSEUM OF LOCAL LORE: MAIN RESULTS OF SCIENTIFIC AND FUND WORK FOR 2018–2022

Elena A. Radovskaya

*Altai State Museum of Local Lore, Barnaul, Russia,
Altai State University, Barnaul, Russia*

Abstract. The article presents the results of the acquisition, accounting, restoration and use of the archaeological collections of the Altai State Museum of Local Lore for the period from 2018 to 2022. The main sources of receiving the objects in the stock collection of the institution for the specified period are considered, and a brief description of the finds is also given. Special attention is paid to the restoration and conservation of products that are important for future exhibition projects. As part of accounting activities, the collection in question is entered into the State Catalog of the Museum Fund of the Russian Federation. It has been established that three quarters of the archaeological objects of the main fund of the AGKM are included in this system. In addition, the author of this publication presents the results of using the collection's potential in research, exhibition, cultural and educational activities.

Keywords: Altai State Museum of Local Lore, archaeological collection, bronze age, early iron age, Middle Ages, scientific and stock work, museum item

For citation: Radovskaya E.A. Archaeological Collection of the Altai State Museum of Local Lore: Main Results of Scientific and Fund Work for 2018–2022 // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 316–323. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.48

На протяжении двухвековой истории в фондах Алтайского государственного краеведческого музея (АГКМ) сформировалось представительное собрание предметов, демонстрирующее материальную культуру населения Алтая эпохи древности и Средневековья. В настоящее время работа с археологическими коллекциями АГКМ включает ряд основных направлений: комплектование, учет, хранение, а также изучение и использование музейных предметов. Приведенные виды деятельности объединены в рамках научно-фондовой работы (Горбунов, Тишкин, 2015, с. 3–4). Все действия, осуществляемые с предметами данной коллекции, регламентируются целым рядом нормативных актов (Федеральный закон от 26.05.1996 №54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», Федеральный закон от 26.03.1998 №41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», приказ Министерства культуры РФ от 01.12.2017 №2012 «Об утверждении Положения о Государственном каталоге Музейного фонда Рос-

сийской Федерации», приказ Министерства культуры РФ от 23.07.2020 №827 (ред. от 26.08.2021) «Об утверждении Единых правил организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций» и др.). Неоднократные информационные запросы, поступающие в музей, периодически касаются количественных и качественных показателей фонда археологии. В связи с этим для формирования представления о данном собрании, а также его динамике за последние несколько лет публикуются основные результаты научно-фондовой работы за 2018–2022 гг.

За последние пять лет фонд археологии увеличился на 573 предмета. В 2018 г. сотрудником ООО «Наследие Сибири» Р.В. Белоусовым в АГКМ были переданы многочисленные материалы, обнаруженные археологом в ходе полевых работ на поселениях Ульяновка-2–4 (АГКМ. ОФ 19717, АГКМ. НВФ 7160–7193) и Жерновской Лог-1 (АГКМ. НВФ 7194–7200, 7204) Смоленского района Алтайского края. Большая часть поступлений состояла из фрагментов керамики V–II вв. до н.э., а также имелось несколько каменных орудий, отнесенных автором раскопок к эпохе камня и раннему бронзовому веку (Мамадаков, Бородаев, Белоусов, 2017, с. 123–125).

Несколько фрагментов неорнаментированной керамики с памятника Усть-Теплая-1 (АГКМ. НВФ 7229) Чарышского района Алтайского края поступили в 2019 г. от председателя АНО «Алтайское археологическое общество» М.И. Сафронова. Находки предположительно отнесены к эпохе раннего железного века. В этом же году от жителя г. Барнаула поступил нож-тесак (АГКМ. НВФ 7228) конца XVIII — начала XIX в. Следует отметить, что материалы, полученные за два года, практически полностью вошли в научно-вспомогательный фонд (НВФ) АГКМ.

В 2020 г. археологическую коллекцию пополнил целый ряд предметов, которые по решению экспертной фондово-закупочной комиссии (ЭФЗК) музея были определены в основной фонд учреждения. Два металлических ножа (АГКМ. ОФ 19871) переданы заведующим кафедрой археологии, этнографии и музеологии, д.и.н., профессором АлтГУ А.А. Тишкиным. Оба изделия являются случайными находками с территории Алтайского края и датируются периодом поздней бронзы и переходным временем от эпохи бронзы к раннему железному веку. Введению в научный оборот указанных предметов посвящена отдельная статья (Тишкин, 2019, с. 271–277).

В этом же году при работе с археологическими материалами музея хранителем коллекции «Археология» было выявлено редкое китайское зеркало (АГКМ. ОФ 19942). Данная находка происходила из поступлений начала XX в., так как на предмете имелась этикетка со старым номерным обозначением — «862-42/35», при этом отсутствовал современный инвентарный номер, а также какие-либо записи в книгах поступлений основного и научно-вспомогательного фондов. Совместно со специалистами из Алтайского государственного университета и Новосибирского государственного педагогического университета проведен детальный анализ изделия, который позволил заключить, что предмет изготовлен в период династии Юань

(1271–1368 гг.). Подробные результаты совместного исследования были опубликованы в отдельной статье (Серегин и др., 2021а, с. 42–49).

В 2020–2021 г. Управлением Минкультуры России по СФО (Новосибирский территориальный отдел) осуществился ряд передач археологических предметов, изъятых в судебном порядке у лиц, проводивших раскопки на территории Алтайского края без специального разрешения, а также осуществлявших незаконное приобретение указанных изделий. В результате подобных мероприятий на постоянное хранение в АГКМ поступили 45 металлических изделий (нательные кресты, складни, образа, монеты и другие изделия XIX — начала XX в.; наконечники стрел, детали конской упряжи раннего железного века и Средневековья) (АГКМ. ОФ 19953–19954, 19990, 19998).

Пополнили собрание по археологии коллекции материалов, а также отдельные находки, переданные в фонды учреждения старшим научным сотрудником АГКМ, к.и.н. А.Л. Кунгуровым. Значительная часть предметов была лично собрана археологом на территории Алтайского края и Республики Алтай. Изделия представлены каменной индустрией от среднего палеолита до позднего неолита (50–40 тыс. лет назад — конец V–IV тыс. до н.э.) (АГКМ. ОФ 20014, 20019–20022, 20024, 20047/1–35, 20064–20065, 20104), керамикой эпохи бронзы (II тыс. до н.э. — XI–IX вв. до н.э.) (АГКМ. ОФ 20047/36–37, 20103), обломками сосудов большереченской и староалейской культур переходного времени и раннего железного века (VIII–VI вв. до н.э. — V–I вв. до н.э.) (АГКМ. ОФ 20015, 20017, 20023, 20063), фрагментами венчиков, а также бронзовой сердцевидной бляшкой эпохи Средневековья (АГКМ. ОФ 20063) (Кунгуров, 20186, с. 26–30; 20226, с. 113–119). Благодаря сборам А.Л. Кунгурова археологическое собрание АГКМ в 2021 г. пополнилось еще двумя коллекциями орудий эпохи камня (АГКМ. ОФ 20016, 20018). Находки обнаружены в пещерах Верхнечинетинская-3 и Чагырская, расположенных в Краснощековском районе Алтайского края (Деревянко и др., 2010, с. 79–82). До этого времени в коллекции «Археология» имелась лишь серия предметов, найденных Э.М. Медниковой в отвалах раскопа Усть-Канской пещеры в конце 1960-х — 1970-е гг. (Кунгуров, 1993, с. 54).

В 2021 г. на очередном заседании ЭФЗК было принято решение о сдаче в фонды музея коллекции фрагментов среднеазиатской керамики из сборов Н.С. Гуляева в начале XX в. у Самарканда (АГКМ. ОФ 20026). Данные материалы происходят из «старых поступлений» начала прошлого века, на что указывает наличие на каждом обломке сосуда номерного шифра, вышедшего из употребления, и отсутствие каких-либо сведений о предметах в современной учетной документации. Обладая в первую очередь мемориальной ценностью, рассматриваемая серия керамики иллюстрирует исследовательскую деятельность известного историка и краеведа, внесшего значительный вклад в изучение историко-культурного наследия Алтайского края и сопредельных территорий.

Помимо этого, в 2022 г. в собрание АГКМ поступили три наконечника стрел (АГКМ. ОФ 20060–20062), случайно обнаруженные на территории Алейского и Ребрихинского районов Алтайского края, а также Шемонаи-

хинского района Республики Казахстан. Атрибуция находок позволила установить, что изделия соотносятся с культурами населения различных хронологических периодов: тасмолинская культура раннескифского времени (VII–VI вв. до н.э.), кулайская культура гунно-сарматского времени (I в. до н.э. — IV в. н.э.), кармацкая культура эпохи Средневековья (XIII–XIV вв. н.э.) (Кунгуров, 2022а, с. 409–413).

Большое внимание при работе с археологической коллекцией уделяется сохранению музейных предметов. В 2018 г. в связи с предстоящей реконструкцией Алтайского государственного краеведческого музея и созданием новой постоянной экспозиции возникла необходимость реставрации отдельных находок. На заседании специальной комиссии учреждения был утвержден список из 56 изделий собрания «Археология», представляющих интерес для будущей выставочной деятельности и нуждающихся в проведении реставрационных и консервационных работ. В данный перечень вошли предметы из металла эпохи бронзы, раннего железного века и Средневековья: ножи, топоры, чеканы, наконечники стрел и копий, детали поясной фурнитуры, элементы конского снаряжения, украшения. Для проведения необходимого комплекса мероприятий, направленных на предотвращение последующих разрушений и достижение оптимальных условий продолжительного сохранения музейных предметов, был заключен договор с ИП Савенкова М.В. (г. Томск). В результате осуществлены следующие реставрационные процессы: очистка находок от поверхностных наслоений, ингибирование коррозии, консервация, в некоторых случаях произведено склеивание фрагментированных изделий. Перед началом и окончанием работ проведена фотофиксация вещей, составлены реставрационные паспорта, а также даны рекомендации по дальнейшему хранению предметов.

С 1 декабря 2017 г. после вступления в силу приказа Министерства культуры РФ №2012 «Об утверждении Положения о Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации» в рамках научно-фондовой работы в АГКМ осуществляется активная работа по введению предметов коллекции «Археология» в Государственный каталог. Благодаря четкой системе планирования достигнуты весьма высокие результаты в этом направлении. Так, к 31 декабря 2022 г. в электронной системе ГК РФ были зарегистрированы 10 588 предметов археологии из 13 811 ед. хранения ОФ АГКМ (76,7%). Безусловно, научно-информационный потенциал ресурса открывает широкие возможности для дистанционного доступа исследователей к археологическому собранию АГКМ.

В рамках научно-фондовой работы осуществляется постоянный процесс изучения археологического собрания музея. Эта работа проводится сотрудниками не только в процессе атрибуции и экспертизы новых поступлений, но и при исследовании более ранних коллекций. Помимо этого, действуя в рамках законодательства (ст. 35 Федерального закона от 26.05.1996 №54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»), Алтайский государственный краеведческий музей предостав-

ляет возможность работы с музейными предметами всем заинтересованным лицам. Следует отметить, что фонд археологии является одним из наиболее востребованных собраний музея среди исследователей. Так, за последние пять лет поступило 14 письменных запросов от студентов, аспирантов, а также специалистов исторических направлений АлтГУ, АлтГПУ и других учреждений о разрешении работы с музейными предметами коллекции «Археология». Результатом активной работы в исследовательском направлении стал выход целого ряда статей, посвященных различным аспектам изучения отдельных предметов или коллекций собрания (Кунгуров, 2018а, с. 218–221; Мамонтова, Толкацкая, 2018, с. 76–80; Тишкин, 2019, с. 271–278; Радовский, Нарудцева, Серегин, 2020, с. 127–133; Му, 2021, с. 175, 177–178; Нарудцева, 2021, с. 126–131; Серегин и др., 2021а, с. 42–49; 2021б, с. 225–241; Филиппова, Шелепова, 2022, с. 281–285; Кунгуров, 2022а, с. 409–413; 2022б, с. 113–119). Отдельно следует отметить публикации, в которых рассматривается вклад того или иного исследователя в формирование археологического собрания АГКМ (Нарудцева, 2020, с. 348–349; Нарудцева, Радовский, Серегин, 2020а, с. 50–64; Нарудцева, Радовский, Серегин, 2020б, с. 56–68; Радовский, Нарудцева, 2022, с. 72–77). В работах других авторов представлен опыт демонстрации предметов археологии, а также приводится современный взгляд на возможности интерпретации и популяризации археологического наследия (Тишкин, Фролов, 2018, с. 140–144; Толкацкая, 2018а, с. 251–257; 2018б, с. 1851–1854; Кунгуров, 2021, с. 408–412; Филиппова, 2021, с. 279–283).

Помимо этого, материалы из коллекции «Археология» широко используются в культурно-просветительной и выставочной работе АГКМ. За период с 2018 по 2022 г. на экспозиционных и выставочных площадках учреждения было задействовано порядка 280 ед. хранения. Было выдано свыше 50 предметов на интерактивные музейные программы различной направленности. Опыт использования предметов археологии из собрания музея в указанных видах деятельности будет более подробно рассмотрен в отдельной публикации.

Подводя итог, следует отметить, что по состоянию на 31 декабря 2022 г. коллекция «Археология» Алтайского государственного краеведческого музея насчитывает 17 396 ед. хранения, из которых 13 811 ед. отнесены к основному фонду (ОФ), а 3585 ед. — к научно-вспомогательному (НВФ). За прошедшие пять лет археологическое собрание расширилось за счет поступления случайных находок от местного населения, передачи материалов экспедиций и сборов с территории Алтайского края и Республики Алтай, а также приема конфискованных изделий от Управления Минкультуры России. Отдельное внимание уделяется реставрации и консервации предметов, имеющих значение для будущих выставочных проектов. В рамках учетной деятельности осуществляется введение рассматриваемой коллекции в Государственный каталог Музейного фонда РФ. Три четверти предметов археологии основного фонда АГКМ уже занесены в данную систему. Результаты научно-исследовательской деятельности, направленной на всестороннее изучение собрания, широко представлены

в многочисленных статьях сотрудников музея и специалистов из других организаций. Наиболее показательные археологические находки активно используются при организации постоянных и временных экспозиций, а также при проведении интерактивных музейных программ.

Список источников

- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Научно-фондовая работа в музее. Барнаул, 2015. 140 с.
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкина В.С., Зыкин В.С., Антипов А.С., Кунгуров А.Л. Комплексные исследования Чагырской пещеры (объект среднего палеолита Алтая) в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2010. Т. 16. С. 79–82.
- Кунгуров А.Л. Три палеолитические коллекции из фондов АККМ // Алтайский сборник. 1993. Вып. XVII. С. 54–58.
- Кунгуров А.Л. Каменный топор из Барнаула (Алтайский край) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIV. Барнаул, 2018а. С. 218–221.
- Кунгуров А.Л. К археологической карте Краснощековского района (Алтайский край) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIV. Барнаул, 2018б. С. 26–30.
- Кунгуров А.Л. Археологические материалы в региональной военной истории: проблемы интерпретации и использования // VI Ядринцевские чтения. 2021. С. 408–412.
- Кунгуров А.Л. Железный черешковый наконечник стрелы // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVIII. Барнаул, 2022а. С. 409–413.
- Кунгуров А.Л. Палеолитическое местонахождение Манжерок-I // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2022б. Вып. 17. С. 113–119.
- Мамадаков Ю.Т., Бородаев В.Б., Белоусов Р.В. Археологическая разведка в Смоленском районе Алтайского края весной 2015 г. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIII. Барнаул, 2017. С. 123–125.
- Мамонтова О.С., Толкацкая А.С. Кресты-тельники с памятника «Нагорное кладбище» Барнаула в собрании Алтайского государственного краеведческого музея // Интеграция археологических и этнографических исследований. 2018. С. 76–80.
- Му Ц. Коллекции керамической посуды пазырыкской культуры в музеях г. Барнаула // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах — важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии. Омск, 2021. Ч. 2. С. 174–180.
- Нарудцева Е.А. Материалы полевых исследований Э.М. Медниковой и В.А. Могильникова в археологическом собрании АГКМ // Молодежь — Барнаулу. Барнаул, 2020. С. 348–349.
- Нарудцева Е.А. Формирование коллекции металлических зеркал в собрании Алтайского государственного краеведческого музея // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2021. Вып. 16. С. 126–131.
- Нарудцева Е.А., Радовский С.С., Серегин Н.Н. К вопросу о значении полевых исследований Э.М. Медниковой в развитии археологии Алтая // Народы и религии Евразии. 2020а. №4 (25). С. 50–64.
- Нарудцева Е.А., Радовский С.С., Серегин Н.Н. Основные этапы археологических исследований Э.М. Медниковой на Алтае // Народы и религии Евразии. 2020б. №1 (22). С. 56–68.

Радовский С.С., Нарудцева Е.А. Коллекции керамики из раскопок В.А. Могильникова в Красногорском районе Алтайского края (по материалам Алтайского государственного краеведческого музея) // Известия Алтайского государственного университета. 2022. №2 (124). С. 72–77.

Радовский С.С., Нарудцева Е.А., Серегин Н.Н. Коллекции быстрянской культуры в археологическом собрании Алтайского государственного краеведческого музея // Известия Алтайского государственного университета. 2020. №5 (115). С. 127–133.

Серегин Н.Н., Нарудцева Е.А., Чистякова А.Н., Радовский С.С. Металлическое зеркало юаньского времени из собрания Алтайского государственного краеведческого музея // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021а. №1 (52). С. 42–49.

Серегин Н.Н., Нарудцева Е.А., Чистякова А.Н., Радовский С.С. Средневековые зеркала из собрания Алтайского государственного краеведческого музея // Теория и практика археологических исследований. 2021б. №2 (33). С. 225–241.

Тишкин А.А. Рентгенофлуоресцентный анализ двух металлических ножей (случайные находки с территории Алтайского края) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXV. Барнаул, 2019. С. 271–278.

Тишкин А.А., Фролов Я.В. Значение музейных археологических каталогов для исследовательской деятельности // Значение природного и культурного наследия в современном обществе. 2018. С. 140–144.

Толкацкая А.С. Археологические коллекции в экспозициях и выставках Алтайского государственного краеведческого музея в 1950–1980-е гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIV. Барнаул, 2018а. С. 251–257.

Толкацкая А.С. Опыт демонстрации археологических коллекций в экспозициях и выставках Алтайского государственного краеведческого музея в конце XX — начале XXI вв. // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и техники. 2018б. С. 1851–1854.

Филиппова О.Г. Популяризация археологического наследия Алтая: опыт и перспективы развития // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2021. Вып. 16. С. 279–283.

Филиппова О.Г., Шелепова Е.В. Коллекция тюркских изваяний Алтайского государственного краеведческого музея // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности. Новосибирск, 2022. С. 281–285.

Информация об авторе / Information about the Author

Елена Александровна Радовская, Алтайский государственный краеведческий музей, отдел фондов, научный сотрудник; 656043, Россия, г. Барнаул, ул. Ползунова, 46а, <https://orcid.org/0000-0003-3512-7899>, e-mail: narudtseva@mail.ru; Алтайский государственный университет, Лаборатория междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая АлтГУ, младший научный сотрудник, кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61.

Elena A. Radovskaya, Altai State Museum of Local Lore, Department of Funds, Researcher; 656043, Russia, Barnaul, st. Polzunova, 46a, <https://orcid.org/0000-0003-3512-7899>, e-mail: narudtseva@mail.ru; Altai State University, Laboratory for Interdisciplinary Study of Archaeology of Western Siberia and Altai State University, Junior Researcher, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Postgraduate Student; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61.

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

**ОТ ЛОПАТЫ ДО АЙПАДА. КОЛЛЕКЦИЯ БРОНЗОВОГО ЛИТЬЯ
С КУЛЬТОВОГО МЕСТА У С. ВЕРХ-СУЗУН
(опыт музейной презентации)**

Сергей Георгиевич Росляков, Юлия Константиновна Шуклина

Новосибирский государственный краеведческий музей, Новосибирск, Россия

Резюме. Археологической экспедицией ГАУК НСО «Новосибирский государственный краеведческий музей» у с. Верх-Сузун исследован археологический памятник — культовое место эпохи развитого железа, относящееся к верхнеобской культуре (VI–VIII вв. н.э.). На памятнике найдено 140 бронзовых предметов, преимущественно антропоморфных и зооморфных изображений. По материалам находок в краеведческом музее был подготовлен музейный проект «Дети Неба», осуществлявшийся в 2018–2021 гг. По материалам раскопок проведено три выставки в залах краеведческого музея, интерактивная выставка в мультимедийном историческом парке «Россия — моя история», создана электронная игра для музейного сенсорного киоска, выпущена коллекция сувенирной продукции. В 2021 г. осуществлен иммерсивный выставочный проект «Дети Неба», который средствами звука, мультимедиа и организации выставочного пространства обеспечил погружение в мир древнего жителя Сибири.

Ключевые слова: музейная деятельность, выставка, культовые предметы, бронзовое культовое литье, сувенирная продукция, иммерсивный проект

Для цитирования: Росляков С.Г., Шуклина Ю.К. От лопаты до айпада. Коллекция бронзового литья с культового места у с. Верх-Сузун (опыт музейной презентации) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 324–328. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.49

**FROM A SHOVEL TO AN iPad. COLLECTION OF BRONZE CASTING
FROM A CULT PLACE NEAR THE VILLAGE OF VERH-SUZUN
(Museum Presentation Experience)**

Sergei G. Roslyakov, Yulia K. Shuklina

Novosibirsk State Museum of Local History and Nature, Novosibirsk, Russia

Abstract. An archeological cult site of the Middle Iron Age, belonging to the Upper-Ob culture (VI–VIII centuries AD) near the village Verkh-Suzun was investigated by the archaeological expedition of the Novosibirsk State Museum of Local History and Nature. 140 bronze objects, mostly anthropomorphic and zoomorphic images, were found at the site. Based on the materials of the findings from the collection of the Museum of Local History and Nature, the museum project *Children of Heaven* was prepared. The project was carried out in 2018–2021. Based on the materials of the excavations, three exhibitions were held in the museum, as well as an interactive exhibition in the multimedia historical park *Russia-My History*. Apart from that, an electronic game was created for the museum's sensory kiosk, and a collection of souvenirs was released. In 2021, an immersive exhibition

project *Children of Heaven* was implemented, which, using sound, multimedia and organization of the exhibition space, provided immersion into the world of an ancient inhabitant of Siberia.

Keywords: museum activity, exhibition, cult objects, bronze cult casting, souvenirs, immersive project

For citation: Roslyakov S.G., Shuklina Yu.K. From a Shovel to an iPad. A Collection of Bronze Castings from a Cult Place Near the Village of Verkh-Suzun (Museum Presentation Experience) // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 324–328. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.49

Популяризация исторического наследия — одна из главных задач музейной деятельности, наряду с комплектованием, сохранением и изучением объектов культурного наследия территории, в частности археологического наследия. В этом направлении одним из основных проблемных вопросов является поиск новых форм работы с посетителем. Музейная среда прошла путь от традиционного хронологического показа древностей к полной замене подлинных предметов цифровыми изображениями, обнаружила сильные и слабые стороны этих методов, накопила определенный практический багаж. Наш опыт в прохождении всего музейного цикла от обнаружения предмета до его комплексного продвижения и экспонирования, найденные формы и приемы могут стать действующим, полноценным инструментом, пригодным для использования в любом музее России.

В 2017 г. археологическим отрядом ГАУК НСО «Новосибирский государственный краеведческий музей» под руководством автора был открыт новый археологический памятник у с. Верх-Сузун Сузунского района Новосибирской области. Здесь на небольшом мысу правого берега р. Слезянка расположено поселение, состоящее из шести западин, вытянутых в два ряда вдоль берега реки. В результате обследования территории и раскопок памятника в 2018–2021 гг. были выявлены два археологических слоя: ранний — поселение эпохи поздней бронзы (X–VIII вв. до н.э.) и поздний — культовое место эпохи развитого железа (VI–VIII вв. н.э.).

На культовом месте было найдено 179 бронзовых предметов, располагавшихся пятью большими скоплениями. Вещи находились в пахотном слое и явно были перемещены со своего изначального местоположения во время вспашки земли под посев. Набор культовых предметов включает бронзовые литые изображения хищных птиц с распростертыми крыльями, водоплавающих птиц, различные антропоморфные изображения, изображения людей с крыльями, всадников на коне, на волке и на медведе, изображения идущих или стоящих медведя, лошади, а также разнообразные подвески. Кроме того, найдены железный нож и ременная пряжка. Большая часть предметов изготовлена в технике плоского литья в двусторонней форме без дальнейшей обработки поверхности. Изображения фигур животных и людей схематичны. Несколько изделий выполнены в технике плоского литья с элементами объемного литья, с проработкой деталей, удалением швов, шлифовкой поверхности, применением высокого рельефа. Эти изображения очень реали-

стичны. Особняком стоят два высокохудожественных изображения медведя, выполненные в технике полого литья.

По результатам археологических исследований было принято решение о разработке и реализации научно-популярного музейного проекта «Дети Неба». Уже в августе 2018 г. к Дню археолога в НГКМ была подготовлена выставка, ее основой стали археологические находки прошедшего полевого сезона и этнографические источники — мифы и легенды угорских и самодийских народов Сибири. Предметы были размещены в трех горизонтальных витринах, поставленных на площадке второго этажа парадной лестницы перед входом в выставочные залы музея. В витринах предметы были представлены по группам изображений, сопровождалась сводными этикетками с пояснением семантики художественных образов и толкованием сюжетов. На стене над витринами были повешены баннеры с увеличенными изображениями наиболее аттрактивных предметов, с краткой информацией о находках на центральном баннере и текстами мифов о происхождении медведя и птицы скопы. Тексты раскрывали семантику наиболее массовых находок — изображений медведя и хищной птицы с распахнутыми крыльями. Одновременно по материалам раскопок была подготовлена мультимедийная выставка и компьютерная игра для демонстрации в историческом парке «Россия — моя история», в тот момент филиале краеведческого музея. Выставка представляла собой электронную презентацию предметов на больших экранах, размещенных в холле здания исторического парка. Презентация работала non-stop в течение всего времени экспонирования. Здесь же располагался сенсорный информационный киоск, с помощью которого можно было поиграть в «настоящую археологию», расчищая предметы в раскопе с помощью электронной кисти. Каждое новое открытие на экране сопровождалось всплывающим пояснительным текстом о находке.

Для популяризации археологических программ музея и археологического наследия Новосибирской области в конце 2018 г. был выпущен настольный календарь на 2019 г. с изображениями наиболее интересных находок с памятника Верх-Сузун-10, а также шоколад в форме птицы. В качестве сопроводительных подписей на календаре были размещены слоганы-ассоциации еще одного проекта музея «Обратная перспектива и другие фокусы», начинающиеся со слов «Музей — это...».

В продолжение проекта «Дети неба» по материалам коллекций культового литья из фондов НГКМ была выпущена линейка сувенирной продукции с графическими монохромными изображениями культовых предметов эпохи развитого железа: футболки, холщовые сумки, шейные платки, кружки и термостаканы, письменные принадлежности, магниты, значки, а также шоколад в форме птицы и леденцы. Позже набор сувенирной продукции был дополнен металлическими украшениями в виде фигурок птиц с личиной на груди (подвески, серьги, браслеты).

В 2019 г. материалы культового места у с. Верх-Сузун были опубликованы в журнале «National Geographic Россия», а в 2020 г. — в журнале «Сибирь».

ские Огни». Кроме того, в рамках музейной программы «Четверги в музее», а также на площадке Международного национального фестиваля «Наши корни. Сделано в Сибири» в Ордынском районе Новосибирской области были прочитаны научно-популярные лекции о находках бронзового культового литья в Сузунском районе. В 2019 г. на Пятом Северном археологическом конгрессе были подведены первые итоги осуществления проекта «Дети Неба» (Росляков, Шуклина, 2019, с. 429–431).

В 2020 г. Новосибирский краеведческий музей совместно с Пермским краеведческим музеем в залах НГКМ развернул выставку «Поиск утраченных миров», на которой были представлены материалы пермского звериного стиля Пермского края и сибирского звериного стиля с берегов Верхней Оби.

В 2021 г. в рамках грантового конкурса Российского фонда культуры был подготовлен и осуществлен иммерсивный выставочный проект «Дети неба», ставший результатом совместной работы ученых, сотрудников музея, музыкантов, художников, сценографов и специалистов IT-технологий Сибири. Идея проекта: презентация уникальной археологической коллекции и объемный, содержательный рассказ о мифо-культурной картине мира традиционного населения Сибири — обских утров и самодийцев новыми средствами. В результате предыдущего выставочного опыта стало очевидно, что традиционные методы музейного показа — коллекционный показ предметов культового литья, их аналогий — неизбежно будут сопровождаться объемными текстами и громоздкими пояснениями, что не даст посетителю нужной степени понимания мира древних народов Западной Сибири. Оптимальным способом достижения поставленной цели стало создание иммерсивного проекта, который средствами звука, мультимедиа и организации выставочного пространства обеспечил погружение в мир древнего жителя Сибири. Выставочное пространство организовано лаконично: периметр экспозиционного зала представляет собой проекционные экраны, на которые потоково проецируется видеоконтент в виде трех разных сюжетов. Видео для проекта разработано сибирскими художниками и представляет три ключевые истории в картине мира народов Западной Сибири: организацию пространства и образы верхнего и нижнего миров (мест, где, по верованиям древних, жили духи) и среднего мира (где жил человек). Видео сопровождается музыкальным произведением, созданным специально для проекта музыкальным коллективом NovikoffMakowski sound project. В центре зала размещается выставочная деревянная конструкция, похожая на спиральную лестницу, столб или дерево, с интегрированными внутрь нее и по внешнему периметру витринными объемами для размещения экспонатов выставки. Форма и образ не случайны — предметы культового литья, представленные на выставке, служили посредниками для древнего человека при его взаимодействиях с миром духов, т.е. помогали «подниматься» в верхний мир или «опускаться» в нижний. Конструкция снабжена сквозным проходом, что позволяет посетителю выставки войти внутрь объема и самому с помощью кнопки «пуск» выбрать персонаж верхнего или нижнего миров, от которого изменится видеоконтент в выста-

вочном зале, т.е. самому «изменить мир» выставочного зала. Использование новых форм показа музейных собраний позволяет привлечь в музей современную молодежную аудиторию, для которой выставка становится своеобразным открытием новых сторон собственной культурной идентичности.

Таким образом, в течение четырех лет в НГКМ был разработан и осуществлен новый музейный проект, включающий полевые и камеральные научные исследования, организацию традиционной, мультимедийной и иммерсивной выставок, лекции и научно-популярные публикации, создание электронной игры, выпуск календаря и линейки сувенирной продукции.

Список источников

Росляков С.Г., Шуклина Ю.К. От лопаты до айпада: музейный проект «Дети Неба» // V северный археологический конгресс. Ханты-Мансийск ; Екатеринбург, 2019. С. 429–431.

Информация об авторах / Information about the Authors

Сергей Георгиевич Росляков, Новосибирский государственный краеведческий музей, главный научный сотрудник; 656099, Россия, г. Новосибирск, Красный проспект, 23; кандидат исторических наук; <https://orcid.org/0000-0003-0173-6960>, serggeorg1962@gmail.com

Sergei G. Roslyakov, Novosibirsk State Museum of Local History and Nature, Chief Researcher; 656099, Russia, Novosibirsk, Krasny Prospekt, 23; Candidate of Historical Sciences; <https://orcid.org/0000-0003-0173-6960>, serggeorg1962@gmail.com

Юлия Константиновна Шуклина, Новосибирский государственный краеведческий музей, директор; 656099, Россия, г. Новосибирск, Красный проспект, 23; кандидат исторических наук; j_shuklina@nso.ru

Yulia K. Shuklina, Novosibirsk State Museum of Local History and Nature, Director; 656099, Russia, Novosibirsk, Krasny Prospekt, 23; Candidate of Historical Sciences; j_shuklina@nso.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья/Article

УДК: 069.4(571.51)

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.50

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕМЫ «СИБИРСКАЯ ССЫЛКА В.И. ЛЕНИНА» В ЭКСПОЗИЦИОННО-ВЫСТАВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ШУШЕНСКОЕ»

Полина Викторовна Савченко

*Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское»,
Шушенское, Красноярский край, Россия*

Резюме. В статье проанализирована экспозиционно-выставочная деятельность музея-заповедника «Шушенское» от его основания до настоящего времени, обозначено ее содержание и выделены основные этапы происходивших в ней изменений.

Основное внимание уделяется анализу развития «ленинской темы» на материале сохранившихся официальных документов о работе музея. Созданный как мемориальный музей В.И. Ленина, музей в Шушенском за время своего существования превратился в историко-этнографический музей-заповедник с различными формами работы. Представление музейными средствами жизни и деятельности В.И. Ленина как исторической личности изменилось, но продолжает оставаться одним из основных направлений деятельности музея.

Ключевые слова: экспозиция, выставка, В.И. Ленин, музей, мемориальный

Для цитирования: Савченко П.В. Эволюция темы «Сибирская ссылка В.И. Ленина в экспозиционно-выставочной деятельности музея-заповедника «Шушенское» // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 328–335. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.50

THE EVOLUTION OF THE THEME “V.I. LENIN’S SIBERIAN EXILE” IN THE EXPOSITION AND EXHIBITION ACTIVITY OF THE “SHUSHENSKOYE” MUSEUM-RESERVE

Polina V. Savchenko

*Historical and ethnographical museum-reserve «Shushenskoye», Shushenskoye,
Krasnoyarsk Territory, Russia*

Abstract. The article analyzes the exposition and exhibition activity of the museum-reserve «Shushenskoye» from its foundation to the present time, its content is indicated and the main stages of the changes that took place in it are highlighted. The main attention is paid to the analysis of the development of the “Lenin theme” on the material of the preserved official documents about the work of the museum. Created as a memorial V.I. Lenin’s museum, during its existence it has turned into a historical and ethnographical museum-reserve with various forms of work. The presentation of V.I. Lenin’s life and activity by museum means as a historical figure has changed, but continues to be one of the main activities of the museum.

Keywords: exposition, exhibition, V.I. Lenin, museum, memorial

For citation: Savchenko P.V. Evolution of the Theme “V.I. Lenin’s Siberian Exile” in the Exposition and Exhibition Activity of the “Shushenskoye” Museum-Reserve // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 328–335. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.50

Дом-музей В.И. Ленина был открыт в 1930 г. как историко-революционное отделение Минусинского краеведческого музея и до 1970 г. размещался в двух крестьянских домах, в которых жил В.И. Ленин в 1897–1900 гг. в с. Шушенском, отбывая срок политической ссылки. Музей согласно созданной самим Лениным теории строительства социалистической культуры должен был в первую очередь служить задачам преодоления невежества и отсталости народных масс. На страницах журнала «Советский музей» декларировалось: «Для нас музей есть политико-просветительный комбинат...» (Советский музей, 1931, с. 5). В 1930 г. заведующий музеем П.С. Суханов отмечал: «Для возникшего в Шуше музея предстоит огромная работа в интересах социалистического строительства, и чтобы имя Ильича у темных крестьян было окружено надлежащим ореолом» (Мельникова, 2020, с. 50).

Первая экспозиция дома-музея В.И. Ленина состояла из трех разделов: «Россия самодержавная», «Россия революционная», «Социалистические преобразования на селе». Основным разделом был второй. В нем были ленинские произведения о революционной борьбе рабочего класса и крестьянства, о победе трудящихся в Великой Октябрьской социалистической революции, Гражданской войне. Особое место в этом разделе занимала тема «Арест и ссылка В.И. Ленина в с. Шушенское». Были представлены портрет Владимира Ильича, фотографии, витрина с его произведениями, написанными в годы ссылки. Главными мемориальными памятниками музея служили дома, в которых жил В.И. Ленин, улицы и сама земля, по которой он ходил, окрестности села.

Открытый в небольшом отдаленном селе, музей неизбежно испытывал дефицит квалифицированных научных кадров. На одном из заседаний Западно-Сибирского отделения Всесоюзного общества старых большевиков заведующий истпартотделом Сибкрайкома В.Д. Вегман зачитал доклад, в котором была описана экспозиция музея 1932 г.: «Этот музей производит удручающее впечатление. Дело в том, что прежний заведующий (бывший эсер П.С. Суханов) был по образованию агроном. Музею он старался придать сельскохозяйственный уклон. <...> Многие комнаты музея были заставлены чучелами разных птиц. <...> Имелся специальный отдел жуков, бабочек, гусениц и, даже, тараканов. <...> Небольшая комната отведена под историко-революционный отдел. Там были портреты В.И. Ленина и наших вождей, но все они расположены бессистемно и в окружении портретов народовольцев, народников, видных эсеров. Этот отдел не давал никакого представления ни об истории революции вообще, ни об истории нашей партии» (Музей в Шушенском..., 2020, с. 14).

С 1933 г. в Доме-музее готовится новая фотодокументальная экспозиция, план которой был разработан согласно рекомендациям историко-партийного отдела крайкома ВКП(б). Он включал следующие разделы: 1. Арест и ссылка Ленина. 2. Через ссылку и каторгу к пролетарской революции. 3. Гражданская война 1918–1920 гг. 4. Социалистическое строительство. 1 января 1939 г. музей был передан в ведение Красноярского крайкома ВКП(б) и вошел в систему Центрального музея В.И. Ленина. В 1940 г. была открыта для посетителей экспозиция в доме А.Д. Зырянова.

В послевоенные 1950-е гг. экспозиция музея дополнилась воссозданной бытовой обстановкой в домах. В доме А.Д. Зырянова в комнате Ленина экспонировались предметы, возвращенные в Шушенское Центральным музеем Ленина: деревянная кровать, барометр, стулья, стол. В остальных трех комнатах была размещена историко-революционная композиция, которая начиналась с раздела «Семья Ульяновых. Детские, юношеские годы и начало революционной деятельности В.И. Ленина». Далее размещалась экспозиция по казанскому, самарскому и петербургскому периодам революционной деятельности В.И. Ленина. Последний раздел экспозиции назывался «Арест и ссылка В.И. Ленина в Восточную Сибирь», «Приезд в Шушенское» (Архив

ШМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 167. Л. 1). В доме П.О. Петровой также была воссоздана бытовая обстановка, окружавшая Владимира Ильича. Комнату хозяйки занимала документальная экспозиция о жизни и революционной деятельности Ленина в ссылке. На стенах размещались картограммы: «Путь следования В.И. Ленина в сибирскую ссылку», «Населенные пункты, которые посещал В.И. Ленин из Шушенского», «Ленинские места в окрестностях Шушенского» и другие, а также художественные произведения сибирской ленинианы — «Ленин и Крупская в сибирской ссылке за работой», «Протест 17 социал-демократов в с. Ермаковское под руководством В.И. Ленина» и другие (Архив ШМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 165. Л. 3). В музее экспонировались подлинные издания работ В.И. Ленина, журналы с публикацией его статей, около 400 томов литературы на русском и иностранных языках, которую читал В.И. Ленин в Шушенском. В 1954 г. у дома, где была вторая квартира В.И. Ленина, был установлен памятник Ленину работы скульптора-монументалиста Н.В. Томского. В 1956 г. на мемориальных домах были установлены мраморные доски с барельефом В.И. Ленина.

Вплоть до конца 1960-х гг. активно благоустраивалась территория, прилегающая к ленинским домам: было установлено бетонно-металлическое ограждение мемориальных усадеб, высажены деревья и кусты, разбиты газоны и цветники, проложены дорожки, установлены скамейки. В домах было проведено электрическое освещение и отопление. Руководство, стремившееся сделать все, чтобы посещение Дома-музея запомнилось гостям, неожиданно получает негативные отзывы: «Очень обидно, что не чувствуется подлинной обстановки ленинских комнат — заходишь как в современную квартиру <...> Не лакируйте действительность тех лет. Ссылка — не рай» (Архив ШМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 57 Л. 80).

В преддверии 100-летнего юбилея со дня рождения В.И. Ленина в Шушенское не раз выезжали научные и партийные комиссии, характеризовавшие в своих заключениях обстановку, воссозданную в музее, как «выхоленную» и «не соответствующую той, которая окружала В.И. Ленина в ссылке» (Музей в Шушенском..., 2020, с. 54). Комиссия 1966 г. пришла к выводу, что музейный показ двух отдельных домов не дает правильного представления об условиях ссылки, и рекомендовала рассмотреть вопрос о создании в Шушенском мемориальной зоны в районе, прилегающем к домам-музеям.

24 апреля 1968 г. вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по развитию и благоустройству поселка Шушенского и других памятных мест, связанных с пребыванием В.И. Ленина в сибирской ссылке». Первым пунктом Постановления было создание в Шушенском к апрелю 1970 г. мемориального заповедника «Сибирская ссылка В.И. Ленина». Над проектом музея-заповедника работала большая группа архитекторов Всесоюзного производственного научно-реставрационного комбината Министерства культуры СССР под руководством Б.В. Гнедовского. 30 мая 1969 г. Министерство культуры РСФСР издало Приказ №380 «О закреплении объектов заповедника „Сибирская ссылка В.И. Ленина“ за экспозиционерами»,

согласно которому была создана постоянная группа из 18 человек в целях построения экспозиции музея. В нее вошли сотрудники НИИ культуры, Государственного музея этнографии народов СССР, Государственного исторического музея, Центрального музея революции СССР. Руководителем был назначен кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ культуры МК РСФСР П.Я. Букшпан. Художественное оформление экспозиции было выполнено Комбинатом декоративно-оформительского искусства Московского отделения Художественного фонда РСФСР под руководством А. Гравеса. Таким образом, постоянная экспозиция в музее-заповеднике «Сибирская ссылка В.И. Ленина» была создана лучшими на тот момент в стране музейными специалистами. Под их руководством имели возможность работать несколько сотрудников музея, которые в дальнейшем смогли самостоятельно поддерживать содержание музейного комплекса.

В открытом 12 апреля 1970 г. Музее-заповеднике «Сибирская ссылка В.И. Ленина» в двух из 29 исторических домов была создана мемориальная экспозиция (усадьбы 3 и 12 по музейной нумерации), в девяти — историко-революционная (усадьбы 1, 4, 5, 7, 9, 13, 15, 25, 30), в одиннадцати — историко-бытовая (усадьбы 6, 8, 10, 11, 16, 17, 18, 19, 22, 23, 24). Архитектурная экспозиция была представлена всем комплексом сооружений заповедника. В качестве филиала в состав музея вошли также два исторических дома в с. Ермаковском (Архив ШМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 190. Л. 1).

При создании экспозиций разработчиками ставились определенные цели. Например, для экспозиции дома №4: «Показать жизнь и деятельность соратников В.И. Ленина в годы сибирской ссылки, их постоянный рост как революционеров; показать, что ссылка сплотила всех социал-демократов и объединила вокруг Ленина» (Архив ШМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 190. Л. 4). Цель создания выставки «Адвокатская деятельность» заключалась в следующем: «Доказать, что, занимаясь адвокатской практикой, Владимир Ильич не служил царскому строю, а боролся с ним и за стенами суда, и в суде» (Архив ШМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 218. Л. 2). Музей должен был не только рассказывать о жизни и деятельности В.И. Ленина, но и продемонстрировать, как воплощаются в жизнь заветы Ленина. В выставках отражались деятельность Советов, партии, комсомола, достижения в области передового промышленного производства, сельского хозяйства, образования, медицины, культуры. Посетитель должен был осознать, что претворение в жизнь морального кодекса строителей коммунизма вызывает необходимость обращаться к теоретическому наследию В.И. Ленина. «...езде и во всем имя Ленина с нами. Мы будем нести, несли и несем — его, Ильичево, знамя» (Архив ШМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 238. Л. 2). В материалах выставок подчеркивалась роль КПСС в руководстве советским народом в борьбе за торжество идей коммунизма. Для создания таких выставок использовались фотокопии, ксерокопии рукописных работ В.И. Ленина, экспонаты, показывающие успехи тружеников Красноярского края и Шушенского района. Теоретическая информация, например соотношение сил на мировой арене системы социализма и лагеря империализма, показывалась с помощью карт, схем и диаграмм.

К идеологическим мероприятиям, проводимым в музее, таким как прием в пионеры, в комсомол, вручение партийных документов и пр., специально создавались актуальные документальные и фотовыставки. Например, «К 75-летию 1-го номера «Искры», «К 30-летию Победы» и др.

Несмотря на то что значительную часть фонда Музея-заповедника составляли предметы этнографии сибирского крестьянства, создание выставок на этнографическую тему не поощрялось. В одном из протоколов методического бюро за 1977 г. есть запись: «Наш музей ленинский, не имеет никакого отношения к этнографии, незачем тратить средства и отвлекать сотрудников» (Музей в Шушенском..., 2020, с. 64). Документально-иллюстративная часть экспозиции продолжала дополняться и расширяться: создана новая экспозиция «Торжество Ленинских идей» и маршрут «Ленин и соратники», фондовые выставки «Памяти вождя» (по книге «У великой могилы», изданной в 1924 г.), выставка «Воспоминания о В.И. Ленине» (издания воспоминаний соратников В.И. Ленина 1920–1930-х гг., первые издания биографии В.И. Ленина, фотоальбомы разных лет, грампластинки), персональная выставка В.П. Бутанаева «Сибирская художественная лениниана» и другие. Такой вектор развития музея был определен структурами, которым он был подчинен: Центральным музеем В.И. Ленина и краевым комитетом КПСС. О том, как хорошо музей выполнял возложенную на него функцию идеологического центра, можно судить по присвоенной учреждению в 1980 г. высокой награде: Указом Президиума Верховного Совета СССР Дом-музей В.И. Ленина в Шушенском был награжден орденом Октябрьской революции.

В начале 1980-х гг. было принято решение о «перестройке» документально-иллюстративной экспозиции, но работы затянулись до конца 1980-х гг. и вследствие начавшихся политических перемен в стране так и не были завершены. В это же время активизировалась работа с этнографическим материалом. Из доклада директора Музея-заповедника Ю.А. Иванова от 24 ноября 1988 г.: «Почему иногда нам не показывать, как ткали одежду, жали и молотили хлеб, водили хороводы, собирались на вечерки и пели песни. Все это с интересом наблюдал В.И. Ленин...» (Музей в Шушенском..., 2020, с. 109). К концу 1980-х гг. в плане выставочной деятельности музея появляются этнографические темы: «Трудовые традиции сибирского крестьянства: обработка дерева», «Как рубашка в поле выросла» и др.

После передачи Музея-заповедника «Сибирская ссылка В.И. Ленина» в 1991 г. с баланса бывшего краевого комитета КП РСФСР на баланс краевого управления культуры для сотрудников музея открылась возможность еще активнее развивать этнографическую тему, заниматься историческим краеведением, создавать художественные выставки. Но «ленинская тема» забыта не была. Например, в 2005 г. на IV Красноярской музейной биеннале Музей-заповедник «Шушенское» представил две экспозиции: этнографический проект «Кладовка» и «ленинский» проект «Литератор». Проект «Литератор» был удостоен специального диплома и приза «За лаконизм и чистоту замысла» (Музей в Шушенском..., 2020, с. 156).

Экспозиция в мемориальных домах музея практически не изменилась с 1970-х гг. Сейчас посетители в большей степени проявляют интерес к частной жизни молодого революционера Владимира Ульянова. В мемориальных комнатах экспонируются предметы, позволяющие представить, как политические ссыльные В.И. Ленин и Н.К. Крупская жили и работали в Шушенском: подлинная мебель, посуда, газеты, письменные принадлежности, копии рукописей, фотографии, а также вещи, отражающие досуг ссыльных интеллигентов, — ружье, шахматы, коньки. На усадьбе П.О. Петровой оформлены цветочные клумбы, на которых можно увидеть те же цветы, что выращивали Н.К. Крупская с матерью. Через экспозицию других объектов Музея-заповедника посетитель знакомится с жизнью других политических ссыльных и местных жителей, лично знавших семью Ульяновых. Таким образом, временные рамки постоянной экспозиции в настоящее время определяются концом XIX — началом XX в., а ее цель — это эмоциональное погружение посетителя в эпоху, в которую жил политический деятель.

Для создания новых выставок о Ленине к памятным историческим датам сотрудники музея активно используют имеющийся фондовый материал: мемориальные предметы семьи В.И. Ульянова и его соратников, копии их писем, документов и фотографий, книги и журналы конца XIX — начала XX в., издания работ В.И. Ленина, в том числе на иностранных языках, коллекцию книг о Ленине с автографами авторов. Особый фонд составляет художественная лениниана, насчитывающая около 2000 произведений советских художников. Создавая новые выставки, музейщики стремятся сделать их концептуальными, поднимающими важные философские вопросы. Выставка «Ленин и революция», созданная к 100-летию Октябрьской революции 1917 г., познакомила посетителей с отражением этой темы в графике, живописи, скульптуре и декоративно-прикладном искусстве. В 2020 г. была открыта выставка «Ленин. Миф и символ», которая предложила посетителю задуматься над тем, как из реальной исторической личности Ленин превратился в образ и социальный миф, как идеология заменила в сознании масс религию, впитав многие ее черты.

Тема «Сибирская ссылка В.И. Ленина» в экспозиционно-выставочной деятельности музея в Шушенском постоянно претерпевала изменения, отвечая изменяющимся требованиям времени. Она по-прежнему находится в развитии и остается важной составляющей работы Музея-заповедника «Шушенское».

Список источников

Книга отзывов посетителей Дома-музея В.И. Ленина 1964–1966 гг. // Архив ШМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 57. 250 л.

Мельникова В.М. Музей в решении задач культурной революции. К истории музея в Шушенском 1930-х гг. // Материалы круглого стола «Время. Коллекции. Люди», посвященного 90-летию открытия музея в Шушенском. Шушенское, 2020. С. 50–58.

Монтажные листы выставки «Ленин. Октябрь. Современность», посвященной 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Шушенское, 1987 г. // Архив ШМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 238. 6 л.

Музей в Шушенском. Время, события, люди. К 90-летию со дня открытия. Шушенское, 2020. 224 с., ил.

Советский музей. №1. М., 1931. 123 с.

Тематико-экспозиционные планы по историко-революционной экспозиции (дома 1, 2, 13, 15, 16, 4, 5, 7, 9, дома Лепешинских в с. Ермаковское) 1972–1974 гг. // Архив ШМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 190. 184 л.

Тематико-экспозиционный план и аннотации выставки «Адвокатская деятельность В.И. Ленина». Шушенское, 1975 г. // Архив ШМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 218. 12 л.

Информация об авторе / Information about the author

Полина Викторовна Савченко, Музей-заповедник «Шушенское», научно-экспозиционный отдел, заведующий отделом; 662713, Красноярский край, п. Шушенское, ул. Новая, д. 1; polina.sav99@yandex.ru

Polina V. Savchenko, Museum-Reserve «Shushenskoye», Scientific and Exposition Department, Head of the Department; 662713, Krasnoyarsk Territory, Shushenskoye, Novaya str., 1; polina.sav99@yandex.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.22:069(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.51

ПАЗЫРЫКСКИЕ ЩИТЫ В МУЗЕЯХ АЛТАЯ

Алексей Алексеевич Тишкин (мл.)

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье рассматриваются находки трех щитов пазырыкской культуры. Два из них происходят из Первого Туэктинского кургана, раскопанного С.И. Руденко в 1954 г. Они были изготовлены из палочек и кожи. В 1966 г. артефакты поступили на хранение в Бийский краеведческий музей им. В.В. Бианки из Государственного Эрмитажа. Один щит насчитывает 39 палочек и демонстрируется в экспозиции вместе с деталями конского снаряжения и тремя иллюстрациями. Второе изделие сохранилось частично (24 палочки) и находится в фондах музея. Третий щит, сделанный из цельного дерева, экспонируется в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина. Он происходит из раскопок кургана №1 могильника Ак-Алаха-1. Кроме кратко изложенного археологического контекста, представлены особенности размещения важных находок в музейных витринах. Отмечены возможности дальнейшего изучения предметов защитного вооружения, которые использовали древние кочевники Внутренней Азии.

Ключевые слова: Алтай, пазырыкская культура, щит, музей, витрина

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»). Автор благодарен руководству (С.А. Бартышевой, Р.М. Еркиновой) и сотрудникам (Д.В. Ерошкину, С.М. Кирееву) указанных музеев за предоставление возможности работы на экспозициях,

а также Е.В. Степановой, А.Н. Пашковой и О.С. Стяжкиной за отдельные фотоснимки и уточненную информацию.

Для цитирования: Тишкин Ал.Ал. Пазырыкские щиты в музеях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 335–342. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.51

PAZYRYK SHIELDS IN ALTAI MUSEUMS

Aleksei A. Tishkin (Jr.)

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article discusses the findings of three shields of the Pazyryk culture. Two of them originate from the First Tuekta Mound, excavated by S.I. Rudenko in 1954. They were made of sticks and leather. In 1966, the artifacts were deposited in the Biysk Local Lore Museum named after V.V. Bianki from the State Hermitage Museum. One shield has 39 sticks and is displayed in the exhibition along with details of horse equipment and three illustrations. The second one has been partially preserved (24 sticks) and is in the funds. The third shield, made of single piece of wood, is also on display at the A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic. It comes from the excavations of the burial mound №1 of the Ak-Alakha-I burial ground. In addition to the briefly described archaeological context, the features of the placement of important finds in museum showcases are presented. The possibilities for further study of the items of protective weapons used by the ancient nomads of Inner Asia are noted.

Keywords: Altai, Pazyryk culture, shield, museum, showcase

Acknowledgments: the Russian Science Foundation supported this work financially (project № 22-18-00470 “The World of the Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Research of Material Culture, Carvings and Economy”). The author is grateful to the management (S.A. Bartysheva, R.M. Erkinova) and staff (D.V. Eroshkin, S.M. Kireev) of these museums for providing an opportunity to work on the exhibitions, and to E.V. Stepanova, A.N. Pashkova and O.S. Styzhkina for selected photographs and clarified information.

For citation: Tishkin Al.Al. Pazyryk Shields in Altai Museums // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 335–342. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.51

При раскопках на Алтае курганов пазырыкской культуры исследователями были обнаружены щиты, которые могли использоваться воинами в качестве средств индивидуальной защиты от ручного и метательного оружия. Несмотря на дискуссию о том, являются ли такие находки реальными изделиями или это были копии, важен сам факт наличия этой категории древних военных приспособлений. Цель данной публикации — представить пазырыкские щиты, хранящиеся в Бийском краеведческом музее им. В.В. Бианки и в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина, для учета их при составлении базы данных, дальнейшего детального изучения и реализации возможной реконструкции. Такая специализированная деятельность позволит не только дополнить содержание указанной культуры скифо-сакского времени, но и даст возможность осуществить сравнительный анализ с многочисленными изображениями на «оленных» камнях предшествующего периода (Волков, 2002; Тишкин, 2019; и др.).

Сначала два щита были обнаружены при раскопках Первого Пазырыкского кургана в 1929 г. (Грязнов, 1950, с. 30, 63, табл. X). С.И. Руденко в своей монографии «Культура населения Горного Алтая в скифское время» представил такое описание: «Щит малых размеров прямоугольной формы (в среднем 28×36 см) состоит из лоскута тонкой кожи и вплетенных в него 34–35 тщательно выструганных палочек, круглых в сечении. В прорезы, сделанные в коже, вставлены указанные палочки так, что с обеих сторон получается орнамент, основной мотив которого — ромбы... По краям лоскуты кожи загнуты на обратную сторону щита и там закреплены. На обратной же стороне, посередине щита, из ремня, пропущенного с лицевой его стороны, сделана широкая петля» (Руденко, 1953, с. 262, табл. LXXXVII). Изделия аналогичного назначения были выявлены во Втором, Третьем и Четвертом Пазырыкских курганах. Среди них оказались щиты другого типа (Руденко, 1953, с. 263). Затем серия находок обнаружена при исследовании других погребальных объектов пазырыкской культуры в разных местах Алтая, где природные условия способствовали сохранению органических предметов (Руденко, 1960; Полосьмак, 1994; Самашев, 2011; и др.). Некоторые из них попали в музеи Алтая.

В 1966 г. из Государственного Эрмитажа в Бийский краеведческий музей им. В.В. Бианки были переданы отдельные артефакты из Первого Туэктинского кургана, который располагался на Туэктинском могильном поле, расположенном в долине Урсула, неподалеку от одноименного села (ныне это территория Онгудайского района Республики Алтай). Курган был самым крупным (диаметром 68 м и высотой 4,1 м). Он исследовался в 1954 г. (Руденко, 1960, с. 96) и оказался ограбленным. На полу погребальной камеры лежали седла, а рядом с ними найдено не менее шести щитов. Из них более-менее хорошо сохранились два «кожаных» изделия, одно из которых сейчас демонстрируется в экспозиции Государственного Эрмитажа. От остальных уцелели части, отдельные палочки и кожа. Впервые был обнаружен щит (размерами 49×42 см), изготовленный из цельного дерева. Наружная сторона его оказалась гладкой, а внутренняя — орнаментированной в виде имитации «кожаного» щита из палочек (Руденко, 1960, с. 123). Он также экспонируется в Государственном Эрмитаже. С.И. Руденко (1960, с. 122, табл. LXI.-1–2) дал следующую характеристику первому «кожаному» изделию: «Щит, сохранившийся лучше других... представляет собой лоскут кожи размером 51×56 см, в котором на разных высотах сделано около тысячи узких поперечных разрезов шириной 8 мм — соответственно толщине продетых в эти прорезы палочек, подобных древкам стрел. Пятьдесят шесть палочек вставлены в эти прорезы так, что с наружной и внутренней поверхности щита получены два одинаковых узора. На наружной стороне щита узор этот кожаный, а на внутренней такой же узор из палочек». Узор представлял собой следующую комбинацию: «...в центре — крест внутри квадрата; по верхнему и нижнему краю расположено по восемь крестов; пространство между центральным квадратом и рядами крестов заполнено четырьмя треугольниками из шести диагонально расположенных полос в каждом треугольнике» (Руденко, 1960, с. 122).

Среди находок, поступивших в Бийский краеведческий музей им. В.В. Бианки, оказались два щита (ОФ 5243 и 5244). Один из них разместили в застекленной витрине с названием «Пазырыкская культура Алтая» вместе с другими древними изделиями. На эту группу экспонатов была оформлена этикетка. Пояснительный текст содержал информацию о месторасположении, датировании археологического памятника и времени проведения исследований под руководством С.И. Руденко. После реэкспозиции рассматриваемый щит демонстрируется в витрине (рис. 1.-1), где имеется этикетка «Перечень деталей снаряжения верховой лошади», свидетельствующая о размещении соответствующих находок. Эта настенная витрина имеет следующие параметры: высота 130 см, ширина 115 см, глубина 16 см. Она выполнена из древесины и защищена стеклом. На заднюю стенку натянута холщовая ткань. Там размещена фотография раскопок кургана на памятнике Пазырык и представлена реконструкция снаряжения коня из Первого Пазырыкского кургана. В композицию включен воспроизведенный рисунок с реконструкцией стоящего воина со щитом, выполненной А.И. Соловьевым (2003, с. 65).

Пояснительный текст информирует, что конские группы хорошо сохранились благодаря подкурганной мерзлоте. Размещенные предметы снаряжения верховой лошади пронумерованы и их названия обозначены на этикетке, расположенной отдельно в нижней части витрины (рис. 1.-1). В текст этикетки «Перечень деталей снаряжения верховой лошади» включена следующая информация: «...деревянный щит из ивовых прутьев, который в погребении был приторочен к мягкому седлу». Нами выполнен обмер щита через стекло: высота ~44 см, ширина ~33 см. Щит прикреплен к задней стенке витрины едва заметной тонкой проволокой, продетой в нескольких местах через прутья. Предмет вооружения, по всей видимости, демонстрируется с внутренней стороны (рис. 1.-2). По свидетельству С.И. Руденко (1960), на одном из щитов из Первого Туэктинского кургана «свободные края кожи были загнуты на внутреннюю поверхность щита и прошиты кругом узким ремешком». Загнутость кожи и прошивка части края четко просматриваются у экспонируемого щита. Края нижней и боковой сторон скрыты узкими деревянными планками (рис. 1.-1). Для улучшения внешнего вида экспоната на утраченные места разместили сходные по размерам неокрашенные фрагменты. Демонстрируемый артефакт изготавливался из специально подготовленных палочек (сейчас их 39) и листа кожи, от которого сохранились фрагменты. Другая сторона экспонируемого изделия посетителям не видна и никак не воспроизводится. Второй упомянутый щит (ОФ 5244) находится в фондах. Он состоит из 24 палочек, скрепленных кожей (рис. 2.-3). Сохранность представленных находок требует детального изучения и профессиональной реставрации, как это сделано в Государственном Эрмитаже.

В Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина оформлена экспозиция, отражающая результаты исследования памятников пазырыкской культуры на плато Укок (Южный Алтай). При раскопках кургана №1 могильника Ак-Алаха-I, датированного IV в. до н.э., была обнаружена

Рис. 1. Бийский краеведческий музей им. В.В. Бианки: 1 — витрина в экспозиции;
 2-3 — щиты из Первого Туэктинского кургана
 Fig. 1. Biysk Local Lore Museum named after V.V. Bianki: 1 — showcase in the exposition;
 2-3 — shields from the First Tuekta Mound

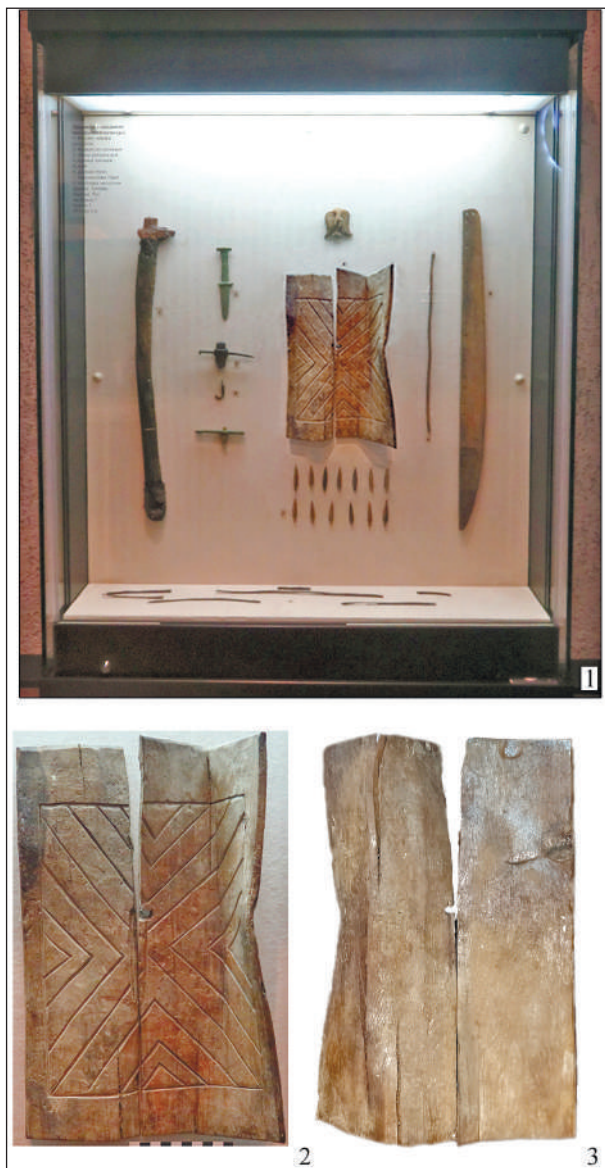

Рис. 2. Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина:
1 — витрина в экспозиции; 2-3 — щит из кургана №1 могильника Ак-Алаха-I
Fig. 2. Anokhin National Museum of the Altai Republic: 1 — showcase in the exposition;
2-3 — shield from the burial mound №1 of the Ak-Alakha-I burial ground

подкурганная мерзлота, благодаря которой сохранились вещи из органических материалов (дерево, войлок, ткань). Исследованные конские захоронения имеют сходство с аналогичными находками в «элитных» пазырыкских курганах. Было выявлено девять лошадей со снаряжением и три небольших щита (Полосьмак, 1994, с. 24, 34, рис. 14, 27). Один из щитов, выполненный из цельного дерева, но треснувший почти пополам, демонстрируется в зале №112 «Комплекс плато Укок» в настенной витрине №4, которая имеет название «Предметы вооружения пазырыкской культуры» (рис. 2.-1). Размеры витрины следующие: высота — 131,5 см, ширина — 102,5 см, глубина — 28 см. Витрина закрыта стеклом и зафиксирована специальным замком. Ее задняя стенка затянута ворсистой тканью телесного цвета. Композиция в витрине не перегружена экспонатами, соблюдены необходимые пространственные паузы (рекомендуется 10–15 см). Демонстрируются предметы вооружения пазырыкской культуры (кинжал, чекан, наконечники стрел и др.). Деревянный щит размерами 35,5×25,5×0,9–1,1 см (рис. 2.-2) расположен почти в центре витрины, что усиливает его аттрактивность. Для дополнительного освещения сверху витрины размещены в линию шесть источников света, их свет рассеивается сквозь матовое стекло. Витрина размещена в пространстве, удобном для обозрения посетителям. Ее нижняя граница располагается на расстоянии 79 см от уровня пола. Как и в Бийском краеведческом музее им. В.В. Бианки, увидеть обратную сторону демонстрируемого щита невозможно. В связи с предстоящей реконструкцией всего зала по Укоку удалось получить фотоснимок (рис. 2.-3), который дает представление об обратной стороне деревянного щита. В этой связи есть смысл демонстрировать его и в витрине. Внешняя сторона щита орнаментирована «...выписанными друг в друга треугольниками, вершины которых сходятся в центре» (Полосьмак, 1994, с. 34). Эти линии и прямоугольник сделаны простой резьбой (Мыльников, 2011, с. 57–58).

Для демонстрации представленных экспонатов использовалось как универсальное, так и специальное музейное оборудование. Застекленные музейные витрины защищают уникальные археологические находки и удобны для обозрения посетителями. Данные щиты имеют важное значение для специалистов-археологов. Для их лучшего восприятия при создании музейных экспозиций необходимо давать привлекательную информацию. Можно дополнить пояснительные тексты, в которые включать сведения о конструктивных особенностях щитов и их использовании.

В настоящее время пазырыкские щиты находятся в российских и зарубежных музеях. Они требуют целенаправленного изучения. Для этого на начальном этапе формируется база данных и составляется научно-исследовательская программа, основанная на непосредственном рассмотрении всех имеющихся находок (более 30) такого вида защитного вооружения и с привлечением естественно-научных методов. Планируется воспроизвести отдельные типы изделий для проведения экспериментов и возможного экспонирования.

Список источников

- Волков В.В. Оленные камни Монголии. М., 2002. 248 с.
- Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. 92 с.
- Мыльников В.П. Резьба по дереву в скифское время (Северная Азия). Новосибирск, 2011. 188 с.
- Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994. 125 с.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 402 с. + 120 табл.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 360 с. + 128 табл.
- Самашев З. БЕРЕЛ. Алматы, 2011. 236 с.
- Соловьев А.И. Оружие и доспехи: Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск, 2003. 224 с.: ил.
- Тишкин А.А. Изображения щитов на «оленных» камнях и особенности их изучения // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства. М.; Кемерово, 2019. С. 335–347 (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. XII).

Информация об авторе / Information about the Author

Алексей Алексеевич Тишкин (мл.), Алтайский государственный университет, Институт истории и международных отношений, студент; Отдел сопровождающих НИОКР, лаборант-исследователь; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; <https://orcid.org/0009-0005-2788-4824>, mattcraft@mail.ru

Aleksei A. Tishkin (Jr.), Altai State University, Institute of History and International Relations, Student; Department of Research and Development Support, Research Laboratory Assistant; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61; <https://orcid.org/0009-0005-2788-4824>, mattcraft@mail.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 069.29(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.52

ВЫСТАВКИ В БАРНАУЛЕ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 100-ЛЕТИЮ СО ВРЕМЕНИ ОБРАЗОВАНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Татьяна Владимировна Тишкина¹, Ксения Алексеевна Тишкина²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

²Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Резюме. Союз Советских Социалистических Республик существовал с 30 декабря 1922 г. по 26 декабря 1991 г. За этот период времени были достигнуты значительные успехи в промышленности, сельском хозяйстве, науке и культуре, в 1945 г. одержана победа над фашистскими завоевателями. К 100-летию со времени образования СССР в Барнауле действовали выставки: «Советский фарфор» и «Страна Советов»

(Государственный художественный музей Алтайского края); «СССР в зеркале искусства» (Выставочный зал Музея «Город»); «Искусство, ставшее историей» («Арт-галерея Щетининых»); «Привет из СССР» (Алтайский государственный краеведческий музей). На выставках демонстрировались фотографии, произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства, предметы материальной культуры, созданные в 1920–1980-е гг. Цель выставок — расширение у посетителей знаний по истории России, формирование патриотического настроения граждан и положительного облика СССР в сознании подрастающего поколения.

Ключевые слова: Союз Советских Социалистических Республик, юбилейная дата, музей, выставка, экспозиция

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках реализации проекта №22-78-00160.

Для цитирования: Тишкина Т.В., Тишкина К.А. Выставки в Барнауле, посвященные 100-летию со времени образования Союза Советских Социалистических Республик // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 342–350. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.52

EXHIBITIONS IN BARNAUL DEDICATED TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE FORMATION OF THE UNION OF SOVIET SOCIALIST REPUBLICS

Tatiana V. Tishkina¹, Ksenia A. Tishkina²

¹Altai State University, Barnaul, Russia

²Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Abstract. The Union of Soviet Socialist Republics existed from December 30, 1922 to December 26, 1991. During this period of time, significant successes were achieved in industry, agriculture, science and culture, and a victory was won over the Fascist conquerors was won in 1945. To the 100th anniversary of the formation of the USSR in Barnaul, there were exhibitions: “Soviet Porcelain” and “The Country of the Soviets” (the State Art Museum of the Altai Territory); “The USSR in the Mirror of Art” (exhibition hall of “Museum “City”); “Art that has become History” (“Shchetinins Art Gallery”); “Greetings from the USSR” (Altai State Museum of Local Lore). The exhibitions displayed photos, works of fine and decorative art, and items of material culture created in the 1920s-1980s. The purpose of the exhibitions is to expand visitors’ knowledge of the history of Russia, form a positive image of the USSR in the minds of the younger generation and improve the patriotic mood of the citizens.

Keywords: Union of Soviet Socialist Republics, anniversary date, museum, exhibition, exposition

Acknowledgements: the study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of project № 22-78-00160.

For citations: Tishkina T.V., Tishkina K.A. Exhibitions in Barnaul, Dedicated to the 100th Anniversary of the Formation of the Union of Soviet Socialist Republics // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 342–350. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.52

30 декабря 1922 г. образовалось новое государство — Союз Советских Социалистических Республик (СССР). Первоначально союз объединил шесть республик. В течение последующих десятилетий в его составе находились 15

социалистических республик. 26 декабря 1991 г. Совет Республик Верховного Совета СССР принял декларацию о прекращении существования СССР в связи с образованием Содружества Независимых Государств. За время существования СССР были достигнуты значительные успехи в промышленности, сельском хозяйстве, науке и культуре, советский народ одержал победу в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.).

К 100-летию со времени образования СССР в Барнауле реализован ряд выставочных проектов. С 8 сентября по 18 декабря 2022 г. в Государственном художественном музее Алтайского края (ГХМАК) действовала выставка «Советский фарфор», на которой были представлены работы известных советских мастеров фарфоровых производств 1950–1980-х гг. Кураторами выставки являлись Н.П. Гончарик и Д.А. Артемова. В одной из витрин демонстрировались произведения мелкой пластики, объединенные темой дружбы народов мира и Советского Союза: А.Д. Бржезицкая «Корейский танец», 1951; Л.А. Новоженец «Латышский танец „Ницца“», 1950-е; Н.А. Малышева «Эстонская девушка», 1953; С.Я. Ковнер «Индийская танцовщица», 1955; О.М. Богданова «За работой. Туркменская ковровщица», 1955; Н.А. Малышева «Маленький охотник-казах с беркутом», 1957; и др. В экспозицию также были включены произведения, отражающие темы детства: П.К. Залькалн «Угадай», 1955, Л.А. Новоженец «Девочка», 1950-е; образы сказочных и литературных героев — Г.Д. Чечулина «Царевна с волком», Н.А. Максимченко «Солоха и дьяк», 1954. Работы относятся к периоду времени (конец 1940-х — начало 1960-х гг.), который М. Золотоносов (1998, с. 33) обозначил как «фарфоровая оттепель» — поиск и утверждение зримых символов счастья, уюта и покоя. На выставке демонстрировались изделия посудных форм, вазы производства Ленинградского фарфорового завода им. М.В. Ломоносова, Ленинградского комбината декоративно-прикладного искусства, Дмитровского фарфорового завода, Дулёвского фарфорового завода им. газеты «Правда», Краснодарского фарфорового завода «Чайка», Хайтинского фарфорового завода. Авторы ряда выдающихся произведений отмечены престижными наградами, так, например, сервиз М.Н. Моха «Лани» получил серебряную медаль Всемирной выставки 1958 г. в Брюсселе, лауреатом Государственной премии РСФСР им. И.Е. Репина являлась Н.П. Славина — автор сервиза «Поющие птицы», 1972–1973 гг. (Катренко, 2022а, с. 4).

Выставка «Страна Советов», также посвященная юбилейной дате в истории государства, работала в ГХМАК с 17 ноября по 18 декабря 2022 г. В музейном собрании находится около восьми тысяч произведений, посвященных советской тематике (Карпова, 2022а, с. 21). При разработке концепции выставочной экспозиции ее кураторы — А.В. Федотов и Ю.С. Манякина — остановили выбор на 30 произведениях, созданных в послевоенный период и ярко отразивших основные стилевые тенденции искусства того времени: «сталинский реализм» и «суровый стиль» (Федотов, Манякина, 2022, с. 271). Живописные полотна, выполненные в различных жанрах, воспевают образ человека труда — М.Ю. Кугач «ЗИЛ. Кузовной цех», 1972, М.Д. Ковешникова

«В лаборатории Большого капрона», 1965 и др., демонстрируют размах социалистического строительства — Н.С. Рогаль «В котловане Иркутской ГЭС», 1957, В.Ф. Штрах «Окно в Черемушки», 1963, Ф.С. Торхов «Строительство первой насосной. Из серии „Кулундинский канал“», 1975, В.С. Рогаль «Ния Грузинская», 1976–1979 и др. На картинах Ю.И. Пименова «Капитель. Украшение колонны», 1946, Ф.С. Торхова «Первомайская демонстрация в г. Барнауле», 1967, М.Д. Ковешниковой «Демонстрация в Барнауле», 1973 отражены символы и традиционные элементы советской праздничной культуры. Сюжеты работ Б.В. Корнеева «Школьники на концерте в Ленинградской филармонии», 1952 и И.В. Шагаева «К воде», 1981 посвящены отдыху граждан Советского Союза. В экспозицию включены масштабные полотна Л.А. Леонова, А.К. Соколова «Утро Алтая» и «Нивы Алтая», 1981, передающие просторы Алтайского края в планетарном масштабе. Помимо живописных работ на выставке демонстрировались предметы декоративно-прикладного искусства, выполненные в технике резьбы по кости, — М.М. Павлов «Арканщик», 1981, С.Н. Петров «Погоня», Ю.Н. Замятин «Ловля» и др., а также в технике гравировки по кости — В.А. Русаков «Песнь тундры», 1996, Е. Янку «Клык с гравировкой». Изяществом форм внимание посетителей привлекал выполненный известным мастером А.И. Маевой в 1967 г. из цветного стекла сервиз «Праздничный» (графины, квасник, крушонница, кружки, бокалы),

Экспонаты выставочной экспозиции «Страна Советов» размещались в нескольких помещениях на первом и втором этажах музейного здания. При развеске различных по размерам живописных полотен был применен прием линейного расположения картин, не требующий строгого соблюдения симметрии. При размещении работ небольших размеров в нескольких случаях применялись развески в вертикальные ряды, верхние границы которых достигали 2–2,1 м. Соблюдение расстояния между картинами в 0,45–0,50 м и до 0,2 м (в вертикальных рядах) способствовало хорошему обзору живописных экспонатов посетителями выставки.

С 24 ноября по 18 декабря 2022 г. в Выставочном зале Музея «Город» действовала краевая выставка «СССР в зеркале искусства». Она была подготовлена Алтайской организацией Союза художников России. В мероприятии участвовало 155 мастеров, представивших 270 произведений в различных жанрах (Карпова, 2022б, с. 4). Значительное место в экспозиции занимали портреты сельских тружеников, рабочих, деятелей культуры, политических лидеров, индустриальные пейзажи ударных комсомольско-молодежных строек СССР: БАМа, Алтайского коксохимического завода и др. Работы корифеев алтайского искусства М.Я. Будкеева, Г.Ф. Борунова, М.Д. Ковешниковой, М.И. Курзина, Ф.А. Филонова, А.П. Фризена сформировали мемориальный раздел экспозиции.

Одной из значительных стала выставка «Привет из СССР», подготовленная сотрудниками Алтайского государственного краеведческого музея (АГКМ). Структура выставки состояла из нескольких разделов. В начале первого раздела — «Люди Союза. Союз людей» — располагался стенд «Достиже-

ния советской эпохи» с информацией об успехах государства в индустриализации, освоении целинных и залежных земель, медицине, спорте, покорении космоса и других областях. Стенд был укреплен на рейлинге на расстоянии 1 м от уровня пола, имел размеры 0,59×0,39 м.

В трех частях трехметровой рамы были размещены 56 фотографий, запечатлевшие события 1920–1980-х гг.: «Утренник в детском саду Алтайского тракторного завода, г. Рубцовск. 1947 г.», «Строительство жилого дома на пр. Ленина, г. Барнаул. 1960-е гг.», «Праздник на площади Советов, посвященный 50-летию образования СССР, г. Барнаул. 1972 г.», «Выступление народного ансамбля „Русские сувениры“ на новогоднем празднике, г. Барнаул, 1989 г.» и др., а также граждан советского государства: «Юные комсомолки 1920-х гг.», «Воспитанники детского сада пимокатного завода во время игры, г. Барнаул. 1932 г.», «Фотограмметристы 785-го разведывательного артиллерийского дивизиона. 1944 г.», «Звеньевые колхоза им. Молотова Шипуновского района. 1953 г.» и др. Среди черно-белых фотографий выделялись красным фоном три планшета (размеры 0,3×0,2 м, 0,21×0,16 м), на которых были укреплены различные нагрудные знаки: «Отличник социалистического соревнования», «Ударник коммунистического труда», «Молодому передовику животноводства», «Ударник Социалистического труда Алтая», «Ветеран труда АТЗ», «За отличие в труде» и др. На десяти планшетах (размеры 0,3×0,2 м, 0,2×0,15 м) демонстрировались разнообразные почтовые марки (серийных выпусков «Народы СССР» (1933 г.)), «Пятидесятилетие образования СССР» (1972 г.) и отдельными экземплярами — «Уборка пшеницы» (1948 г.), «Днепр-прогэс. Восстановительные работы» (1948 г.), «Высокогорное пастбище» (1951 г.) и др.). Конструкция рамы обеспечивала наилучшие условия обзора экспонатов, сгруппированных в экспозиционном поясе с нижней границей 0,5 и верхней — 1,72 м от уровня пола помещения. Выше конструкции были размещены флаги союзных республик.

В оформлении второго раздела выставки, озаглавленного «Труд в СССР есть дело чести, славы, доблести и геройства», применялся ансамблевый метод экспонирования. На подиуме (размеры 1,6×1,33×0,1 м) был установлен столярный станок, размещены стамески, фуганок, рубанок, галтель, металлический метр, водружен манекен в рабочем костюме, выполненном из хлопчатобумажной ткани. Экспонаты и вспомогательные материалы воссоздавали рабочее место в столярном цехе. Благодарность от Барнаульского горкома КПСС и исполкома городского Совета депутатов трудящихся, Почетная Грамота крайкома КПСС, исполнительного комитета краевого Совета депутатов трудящихся и крайсовпрофа за успехи в труде, грамота Героя Социалистического Труда Т.М. Журавлевой (1981 г.) демонстрировали государственную систему поощрений советских граждан за трудовые успехи.

В третьем разделе выставочной экспозиции нашла отражение традиция проведения первомайских праздничных демонстраций советских граждан. На подиуме (размеры 2,5×2,2×0,1 м) была воссоздана передвижная платформа — обязательный атрибут для размещения агитационных конструкций и трибуна

для выступлений ораторов. По горизонтальной плоскости окрашенной в зеленый цвет платформы распределены музыкальные инструменты (аккордеон, корнет, валторна, пионерские горны и барабан), флаги октябрятской и пионерской организаций. На ограничивающих с двух сторон платформу бортиках укреплены украшенные цветами ветки деревьев, портрет лидера государства Л.И. Брежнева, репродукции (0,41×0,3 м) фотографий с демонстраций в Барнауле (1957 г., 1961 г.) и митинга в Солтонском районе (1970-е гг.).

В следующем разделе «Каждой семье — отдельную квартиру» демонстрировался интерьер квартиры советских граждан. Эффект их присутствия был достигнут благодаря манекенам (сидящей в кресле женщины и стоящего ребенка), облаченных соответственно в платье с коротким рукавом, распространенного в 1970-е гг. спортивного фасона, и домашний костюм мальчика (рубашка и штаны). В раздел экспозиции были включены предметы 1970–1980-х гг.: стационарный телефон, телевизор «Изумруд 207», катушечный магнитофон «Комета 209», часы с кукушкой, различные художественно-декоративные изделия (чеканка, салфетки, напольный ковер) и т.д. На верхней полке шкафа расположены книги 1950–1970-х гг. издания, на двух последующих — посуда из стекла и хрусталя. На тумбе трельяжа размещены шкатулка с украшениями, коробочки пудры и духов «Золушка».

Рис. 1. Фрагмент выставочной экспозиции «Привет из СССР» (фото Т.В. Тишкиной)
Fig. 1. A fragment of the exhibition "Greetings from the USSR" (photo by T.V. Tishkina)

В данный раздел экспозиции включены копии фотографий: «Строительство „Дома под шпилем“ на площади Октября, г. Барнаул. 1953 г.»; «Строительство нового микрорайона, г. Барнаул. 1970-е гг.» и др.

Общая яркая цветовая гамма выставочной экспозиции создавала у музейных посетителей позитивное настроение, о чем свидетельствовали записи в «Книге отзывов».

В «Арт-галерее Щетининых» с 29 декабря 2022 г. по 12 февраля 2023 г. действовала выставка «Искусство, ставшее историей». Автором экспозиции выступила И.В. Щетинина (Карпова, 2022в, с. 4). Выставочная экспозиция разделялась на три составные части. Одна из них включала 62 живописные работы художников — классиков алтайского искусства из собрания семьи Щетининых. Различные уголки Советского Союза запечатлены на картинах М.Ф. Беличенко «Шах-и-Зинда. Самарканд», 1940-е, Ф.С. Торхова «Средняя Азия. Полуденный завтрак», 1956, С.И. Чернова «Гурзуф. Солнечный день», 1970, В.П. Марченко «Амберт. Армения», 1982 и др. Природа Алтая показана на пейзажах П.С. Панарина «Наша граница», 1981, М.Д. Ковешниковой «На пасеке в горах», 1980-е и других авторов. В содержании экспозиции представлены темы труда и созидательной деятельности советских граждан, отраженные в портретах, пейзажах и сюжетных картинах. Внимание посетителей привлекало большое полотно В.И. Дрючина «В.И. Ленин с крестьянами», 1980. В работах М.Ф. Жеребцова «На площади Октября», 1956, Ю.Н. Панина «Улица Молодежная», 1956, М.Я. Будкеева «Весна. Дом над Барнаулкой», 1986 и других художников запечатлены виды Барнаула. При развеске живописных экспонатов был применен прием линейного расположения. Нижний край экспозиционного пояса был определен в 0,83–0,84 м от уровня пола помещения. Небольшие по размерам работы были размещены в вертикальные ряды.

Второй раздел экспозиции составили скульптурные работы П.А. Щетинина: «Портрет академика М.А. Лисавенко», 1962; «Портрет колхозного сторожа», 1963; «Портрет комбайнера П.Х. Романока», 1969; «Портрет коммунара П.А. Коновалова», 1971 и др. Обобщенный образ советской девушки мастер передал в скульптурных портретах-типах «Пионерка», 1970, «Студентка», 1970.

Третий раздел экспозиции сформировали разнообразные материалы, размещенные в двух витринах: каталоги персональных выставок Г.Ф. Борунова, М.Я. Будкеева, М.Д. Ковешниковой, Ф.С. Торхова, С.И. Чернова; фотографии алтайских художников; каталоги работ Д.Л. Комарова, П.А. Щетинина и краевых художественных выставок разных лет. В экспозицию раздела были включены небольшие по формату пленэрные и городские этюды В.И. Голдырева, Д.Л. Комарова, Н.С. Петрухина, Г.К. Тарского, А.А. Югаткина.

Все экспонаты выставки «Искусство, ставшее историей» были снабжены этикетками, что немаловажно для посетителей. Совмещение верхнего искусственного и приглушенного естественного освещения способствовало обзору и восприятию выставочных материалов.

Рис. 2. И.В. и А.П. Щетинины с гостями выставки «Искусство, созданное историей»
(фото Т.В. Тишкиной)

Fig. 2. I.V. and A.P. Shchetinina with the guests of the exhibition “Art Created by History”
(photo by T.V. Tishkina)

Рассмотренные тематические выставки адресовались различным категориям музейных посетителей. В ГХМАК был подготовлен электронный каталог выставки «Страна Советов» (2022). Посетителям «Арт-галереи Щетининых» предлагался печатный каталог выставки «Искусство, ставшее историей». Сотрудники АГКМ разработали и адресовали всем желающим лицам интерактивную игру. В день открытия выставки «СССР в зеркале искусства» в Выставочном зале Музея «Город» состоялось награждение победителей краевого виртуального конкурса детских рисунков «Мы — патриоты России» (Катренко, 2022б, с. 4). Выставки, посвященные 100-летию со времени образования СССР, способствовали расширению у музейных посетителей знаний по истории и культуре России, формированию в сознании подрастающего поколения положительного облика СССР — единого многонационального государства и поддержке патриотических настроений.

Список источников

- Золотоносов М. Фарфоровая оттепель // Мир искусства. 1998. №4. С. 32–34.
Карпова Л. Живописные гимны // Алтайская правда. 2022а. №221. С. 21.
Карпова Л. «Эпоха в них видна» // Алтайская правда. 2022б. №225. С. 4.
Карпова Л. Способность выбрать лучшее // Алтайская правда. 2022в. №245. С. 4.
Катренко Н. Шедевры страны Советов // Вечерний Барнаул. 2022а. №134. С. 4.
Катренко Н. Образ эпохи // Вечерний Барнаул. 2022б. №177. С. 4.

Страна Советов: живопись, декоративно-прикладное искусство : каталог выставки / авт.-сост. А.В. Федотов, Ю.С. Манякина. Барнаул, 2022. URL: <https://ghmak.ru/exhibitions/3207-annotatsiya-vystavki-strana-sovetov-iz-fondov-muzeya-posvyashchennoj-100-letiyu-obrazovaniya-sssr-17-noyabrya-18-dekabrya-2022-goda> (дата обращения: 10.02.2023)

Федотов А.В., Манякина Ю.С. Выставка «Страна Советов» к 100-летию создания СССР в Государственном художественном музее Алтайского края // Искусство Евразии [Электронный журнал]. 2022. №4. С. 270–275. URL: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/954> (дата обращения: 10.02.2023)

Информация об авторах / Information about the Authors

Татьяна Владимировна Тишкина, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, доцент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; кандидат исторических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-1353-3442>, tvishkin@mail.ru

Tatiana V. Tishkina, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Associate Professor; 656049, Russia, Barnaul, 61 Lenin Ave.; Ph.D. in History, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0002-1353-3442>, tvishkina@mail.ru

Ксения Алексеевна Тишкина, Сибирский федеральный университет, отдел развития научной деятельности, научный сотрудник; 660041, Россия, Красноярск, пр. Свободный, 79/10, корпус № 10, ауд. П2-03; кандидат исторических наук; <https://orcid.org/0000-0002-2342-0548>, ksetishkina@mail.ru

Ksenia A. Tishkina, Siberian Federal University, Department of Scientific Activity Development, Researcher; 660041, Russia, Krasnoyarsk, Svobodny Ave., 79/10, building 10, aud. P2-03; Ph.D. in History; <https://orcid.org/0000-0002-2342-0548>, ksetishkina@mail.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 069:902(571.151)

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.53

АРХЕОЛОГИЯ В КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРЕЗЕНТАЦИИ НАСЛЕДИЯ АЛТАЯ

Ольга Григорьевна Филиппова

Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул, Россия

Резюме. В публикации рассматриваются вопросы представления научных археологических знаний в пространстве краеведческого музея. Археологические коллекции являются важной составляющей большинства собраний краеведческих музеев России. На примере деятельности Алтайского государственного краеведческого музея демонстрируется опыт реализации выставочных и культурно-образовательных проектов, связанных с археологией Алтая. В качестве успешных практик приводится проект «Тайны каменных сводов», объединивший в себе тему не только археологии, но и в целом природного и культурного наследия края. Помимо представления пещерных комплексов как уникальных археологических объектов авторы проекта затронули вопросы природоохранной деятельности, экологического туризма, спе-

леологии и палеонтологии. В качестве культурно-просветительских акций, рассчитанных на широкую аудиторию, приводится опыт участия региона во всероссийской акции «Открытые дни археологии».

Ключевые слова: музей, археология, выставка, популяризация, культурное наследие
Для цитирования: Филиппова О.Г. Археология в краеведческом музее: современные подходы к презентации наследия Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 350–356. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.53

ARCHAEOLOGY IN THE MUSEUM OF LOCAL LORE: MODERN APPROACHES TO THE PRESENTATION OF ALTAI HERITAGE

Olga G. Filippova

Altai State Museum of Local Lore, Barnaul, Russia

Abstract. The publication deals with the presentation of scientific archaeological knowledge in the space of the Museum of Local Lore. Archaeological collections are an important component of most collections of local history museums in Russia. Using the example of the Altai State Museum of Local Lore, the experience of implementing exhibition and cultural and educational projects related to the archaeology of Altai is demonstrated. The project “Secrets of Stone Vaults”, which combines not only the topic of archaeology, but also the natural and cultural heritage of the region as a whole, is cited as successful practices. In addition to presenting cave complexes as unique archaeological sites, the authors of the project touched upon issues of environmental protection, eco-tourism, speleology and paleontology. The experience of the region’s participation in the All-Russian action “Open Days of Archaeology” is given as cultural and educational events designed for a wide audience.

Keywords: museum, archaeology, exhibition, popularization, cultural heritage

For citations: Filippova O.G. Archaeology in the Museum of Local Lore: Modern Approaches to the Presentation of Altai Heritage // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 350–356. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.53

Краеведческие музеи — самый многочисленный вид музеев, существующих в Алтайском крае. По состоянию на 1 марта 2023 г. в сфере культуры их насчитывается 43. Они есть в большинстве районных центров и городов региона. Комплексный характер музейного собрания краеведческих музеев подразумевает максимально широкое тематическое комплектование коллекций, позволяющих демонстрировать не только историю той или иной территориальной единицы, но и показывать состояние различных социокультурных явлений современного общества. При этом общие тенденции формирования коллекций музеев краеведческого профиля, сформированных еще в XX в., включают обязательное наличие предметов, связанных с древнейшим прошлым региона, его развитием в различные периоды дописьменной истории. Хранятся предметы археологии и в музеях другого профиля. По официальным статистическим данным археологические коллекции в собрании региона по состоянию на 1 марта 2023 г. имеются в 55 музеях и включают 86 652 единицы хранения основного фонда, из которых в 2022 г. экспонировалось 5013 предметов.

В собрании Алтайского государственного краеведческого музея (далее — АГКМ) на сегодняшний день хранится 13 811 единиц хранения, относящихся к основному фонду. Вопросы формирования археологического собрания АГКМ отражены в серии публикаций различных авторов (Абрамова Ю.А., Горбунов В.В., Тишкин А.А., Уманский А.П., Фролов Я.В. и др.). На сегодняшний день источником поступления являются случайные находки, переданные местными жителями, либо конфискованные археологические артефакты, переданные Территориальным отделом Министерства культуры России (г. Новосибирск). Хранение экспонатов — одно из главных, но не единственных направлений деятельности музеев. Обеспечение доступа граждан к культурным ценностям — другая, не менее важная составляющая. Традиционными способами в данном случае выступают постоянные экспозиции и временные выставки.

Экспозиционные пространства большинства музеев краеведческого профиля начинаются с разделов, посвященных археологии. До 2019 г. в АГКМ раздел «Древний Алтай» был частью постоянной экспозиции, расположенной в здании «Главной химической лаборатории» (г. Барнаул, ул. Ползунова, 46), и включал свыше 600 подлинных экспонатов в хронологическом диапазоне от палеолита до Средневековья. На сегодняшний день раздел по археологии представлен в другом пространстве и занимает небольшую площадь в Доме купца Зубова (г. Барнаул, пр. Красноармейский, 28). В связи с существенным сокращением экспозиционных площадей здесь представлено всего 119 предметов, являющихся наиболее яркими и значимыми артефактами различных археологических культур. Тем не менее востребованность темы подтверждается постоянным интересом посетителей к данному разделу в ходе обзорной экскурсии, которая проводится сотрудниками музея на постоянной основе, а также тематических экскурсий и интерактивных программ.

Вместе с тем музей не ограничивается данной формой презентации археологического наследия региона. Тема археологии также затрагивается в ходе некоторых временных выставочных проектов музея. Так, в качестве одного из успешных примеров 2022–2023 гг. можно привести выставку «Тайны каменных сводов», посвященную пещерным памятникам Алтая. Концепция выставки предполагала показ пещерных комплексов как уникальных объектов с позиции археологии, геологии, палеонтологии, спелеологии и географии. Предметы археологии вошли в раздел «Пещера и археология» и включали небольшие комплексы с Усть-Канской и Чагырской пещер.

Усть-Канская пещера расположена в известняковом массиве горы Белый Камень. Памятник археологии находится на правом борту долины верхнего течения р. Чарыш, в 3,5 км восточнее с. Усть-Кан, районного центра Республики Алтай. Представленные на выставке орудия попали в музей в результате сборов археолога, сотрудника АГКМ Эльвиры Михайловны Медниковой в 1960–1970-е гг., они были собраны ею в отвалах раскопа. Еще одним пещерным комплексом, представленным на выставке, стала пещера Рудничная (Чагырская), находящаяся в Краснощековском районе Алтайского края в 2 км

от с. Усть-Чагырка. Материал был собран А.Л. Кунгуровым в 2006 г. в осыпях рыхлых отложений по капельной линии и передан в музей в 2021 г. Подлинные артефакты мустьерских индустрий были дополнены фотографиями объектов и рисунками находок, взятых из опубликованных источников. Кроме того, фотоиллюстративный вариант представлял уникальные материалы, полученные в ходе многолетних исследований Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук в Денисовой пещере.

Важной составляющей проекта стало участие в нем Алтайского краевого отделения Русского географического общества. В рамках партнерских отношений был предоставлен мультимедийный контент «Алтайский край — 360°», благодаря которому посетители смогли оказаться в виртуальном пространстве Чагырской, Этагольской, Драгунской, Денисовой пещер, а также пещер Небо и Ящур. Этот авторский проект координатора экспедиционных проектов Алтайского краевого отделения Русского географического общества, участника и организатора научно-исследовательских экспедиций на территориях Алтая и других регионов России, специалиста по сферической панорамной фотографии, эксперта в области геоинформатики и технологий обработки спутниковой информации и «больших данных» В.В. Смирнова позволил существенно разнообразить возможности традиционного музейного показа и привлечь внимание детской и подростковой аудитории.

Сотрудниками музея была предложена также масштабная интерактивная зона, получившая условное название «Гришина пещера». Она представляла собой каркасное сооружение в виде объемной инсталляции, напоминающей грот пещеры. С использованием современных строительных материалов сотрудниками музея был построен объект, занимающий третью часть всего зала, в котором размещалась выставка. Внешний и внутренний вид инсталляции создавал определенный образ, позволяющий погрузиться в атмосферу тех самых «тайн каменных сводов». Внутри «Гришиной пещеры» посетителей ждали летучие мыши, звук капающей воды и дуновение ветра, а также подлинные экспонаты ископаемых животных четвертичного периода из палеонтологической коллекции музея, которые были размещены в открытом доступе. В центре находился подсвеченный макет очага. Он являлся не только определенным центром общей композиции инсталляции, но и объектом, возле которого посетители с удовольствием изображали пещерного человека и пытались греть руки. Своды пещеры украшали шкуры медведя и волков, которые являлись объектом охоты человека. Внутри «пещеры» были отведены две зоны, в которых дети могли почувствовать себя настоящими учеными и совершить свою первую археологическую или палеонтологическую находку.

Помимо тематической экскурсии посетителям была предложена программа мероприятий, которая включала события, проведенные совместно с партнерами проекта. Так, для детской и подростковой аудитории клубом «Умная игротека» проведена игротека «Первобытный мир», где в ходе викторины с заданиями разной сложности и фактами о жизни первобытного

человека гости музея стали участниками увлекательной игры «Жили-были в каменном веке». Разобраться в тонкостях первобытного искусства посетители смогли на мастер-классе «Первые краски древнего человека» от художника-анималиста, автор проекта «Природа-Арт», творческих мастер-классов и познавательных игр О.В. Южковой. На основе подлинных образцов горных пород и минералов участники мастер-класса познакомились с процессом получения красящих веществ, используемых человеком в древности, а также создали свой собственный рисунок на основе фотоизображений петроглифов Горного Алтая. Для более взрослой публики проведена лекция к.и.н. А.Л. Кунгурова «Пещерные памятники Алтая», на которой был дан обзор пещерных комплексов, являющихся памятниками археологии.

Выставка «Тайны каменных сводов» стала интересным и нестандартным для музея проектом. Привлечение к ее организации новых партнеров существенно расширило возможности презентации природного и культурного наследия региона, а необычный формат инсталляции «Гришина пещера» позволил привлечь внимание большого количества посетителей. За два месяца работы ее посетило свыше 1800 человек. Дети и взрослые с удовольствием фотографировались в образах «пещерного человека» или спелеолога и оставляли эмоциональные отзывы. Приведем лишь один пример. После открытия выставки специалист по развитию туризма Государственного заповедника «Тигирекский» Светлана Бондаревская поделилась следующими наблюдениями: «Из экспонатов запомнились зубы шерстистого носорога, который когда-то обитал на нашей территории. Для ребятишек, которые живут здесь, на равнинной части, это прекрасная возможность понять, как выглядят пещеры изнутри. Не все же могут поехать в настоящие горы и посмотреть на реальные пещеры. Когда мы везем детей, у них вырываются возгласы восторга, только начинаются даже небольшие сопочки. А потом, когда в пещеру попадают, это для них вообще из области фантастики. И здесь я наблюдала — дети входят в музейную пещеру с открытыми ртами!».

Продолжение темы популяризации археологического наследия Алтая можно проследить на примере проведения международной акции «Европейские дни археологии» и всероссийского проекта «Открытые дни археологии», в котором Алтайский государственный краеведческий музей выступил одной из главных площадок края. 17 и 18 июня 2022 г. в регионе во второй раз состоялось это своеобразное событие к которому присоединились многие музейные институции Алтайского края. Ежегодно в разных странах в третьи выходные июня музеи, научно-исследовательские организации и институты проводят лекции, экскурсии на археологические и исторические памятники, в том числе в онлайн-формате. В России единым центром, объединившим музеи, библиотеки и научные центры в общероссийский формат мероприятий, выступил Институт археологии Российской академии наук (г. Москва). В Алтайском крае координатором акции, объединившим десять организаций из пяти муниципальных образований и подготовившим общую афишу со-

бытий, выступила Автономная некоммерческая организация по развитию культуры и краеведения «Многоликий Алтай».

Участниками «Открытых дней археологии» в Алтайском крае стали восемь организаций из четырех городов региона: Алтайский государственный краеведческий музей, Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая, Музей археологии и этнографии АлтГУ, Алтайская краевая библиотека им. В.Я. Шишкова, Бийский краеведческий музей им. В.В. Бианки, Всероссийский мемориальный музей-заповедник В.М. Шукшина, Славгородский городской краеведческий музей, Картинная галерея им. В.В. Тихонова.

В рамках трех дней в регионе прошли более 30 мероприятий — лекции, интерактивные и игровые программы, мастер-классы, археологический квиз, экскурсии по выставкам и памятникам археологии Барнаула, Бийского и Красногорского районов. Жители края смогли в эти дни в доступном научно-популярном формате узнать об археологических памятниках Алтайского края, методах археологических исследований и прикоснуться к тайнам прошлого. Все мероприятия, состоявшиеся в регионе, стали частью общероссийской программы, представленной на сайте главного научного центра России в области археологии — Института археологии Российской академии наук.

На площадке АГКМ состоялись: интерактивная программа «Юный археолог», где в игровом формате дошкольники смогли познакомиться не только с самой увлекательной наукой археологией, но и провести свои первые «раскопки» и найти древний артефакт (О.Г. Филиппова); экскурсия «Археологическая летопись Алтая» (Е.А. Нарудцева); интерактивная программа «Тюркские изваяния. Наследие древних кочевников» (О.Г. Филиппова); научно-популярная лекция к.и.н. А.Л. Кунгурова «Археологические пещеры Алтая»; археологическая игротка «Первобытный мир» от клуба «Умная игротка»; археологический квиз (О.Г. Филиппова, Д.В. Емельянов) мастер-классы «Ожерелье древнего человека» и мастер-класс по росписи на камнях «Каракольская писаница» (О.В. Южкова); научно-популярная лекция «Курганные некрополи Алтайского края» с участием специалиста Алтайохранкультуры Романа Белоусова.

Завершающими событиями акции стали выездные экскурсии на памятники археологии г. Барнаула и Алтайского края, организованные АНО «Многоликий Алтай» при участии сотрудников АГКМ. Объектами для посещения стали: комплекс поселений Страшный Яр на левом берегу р. Оби, относящийся к староалейской культуре 2-й половины I тыс. до н.э., а также многослойное поселение Боровое-3 вблизи г. Бийска, городище большереченской культуры Королев Лог в Красногорском районе и городище Пикет эпохи поздней бронзы в с. Сростки. Паспорта экскурсоводов были разработаны старшим научным сотрудником музея, к.и.н. А.Л. Кунгуровым.

Участниками акции помимо жителей края стали гости из Кыргызской Республики и Республики Казахстан, а также из Кемеровской области. Об-

щий охват составил около 2000 человек, из которых 600 человек посетители мероприятия в формате офлайн.

Продолжением темы презентации археологического наследия края стал авторский лекторий А.Л. Кунгурова «Мифы об археологии», который проходит в музее на постоянной основе и пользуется неизменной популярностью среди посетителей.

Список источников

Структура-концепция выставки «Тайны каменных сводов». Алтайский государственный краеведческий музей. 2022.

Топографическая опись выставки «Тайны каменных сводов». Алтайский государственный краеведческий музей. 2022.

Информация об авторе / Information about the Author

Ольга Григорьевна Филиппова, Алтайский государственный краеведческий музей, отдел развития музея, заведующий отделом; 656043, Россия, г. Барнаул, ул. Ползунова, 39; кандидат исторических наук; 0000-0001-7859-0942 ogfilippova@yandex.ru

Olga G. Filippova, Altai State Museum of Local Lore, Department of Museum Development, Head of the Department; 656043, Russia, Barnaul, Polzunova str., 39; Candidate of Historical Sciences; ogfilippova@yandex.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 069.1(571.150)

DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.54

РЕКРЕАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТНЫХ МУЗЕЕВ г. БАРНАУЛА

Дарина Евгеньевна Шорина, Анна Сергеевна Мантурова
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Рассмотрены актуальные формы деятельности частных музеев г. Барнаула рекреационно-образовательной направленности. Определен численный состав частных музеев на современном этапе, динамика и место данных музеев в культурном пространстве города. Выявлены целевые возрастные группы, а также факторы, влияющие на выбор и апробацию форм взаимодействия частных музеев с посетителями. Проанализированы технологии, используемые барнаульскими частными музеями в работе с детьми. Приведены примеры форм взаимодействия данных музеев с аудиторией, имеющих полифункциональный, комплексный характер и влияющих на рекреационную и информационно-познавательную составляющую коммуникации. Определены тенденции развития и проблемы деятельности частных музеев г. Барнаула в организации отдыха и образования посетителей в музейном пространстве на современном этапе.

Ключевые слова: музейные учреждения Алтайского края, частные музеи Барнаула, музейная коммуникация, рекреационные практики, формы культурно-образовательной деятельности музеев, музейная аудитория

Для цитирования: Шорина Д.Е., Мантурова А.С. Рекреационно-образовательный потенциал деятельности частных музеев г. Барнаула // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 356–361. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.54

RECREATIONAL AND EDUCATIONAL POTENTIAL IN OPERATION OF PRIVATE MUSEUMS OF BARNAUL

Darina E. Shorina, Anna S. Manturova
Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The paper considers current forms of recreational and educational activities of private museums operating in Barnaul (Altai Krai, Russia). A total number of local private museums is given, dynamics of their development is described and a role played by them in urban social and cultural space at the present day is characterized. Urban population's target age groups covered by museum work are named. The paper points out on factors affecting the choice and testing forms of contact with visitors applied by Barnaul private museums. Technologies used by such institutions in working with children are analyzed. The authors give examples of multifunctional and complex forms of interaction with museum audience that have influence on recreational, information and educational component of museum communication. Also, trends and problems of development of Barnaul private museums in leisure and recreation organization sector these days are defined.

Keywords: museum institutions of Altai Krai, private museums of Barnaul, museum communication, recreational practices, forms of cultural and educational activities of museums, museum visitors

For citation: Shorina D.E., Manturova A.S. Recreational and Educational Potential in Operation of Private Museums of Barnaul // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2023. Vol. XXIX. Pp. 356–361. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.54

В современном социокультурном пространстве музеи осуществляют как традиционные для них функции (документирование, хранение и исследования), так и функции, связанные с развитием рекреации (Словарь актуальных музейных терминов, 2009, с. 61). Перспективной экспериментальной площадкой для создания, реализации методик и форм рекреационной деятельности, при которых образование осуществляется через развлечение и отдых, становятся частные музеи. В частных музеях России, численность которых на 2021–2022 гг. составила более 1000, посетитель оказывается центром экспозиции и коммуникации в целом; это своеобразные «терапевтические места», где опыт и традиции транслируются как через уникальные артефакты, так и типовые, «привычные» предметы, «личную историю» (Частные музеи России..., 2022, с. 12).

К 2020–2021 гг. по данным, опубликованным в АИС «Статистика» и в докладах Министерства культуры Алтайского края, на территории края официально зарегистрированы 90 музеев. Из общего числа музеев выделяются 72 сетевые единицы — пять государственных музеев с четырьмя филиалами, 11 городских муниципальных и районных музеев, 52 музейных отдела в составе других учреждений культуры; также в крае насчитывается 15 ве-

домственных музеев¹. В данный реестр включено только три частных музея: музей «Горная аптека», музей «Мир времени», ООО «Музей «Мир камня»². Отметим, что в настоящее время (на начало 2023 г.) на территории г. Барнаула созданы и работают восемь частных музеев: «Горная аптека», «Мир времени», «Мир камня», «Клуб коллекционеров», Музей автоугона имени Дульцева — Деточкина, Музей шоколадного мастерства, Музей лыж, Музей открытки. Все они имеют экспозиционно-выставочные площадки, музейными сотрудниками организуются тематические мероприятия, проводятся культурно-образовательные программы для жителей города и края, а также экскурсии для туристских групп (Карпова, 2021)³.

Среди форм работы с аудиторией в частных музеях, имеющих синтетический и комплексный характер, направленных на рекреацию и образование, можно выделить мастер-классы. В музее «Горная аптека» со времени его создания, с 2012 г., проводятся занятия в формате мастер-классов, состоящие из ознакомительной части (рассказ об истории медицины и аптечного дела) и интерактивной части (стимулирование самостоятельной деятельности участников). Например, на мастер-классе по приготовлению лекарственных форм участникам предоставляется возможность не только приготовить отвары, но и узнать от специалистов-фармацевтов о влиянии различных растений на организм человека. Сегодня музеем организуются для разных категорий посетителей мастер-классы по изготовлению лекарственных настоев («Пилюля счастья»), декоративного мыла («Тайны аптечного мыловарения»), свечей из воска⁴.

В г. Барнауле в Музее открытки, созданном в 2022 г., организуются мастер-классы, различные по тематике и ориентированные прежде всего на детскую аудиторию (Катренко, 2022, с. 24). Серия мастер-классов для детей «Семейный альбом» представляет собой цикл занятий по преобразованию черно-белых фотографий в цветные, по монтажу видео из полученных фотографий с озвучиванием, а также по работе с нейросетями. В начале 2023 г. в этом музее организован мастер-класс по изготовлению сувениров и миниатюрных предметов из шерсти для детей, занимающихся в школе тележурналистики⁵.

В музее шоколадного мастерства, открытого в октябре 2019 г. и расположенного в историческом здании г. Барнаула, на улице Пушкина, не только экс-

¹ Основные показатели работы отрасли [культуры]. Статистические данные по видам учреждений культуры, искусства и образования [за 2021 г.]. Музеи // АИС «Статистика» Глав. инф.-вычисл. центра Мин-ва культуры России. 2022. URL: <https://stat.mkrf.ru/upload/iblock/35f/35ff2645d5696bbf97aceac338d32f85.zip>; Сводный доклад заместителя министра культуры Бочарова А.Ю. «Об итогах работы сети краевых и муниципальных учреждений культуры и искусства в 2021 году и основных направлениях деятельности на 2022 год» // Мин-во культуры Алтайского края. 2022. URL: http://www.culture22.ru/upload/iblock/052/auzd2dsnlr1aw1231d0ah1gf96twc3u/Doklad_Bocharov_202213.pdf

² Реестр музеев Алтайского края [Электронный ресурс] // Мин-во культуры Алтайского края: официальный сайт. URL: <http://www.culture22.ru/institutions/museums/museum/>

³ Музей «Мир времени» 2020–2023. URL: https://vk.com/mirvremeni_brn

⁴ ООО «Туристический центр „Горная Аптека“». URL: <https://gornaya-apteka.ru/#museum>

⁵ Музей открытки. URL: <https://vk.com/id754774316>

понируются шоколадные шедевры, но и организуются развлекательные и познавательные мастер-классы. Пространство музея состоит из двух частей: первая часть — выставка шоколадного искусства «от СССР до современной России», вторая часть — цех по производству изделий из шоколада. Во время проведения мастер-классов школьники могут познакомиться с особенностями профессии шоколатье и самостоятельно создать собственное изделие из шоколада¹.

Одна из форм, способствующая рекреационно-образовательному воздействию на посетителей, — это вечер. Из многочисленных вариантов тематических вечеров, организованных в частных музеях города, следует выделить опыт проведения таких мероприятий в музее «Горная аптека». Здесь постоянно проходят музыкальные, поэтические, кинематографические вечера для взрослой аудитории. Музыкальные вечера отличаются жанровым своеобразием, разнообразным составом исполнителей: например вечера бардовской песни, граммофонной музыки XIX–XX вв., вечера классической музыки совместно с музыкантами, вокалистами Государственной филармонии Алтайского края и актерами Алтайского краевого театра драмы им. В.М. Шукшина².

В частных музеях города организуются познавательные интерактивные лекции, образовательные площадки для детей, в том числе с целью организации свободного времени и отдыха. В музее «Горная аптека» создана экспериментальная общеобразовательная площадка «Школа Горной аптеки» для детей дошкольного и школьного возраста³. В музее «Мир камня» с 2014 г. регулярно проводятся познавательные лекции, на которых слушатели имеют возможность пополнить свои знания о происхождении и свойствах минералов. Эти лекции организует С.И. Бергер, основатель музея, а с 2016 г. в музее выступают приглашенные лекторы — специалисты в области минералогии, геологии и краеведения⁴.

Частные музеи города становятся тем пространством, где формируется и развивается традиция проведения праздников. В музее «Горная аптека» активно проводятся мероприятия для семейной аудитории, например праздник «День семьи, любви и верности». В этот день на площадке музея собираются семьи, чтобы принять участие в специальной программе⁵.

Для детской аудитории в частных музеях подготовлены разнообразные по содержанию и тематике праздники. В музее «Мир камня» по заявке можно заказать проведение детского праздника — «День рождения в музее» (Клуб

¹ Съедобный мир. Как в Барнауле работает музей шоколадного мастерства, экспонаты которого можно (но не нужно) кусать // Altapress.ru. 2021. 11 нояб. URL: https://altapress.ru/potrebitel/story/sjedobnyy-mir-kak-v-barnaule-rabotaet-muzey-shokoladnogo-masterstva-eksponati-kotorogo-mozhno-no-ne-nuzhno-kusat-296230?new_pda=1

² ООО «Туристический центр „Горная Аптека“». URL: <https://gornaya-apteka.ru/#museum>

³ Там же.

⁴ Клуб любителей камня (при музее «Мир камня» г. Барнаула). URL: <https://stonemir.ru/services/klub-lyubiteley-kamnya/>

⁵ ООО «Туристический центр „Горная Аптека“». URL: <https://gornaya-apteka.ru/#museum>

любителей камня, 2023). В музее шоколадного мастерства в декабре 2022 г. прошел утренник для детей, в том числе из многодетных семей. Гостям, переодетым в фартук и колпак кулинаров, сотрудники музея предлагали раскрасить шоколадные медальоны золотой краской. Утренник также включал игры, музыкальную викторину и вручение подарков от городской администрации и городской Думы (Масалова, 2022, с. 1).

Следует отметить, что во взаимодействии частных музеев с посетителями театрализованные представления становятся отдельной формой коммуникации. В музее «Горная аптека» организуются такие представления, как «театр теней» (постановка о легендах Барнаула, посвященная 270-летию горной аптеки), «подвал «Горной аптеки» (путешествие, сопровождающееся городскими легендами, загадками и магическими опытами)¹.

Рекреационная, культурно-образовательная работа частных музеев не обходится и без ежегодного проведения мероприятий, приуроченных к государственным праздникам, а также к Международной акции «Ночь музеев». Ежегодно 23 февраля и 9 мая музей автоугона им. Руслана Дульцева — Деточкина открывает «Полевую кухню», где жители и гости города могут отведать продукт, выращенный на Алтае, — гречневую кашу, приготовленную по особому рецепту (Музей автоугона имени Дульцева-Деточкина, 2022, с. 15). Музей истории лыж, созданный в Барнауле в 2021 г., работает с посетителями в дни спортивных праздников, лыжных соревнований, например во время эстафеты на призы «Алтайской правды», Всероссийской гонки «Лыжня России» (Махначев, 2023, с. 24)².

Рекреационно-образовательная функция реализуется также посредством разработки и внедрения в частных музеях обучающих игр. Так, на сайте музея «Мир камня» для посетителей представлены наборы для игр, имеющих познавательный, развлекательный и дидактический характер — ИграTerra³. Наборы игр классифицируются по тематике, назначению, возрастным группам. Например, разработаны научно-познавательные игры на изучение свойств минералов «Прояви твердость!», «Каменная радуга». Подобные игры способствуют расширению кругозора и эрудиции у детей, позволяя более подробно освоить знания в области геологии и минералогии.

Все вышеперечисленные формы работы частных музеев с посетителями, в частности с детской аудиторией, способствуют развитию как рекреа-

¹ ООО «Туристический центр „Горная Аптека“». URL: <https://gornaya-apteka.ru/#museum>

² В Барнауле прошел лыжный ретрозабег: участники должны были надеть старые спортивные костюмы в духе ретро и пройти четыре километра // «Катунь24.ру». 2022. 23 янв. URL: <https://katun24.ru/news/674198>; Михова Е. Ретро-лыжня перекочевала вместе с Музеем лыж в Барнаул. «Деревянную» гонку с лотереей устраивают в «Славном» месте // «Визиталтай», туристический портал Алтайского края. 2022. 18 янв. URL: <https://visitaltai.info/news/retro-lyzhnya-perekochevala-vmeste-s-muzeem-lyzh-v-barnaul-derevyannuyu-gonku-s-lotereey-ustraiayut>

³ ИграTerra (магазин при музее «Мир камня» г. Барнаула). URL: <https://stonemir.ru/services/igraterra/>

ционной, так и образовательной функции. Свобода выбора и варьирование форм, методов культурно-образовательной деятельности позволяет частным музеям интенсифицировать впечатления посетителей от взаимодействия с артефактами и музейными экспозициями, выстраивать инвариантные каналы коммуникации и сокращать дистанцию между музеем и посетителем. Тем не менее деятельность барнаульских частных музеев в направлении рекреации и образования имеет несистемный характер, ориентирована на запросы посетителей и меняется под них. Эти тенденции не позволяют частным музеям формировать свою рекреационно-образовательную траекторию, сегментировать аудиторию и поддерживать с целевыми группами постоянную коммуникацию. В этом ракурсе перспективна разработка частными музеями оригинальных подходов к реализации форм культурно-образовательной деятельности, имеющих долгосрочный и циклический характер, а также мониторинг количества и возрастного состава посетителей и выявление «точек» активности аудитории.

Список источников

- Карпова Л.В. Барнауле появился новый частный музей «Клуб коллекционеров» // «Алтайская правда». 2021. 15 июня.
- Катренко Н. Мир в формате «10 на 15»: музей открытки окунет барнаульцев во вселенную детства // Вечерний Барнаул. 2022. 9 дек. С. 24.
- Масалова Е. Сладкий праздник // Вечерний Барнаул. 2022. 24 дек. С. 1.
- Махначев Я. Лыжи у стенки стоят // Вечерний Барнаул. 2023. 10 февр. С. 24.
- Словарь актуальных музейных терминов // Музей. 2009. №5. С. 47–68.
- Частные музеи России. Хранители памяти и пространства / ред. М. Нефедова. М., 2022. 616 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Дарина Евгеньевна Шорина, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, доцент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; кандидат культурологии; shorinadarina@mail.ru

Darina E. Shorina, Altai State University, Chair of Archaeology, Ethnography and Museology, Associate Professor; 656049, Russia, Barnaul, Lenin ave., 61; Ph. D. in Cultural Studies; shorinadarina@mail.ru

Анна Сергеевна Мантурова, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, магистрант; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; ana.manturova@yandex.ru

Anna S. Manturova, Altai State University, Chair of Archaeology, Ethnography and Museology, Postgraduate Student; 656049, Russia, Barnaul, Lenin ave., 61; ana.manturova@yandex.ru

*Статья принята к публикации 03.04.2023.
The article approved after reviewing 03.04.2023.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГКМ — Алтайский государственный краеведческий музей
АлтГУ (АГУ) — Алтайский государственный университет
АлтГПУ — Алтайский государственный педагогический университет
АН — Академия наук
АНО — Автономное некоммерческое объединение
БКМ — Бийский краеведческий музей
БУ — Бюджетное учреждение
Врио — Временно исполняющий обязанности
ГААК — Государственный архив Алтайского края
ГААО — Государственный архив Алмадинской области
ГАКК — Государственный архив Красноярского края
ГАОО — Государственный архив Оренбургской области
ГАСО — Государственный архив Свердловской области
ГАТО — Государственный архив Томской области
ГНЦ — Гуманитарный научный центр
Д. — Дело
ДО — Дореволюционный отдел
ИА — Институт археологии
ИАЭТ — Институт археологии и этнографии
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИКМ — Историко-краеведческий музей
ИНИОН — Институт научной информации по общественным наукам
Каз. ССР — Казахская Советская Социалистическая Республика
ККМ — Кольванский краеведческий музей
КП — Книга поступлений
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ККАЭЭ — Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
КузГТУ — Кузбасский государственный технический университет
Л. — Лист
ЛО — Ленинградское отделение
МАЭ — Музей археологии и этнографии
МБУ — Муниципальное бюджетное учреждение
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НАН — Национальная академия наук
НГКМ — Новосибирский государственный краеведческий музей
НИИ — Научно-исследовательский институт
НСО — Новосибирская область
ОмГУ — Омский государственный университет

ООО — Общество с ограниченной ответственностью
Оп. — Опись
ОФ — Основной фонд
ПТКЛА — Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии
РАН — Российская академия наук
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГИА — Российский государственный исторический архив
РГО — Русское географическое общество
РК — Районный комитет
РК — Республика Казахстан
РНФ — Российский научный фонд
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ — Российская Федерация
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СМИ — Средства массовой информации
СО — Сибирское отделение
СОШ — средняя образовательная школа
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
США — Соединенные штаты Америки
Ф. — Фонд
ЦГМ — Центральный государственный музей
ЦК — Центральный Комитет

Научное издание

**СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ**

**Сборник научных статей
Выпуск XXIX**

Редактор: Н.Ю. Ляшко
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова
Редактор англоязычных аннотаций: Е.А. Россинская
Дизайн-обложки: О.В. Майер

*Для оформления обложки использован фотоснимок А.А. Тишкина,
на котором изображен фасад здания
Алтайского государственного краеведческого музея*

Подписано в печать 17.04.2023. Выход в свет 24.04.2023.
Бумага офсетная. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 21,16. Тираж 100 экз. Заказ №263.

Издательство Алтайского государственного университета:
Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66